НЁМАН

10/2015
ОКТЯБРЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

Учредители: Министерство информации Республики Беларусь;
общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звязда»

Заместитель директора – главный редактор
Алексей Иванович ЧЕРОТА

Адрес редакции

Юридический адрес: 220013, Минск, ул. Б. Хмельницкого, 10а.
e-mail: info@zvyazda.minsk.by

Почтовый адрес: 220034, Минск, ул. Захарова, 19.
Тел.: главного редактора — 284-85-25, заместителя главного редактора — 284-79-85;
отделов прозы, поэзии, публицистики, критики, зарубежной литературы — 284-80-91.
e-mail: neman-lim@mail.ru

Подписные индексы:

74968 — индивидуальный; 00235 — индивидуальный льготный для учителей;
749682 — ведомственный; 00728 — ведомственный льготный.

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации
№ 11 от 10.12.2012, выданное Министерством информации Республики Беларусь

Издатель
Редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звязда»

Директор – главный редактор
Александр Николаевич КАРЛЮКЕВИЧ

Технический редактор, компьютерная верстка: *С. И. Таргонская*
Компьютерный набор: *Е. Г. Кахновская*
Стильредактор: *Н. А. Пархимович*

Подписано в печать 14.10.2015. Формат 70 ×108 $^1/_{16}$. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,60. Уч.-изд. л. 19,55. Тираж 1969. Заказ .

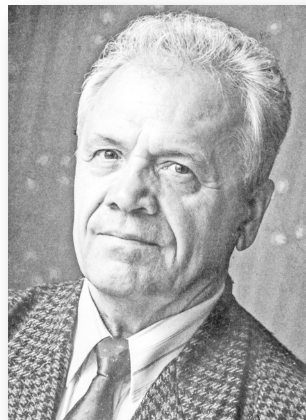
Цена номера в розницу 23 500 руб.

Республиканское унитарное предприятие «СтройМедиаПроект». ЛП 02330/71 от 23.01.2014,
ул. В. Хоружей, 13/61, 220123, Минск.

К сведению авторов

Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция только сообщает автору свое решение.
Материалы, отправленные только по электронной почте, редакция не рассматривает.
Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.

ВЛАДИМИР ЛИПСКИЙ

Нарочанская чайка[*]

Театральная повесть о Марии Захаревич, народной артистке Беларуси

Картина первая

Под мелодию осени

Стоял звонкий ноябрь.

Опадала с деревьев радужная листва. Поневоле, как на парашютиках, она, подкрашенная осенью, качалась в воздухе. Оторвавшись от ветвей, почувствовав свободу и простор, листья весело летали под серыми облаками, воображая себя птицами. Они имели основание гордиться, так как их полетом и нарядом тешились все люди, старые и малые, влюбленные и те, кто давно не смотрел в небо.

Стояли уже морозные дни. Земля готовилась встретить снежную зиму, покрылась колючей коркой. И листья, наигравшись в холодном воздухе, заледеневшие, со звоном опускались вниз. Повсюду звучал возвышенный гимн осени.

Под эту природную мелодию влетела в дом Захаревичей светлая новость: родилась дочь, доня-донечка! Отцу ребенка Юрке (Георгию) было уже тридцать восемь лет, матери Ганэте (Анне) — тридцать шесть. Девочка была их первенцем. И, как оказалось, единственной наследницей.

Произошло это в деревне Новоселки.

От старых людей слышал несколько иное наименование этого селения — Ниваселки. Как правильно деревня называлась в старину, трудно установить. Но имя у нее ясное: на этом месте когда-то обосновались свежие жильцы — новоселы, около щедрой нивы селились — нивасельцы. Вокруг Новоселок и сейчас неповторимый пейзаж: опушки, поля и нивы, цветистые луга, пастбища. Немного поодаль — зеркальное озеро Мястра, а за ним — сама Нарочь.

Переселение людей на нынешнее место деревни Новоселки, утверждал известный археолог, уроженец Мядельского района Михась Чернявский, могло произойти в 1560-е годы, когда проводилась земельная реформа и сселялись мелкие поселения в более крупные. Поверим ученому и порадуемся, что корни новоселковцев в седой старине. А значит, и род Захаревичей древний и живучий!

Это подтверждает и документ инвентаризации двора Мядельского от 3 августа 1545 года. В нем сказано, что на службе двора находится Ничипор Захарыч (может, это фамилия со временем стала звучать, как сегодняшняя Захаревич), сын его Хома, брат Конон с сыном Денисом. У них были волы, лошадь, земли на 15 бочек, сенокоса на 2 повозки. Они давали дани пуд меда.

Современные Новоселки слились с Мяделем. А в то время, когда у Захаревичей родилась дочь, деревня входила в Ошмянский уезд Виленского

---

[*] Журнальный вариант.

воеводства и находилась под Польшей. Новоселки, как и вся Западная Беларусь, были «кресами всходними», восточной окраиной. Воеводила здесь пани Яблонская. К этому озерному краю тянули свои руки магнаты Радзивиллы, богачи Францкевичи, Райские, Грабковские, Кошчицы. Документы истории свидетельствуют, что даже сам Лев Сапега, канцлер Великого Княжества Литовского, в 1590-е годы занимал должность мядельского старосты.

Догорал двадцать первый ноябрьский день 1936 года. Была суббота, Михайлов день. Окрестности окутались толстым мглистым туманом, словно соединившим землю и небо в одно целое.

Белорусы, которые жили в «вольной» стороне и были в плену тогдашней политики, изучали приветствие «родному отцу, мудрому вождю, учителю трудящихся всего мира, дорогому и любимому Иосифу Виссарионовичу», единогласно принятое на XII чрезвычайном съезде Советов БССР.

Беларусь рапортовала Сталину: в колхозах уже 87 % сельских хозяйств, стадо рогатого скота за последние годы увеличилось на 40 %, а поголовье свиней удвоилось, осушено 700 тысяч гектаров болот, «наши границы закованы в сталь и бетон, а красивые и здоровые дети поют славу вам, любимый наш вождь...»

Минчане в тот день смотрели кинофильмы «Счастливая жизнь», «Девушка спешит на свидание», «Однажды летом». В театре оперы и балета слушали «Евгения Онегина», в еврейском театре смотрели спектакль «Люди в белых халатах».

А в деревне Новоселки, которая была в то время под Польшей, в Западной Беларуси, под шум нарочанских волн, в старом доме Захаревичей горела керосинка, топилась печь. Большая, мозолистая семья молилась за здоровье девочки, которая небесной звездой пожаловала в семью Георгия и Анны. Невольно все думали об одном: кем она вырастет, оправдает ли надежду Бога и родителей?

Картина вторая

Отец

Извечно спорят остряки: что первично — яйцо или курица? Мой мудрый земляк-автюк, кажется, разгадал эту тайну. Он плюнул на бычок самокрутки, бросил его под сапог, растер и выдал:

— Первым был петух!

Юрка Захаревич первым проложил дорогу к дому Хвальков. Хотя их усадьбы и были в одной деревне Новоселки, и жили они на одной улице, через несколько огородов, но тот короткий путь Николаев сын протаптывал долго. Присматривался и оценивал Хвалькову Ганэту, а все не получалось жениться. То братья заводили семьи, то сестры выходили замуж. А отцу-бедняку чеши голову: что дать в приданое, где поставить новую кровать в тесной избе?

Да и Ганэта из семьи немаленькой — пятеро детей. Отец Иван кучером работал у пана. То в дороге с хозяином, то в корчме.

Раньше ведь без согласия родителей дети под венец не шли. Хотя и встречались, хотя и сохли друг по другу, но ждали, пока родители договорятся между собой, придут к согласию. Так вот и затянулась свадьба у Юрки Захаревича и Ганэты Хвалько.

Молодые венчались в Микасецкой церкви, неподалеку от Новоселок. Перед иконой Божией Матери поклялись быть верными. Этот завет они

честно исполнили. Пообещали славно продолжить род Захаревичей-Хвалько. И это осуществили. Через год у них родилась дочь.

Отец хотел, чтобы называли Марией, Машей. Его довод был прост:

— Венчались перед иконой святой Богородицы Марии. Пусть же и наша земная доченька будет Марией... Да и крестная мать — Мария...

Георгий был очень обрадован рождением дочери. И пеленки стирал, сушил, и колыбельные пел, и колыбель сам смастерил. А когда задумал отделиться от отца, поехал на заработки аж в Эстонию. Оттуда присылал письма, полные нежности и любви. Одно из них сохранилось в семейном архиве. Прочитаем его в оригинале:

1939 г. 12 Августа. Estonіа. Письмо от мужа вашего Г. З. Здраствуйте многоуважаемая дорогая жена и доченька Маруска. Посылаю я вам свое нижающее почтение и с любовию ниский поклон. Желаю я вам всего хорошего от Господа Бога, доброго здравия в делах рук ваших. Спешу уведомить, что я жив и здоров. Затем досвидание, почтения Гаврило, Володю, Ивану, почтение вашим и нашим, а также всем родным и знакомым.

Георгий Захаревич был мужчина заметный, рослый и красивый. По характеру — спокойный, вдумчивый, немногословный. Бывало, приболеет — полежать бы, отдохнуть, погреться на печи, — а бригадир придет, стучит в окно:

— Юрка, надо... Некому...

Юрка и начнет собираться на работу. Перед этим произнесет только свою поговорку:

— Та-ак... Кали гэдак...

Он часто повторял эти слова. Они были для него, как для солдата рапорт «Есть!». Может, и неохота что делать, может, и не соглашается с чем, но послушание и порядочность, воспитанные в семье, были превыше всего. Никто — ни семья, ни соседи не слышали, чтобы Юрка (так все в деревне добродушно звали его) когда-нибудь повысил на кого голос, чтобы из уст его вылетели матерные слова.

— Та-ак... Кали гэдак... — и думай-гадай, что он имел в виду.

Одевался просто. Запомнился новоселковцам в самодельном рыжем полушубке до колен, в черной рубашке с двумя пуговицами под горлом. А на губах едва уловимая улыбка доброты. Голос имел тихий, спокойный, но уверенный. Интеллигентность у него была природная, генная, а мудрость — от земли-матушки.

Земле он служил всю жизнь. На земле работал, когда батрачил на помещика, когда свои сотки получил, когда в Новоселках был создан колхоз «Валерий Чкалов» (после его почему-то переименовали в «Маршала Буденного», затем в «Ленинский путь»). Сохранился дневник колхозника Захаревича Георгия Николаевича. В разлинеенной тетради он изо дня в день записывал, что делал, чтобы поднять колхозное сельское хозяйство. Ровным почерком выводил: «Возил навоз... Ездил в лес по дрова... Возил торф... Возил лошадей на уколы... Пахал под овес... Пахал под лен... Развозил навоз под картошку... Бороновал картофель... Косил, 41 сотка... Возил сено и клал стог... Ставил бабки ржи... Возил силос в бурт... Копал торф... Разгружал дрова... Обучал лошадь...»

Для меня эти короткие записи — как стихотворные строки. Поэзия крестьянского труда звучит в них. Мой отец когда-то тоже вел подобный дневник. И я хорошо знаю, сколько пота, мозолей, терпения за теми скромными записями.

— Та-ак... Кали гэдак... — и шел Юрка выполнять любое задание бригадира. Какой же был сильный, умелый, терпеливый мужик!

После войны Георгий Николаевич построил дом. Сам, своими руками. Один дом сгорел в войну, сожгли каратели. Второй, как памятник ему, стоит и сейчас в Новоселках.

До конца дней своих был верным жене Ганэте, любил безмерно дочь, которой дал имя Мария, Маруся...

Он, Юрка, Георгий Захаревич, сделал когда-то первый, отчаянный шаг к дому Хвалько. Создал семью. И с гордостью пронес по жизни звания Мужа и Отца.

Картина третья

Мама-мамочка

У Марии Захаревич есть один очень дорогой ей снимок. На стуле стоит девочка. Вся в беленьком: и панамка, и платьице с короткими рукавами, и носки, и цветы-ромашки в руках — все белым-бело. И личико у нее — светлое, ясное, носик, губки изысканной красоты. А глаза! Господи, да это же два чистейших озерца! За ней — филенчатые двери в дом из бревен. Девочка-крестьяночка смотрит не в чудо-аппарат, который ее фотографирует, а куда-то мимо него, в загадочную даль.

Трогает и запись на обратной стороне снимка: «Я — в «молодости». Мне — четыре года. Мама копала торф четыре дня, чтобы осталась эта память».

Мне захотелось поцеловать те натруженные, узловатые мамины руки. Четыре дня копала, выбирала из болота торф, чтобы заработать копейку, чтобы оставить в памяти детский образ своей дочери.

За что любил Юрка Захаревич односельчанку Ганэту Хвалько?

Да прежде всего вот за такое ее трудолюбие, хозяйственность, верность своему слову, роду. Наравне с мужем брала на себя ношу жизни.

Однажды Ганэта нажала ношку травы, принесла во двор. Юрка, ее муж, едва сдвинул с места ту кладь. Удивился: «Кто же тебе подсобил вскинуть на плечи?» А Ганэта засмеялась: «Бог помог».

Встречала трудности, невзгоды, нужду с терпением, смирением, как свою предначертанную судьбу. Не исчезала на лице добрая улыбка.

Зимой ставила ткацкий станок в доме. И ткала такое полотно, о котором знала вся Мядельщина. Ее даже приглашали ткать в другие деревни. Покрывала, скатерти, полотенца ее ткачества и теперь, как реликвия, есть, наверное, в некоторых домах окрестных деревень.

Ганэта училась когда-то два года в церковно-приходской школе. Умела писать, читать. Помнила наизусть стихи Пушкина. Любила юмор. С наслаждением вчитывалась в слова Библии, знала молитвы. Брала с собой в церковь дочь Маруську, вместе читали «Верую», «Отче наш», прославляли святых, молились за грешников.

Теперь Мария Георгиевна сочиняет свои молитвы. Вот одна из них:

Мама! Мамочка!
Моя покровительница, защитница, наилучшая целительница.
Все обиды и боли исчезали,
когда ты своей шероховатой, натруженной рукой
гладила головку, вытирала мне слезы.
Ты подарила, Мама, мне детство.

Я живу с этим счастьем и верю:
детство — это самые яркие звезды,
самое нежное солнце,
самый теплый дождь,
самые душистые травы,
самые голосистые птицы,
самые сладкие сны,
самые правдивые слова,
самые удивительные сказки.
Самые добрые глаза — твои, Мамочка.
Самый надежный приют — твои колени.
Самый надежный поводырь — подол твоей юбки.
Пусть же милостивый Отец наш небесный
вознаградит тебя, Мамочка,
за твою преданность, верность, доброту,
которую ты имела ко мне.
Пусть будет тебе вечный покой
В небесном Царстве. Аминь.

Это о таких мамах, как Ганэта Захаревич, дошла к нам древняя притча о юноше, который по приказу алчной любовницы понес ей в жертву материнское сердце. Он бежал с ним в руках, споткнулся, сильно ушиб ногу о камень и застонал. Вдруг отозвалась материнское сердце: «Ой, тебе больно, сынок, иди осторожнее».

Любящее сердце имела и Ганэта Захаревич. Она никогда не повышала голос на своего мужа Юрку. Она никогда не била и не ругала дочку Марусю. На все ее шалости могла только спокойно заметить:

— Какая ты еще неразумная...

Под Божьим и дочерним присмотром прожила Ганэта, Анета, Анна Ивановна Захаревич 94 года. В последнее время жила в Минске, в квартире дочери Марии. А однажды попросилась в Новоселки. Там, на своей кровати возле печи и попрощалась с земным раем.

Картина четвертая

Исповедь тетки Гунэфы

Городская квартира в Мяделе. Сидит на диване бабушка Гунэфа, исповедуется:

— Мне уже много лет. Аж девяносто два. Уго, сколько!.. Наша деревня Качарги неподалеку отсюда, так и моя девичья фамилия Качарга. У нас там много Качаргов. У меня были три сестры, два брата. Все умерли. Одна я вот живу. Меньшая... Мы же под Польшей были до тридцать девятого года. Земли мало, едоков много. Так рыбу приспособились ловить. И мужики, и бабы, и девушки, и дети таскали сети. Мама моя умерла, когда мне было двенадцать годков. Ох, Господи, когда мать умирает, дети становятся сиротами...

Дочь Гунэфы Аня просит, чтобы мать помолчала, успокоилась, снова поднимется давление. Старая слушается, но молчит не более минуты. Всколыхнулись воспоминания, хочется доверить их свежему человеку. И Гунэфа Ивановна снова начинает говорить. В комнате звучит звонкий, вовсе не старческий голос:

— Детство наше было голодное. Медуницу на лугу собирали, ели. Картофель мерзлый весной искали в пашне. Оладьи из него пекли. Сами ели,

детей кормили. Я и сейчас не могу кусочек хлеба выбросить — грех... А как подросла немного, то объявили набор на заработки. И я поехала в ту Латвию. Работала у одного хозяина. У него полно было земли, скота. Там нас, нарочанцев, много собралось. Среди них был и Андрей Захаревич. Мы с ним познакомились, привыкли друг к другу. Приехали домой да поженились. Мой муж Андрей и Марии Захаревич отец Юрка — родные братья. Мой Андрей крестил Марусю. Вот какая мы с ней родня. Тетка я ей. Единственный, считай, свидетель бывшей жизни...

Гунэфа Ивановна провела платком по пересохшим губам, и мне бросились в глаза ее руки. Толстые, шершавые пальцы, синие, узловатые вены на коже. Сколько же эти руки работали! И доили коров, и сажали-копали картошку, и кормили свиней, и пололи грядки, и стирали белье, и шили одежду детям. Вот кому нужно ставить памятники — людям, которые с достоинством преодолевали все тяготы жизни, перенесли войну, подняли детей на ноги.

— Я два раза ездила в Латвию. В первый раз привезла оттуда добротное пальто. Так мне за него мужики дом срубили в Качаргах. А как поженились с Андреем, так перевезли тот дом в Новоселки и стали жить рядом с Ганэтой и Юркой Захаревичами. Жили, детей растили, пока нас немчура не сожгла. Вот как бывает, приходят чужеземцы и издеваются над людьми как хотят...

Дочь Аня снова хочет успокоить Гунэфу, но та машет рукой, мол, не мешай говорить, и продолжает исповедь:

— Мы с Андреем заимели четверо детей. Сын Миша родился в день Михайлы. Живет здесь неподалеку. Дочь Зина в Минске, адвокат. У Анны вот теперь живу. Она заведующей детского сада была. Оттуда и на пенсию ушла. А мальчик один умер. Как было? Андрея взяли на фронт, когда немцев уже выгнали. Оставил меня с маленьким ребенком. Сижу как-то, кормлю грудью, приходит в дом человек и говорит: «Гунэфа, твой муж погиб...» Боже, я вся обомлела. По груди какой-то ток пробежал. Мальчик отвалился от груди. У него пена из ротика пошла. И не пришел в себя больше... Ладный, хороший мальчик был. Леником звали... А мой Андрей так и не вернулся, ни одного письма не прислал. Замуж больше не выходила, хотя и набивались мужчины. Лучшего за Андрея не встретила...

Гунэфе тяжело даются воспоминания о потере мужа и сына. Хочется чем-то помочь ей, и я прошу сказать что-нибудь о Марии Захаревич, ее родителях. Тетя словно оживает, бодро говорит:

— Родители у нее хорошие были. И мать умная, и отец умный. Не дураки, не пьяницы. И она в них удалась. Нашего воспитания девушка. Все ее любили и любят. Ко мне добрая. Всегда, когда здесь, зайдет, гостинец принесет. Горжусь, что у меня такая племянница. По телевизору видела ее, по радио слышала. Голос ее нравится. Как начнет о чем говорить, ей веришь. Искренняя новоселковка! Песни любит. Как придет когда, просит, чтобы я пела, а потом, слышу, она поет мои песни в спектаклях...

Тетя Гунэфа неожиданно и для меня, и для дочери Ани, а может, и для самой себя громко запела:

Цячэ ручэй, а я мячтаю,
Адна сяджу наедзіне.
Цябе, мой друг, я ажыдаю,
А ты не йдзёш, не йдзёш ка мне...

— Мама, давай более веселую, — предлагает дочь Анна Андреевна. И вот уже мать и дочь вместе поют:

Ці ўсе лугі пакошаны,
Ці ўсе сенажаці?
Пытаецца сын у мацеры:
Ды каторую браці?..

Песенный герой растерялся: брать с коровами или с черными бровями, брать сиротинку или девушку-блондинку?

А мне показалось, включилось радио, и слышит вся Беларусь пение нарочанских женщин, родственниц Марии Захаревич. Так вот из какого народного источника ее неисчерпаемый, самобытный талант!

Картина пятая

Была война...

Для многих белорусов, старых и молодых, война с германскими фашистами еще долго останется болезненным и кровавым рубцом на теле, на сердце, в душе. Она долго будет оставаться тем барометром, по которому измеряются человеческая обида, терпимость и достоинство.

По роду Марии Захаревич война также потопталась.

Отцовские братья Андрей и Александр погибли. Андрей молоденьким сложил голову в Восточной Пруссии, рядом с городом Шгалпунент. Осиротели и жена Гунэфа, и дети. На Александра пришла похоронка: «Погиб геройски, место захоронения неизвестно». Мамин брат Остап погиб перед самым окончанием войны, похоронен где-то в Германии.

— Помню, прибежала в дедов дом, — вспоминает Мария Георгиевна, — а там все рыдают: и дед, и бабушка, и Остапова жена Павлина, и их дети Ирина и Борис. Меня бабушка Фекла прижала к подолу. И я вместе со всеми заплакала... А через некоторое время умерла и тетя Павлина. Таскала ольшаник из леса, чтобы топить печь. Упарилась, взмокла и простудилась. Заболела воспалением легких. Не поправилась. И в нее выстрелила война, осиротила детишек...

Три сына, три отца, три мужа с родословной Захаревичей-Хвалько сложили головы на алтарь Победы. Им — память в братских могилах. А их детям, женам, родне — тревожные сны и вечная печаль.

Детские воспоминания нашей героини начинаются с войны. Ей было пять лет, когда началось огненное лихолетье. С этого времени и осели в памяти отдельные эпизоды.

Послушаем рассказ Марии Георгиевны:

— В нашей деревне, говорили, какой-то человек украл винтовку. Начали деревню обстреливать. Я бежала по тропинке от дедушкиной хаты домой, а пули тенькали. Я думала, это птицы... Было лето, рожь колосилась. Помню, как жгли наши Новоселки. Какие-то люди в черном бегали от дома к дому. Поджигали. Они огромными факелами горели. Казалось, вот-вот загорится небо. Мама бросала подушки в колодец, чтобы не сгорели. А мне дала узелок с платками и велела, чтобы я тащила его к дедовой хате. Бежала. Спотыкалась. Падала. Растеряла кое-какие платки. Люди находили, но не отдали... Половину села каратели сожгли, а потом почему-то остановились... Мы стали жить в доме деда Ивана. Я плакала и причитала, как старушка: «Няма ні таткі, ні хаткі...» Папа мой тогда был в обозе. И мы с мамой сразу осиротели, погорельцами стали. Говорят, всех нас каратели собирались пострелять. Уже

и пулеметы установили. Но кто-то из новоселковцев возил коменданта и уговорил его, чтобы нас не убивали. Так мы остались живы...

А теперь обратимся к документам. Деревню Новоселки каратели жгли в июле 1944 года. Сгорело 38 домов, погибло 16 человек. Всего на тот момент в деревне было 86 домов и 378 жителей. Фашисты чувствовали свою кончину. Им не давали покоя мужественные мстители из партизанской бригады имени Ворошилова. К Мяделю приближался 850-й стрелковый полк Морозова.

В архиве сохранилось письмо гауптмана Мядельского гарнизона, перехваченное партизанами, которое он посылал в Германию летом 1944 года:

Дорогая мама, дорогая жена! Вы даже не представляете, где мы находимся. Размещаемся в захудалом городке Мядель. Он находится в 30 километрах от железной дороги и, если вы что-то представляете о Сибири, то здесь хуже, чем в Сибири. Несмотря на то, что городок находится в глубоком нашем тылу, здесь не менее опасно, чем на фронте. Здесь очень много бандитов. Недавно наши товарищи из других гарнизонов хотели нам помочь, но им это не удалось. Их встретили бандиты, и во время боя мы понесли большие потери. Местное население может среди бела дня схватить тебя и зарыть в землю...

Враг в предсмертной агонии начал мстить мирным жителям. Ярким пламенем горели дома не только в Новоселках. Беда пришла в 67 деревень Мядельщины. Было сожжено 2346 домов. В пожарищах сгорели, погибли сотни невинных людей. Деревни Нарочанского края даже бомбили немецкие самолеты.

— Помню, как бомбили деревню. Разве забудешь такое! Бомбы попадали в дома. Гибли целые семьи. Мы с мамой побежали спасаться в сторону Поповых гор. Бежали, наступали босыми ногами на горячие осколки. Километрах в двух от деревни остановились, перевели дыхание. Спрятались в кустах. Мама подостлала какую-то попону. На ней мы и провели ночь. А в черном небе ревели чужие самолеты. Мама кашляла, а я закрывала ей рот, чтобы не услышали из самолетов...

У Марии Георгиевны влажнеют глаза. Сдержанно улыбнулась. Сейчас смешно, что вражеские летчики могли услышать в небе мамин кашель. А могли они с мамой тогда навечно остаться в тех кустах на Поповых горах. Спасибо, Господи, что спас для всех нас Марию, Марусю, Машу Захаревич.

— Там, где стоял наш довоенный дом, и по сей день пустырь, — задумчиво говорит Мария Георгиевна. — Все собираюсь посадить на том месте рябинки и цветы. Годы идут, дни летят, а я все собираюсь...

Картина шестая

Плакали перепелки

В романе Ивана Чигринова «Плач перепелки» заголосила даже птица: «Пить-пиль-вить... Пить-пиль-вить...» Первым услышал этот тревожный голос Денис Зазыба, бывший веремейковской председатель колхоза. Сначала он подумал, что это немцы, которые, видимо, уже вошли в Веремейки. Но прислушался и услышал за дворами в овсе перепелиный голос: «Пить-пиль-вить...» Перепелка, не иначе, плакала — то ли гнездо ее кто разрушил, или какая беда заставила оглашать тоской окрестности...

Плакала перепелка.

Не спалось веремейковцам.

Началась война...

Когда Иван Чигринов сделал из своего романа пьесу и принес в Театр имени Янки Купалы, на чтение собралась едва ли не вся труппа. Слушали неспокойно. У каждого шевельнулись свои воспоминания, у каждого защемили свои раны. Все единогласно сказали: «Пьесу надо брать, надо ставить». Взялся оживить ее на сцене режиссер, художественный руководитель театра Валерий Раевский. Роль Ганны Карпиловой поручили готовить Марии Захаревич и Лилии Давидович.

— Когда я начала вчитываться в роман и пьесу Ивана Чигринова, — вспоминает Мария Георгиевна, — когда начала вживаться в образ соломенной вдовы Ганны Карпиловой, то прежде всего узнала в веремейковцах своих новоселковцев. Рядом с нами жила соседка Соня Подголова. Умела делать и делала всю мужскую работу. Одна двоих сыновей поднимала. Красивая. Загорелая. Любила надевать все броское, красное. Пела и задушевные песни, и матерные частушки. Сейчас понимаю, тяжело ей жилось, по ночам, видимо, в подушку плакала, а на людях всегда была веселой, словно беззаботной. Чем не чигриновская Ганна Карпилова?!

Вот она, Ганна (Мария Захаревич), вваливается в дом Сахвеи, которая родила дочь, приносит с собой «приглушенные запахи непросохшей деревенской улицы и свое беззаботное возбуждение».

— Гу-га, сколько молодяжи! — приветствует она словами своей тети Веры обеспокоенных потрясенных девушек, начинает целовать их, те беззлобно отталкивают охмелевшую Ганну, удовлетворенно заливаются смехом, аж ерзают по скамейке, а она подходит к роженице:

— Если бы ты знала, как я рада, Сахвейка, как я рада!.. Ета же теперь и ты со мной сравнялась. И у меня — двое, и у тебя — двое. Так и хорошо! Наконец и я с вами ровня. Теперь и я без мужика, и вы без мужиков. Ах, война, война...

Ганна Карпилова хотела что-то спеть о войне, но слов еще не находила, и она завела ту мелодию, которая близко сидела в душе:

А я п’ян, а я п’ян
— Пайду завалюся,
Да на тую караваць,
Дзе мая Маруся...

Голос у нее от природы был звонкий, но теперь звучал глухо. Она словно не пела, а кричала на весь дом.

Шел второй месяц войны.

В драматической балладе Алексея Дударева «Рядовые» есть небольшая, как бы незаметная роль безымянной женщины. Она появляется только во втором действии, только в одном эпизоде. С ней случилась беда: сгорела деревня, сожгли ее дом враги, погибла ее дочь Галька. И она, обессиленная трагедией, повторяет перед военным одно и то же:

— А деревня наша, солдатик, чистая, веселая... Антанева называется... Над Неманом стоит... О-о, Гальку ты мою не видел! Бывало, из бани придем, она такая распаренная, чистая, свежим молоком пахнет... А волосы у нее!.. В Антаневе ее Водяницей называли. Русалка, значит. Я ее на камень ставлю... У порога у нас камень лежит... Так волосы ниже пят... И как лен мягкие-мягкие... Поставлю и расческой их, расческой... А они аж светятся... Солнце вечернее в волосах... Приезжай, солдатик, к нам...

Когда женщина поела и пошла дальше, рядовой солдат-победитель заплакал, из груди фронтовика вырвалось:

— Не мы вынесли войну, а бабы наши!..

Это хорошо знала и Мария Георгиевна Захаревич. Война обожгла ее босоногое детство. И в образ безымянной женщины она вложила все, чем воздействует актер на зрителя — слова, глаза, руки, душу. «Когда играли мы «Рядовых» в Москве, — признается актриса, — мою Женщину заметил сам Олег Ефремов, знаменитый театральный режиссер, известный актер всего тогдашнего СССР. Подошел, поблагодарил. Высшей награды и не придумаешь!..»

Мария Георгиевна глянула в вечернее окно, за которым шумел проспект Независимости. Задумалась. Лицо ее было напряженно-строгим. Мне показалось, что она в этот момент вспоминала, как бежала от деда, а пули стучали, «пели» вокруг нее, как они с мамой убегали от пожарища по горячим осколкам. А может, привиделся мамин рассказ о том, как фашисты расстреливали в болоте председателя Новоселковского колхоза Георгия Нестеровича и его жену?.. А может, как тетку Полину вели на расстрел?..

Война догоняет нас и жалит душу болезненными воспоминаниями. А когда эта душа на театральной сцене, ее боли хватает на каждого зрителя в зале. И они отвечают ей пониманием, благодарностью.

Такая душа у нарочанки Марии Захаревич.

Картина седьмая

Сердце Беларуси

На волшебной скатерти Нарочанского края — пятьдесят одно озеро. Среди них Нарочь — голубое сердце всей Беларуси. Оно и внешне, и темпераментом соответствует главному органу, дает энергию всему живому организму.

Как и человеческое сердце, Нарочь очень чуткая. Бывает спокойной, ровной — одно наслаждение. И вдруг, совершенно неожиданно, начинает нервничать, бушевать. Озеро чернеет, бегут, стонут штормовые волны с белыми гребнями. Бьют в борта лодок, злобно бросаются на корни сосен. Ну, настоящая стенокардия — лихорадит и озеро, и все вокруг.

Но раздражение Нарочи вскоре проходит, и она становится зеркалом, в которое хочется смотреться, а водную явь видишь на пять метров вглубь. О Нарочи сложено много легенд.

В одной из них девушка Нара, когда ее разлучили с любимым, разбила свое волшебное зеркало. И из него образовалось много озер: Нарочь, Мястро, Баторино, Мядель, Швакшты… Каких только названий не напридумывали люди: Глубля, Глубелька, Ячмянек, Болдук, Большой и Малый Болтик, Млынок, Падшапье, Выдраник...

На природной скатерти Мядельщины «вышиты» не только глаза-озера и сердце-Нарочь. На ней животворящие артерии рек и речушек, грибные пригорки, клюквенные и журавлиные болота, душистые луга, богатые нивы. Здесь и только здесь можно встретить редкую, реликтовую красоту — желтый лесной тюльпан, орхидею венерин башмачок, папоротник многоножку, меч-траву. Среди лозняка и орешника растут дикий гладиолус, сибирский ирис, волшебник двухлистый. Здесь «прописались» и неплохо себя чувствуют представители тундры — морошка и карликовые березки. Здесь гнездят-

ся представители Красной книги Беларуси — гагара, скопа, гоголь, серый журавль, черный аист...

Мядельщина — родина известных людей. Здесь корни Винсента Головни, участника восстания 1830—31 гг. в Польше, Литве и Беларуси. Здесь воспитывался епископ Ян Цивинский, соратник Калиновского Густав Чехович. Отсюда вышел известный белорусский фольклорист, этнограф, краевед, педагог Ромуальд Зенькевич. Здесь крепли крылья у Адама Гуриновича, поэта, родоначальника белорусской литературы... Всех не перечислить.

А сколько знаменитых современников!

Упомянем народного поэта Беларуси Максима Танка, известного художника Василя Шаранговича, выдающегося хорового дирижера, народного артиста Беларуси Виктора Ровду, государственного деятеля Георгия Таразевича, первую исполнительницу роли Павлинки в одноименной комедии Янки Купалы Павлину Меделку, солиста Театра оперы и балета Владимира Кавруса, археологов Ярослава Зверюгу, Михаила Чернявского, писателей Иосифа Скурко, Адольфа Вороновича, Марьяна Дуксу, Евгения Шабана, Геннадия Шупенько.

В нарочанском созвездии личностей зажглась особенная звезда таланта и Марии Георгиевны Захаревич. Природа Мядельщины, ее люди, корни предков — и есть тот чистый, струящийся источник, который вдохновил и вдохновляет народную артистку Беларуси.

Картина восьмая

Чайка

Однажды Мария Георгиевна произнесла исповедальные слова:

— Моя жизнь в чем-то похожа на чеховскую Чайку...

Более ста лет живет на сценах мира пьеса «Чайка» русского писателя. А ее главную героиню Нину Заречную все знают как чеховскую Чайку. По ней измеряет свою жизнь и чувства каждое поколение артисток. Известно, что первой постановкой пьесы в Александринском театре Антон Павлович Чехов был недоволен. Он неустанно объяснял актерам: «Главное, голубчики, не надо театральности... Просто все надо... Совсем просто... Они все простые, заурядные люди...» «Заурядной», обычной девушкой входила в жизнь и Мария Захаревич.

После войны Захаревичи остались голые, босые, голодные, без своего жилья. Сперва их приютил дед Иван. Но в его доме было полно народу, не повернуться, хоть ты стоя спи. И тогда Юрку, Ганэту и малую Маруську пригласили к себе соседи Зося и Сергей Скурко. Выделили для них крохотную, узенькую комнатку-уголок. Но есть-то было нечего — ни муки пылинки, ни соли дробинки.

И пошли Ганэта с Марилей попрошайничать по деревням, которые не сгорели. Люди, бедные и голодные, делились последним. У Марии Георгиевны сохранилась запись маминых воспоминаний. Их больно читать, словно ступаешь на горячие осколки.

В Гарыдовшичине дали овса пол-лубки. Баба одна гороха красного насыпала. Кто крупы дал, кто муки. Под Поставами курочками угостили, лепешками из толченой картошки. Хозяйка полезла в шкаф, отрезала полотна на подстилку...

Мамин ватник — самый модный наряд послевоенной девочки Маруси Захаревич. В нем и отправили дочурку в школу. Позже тетя Наташа свое пальто перешила под племянницу. А мама из подвенечного платья сделала ей шикарную кофточку. Чулки связала.

Если честно, то и щеголять было некогда. Помогала маме во всем: свиньям ботвы нарубить, корову подоить, теленка напоить, печь протопить. А когда мама болела, Маруся становилась полной хозяйкой в доме, во дворе, на огороде.

Да еще и на колхозные поля вместе ходили. Рожь жали серпами, сено гребли, гряды пололи, торф копали.

— Я была одна в семье, — рассказывает Мария Георгиевна. — Могла бы стать пестушкой. Но очень жалела родителей, знала цену копейке. Где-то уже в седьмом классе папа купил мне туфли. В Микасецк идем в церковь, несу их в руках. Перед церковью обуваю. Ценила и одежду, и обувь. Только на концерты одевала все лучшее...

В кружках самодеятельности Маша Захаревич была активисткой едва ли не с первых классов. Читала стихи, пела, играла роли в драмкружке.

Артистические способности Марии Захаревич заметил учитель немецкого языка, руководитель драмкружка Константин Корнеевич Дудак. Статный, высокий, красивый. В нем жил артист, и он реализовывал свои способности на школьной сцене. Не заметить Машу Захаревич он просто не мог. Она цвела луговым цветком, имела артистический голос, любила и умела петь, чувствовала художественное слово.

Картина девятая

На школьной сцене

Многие одноклассники Марии Захаревич давно живут в столице. У каждого была своя тропа. Запомнилось признание Марии Георгиевны:

— Очень хотелось в большой мир. Но боялась оторваться от Новоселок, от родного дома, от родителей. Представляла себя природным родником. Течет, струится, все ему радуются, а затем его воды проглатывают реки, озера, моря. И там, в большой воде, уже никто не вспомнит маленький родничок...

Действительно, «свой дварочак кожнаму як вяночак». И мне не хочется покидать Новоселки, магнитный Нарочанский край. Хочу глубже вглядеться в детство, в ее истоки, в ее малую родину, тогда, думаю, легче будет понять вознесение ее таланта, высоту ее человеческого достоинства.

В Минске я нашел, вызвонил Михася Чернявского. Человек он известный, занятой. Летом — в археологических экспедициях, зимой — обрабатывает добытые при раскопках реликвии. Он, кандидат наук, заведующий отделом археологии Института истории Национальной академии наук, объехал, кажется, всю Беларусь. Сделал немало интересных открытий, написал много научных и документально-художественных книг. А начинался известный ученый и признанный писатель Михась Чернявский в деревне Микасецк, что рядом с деревней Марии Захаревич.

— У нас с Машей разница в возрасте два года, — неспешно начал Михась Михайлович. — Теперь она уже как бы и не заметна, а в школе — это ощутимая разница. Она была выпускницей, а я где-то там еще в восьмом классе. Но все мы, и я в том числе, знали ее. Хорошистка в учебе, красавица, артистка. Словом — прима школы!.. Как-то так случилось, что и меня

увлек в артисты руководитель драмкружка Константин Корнеевич Дудак. Он хорошо знал немецкий язык. Говорили, был фронтовым переводчиком, прыгал с парашютом к партизанам. Но была у него душевная тяга к искусству. Помню, ставили какую-то патриотическую пьеску о войне. Маша, конечно, играла роль главной героини, видимо, неуловимой подпольщицы. А мне, соответственно моему таланту, досталась роль полицейского-предателя... На этом моя артистическая карьера и закончилась. А Маша вышла на большую театральную сцену...

— Вы, Михась Михайлович, много работали в архивах, а что можете сказать про родные места, про род Захаревичей?

— В Гродненском архиве я нашел книжки судебные по Мядельскому староству за тысяча семьсот семьдесят восьмой год. Тогда в Новоселках было тридцать дворов, из них шесть принадлежали Захаревичам. Нигде на Мядельщине нет больше такой фамилии. Она происходит от имени Захар, а окончание «ыч» добавляли по славянской традиции.

В книгах академика Николая Васильевича Бирилло я нашел подтверждение мыслям Михася Чернявского. Так, фамилия Захаревич произошла от канонического имени Захарий. В переводе с еврейского языка оно означает — память Господня. Церковь чествует четырех святых Захариев: пророка, священномученика, преподобного и праведного. Их дни памяти — 21 февраля, 6 апреля, 10, 18, 22 сентября, 18 декабря. В один из этих дней и крестили некогда мальчика Захарку, который и стал родоначальником Захаревичей. В разных местах это имя произносилось по-разному. Существовали свои традиции придания суффиксов, окончаний к именам, вот и имеем различные варианты фамилий от Захария: Захаров, Захарин, Захаревич, Захарыч, Захаренко, Захаранко и т. д.

Картина десятая

По одним тропинкам

Замечательная белорусская поэтесса Евгения Янищиц успела при своей короткой жизни сказать пророческие слова о нарочанке Маше Захаревич:

Між купчастых сасонак,
Дзе палын і мурог, —
Да тваіх Навасёлак
Шлях зваротны пралёг.

Поэтесса утверждает, что «не на сцене — на поле принародной любви» играет свои роли Маша Захаревич. Этой мысли придерживается и ее земляк, одношкольник Василь Петрович Шарангович.

Они в детстве и юности ходили одними тропами. Они черпали вдохновение из одного родника — из озерной Мядельщины. Они купались в красоте своего края, их ежедневно подпитывали глубинные корни родителей-крестьян. И они взлетели на простор жизни с сильными крыльями, закаленной волей, с верностью своей земле.

Василь Шарангович в свое время квартировал в деревне Новоселки, ходил в Мядельскую школу, где училась и Маша Захаревич. Годами они немного разминулись, но судьбой, мыслями, устремлениями — очень родственные души.

Им обоим повезло на школьных учителей. Маша Захаревич мечтала стать учительницей, но мядельский преподаватель немецкого языка, руководитель

драмкружка Константин Корнеевич Дудак увидел в ней актрису. Василю Шаранговичу пророчествовали быть математиком, но мядельский учитель рисования Геннадий Игнатьевич Островский увидел в нем художника. Учителя не ошиблись в учениках. Боже, дай всем нашим детям таких мудрых педагогов!

Маша Захаревич и Василь Шарангович даже учились в одном институте, правда, в разные годы. Маша — на артистку, Василь — на художника. И так после получилось, что Василь Петрович Шарангович более трех десятков лет работал в Театрально-художественном институте, который при нем приобрел статус Академии искусств. Он вырос там до должности ректора, звания профессора.

Мария Георгиевна Захаревич — также профессор. Она — лауреат Государственной премии. Из одной школы вышли и народная артистка, и народный художник Беларуси. Нам всем, а не только мядельцам, нужно научиться гордиться такими талантами.

Интересно, а как оценивают друг друга знаменитые земляки?

У меня была счастливая возможность встретиться с известными людьми, и вот на аудиоленте — живые голоса живых классиков.

Мария Захаревич о Василии Шаранговиче:

— Его родители, как и мои, — крестьяне. Отец — кузнец, пахарь. Мама — народная искусница в ткачестве, вышивке, росписи вещей деревенского быта. У Василя, их сына, руки сильные, умелые. Графика, в которой он академик, — это словно крестьянский труд. Как и след плуга на пашне, надо умело вывести линии резца на линолеуме или дереве. Резец требует трудолюбивой, талантливой руки. Тогда оживают образы и конкретных людей, и литературных героев, тогда мы видим на картине не просто мужика-земледельца, а философа, мудреца. Василь Петрович самобытно оформил поэмы Янки Купалы, по мотивам творчества народного поэта создал серию литографий «Дзе крыўда адвечная спела». Народный художник Беларуси Василь Шарангович блестяще иллюстрировал книгу столетия — «Новую землю» Якуба Коласа, которая издана в 2005 году на белорусском, русском и польском языках под одной обложкой. Правильно пишут о моем земляке: «Слабые духом и талантом не возьмутся иллюстрировать произведения великого поэта». Творчество Василя Шаранговича — подвиг в искусстве. Он знает душу народа, его быт, и образы белорусов просто оживают в его произведениях. Он — усердный, хозяйственный, скрупулезный, сосредоточенный, изысканный, — после каждого эпитета Мария Георгиевна приостанавливалась, чтобы дать возможность и самой себе, и мне осмыслить данную оценку, а потом как бы выдохнула от всей души: — Он мой земляк! Это дорого чувствовать. Горжусь им и радуюсь, что ходим одними тропами...

С Василем Петровичем Шаранговичем мы встретились в его служебном кабинете на проспекте Независимости. Теперь он — директор Музея современного изобразительного искусства. Разговор о Марии Георгиевне Захаревич поддержал с легкостью, с удовольствием. Чувствовалось, и он гордится своей землячкой.

— Наши служебные и жизненные дороги не часто пересекались, — Василь Петрович закурил сигарету, пустил седой дымок под цвет своей шевелюры, бороды и не спеша продолжил: — Но мы трудились на одной ниве искусства. Как-то вместе встречались с земляками на Мядельщине. Я выставку там организовал. Маша стихи читала. С нами был еще один наш земляк — Виктор Ровда, народный артист Беларуси, профессор, бессменный руководитель и главный дирижер Академического хора Белорусского телевидения и радио. Незабываемые получились встречи!.. А о Маше что сказать? Она всю жизнь

на сцене, на публике, видна со всех сторон и чиста, как сама Нарочь. Кстати, я подготовил книгу своих воспоминаний, назвал — «Начертанное судьбой». Вот как раз рукопись лежит на столе. Есть строки и о Маше Захаревич...

Читаю:

Мы с Марией Захаревич учились в одной школе, в одном институте, только в разные годы. Тогда мы практически не были знакомы, каждый шел своей дорогой. А близко познакомились лишь в зрелом возрасте. Первое, что меня поразило в ней, — это внутреннее обаяние и внешняя красота. Природная чуткость и деликатность, жажда красоты и гармонии, помноженные на талант, дали ей возможность создавать на сцене образы настоящих белорусских женщин. Эти черты она, думаю, впитала от тех новоселковских крестьянок, включая и ее мать, которых она видела с детства. У Марии Георгиевны проникновенный голос, теплый и неповторимый; слушая его, никогда ни с чьим не перепутаешь...

Когда я закончил читать, Василь Петрович сделал последнюю затяжку и добавил, может, самое существенное:

— Город не вытравил из нее, как и из меня, деревню. Самые лучшие образы у Захаревич — белорусские женщины. Она их не просто сыграла, а передала в натуре. Она и сама образ! Ей веришь на сцене! Голос грудной, естественный, язык чистый, глубинный, а не выученный. Я все собираюсь сделать серию портретов своих современников, с которыми жил и живу. Никак не могу начать осуществление этого замысла. Недавно купил домик на Мядельщине, у озера Баторино. Чувствую себя там как дома. Там хочется с помощью Бога осуществить свое желание...

Пусть же наказом для художника Шаранговича прозвучит известная фраза: «Если у человека есть желание, у него появляются сотни возможностей. А если нет желания — тысяча проблем».

Картина одиннадцатая

В столицу

Наши родители имели свою педагогику.

Когда я уезжал на учебу в Минск, мама тихо сказала три слова:

— Не потеряйся там.

Отец на лошади вез меня до станции и всю дорогу курил, молчал. А я почему-то вспоминал тот вечер, когда поздно вернулся с вечеринки, позже, чем позволял отец, и он схватил ремень да хорошо приложился к тому месту, откуда растут ноги.

Молчанием воспитывал свою Маруську и Юрка Захаревич. Если что, посмотрит с укором и промолчит. Ох, умел заглянуть в душу!

А мама Ганэта позволяла себе только просто поучение:

— Ай, Маруся, не делай никому вреда, и все будет хорошо...

И пришло время, когда Маша Захаревич впервые одна ехала в Минск — сдавать вступительные экзамены.

Провожали отец и тетя Павлина. Отец нес чемодан, который купили дочери в дорогу. Его даже обшили домотканым материалом, чтобы красиво было, чтобы не поцарапался в дороге. В чемодане лежали книги со стихами, учебники, кусок сала. Одежда для ночлега и «в люди».

Шли молча. А мысли были об одном: как встретит Минск новоселковку и как будет на экзаменах?

Мама не провожала. Была нездорова. Но и она словно шла рядом с ними и говорила: «Не волнуйся, дочка, буду молиться за тебя, буду просить Пресвятую Богородицу, чтобы укрыла тебя под покровом своим».

Не представляли тогда ни отец, ни Маша, какая судьба ждет ее. Она, юная и красивая, влюбленная в жизнь, шла навстречу неизвестности, не догадываясь, какие бури ждут ее.

Минск встретил нарочанскую чайку Машу Захаревич неприветливо. День стоял пасмурный, люди суетились, куда-то торопились, машины летали, фыркали, сигналили, грохотали по рельсам трамваи. А Маша пробиралась через городской водоворот к оперному театру, в котором располагался тогда Белорусский театрально-художественный институт.

Экзамены сдавали в три тура. Первые два Мария Захаревич выдержала на «отлично». Прочитала стихи своего знаменитого земляка Максима Танка. По тому времени он уже был известным поэтом, главным редактором самого толстого журнала «Полымя». С легкостью прошла испытания по музыкальному слуху и ритмике. Труднее дался третий тур — этюд. Надо было экспромтом разыграть маленькую сценку.

Кто-то из комиссии попросил Машу представить, что она стирает белье и вдруг происходит какое-то тревожное событие. Она начала... С настроением стирала в тазике белье, напевала какую-то веселую мелодию. И тут кто-то принес телеграмму, она вытерла руки о подол, пробежала по бумажке глазами и в отчаянии опустилась на табуретку...

— Когда я выполнила этот этюд, — вспоминает Мария Георгиевна, — председатель приемной комиссии Дмитрий Алексеевич Орлов, замечательный артист и опытный педагог, попросил меня сыграть еще одну сценку. Как будто я собираюсь в театр, натягиваю чулки, они вдруг рвутся, а новых нет. Я растерялась. Ох, Боже мой, попалась, думаю. Вышла со сцены и плачу. И тут Виктор Тарасов подбежал. Вместе поступали. Давай меня успокаивать, подбадривать, показывать, как нужно выйти из беды. Он был непосредственный, правдивый, будто уже готовый артист. Мы взглянули друг другу в глаза, и я поверила ему, поверила в себя. Без его решимости и доброты я бы, наверное, не сдала экзамен. Виктор буквально вытолкнул меня на сцену. Я вышла со слезами, а они как раз и нужны были в том случае...

Окрыленной чайкой возвращалась Маша Захаревич в свои Новоселки. Поступила! Приняли! Она — студентка! Чувства переполняли ее душу. И тут к месту будет напомнить коротенький диалог из чеховской «Чайки» между известной актрисой Аркадиной и юной Ниной Заречной:

А р к а д и н а. Браво, браво! Мы любовались. С такой наружностью, с таким чудным голосом нельзя, грешно сидеть в деревне. У вас должен быть талант. Слышите? Вы обязаны поступить на сцену.

Н и н а. О, это моя мечта!..

Картина двенадцатая

Крестный отец

На проспекте Независимости, в центре Минска, стоит дом, на котором помещена мемориальная доска с барельефом. Редко кто останавливается и читает отлитые на металле слова, что здесь с 1953 по 1965 год жил народ-

ный артист Беларуси, лауреат Государственной премии, известный режиссер, профессор Константин Николаевич Санников. Специально переспрашиваю суетливых минчан, знают ли они эту знаменитость. Пожимают плечами, моргают глазами, спешат, кто в магазин, кто в кинотеатр «Центральный», который рядом. И только одна женщина, не осмеливаюсь назвать ее старой девой, так как у нее были живые глаза, укоризненно взглянула на меня, ротозея, и сказала:

— Голубчик, так это же белорусский Станиславский!..

Об известном московском режиссере-новаторе Станиславском каждый из нас что-то слышал и знает, у каждого театрала-любителя эта фамилия на слуху. А вот свои таланты понемногу отходят в забвение. Горько от этого на душе.

Жаль, многие зрители Купаловского театра не знают, что большинство их сегодняшних любимых артистов — ученики Санникова. И Мария Георгиевна Захаревич училась не просто в Театрально-художественном институте, а прошла школу Санникова. Он стал для всего их курса и педагогом, и воспитателем, и крестным отцом. Он, как священник, крестил их в актеры, благословлял их на сцену. Любовь была взаимной, искренней, терпеливой и требовательной. Как и в настоящей семье.

Ищу квартиру, где жил Санников. Вот мне уже открыли входную дверь в подъезд. Мои шаги глухо отзываются в высоких этажах. Иду по цементным ступенькам, словно стучусь в прошлое, и слышу шаги, как бы не свои, а давнишнего хозяина. Здесь ходил Константин Николаевич Санников. От этой мысли замирает сердце.

В бывшей квартире Санникова меня встречают его невестка Алла Владимировна и внук Андрей. Говорят, что почти все здесь, как было при Константине Николаевиче. Слева был его кабинет, справа — гостиная с широким столом посередине. Здесь многие из великих пили чай: Якуб Колас, Кондрат Крапива, Андрей Макаенок, Павел Молчанов, Глеб Глебов, Лидия Ржецкая, Стефания Станюта... Здесь по праздникам гостили и студенты, ученики Санникова, артисты с громкими именами — Мария Захаревич, Виктор Тарасов, Геннадий Овсянников, Галина Толкачева, Лилия Давидович, Михаил Петров...

С портрета смотрят заслуженные артисты Беларуси Константин Николаевич Санников и его жена, ветеран Купаловского театра Лидия Петровна Шинко.

Константин Николаевич Санников прожил шестьдесят девять лет. Было все на его веку: революции и войны, репрессии и бурное строительство коммунизма. А в конце своих земных дней Санников признался: «Театр — моя жизнь!»

Он уже с рогачевского детства играл в театр. С отцом, участником любительских спектаклей, бывал и на репетициях, и на представлениях. Однажды заболел сын одного из актеров, и его, маленького Костю Санникова, вытолкали на сцену с единственной репликой: «Папа, гости приехали!» От неожиданного страха так выкрикнул объявление, что зал наградил его хохотом и аплодисментами. Это и было начало творческого пути актера Константина Санникова. Далее были школьные театры, сцена Рогачевского городского театра, минского театра миниатюр «Ренессанс», Первого товарищества белорусской драмы и комедии.

В сентябре 1920 года открылся Белорусский государственный драматический театр, теперешний Купаловский. В первую труппу вошли уже признанные мастера сцены Лидия Ржецкая, Екатерина Миронова, Стефания

Станюта, Ирина Жданович, Александр Ильинский, Генрих Григонис. Среди них — Константин Санников. Позже он напишет:

Ввиду того, что Белорусский театр начинался спектаклем «Рысь» по повести Элизы Ожешко, а я играл там крестьянского парня Алексея и моей репликой начинался спектакль, то можно считать, что мне выпала честь сказать первое слово в отечественном Белорусском государственном театре...

Вскоре основатели Купаловского театра поехали учиться в Москву, в театральную студию, где старательно постигали систему Станиславского. Она была проста в формуле, но недостижима для многих на сцене. Режиссер-новатор требовал от актеров «искусства переживания», не имитации чувств героев на сцене, но «жизни человеческого духа». Это все есть в человеке, в его природе, нужно только открыть самого себя, вооружиться фантазией, которая поможет актеру увидеть требуемый образ. «Человека, его внутреннюю духовную жизнь — вот что должен показывать со сцены театр».

Этого же безжалостно требовал от себя, актера, и Константин Николаевич Санников. Как режиссер заставлял думать, импровизировать, добивался выразительной пластики, чтобы зритель не чувствовал актерских усилий. А как педагог учил молодежь понимать жизнь, сцену и профессию, свою Мельпомену.

Звездный курс института, в который входила и Мария Захаревич, учился по уже сложившейся системе Санникова. Ее основные творческие принципы сводились к следующему:

Актер — не молчаливый и послушный исполнитель воли режиссера, а источник неисчерпаемых возможностей и неожиданностей.

Чтобы актер стал полноценным художником, не надо гасить его творческий огонь.

Перед тем как выйти на сцену, нужно овладеть психологической точностью, пластической выразительностью, активностью мысли, уметь прекрасно чувствовать язык и национальный характер.

Настоящее искусство складывается из умения видеть и умения передавать. Умению передавать учат в институте. Умению видеть надо учиться самим и всю жизнь.

Нельзя следовать букве методики. Каждый должен найти для себя методику, открыть маленького Станиславского в себе. Без воли, ума, чувства — творчество невозможно.

Свои уроки искусства Константин Николаевич превращал в уроки человековедения и человекотворчества. Учил студентов и актеров, чтобы в каждом спектакле они создавали образы живых людей. Поэтому театр Санникова назвали театром живого человека, нашего современника.

О жизни, творчестве и семье Константина Николаевича Санникова можно писать повесть, пьесу, исследование, педагогический учебник. Но рукописи воспоминаний об одном из зачинателей и основателей белорусского театра и театральной школы в Беларуси, написанные знаменитыми купаловцами, его друзьями и учениками, пожелтели от времени, ожидая своего издателя. Если поверим Гоголю, что «мертвые не уходят, они остаются с нами», то всем нам должно быть немного стыдно перед светлым образом Константина Николаевича.

Картина тринадцатая

Студенческий хлеб

Воспоминание, как легкий ветерок шевелит пепел, а под ним — золотые, раскаленные угли. Оно напоминает о жизни огня, о том тепле, которое грело и обжигало всех, кто был вокруг.

Воспоминание о прошлом — это тот притягательный огонь, который содержит, подогревает, подпитывает нас в сегодняшней реальности и дает веру в завтрашний день. Прожитое заставляет радоваться и огорчаться, смеяться и плакать, раскаиваться и исповедоваться, тешиться и молиться.

Так было и так будет со всеми нами.

Конечно, тот период был самым счастливым в жизни Марии Захаревич и ее однокурсников. Они могут подзабыть точную дату присвоения им званий заслуженный, народный артист или присуждения Государственной премии, но первую встречу с руководителем курса, профессором Санниковым помнят до мелочей, хотя прошло более полусотни лет.

— Помню, первое сентября, пронесся между студентами шепот-шумок: «Санников идет... Санников...» — вспоминает Мария Георгиевна. — И вот он вошел в аудиторию легкой, стремительной походкой. Высокий, плечистый. Голова заснеженная, лицо античное, а глаза голубовато-небесные, хоть смотрись в них, как в зеркало. Улыбнулся, и мы все внутренне вздохнули: хороший! А когда начал говорить, поняли: дисциплину будет держать! Сел, внимательно осмотрел нас. «Приемные экзамены — это лишь предварительная проверка вашего дарования. На коне будет тот, кто доедет до последнего курса. И это зависит только от вас, а мы, педагоги, сделаем все, чтобы вы раскрыли свой талант». Этот экзамен выдержали не все. Наш актерский курс сначала насчитывал двадцать шесть человек, а выпускалось всего одиннадцать. Страшно вспомнить, как боялись санниковского приговора: «Простите, но вам нужно заниматься в жизни чем-то другим...»

— Жили мы тогда в общежитии, в так называемом городке Лютаровича, по улице Куйбышева. Там стояло несколько двухэтажных домиков. В них жили и оперные артисты, и хористы Геннадия Цитовича и Романа Ширмы. Ну и нас там пристроили. Ребята в одной квартире, девушки — в другой. У нас стояло девять коек, а проживало шестнадцать человек. Мы с Галей Толкачевой спали валетом. Ох, Боже мой, на улице были уже шестидесятые годы двадцатого века, а мы жили бедно и впроголодь. Передадут родители из дома что-нибудь, вместе съедим за день-два, и снова думай, чем завтракать. Мама Вити Тарасова Муза Васильевна приносила нам картофель, салаты. Перед самой стипендией выручал Константин Николаевич Санников. Приносил из дома целый баул бутербродов с колбасой, ветчиной. А то, бывало, приглашал весь курс на обед к себе домой. И он, и его жена, заслуженная артистка Купаловского театра Лидия Петровна Шинко, принимали нас, как своих детей. Уже с первого курса Санников рекомендовал нас в сценические массовки, чтобы мы могли заработать хоть какой рубль на хлеб. Если же кто болел, Константин Николаевич со своим пищевым баулом всегда навещал его в больнице или дома. Кто из современных педагогов возится так со студентами?..

Разговор подхватывает однокурсник Николай Козинин (работал в Купаловском театре, в театрах Могилева, Вильнюса, ныне — эстрадный артист-чтец Белорусской государственной филармонии):

— Никому никогда не рассказывал, теперь, видимо, подоспело время расколоться, — Николай Григорьевич, улыбаясь, доверяет старую тайну. — Как-

то мы поздно возвращались с занятий в общежитие. Зима лютая стояла. А все, как волки в Пилиповку, голодные, худые. Видим, на втором этаже домика, на балконе висят окорока, колбасы. Не сговариваясь, остановились под тем балконом. Минуту принюхивались. Витя Тарасов, как самый сильный, подставил согнутую спину. Я, как самый длинный и легкий, вскочил на его спину, подтянулся — и на балконе. Зубами перегрыз веревку, на которой висел окорок, отломил еще пару колец колбасы. Бросил все вниз и сам парашютом слетел на землю. Добычу подхватили Гена Овсянников, Толя Дударев, Эдик Перегуд. Прибежали в общежитие. У девушек взяли самую большую кастрюлю. Порезали мясо на куски, сварили и всю ночь лакомились мясом...

— Бедно жили, но весело, — дополняет разговор Татьяна Бобко. — Менялись нарядами, так получалось, что каждый день мы в обнове. У моей мамы лежал какой-то зеленый материал, может, еще польских времен. На третьем курсе я сшила из него модное платье. Его носили по очереди все девушки курса. Особенно нужно было, если кто шел на свидание...

Татьяна Семеновна показывает любительские снимки из домашнего архива. Их комментирует Мария Георгиевна Захаревич:

— О, я в шляпе!.. Чья-то, кто-то дал поносить... У меня — сапожки резиновые, на каблуках, а в них вставлены деревянные чурки, чтобы не сгибались, чтобы не проваливались при ходьбе. Папа придумал!.. Вот пьем вместе кефир. Санников угощает и сам пьет. Уникальный снимок. Как такое забудешь?.. Вот мы с Константином Николаевичем, как стайка птиц вокруг него. Как нам было хорошо с ним! Семья!.. Где ты, Танька, напорола таких снимков? Чудо!..

Татьяна Бобко, давно уже Татьяна Семеновна Быховец, работала в Купаловском театре. Впоследствии в Государственном ансамбле танца, объехала весь мир. И более тридцати лет преподавала эстетику в Высшем техническом училище. Для нее студенческие годы в институте — самые памятные.

— Мы с Машей Захаревич — две деревенские на курсе. Остальные — кто из горожан, кто из местечка. Строчили только по-белорусски...

Вместе с Санниковым работал педагогом и вел курс мастерства актера его ученик — Александр Иванович Бутаков. Человек высокой культуры, бескорыстный, преданный работе. С восьми утра и до часу ночи проводил репетиции. Он был с тем студентом, которому нужна была помощь, и был столько, сколько требовали обстоятельства.

Сценический язык преподавал Павел Степанович Молчанов, народный артист СССР и Беларуси. Он в совершенстве владел искусством перевоплощения. Играл на сцене Гамлета, Сорина («Чайка»), Луку («Мещане»), Бобчинского («Ревизор»), Ленина («Человек с ружьем»)... Известный актер был педагогом высочайшего качества. Зубр! До его недостижимой высоты тянулись студенты.

Будущие актеры всегда с нетерпением ждали прихода в аудиторию преподавателя зарубежной литературы и истории театра Аркадия Яковлевича Скира. Он читал им Шекспира по-английски, Мольера по-французски, Гете по-немецки. После переводил текст и объяснял. Стыдно было перед таким педагогом не знать литературу.

Вокал вел профессор Евгений Адамович Витинг. Он, драматический тенор, некогда с самим Шаляпиным объехал весь мир.

— Добрейшей души человек, — отзывается о педагоге Витинге артист Николай Козинин. — Приходишь, бывало, к нему петь, а он просит: «Покажи язык». Знал, когда у нас нет денег и мы голодны, то едим только кисель порошковый. Бросишь пачку в литровую банку, зальешь кипятком — кисель

готов. Съел, а язык красный. Увидит его Витинг, даст десять рублей: «Иди в столовую, поешь, а потом будем с тобой петь». Весь курс был ему должен. Вот только не припомню, чтобы возвращали долги. А о том знаменитом киселе Геннадий Овсянников даже написал стихотворение:

Купіў я сёння кісялю
І ў банцы навырыў.
Сяджу, чакаю і цярплю,
Каб ён хутчэй астыў.

Мария Захаревич и все однокурсники с благодарностью несут по жизни славные имена педагогов Орлова Дмитрия Алексеевича, Вишкарева Бориса Яковлевича, Кобли Филиппа Петровича, Марикса Оскара Петровича, Нефеда Владимира Ивановича, Платонова Бориса Викторовича. Все они были образцом для студентов и в жизни, и в своей профессии.

Из одиннадцати выпускников института шестерых принял в свою труппу Купаловский театр: Марию Захаревич, Виктора Тарасова, Галину Толкачеву, Геннадия Овсянникова, Татьяну Бобко, Николая Козинина. Четверо из них стали народными артистами. Золотой курс!

Картина четырнадцатая

Монолог чайки

— А я и сейчас не могу понять, почему меня, совсем юную, тянуло к драматическим ролям. В те сцены, где душа кипит, где зашкаливают эмоции, — Мария Георгиевна задумывается, как бы переворачивая прожитое, и продолжает рассуждать. — На третьем курсе института мы должны были сдать монолог нашему педагогу по сценической речи Павлу Степановичу Молчанову. Одно его имя вызывало у нас дрожь. И не потому, что он был очень строгий. Просто стыдно было перед таким авторитетом выглядеть дилетантом. Он дал нам право самим выбрать монолог из любой пьесы. Этой вольностью можно было воспользоваться и взять более легкий, понятный, жизнерадостный текст. А я бросилась готовить монолог Нины Заречной из чеховской «Чайки». Эта героиня давно меня волновала. Казалось, что-то близкое, родственное связывало меня с ней. Нина жила у озера с чайками, и мои Новоселки — недалеко от озера. Она хотела стать артисткой, и я хочу выйти на большую сцену. Боже мой, но ведь я не знала тогда всей сложности чеховской драматургии, которая построена по законам сильного внутреннего напряжения. Не представляла, какая психологическая высота ждет меня!..

Пока Мария Георгиевна заваривает кофе, я объясню кое-что читателям, ведь среди них далеко не все театралы. Итак, монолог — это очень сложный сценический жанр, доминанта роли. Артист остается, чаще всего, один на один со зрителем, который по ту сторону рампы. На него устремлены театральные прожекторы. Заметны все мелочи: движение губ, моргание ресниц, блеск глаз, дыхание, жесты. Все внимание зрителей направлено на артиста. В момент монолога на нем держится спектакль. Он должен, обязан сдать этот экзамен. Зарядить души зрителей новыми чувствами. В монологе проявляется сила актера, его талант влиять на публику.

Чтобы понять монолог Нины Заречной, нужно прожить с ней весь спектакль, заглянуть в ее душу и осознать глубину и прелесть этой неординарной

личности. Беру на себя смелость сказать несколько слов о классической, бессмертной пьесе, чтобы подвести читателя к монологу Нины.

В чеховской «Чайке» почти все герои проходят через страдания беззаветной любви. Учитель Мядведенко любит Машу, дочь управляющего, ее мать признается в чувствах врачу Дорну. А сама Маша любит Константина Треплева, сына актрисы Аркадиной. Он же влюблен в Нину Заречную, а она определила своим избранником писателя Бориса Тригорина. Один Сорин, хозяин поместья, в котором происходят все дела, старый и больной господин, спокойно признается: «Меня никогда не любили женщины».

В пьесе тринадцать действующих лиц. Видимо, это магическое число нарочно подобрано предусмотрительным Антоном Павловичем Чеховым. Все любят, а взаимные чувства отсутствуют. Одни неврозы от неразделенной любви. А для Константина Треплева она заканчивается самоубийством.

На фоне этой масштабной психологической драмы выделяется чистая и возвышенная Нина Заречная, дочь богатого помещика. Она выросла на берегу озера, среди живой природы, ищет такой же красоты и в жизни, среди людей. И неудивительно, что ее замечает сосед по имению, сын известной актрисы Костя Треплев. Он, почувствовав артистическую, поэтическую душу Нины, специально для нее пишет пьесу. Как режиссер ставит ее на импровизированной сцене у озера. Он признается Нине в любви, хочет связать с ней свою судьбу. А Нина, белая, чистая, свободная Чайка, тянется к избраннику своего сердца писателю Борису Тригорину. Это друг, любовник актрисы, матери Кости Треплева. Он старше Нины, но у любви законы неписаные. И у каждого любовь своя!

Мария сдавала монолог Нины Заречной взыскательному Павлу Молчанову. Она всю жизнь мечтала сыграть на сцене Нину Заречную. Она, нарочанская Чайка, начинает сейчас, спустя много лет, как когда-то на экзамене, читать душевную исповедь чеховской Чайки: «Зачем вы говорите, что целовали землю, по которой я ходила? Меня надо убить. Я так утомилась! Отдохнуть бы... отдохнуть! Я — чайка... Нет, не то. Я — актриса. Ну да!..»

Четко, с интонацией озвучить слова героини — этого мало. Надо их одухотворить, впустить в сердце и выпустить оттуда чувства. Смотрите, сколько эмоций, проблем в трех последних фразах Нины: «Я — чайка... Нет, не то. Я — актриса. Ну да!..» Что она здесь имела в виду? Она — свободная чайка или та чайка, которую когда-то убил Костя ради смеха? Надо глубинно понять чужую жизнь, почувствовать ее своей, тогда станет понятным, почему Нина говорит горячо, короткими репликами, как бы перескакивая от темы к теме. У нее болит душа. Она, по-видимому, вначале любила Треплева, но чувства к Тригорину оказались сильнее. Она этого не скрывает. Едет за ним в Москву, готовится стать актрисой, встречается с любимым. У них рождается сын, которого они рано потеряли. Через два года жизненных бурь она исповедуется перед Костей: «Он не верил в театр, все смеялся над моими мечтами, и мало-помалу я тоже перестала верить и пала духом... А тут заботы любви, ревность, постоянный страх за маленького... Я стала мелочная, ничтожное играла бессмысленно... я не знала, что делать с руками, не умела стоять на сцене, не владела голосом. Вы не понимаете этого состояния, когда чувствуешь, что играешь ужасно. Я — чайка, нет, не то... помните, вы подстрелили чайку? Случайно пришел человек, увидел и от нечего делать погубил... Сюжет для небольшого рассказа. Это не то... О чем я?..»

Мария Георгиевна читает, делает глубокие паузы. Она каждое слово словно снимает с языка, рассматривает его, любуется им, чувствует его живым, весомым. А главное, она понимает и любит свою Нину Заречную. За что?

— А за то, — отвечает Мария Георгиевна, — что Чайка при всех сложностях жизни остается верной и театру, и любимому человеку, которого она выбрала сама, который привлек к себе своей тайной, своим мужским секретом, мудростью. Моя героиня — одержимый, талантливый человек, честная и чистая. Она сумела преодолеть трудности и признается Косте: «Теперь уж я не та... Я уже настоящая актриса, я играю с наслаждением, с восторгом, пьянею на сцене и чувствую себя прекрасной... Я теперь знаю, понимаю, Костя, что в нашем деле — все равно, играем мы на сцене или пишем — главное не слова, не блеск, не то, о чем я мечтала, а умение терпеть. Умей нести свой крест и веруй. Я верую, и мне не так больно, и когда я думаю о своем призвании, то не боюсь жизни...» Только талантливый человек, как мне кажется, может так жертвовать жизнью, так ценить профессию, так идти за любовью, сжигать себя. О, Нина Заречная — самая современная героиня, пример для всех нас. Она жила без расчета на какие-либо блага. Она любила и боролась за свою любовь. И эта окрыленность и вера передавались Борису Тригорину и не могли не вызвать взаимных чувств. Она не может ответить взаимностью Косте, так как ее сердце принадлежит другому. Нина находит для утешения только вот эти слова: «Хорошо было прежде, Костя! Помните? Какая ясная, теплая, радостная, чистая жизнь, какие чувства, — чувства похожие на нежные, изящные цветы... Помните?..» Конечно же, Костя все помнит и понимает, что Нина приехала не к нему, а к своему озеру, как и я езжу в свои Новоселки, чтобы напитаться прошлым, чтобы подкрепить свою душу новой энергией, набраться сил. До Кости наконец доходит, что ее сердце принадлежит Тригорину, что она слушает только свое сердце и не желает лгать ему...

Мария Георгиевна вспоминает, как с педагогом-актером готовили монолог Чайки. Как разбирали каждое слово Нины, как стремились заглянуть в его ядро, понять реальное его значение. Немногословный Павел Степанович требовал правды в чувствах, чтобы зритель верил актеру, вместе с ним переживал. С высоты своего опыта, мастерства Молчанов объяснял все это, а студентка Захаревич не хотела быть просто исполнительницей монолога, она стремилась переложить душевное бремя героини на себя, пережить ее жизнь. Мария Захаревич назубок выучила сложную чеховскую пьесу, почувствовала атмосферу спектакля, атмосферу каждой роли и с высоким чувством исполнила на студенческой сцене монолог Нины Заречной.

— Я и сейчас не могу понять, — повторяет она, — как я, студентка, решилась выбрать такой сложный монолог. Все вокруг было в светлых, радужных красках. А меня тянуло к драме...

Картина пятнадцатая

Последний экзамен

Дипломным экзаменом в институте был спектакль «Последние» по пьесе Максима Горького. Это любимая пьеса Константина Николаевича Санникова. В ней когда-то играли ведущие актеры Купаловского театра — Владимир Владомирский, Лидия Ржецкая, Ольга Галина, Борис Платонов, Ирина Жданович, Лидия Шинко. И Санникову захотелось проверить своих воспитанников на этом произведении, приобщить их к настоящей драматургии.

В основе пьесы — семья: муж, жена и пятеро детей. Если учесть, что это произведение написано автором в 1908 году, то, соответственно, и ук-

лад семейный, и взаимоотношения членов семьи, и атмосфера внутренняя и внешняя соответствуют тому времени.

На роль отца Ивана Коломийцева (а пьеса в первом варианте так и называлась — «Отец») Санников определил Виктора Тарасова. Он был на курсе не просто отличником, а врожденным артистом. Уже в студенческие годы он стал заметной фигурой. У него проявилось удивительное актерское чутье, он «лепил» театральные образы как бы из самого себя, из своего умственного, душевного достояния. Все заметили солнечную тарасовскую улыбку, доверчивый взгляд, благородство манер, доброту, мелодию речи. Он был надежен в дружбе. Его любили и педагоги, и однокурсники, особенно девушки. Что скрывать, Виктор Тарасов нравился и Марии Захаревич. Видимо, эти отношения были взаимными, видимыми всему курсу и его руководителю. Может, поэтому в «Последних», по воле режиссера Санникова, они оказались мужем и женой, правда, уж очень разные по характеру, поведению, взглядам на семью, жизнь.

Софье, жене Ивана Коломийцева, по пьесе было уже сорок пять лет. Но студентка Мария Захаревич блестяще преодолела этот возрастной барьер.

— Мне, девушке, надо было впустить в себя все тревоги, переживания матери за своих детей, — Мария Георгиевна словно разматывает клубок прошлого, делает это не спеша, осторожно, чтобы не оборвалась нить воспоминаний. — А надо учесть, что дети Софьи — это же мои ровесники, почти все из нашего курса. А муж мой Иван Коломийцев — Виктор Тарасов — очень властолюбивый, грубый, кутила, любит рюмку и женщин. Надя для него — «горбатая дрянь», Вера — «безобразное животное», Петр — «ничтожество», а няня — «старая сова». Мне, матери, женщине, жене, все это надо было пережить... Репетировали много, как говорится, день и ночь. Санников добивался, чтобы мы слышали друг друга, чтобы не жевали на сцене слова, чтобы не под себя бормотали мелким горошком, чтобы нас понимали зрители. А ведь мы все целомудренными были, чистыми, застенчивыми. Если на сцене нужно к кому-то прислониться или, не дай Бог, поцеловаться — проблемы возникали. Санников сердился: «Не поставлю пятерку». Было всего: слез, отчаяния и страха... В конце репетиции возле Санникова вырастала гора окурков. Сжигал себя, не жалел. Только сейчас понимаем, какое это адское дело — учить студентов. Легче самому поставить спектакль или сыграть роль на сцене...

В объемной статье, напечатанной сразу же после спектакля «Последние» в газете «Літаратура і мастацтва» (6 июля 1957 года), писатель Михась Модель отметил:

Наиболее глубокое впечатление оставила молодая артистка М. Захаревич в роли Софьи. Она раскрыла такие черты таланта, которые очень высоко ценил К. Станиславский: скромность и трудолюбие, природную привлекательность, душевную грацию, женскую грациозность, музыкальность голосовых интонаций, четкую дикцию и к тому же совершенное владение родным литературным языком.

М. Захаревич проявила чуткое понимание трагического конфликта Софьи, борьбу в ее душе между искренними намерениями женщины-матери и невозможностью их осуществления. Молодая артистка преодолела опасность мелодраматического решения образа...

— С Машей легко, удобно играть, — отмечает Николай Козинин. — Я был в «Последних» ее сыном Александром. Она ничего не говорит, смотрит мне в глаза — и я отвечаю ей пониманием...

Критики очень хвалили и Виктора Тарасова в роли служащего полиции, родителя многодетной семьи Ивана Коломийцева.

Студенты-выпускники, — подчеркнул Михаил Модель, — *сдали экзамен на творческую зрелость. Свежим потоком они вливаются в талантливую семью театральных коллективов Беларуси.*

Институтский экзамен сдан.

Впереди были творческие испытания на профессиональной сцене. Маша Захаревич и Виктор Тарасов отшлифовывали свое мастерство не только на сцене Купаловского театра. Режиссеры неоднократно сводили их в одних пьесах, на одних киноплощадках.

В фильме «Воскресная ночь» Мария Захаревич играет жену героя Виктора Тарасова, борется с его проблемой — выпивками. В фильме «Руины стреляют» они опять же семейная пара.

В пьесе молдавского писателя Иона Друцэ «Святая святых» Мария Захаревич — Мария, а Виктор Тарасов — Кэлин. Его друг — Михей. Они росли вместе. Оба полюбили Марию. И хотя Кэлин обаятельный, мягкий, сдержанный, добродушный, Мария выбрала Михея — карьериста. Прошла война, а Кэлин все еще верен своей первой любви. Она как бы в тумане времени, но вечная для Кэлина, как сама волшебная природа на земле. Через всю жизнь пронес он свою любовь, никому не открыл душу.

— Мне очень помнится «Святая святых», — признается Мария Захаревич. — С Виктором было легко и интересно на сцене. Он завораживал своими паузами, глазами, молчанием, своей какой-то тайной, эмоциональностью, мудростью. Искренний, одухотворенный Кэлин! Перед собой видела благородное лицо, чувствовала теплую человеческую волну. Эмоции Виктора-Кэлина передавались мне, но я выбрала своей любовью Михея. Парадоксы жизни управляют людьми из века в век...

Мария Георгиевна с удовольствием вспоминает студента Витю Тарасова:

— Он органичный актер, кажется, родился им. Однажды прибежал к нам в общежитие. Стал, облокотился на дверь. Бледный, губы дрожат, шевелюра взъерошенная, весь запыхавшийся: «Все, девушки!.. Я, видимо, убил его...» Мы все в плач: «Что случилось?.. Что будет теперь?..» Я рыдаю, а он вдруг рассмеялся. Это он разыграл трагическую сценку, а мы все поверили ему... О нем у меня самые светлые институтские воспоминания. Меня называл Машута, Санникова — батя. Его любили все. Он стал и в Купаловском театре не просто народным артистом СССР, а любимцем публики. Зритель ходил не просто на спектакли, а на Тарасова. Играть с ним — одно удовольствие. Я всегда дорожила его подсказками. Скажет несколько слов — и все понятно. Он был подарком и для режиссеров. Всегда имел свое мнение на все...

Картина шестнадцатая

«Пока молоды»

Как околдованный, не могу оторваться от давнего снимка Маши Захаревич. Она на нем на самом деле — Маша, Маруся, Машута. На благородном лице, отшлифованном самой природой под мрамор, черные дуги бровей, как два птичьих крыла, изящный нос и пухлые губы, словно из перезрелой

малины. Голову окаймляет самодельная прическа. Темные локоны украшают открытый лоб. Никаких украшений, никакой парфюмерии.

Вот такой красавицей, а была она тогда уже на последнем курсе, вышла Мария Захаревич впервые на сцену Купаловского театра. Нет, она не вышла, а выбежала и сказала первую фразу:

— Ой, хлопчыкі, каб вы ведалі...

Сцена была ярко освещена, там, где должны были сидеть зрители, — черная ночь и тишина. От волнения и возбуждения все поплыло в тумане. Голова закружилась. Что делать?

Маша взглянула на «мальчиков» — Игоря и Андрея. Их, студентов-выпускников, играли уже опытные артисты — Борис Владомирский и Юрий Шумаков. Так и она по пьесе их ровесница, выпускница.

Маша Захаревич играла роль Гали Журавки в пьесе Ивана Мележа «Пока молодые». Ей, студентке, доверили участвовать в премьере, доверили дебютировать на главной театральной сцене Беларуси.

Разве могла она не оправдать доверие своего педагога Константина Санникова, который предложил купаловцам талантливую ученицу?

Разве можно было подвести режиссера спектакля Любовь Ивановну Мозолевскую, которая терпеливо и тактично готовила ее на роль Гали Журавки?

Разве может она не оправдать надежду мэтров Купаловского театра Бориса Платонова, Ольги Галины, Ирины Жданович, Татьяны Алексеевой, Раисы Кошельниковой, с которыми репетировала спектакль?

Разве можно плохо сыграть, когда в ложе сидел автор пьесы, уважаемый писатель Иван Мележ?

Разве могла она разочаровать зрителей, а среди них было много молодежи, которые заполнили все кресла в театре и ждут чуда?

А маму с папой, а новоселковцев разве не стыдно подвести? А однокурсники, которые в зале, разве простят провал?

И Маша Захаревич, преодолев страх, почувствовав Его Величество Зрителя, начала излучать на сцене такую актерскую энергию, которой удивлялась сама.

По окончании спектакля Маша Захаревич получила первые в жизни цветы от зрителей Купаловского театра. Она спрятала лицо в ароматный букет и не сдержала слез.

Поздравляли многие. А на всю жизнь запомнились подарки от известных людей. Лидия Ивановна Ржецкая, народная артистка СССР, вручила изящную косынку, по-матерински поцеловала молодую преемницу.

Константин Николаевич Санников подарил свое фото с надписью: «На память способной ученице, которая стала актрисой театра имени Янки Купалы, в день первого спектакля — от учителя. Марыська! Не успокаивайся!»

К Маше Захаревич подошел Иван Павлович Мележ, поздравил, напомнил слова Бернарда Шоу: «Актеры получают авторов, а авторы — актеров, которых мы заслужили». Писатель подписал дебютантке свою новую книгу: «Маше-Гале Захаревич-Журавке желаю новых хороших ролей, здоровья и счастья».

— С этой пьесы, — признается Мария Георгиевна, — у меня завязалась дружба с Иваном Павловичем Мележем. Это подарок судьбы! Он искренне, по-отечески ко мне относился. Часто бывал в театре, заходил к нам в гримерку. Помню, как торжественно праздновали его пятидесятилетие в театре. Я что-то читала из его книг. После имела честь быть приглашенной на праздничный ужин. Сидела рядом с юбиляром. Пели вместе с его земляками народную песню «Яшчэ поле не арана, само жыта ўсходзіць...» Незабываемый вечер!..

Мария Георгиевна признается, что Иван Павлович Мележ очень переживал ее личную драму, которая началась после постановки его пьесы «Пока молодые». Сказал как-то: «Если бы знал, что так обернется судьба, совсем бы не задумывал эту пьесу».

О том периоде жизни Марии Георгиевны тактично написал в своей книге «Мастера искусств» Юрий Сохар, талантливый исследователь театра и биограф театральных деятелей:

Ее личная жизнь сложна и не совсем счастлива. Первый брак Маши с ярким актером-купаловцем Юрием Шумаковым длился недолго. И не ее в том вина. У них родился сын Андрей. Мария Захаревич не любит рассуждать о своем несложившемся личном счастье, считает, что любовь, как и вера в Бога, чувство глубоко интимное и о нем громко говорить не стоит...

А еще Марии Георгиевне нравится мудрое жизненное кредо ее однокурсника, народного артиста СССР Виктора Тарасова: «Могут предать друзья, может оставить жена, но постоянство и уверенность в себе может дать только любимая работа. Никто не может заменить радости творчества...

Театру и своей актерской профессии Мария Георгиевна служит верно, терпеливо, преданно. Свои жизненные нервы, свою живую кровь, ум и талант она умело вплетает в сценические роли. Они — ее жизнь, любовь, счастье. И об этом хорошо написал поэт Анатолий Вертинский в своем посвящении Марии Захаревич:

Твае ролі — твае болі,
Твае мукі і любові,
Твае лецейка і золь.
Твае ролі — твая доля.
А ўсіх роляў твая роля —
Беларусі роднай боль.

Картина семнадцатая

На ладони — сердце

Мария Захаревич, казалось, имела уже все: диплом, профессию, работу, жилье, сына, друзей.

Что больше?

Даже если бы она попросила у золотой рыбки еще чего-нибудь, та бы ударила хвостом по воде и перед тем, как нырнуть, сказала: «У тебя, дорогая, уже все есть!»

После удачного дебюта в пьесе Ивана Мележа «Пока молодые» Машу Захаревич начали приглашать в разные спектакли. О ней начали говорить и писать как об актрисе лирического склада.

В спектакле Василевского «Любовь, Надежда, Вера» появилась она перед зрителями в роли Любы. Сыграла Верочку и Лизу в пьесах Розова «Перед ужином» и «Традиционный сбор». Была Анной в «Веселом тракте» Васильева, Екатериной Михайловной в «Памяти сердца» Корнейчука, Дашей в «Золотой карете» Леонова...

Ну что? Работай, живи и радуйся!

Но Мария Захаревич не из тех, кто успокаивается. И когда вдруг почувствовала, что начала не летать, а ходить в театр, ее охватила бессонница. Она

понимала: из-за куска хлеба на сцену идешь — пропадешь. Талант надо растить, бороться за него. А что получалось?

В шестидесятые годы, о которых поэт сказал «Было время, был век, была эпоха», в обществе назревала эйфория ура-патриотизма. Тогдашние руководители объявили о скором приходе коммунизма на просторы огромной страны.

Маша Захаревич остро почувствовала эту непростую ситуацию. И по-хорошему злилась на себя. Доколе же я буду играть лирических и драматических героинь? Доколе будут эксплуатировать мои способности? Где те глубоко психологические образы, на которые направлял педагог Санников? Разве не мертвым станет театр, когда перестанет доверять молодым отвечать за его судьбу, за сцену завтрашнего дня?

— Я и сама не помню всех, тех моих Галок, Ларисок, Анночек и Лизавет, которых пришлось выводить на Купаловскую сцену, — вспоминает ту свою «эпоху становления» Мария Георгиевна. Я старалась вдохнуть в них свою душу, сделать их привлекательными, запоминающимися для публики. Режиссеры и критики хвалили меня. А мне хотелось сыграть психологический образ, углубиться в исповедальную судьбу...

С таким неистовым желанием Мария Захаревич начала готовить роль Зоси Савич в пьесе Ивана Шамякина «Сердце на ладони». Это произведение уже было известно широкой публике как художественный роман, опубликованный в журнале «Полымя» и изданный отдельной книгой. Популярность Ивана Шамякина в то время была завидной. Почти все написанное им сразу приходило к массовому читателю. Повсеместно проходили читательские конференции, дискуссии, обсуждения.

И вот пьеса для театра — «Сердце на ладони». Она снова возвращала нас в годы военного лихолетья. И хотя республика готовилась отметить уже двадцатилетие Победы, война еще сильно обжигала души живых. Шли поиски героев не только на передовой, но и в тылу, на оккупированной фашистами земле.

Маше Захаревич, ребенку войны, было и просто, и сложно, и понятно, и психологически больно снова оказаться в том времени, когда жизнь висела на волоске.

Под страхом войны проходила юность и Зоси Савич. Казалось, чего пугаться, ужасаться школьнице Зосе. Где-то далеко идет война. Отец ее, доктор, возглавляет отдел здравоохранения в городской управе. Но огненная тревога обжигает душу Зоси. Она видит виселицы на минских площадях и улицах. Видит хмурые глаза горожан. Она чувствует, что отец носит в сердце глубокую тайну. И когда в их дом случайно попадает подпольщик Ярош, осуществивший смертельный приговор начальнику полиции, юная Зося дает ему приют. Скрывает незнакомца в комнате квартиранта — немецкого доктора. Это был подвиг.

Зося Савич претерпела много страданий: побывала и в немецком концлагере, и в советском — в Сибири. Вернулась в Минск с больным сердцем. Зося, и доктор Ярош снова встречаются. Она доверяет ему свою исповедь:

— Как же я боялась, когда прятала вас!.. Душа в пятках сидела... А потом, как отца убили, меня допрашивали в гестапо... Добивались признания, что я помогала отцу... Фашистский палач потушил сигарету на моем лице. Деревянными цепями давил мои пальцы. Боль не проходит и сейчас...

Антон Кузьмич Ярош, известный хирург, кандидат медицинских наук, берется оперировать Зосю. И вот сердце спасительницы (живое!) — на его ладони...

Как же Мария Захаревич донесла до зрителей психологически глубокий образ Зоси Савич? Доверимся опытным театральным критикам Беларуси, которые писали свои впечатления по свежим следам.

Борис Бурьян: *Меня поражали в этой роли М. Захаревич ее глаза, полные скорбных слез...*

Тамара Абакумовская: *Правдивым чувством проникнута работа молодой актрисы Марии Захаревич в спектакле «Сердце на ладони» Ивана Шамякина. Драматизм и жизненная глубина характера, воплощенного актрисой в образе Зоси Савич, сделали эту роль одной из лучших в спектакле и в творческой биографии самой актрисы.*

Татьяна Орлова: *Роль Зоси Савич актриса играла остро, темпераментно. Мария Захаревич искала свой рисунок, отталкиваясь от своей индивидуальности. Ей удалось проявить в этой роли свой драматический темперамент.*

Картина восемнадцатая

Мележева высота

В театре все важно: гардероб и люстры, лестницы и стулья, портреты артистов на стене и ангельская улыбка билетерши, букет и звонок-зазывала.

А главное — сцена!

Когда бываю в Купаловском театре, стараюсь зайти в зал первым. Хочется, пока не начался спектакль, побыть в раздумье. Люблю смотреть на сцену. Она, как Нарочь перед бурей, настороженная, загадочная. Вот-вот начнут кипеть чувства.

Боже мой, сцена по размеру — как одна большая квартира. А в этом пространстве вмещается весь мир. Оно может стать проспектом и садом, кораблем и полем, кабинетом и крестьянским домом.

Однажды на эту сцену пришли и заполнили ее герои романа Мележа «Люди на болоте». Полешуки, земляки-глинищанцы Ивана Павловича Мележа, а в спектакле — куреневцы, надолго захватили театральную сцену Беларуси, зажили на ней своей жизнью, полной тревог и веселья, любви и страданий, поисков своей доли и веры в солнечное утро.

Прекрасно написал об этом народный поэт Беларуси Пимен Панченко в стихотворении «Земля отцов»:

Старонкі Мележа крані —
І з небыцця, з майго маленства
Мае узнікнуць Курані!
Развеяўся настрой паганы,
Каліны зноў цвітуць мае.
І свеціць мне усмешка Ганны,
Любоў яе і боль яе.

Инсценировку по роману с согласия автора сделали известная артистка-купаловка Зинаида Броварская и театральный критик Тамара Абакумовская. Ставил пьесу главный режиссер театра Борис Владимирович Эрин. Это был очень опытный режиссер. Учился в Москве, готовил спектакли в Киеве. Десять лет работал в Минске.

Лучшие артисты-купаловцы брали высоту Мележа, давали вторую жизнь на сцене мудрым и остроумным от природы людям. Ганну Чернушку, главную героиню спектакля, репетировали Лилия Давидович и Мария Захаревич. В спектакль были введены почти все знаменитости театра — Стефания Станюта, Павел Кормунин, Раиса Кошельникова, Борис Владомирский, Геннадий Гарбук...

Послушаем Марию Захаревич — Ганну Чернушку о подготовке премьеры спектакля:

— Роман «Люди на болоте» Ивана Павловича Мележа я недавно снова перечитала. Упиваюсь певучим, сочным языком. Словно опять возвращаюсь в свои Новоселки, к родным пейзажам, к людям, дорогим моему сердцу. И тогда, с первого прочтения романа взахлеб, мою душу заполонила счастливая ностальгия по дому, по новоселковцам. Я поняла главное: мне не нужно представлять Ганну, подстраиваться под нее, я буду играть саму себя. Так и получилось. Но мой путь к спектаклю был очень долгим, тяжелым и трагическим...

Мария Георгиевна на минуту умолкает. Что-то мучительное перебирает в памяти тех дней, словно колоду карт тасует. Продолжает неторопливое воспоминание:

— Иван Павлович Мележ вместе с нами переживал за премьеру, приходил на репетиции. Сидел тихо, не вмешивался в творческий процесс. Слушал. Молчал. Думал о чем-то своем. Теперь, кажется, знаю, что его волновало...

Много лет «Люди на болоте» держали в театре аншлаг. Получился глубоко национальный спектакль, в традициях классической драматургии.

— С каждым новым выходом на сцену, — вспоминает Мария Георгиевна, — мне все больше нравилась моя Ганна, глубже узнавала ее. Она — обычная девушка с Полесья, как и я — с Нарочи. Я играла так, будто все это происходило со мной. Я была своей среди героев пьесы — куреневцев. Чувствовала себя своей среди известных артистов-купаловцев. И с Мележем мы стали своими. Ему нравилась моя игра. Мы иногда прогуливались с ним после дневных репетиций по скверику возле театра. Он тактично расспрашивал о моей маме, папе, о Новоселках, как я поступила в институт. А мне интересно было знать, как он, мужчина, так тонко понимает женскую душу... На одной из встреч Иван Павлович сообщил, что едет на юг, будет продолжать работу над «Полесской хроникой». Я позавидовала ему и призналась, что ни разу еще не видела моря. На лице его появилась грустная улыбка. Он очень плохо себя чувствовал...

Мария Георгиевна показывает розовую папку. В ней уже много лет лежит рукопись пьесы Ивана Павловича Мележа «В новом доме». Он доверчиво передал ее актрисе, чтобы она первой прочла, высказала свое мнение. Этого Мария Георгиевна не успела сделать, так как очень быстро и неожиданно сгорела свеча жизни народного писателя. В память о нем, об их творческой дружбе Мария Захаревич собирается поставить неизвестную пьесу Мележа в Минском областном театре, в Молодечно. Дай же Бог!

— А почему вы сказали, что ваш путь к спектаклю «Люди на болоте» был очень долгим и трагическим? — возвращаю Марию Георгиевну к ее неожиданному признанию.

Актриса перекрестилась:

— Боже мой, трудно даже сейчас, спустя много лет, о том вспоминать. Давайте сделаем антракт. А при следующей встрече раскроем и эту драму моей жизни...

Картина девятнадцатая

Письма Короткевича

Должна была состояться премьера спектакля «Люди на болоте». Два состава артистов готовы были выйти на сцену. Готовили афиши, программы, буклеты.

И в это время Мария Захаревич получила тревожную телеграмму из дома: «Приезжай. Отцу плохо...» Эта весть больно отозвалось в душе. Папа, муже-

ственный и терпеливый, всегда избегал больницы, обходился домашними лекарствами. И если он согласился лечь в палату, то ему очень плохо. Надо лететь!

В тот же день Мария устроила сына к временной няне и поехала в Новоселки. Посетила больную маму и тут же отправилась в Мядельскую больницу, которая в нескольких автобусных остановках от их дома.

Стояла снежная зима. Свой вихревой бал играла злая метель. Кто-то сказал, что автобус не доходит до больницы, и Мария вышла на остановку раньше. Шла прямо по дороге, потому что сбоку высились сугробы. Уткнулась лицом в воротник черной шубы, прячась от колючих снежинок, которых с воем гнал неутомимый ветер.

Когда Мария подняла голову, чтобы взглянуть на дорогу, перед собой увидела ужасное зрелище. Белым призраком на нее летел автобус. В какую-то долю секунды она бросилась в сугроб...

Шел семнадцатый день января 1966 года.

Он в судьбе Марии Захаревич, как определенная метка жизни: до этого дня и после него.

Она очнулась в больничной палате. Ехала, чтобы посетить отца, а его самого, обескровленного и исхудавшего, подкатили на тележке к ее больничной кровати. Они взглянули друг другу в глаза и не сдержали слез. Плакала вся палата...

На новый и неожиданный адрес Марии Захаревич, в Мядельскую районную больницу, ежедневно начал заходить почтальон. По пять-семь писем приносил он Марии Георгиевне из самых разных районов республики, от самых разных поклонников ее таланта.

Однажды среди корреспонденции она нашла открытку от самого Ивана Павловича Мележа:

Маша! Жадаю не залежвацца доўга. У Мінску чакае цябе праца. Чакаене дачакаецца Ганна, чакаюць некаторыя аўтары. Да сустрэчы! Іван М. — Васілеў бацька.

И совсем уж неожиданным оказалось письмо от Владимира Короткевича, автора популярных исторических романов, повестей, рассказов. Он смотрел почти все премьеры купаловцев. Был строгим судьей. Как-то поднялся во время спектакля и, возмущенный, вышел из зала. Ему не понравилось, как один актер калечил белорусский язык. А если ему кто-нибудь нравился, то после спектакля Владимир Семенович мог по-шляхетски поцеловать ручку актрисе, подарить свою книгу. Такой дорогой подарок однажды получила и Мария Захаревич.

И вот письмо от Владимира Короткевича в Мядельскую больницу, в палату № 1.

7 лютага 1966 года
г. Рагачоў

Машанька-Марыська, дарагая!

Вось табе на! Як жа гэта здарылася, любенькая! Што там такое? Як адбылося? Дайшла да мяне гэтая звестка, і тое, што яшчэ некаторы час Вы будзеце на папраўцы ў Мядзелі, то я, дальбог, як ашалеў. Сяджу і не разумею, аб чым думаю і што, уласна кажучы, цяпер рабіць. Напісалі мне аб гэтым сюды, ды толькі вельмі цьмяна. Адраса таксама не ведаю, пішу «на вёску дзядулі», а раптам дойдзе.

Спадзяюся, што цяпер усё ўжо значна лягчэй, што патроху ачуньваеце, што хутка і ўвогуле ачуняеце, а там і зноў да людзей, да добрых Вашых сяброў, якія вельмі любяць Вас і Ваш неабыякі, высокі, добры талент.

Цяпер галоўнае быць толькі вялікай і разумнай, не наракаць, не вешаць Вашага і без таго кароткага носа, слухацца лекараў і рабіць усё так, каб хутчэй мы зноў прыйшлі ў наш тэатр, селі ў першым радзе ды глядзелі на Вас у харошай, драматычнай, складанай ролі і радаваліся.

Калі пісьмо, нягледзячы на адрас, усё ж дойдзе і Вы будзеце мець магчымасць, ахвоту і час напісаць — напішыце пару слоў. Да 20-га лютага я тут. Адрас: Гомельская вобл., г. Рагачоў, вул. Чкалава 41, Караткевічу Уладзіміру. Пасля 20-га мой мінскі адрас…

Я гэта пішу таму, што думаю: а можа Вам трэба нешта. Можа, чагосьці не хапае. Можа, нейкай там садавіны ці яшчэ чаго трэба даслаць ці прывезці. І потым, у Вас жа, здаецца, ёсць дзіця (на жаль, не ведаю, хлопчык ці дзяўчынка)?

То ў бацькоў вашых яно, ці ў Мінску ў кагосьці. Можа, трэба зайсці, паглядзець, як яно там, ды перадаць, як нібы ад мамы пару словаў ды зайцава хлеба.

Калі ж не трэба, то не злуйцеся. Гэта ўсё ад чыстага сэрца, і сапраўднай, чалавечай павагі да Вас. Мала ў нас такіх таму што.

Я і дагэтуль памятаю, якая Вы былі ў далёка не лепшай п'есе «Сябры і час». Асабліва ў той карціне, дзе асадная Масква. Да слёз было добра.

А я тут сяджу ў сваіх снягах, ды пішу аповесць, ды абдумваю добрую п'есу з харошай роллю для Вас. Пасля вяртання зайду ў тэатр, раскажу сяму-таму, пра Вас пагаворым. Так што ачуньвайце хутчэй. А мы Вас тут усе будзем чакаць, і спадзявацца на Вас, і верыць, што вялікага чалавека даў нам пан-бог.

Болей не пішу. Не ведаю, ці дойдзе. Ну, бывайце разумнай. Ешце ўсё, нават кашу. Каб не даводзілася дзядзі-лекару казаць: «Ну-ну-ну, котка. Не дамо котцы. Марыся разумная. Марыся сама з'есць. Марыся нікому не дасць».

Жартую, вядома. А і Вы смейцеся часцей, будзьце вясёлая, дасціпная, харошая заўжды, куражная.

І яшчэ раз не вешаць носа. Мала што бывае ў жыцці.

Вышэй нос!

З павагаю, заўсёды Ваш У. Караткевіч.

Мария Захаревич прочитала дорогое ей письмо, и, кажется, выросли крылья. Растрогалась. И немедленно начала писать ответ. Ей хотелось излить на бумагу свои чувства, свои слезы, и она чувствовала, что Владимиру Семеновичу это можно сделать, открыто и честно. Он поймет, он поддержит, потому что он — надежный человек, умеет жить для других. Его душа способна оценить и поддержать человека в беде. Вскоре в Мядель к Марии Захаревич пришло новое письмо от Владимира Короткевича:

16 лютага 1966 года

Добры дзень, Марыся!

Вось і Ваш ліст дайшоў да мяне. Адказваю, але на гэты раз даволі каротка. Чысла 20-га павінен быць у Мінску, а да таго трэба дапісаць свайго «Хрыста», і не ведаю, ці скончу. А здаць неабходна, проста пазарэз, каб пайшло ў «Маладосці», у шостым нумары, калі ўвогуле пойдзе. Сяджу за сталом гадзін па дзесяць кожны дзень. Так што прабачце за лаканічнасць.

Калі будзеце мець час і ахвоту — пішыце на мінскі адрас.

Радуюся, што гэты мой ліст хаця трохі Вас пазабавіў.

Кіньце думаць, што вы з серыі няўдачніц і што жыццё ставіць Вам падножкі. Гэта глупства. Проста бываюць часам перыяды, калі не шанцуе

ну аніяк, усё колам. Са мною так было некалькі год назад, і цягнулася аж два з паловаю гады. Ну, думаю, усё. Аж не. Скончылася паласа, і зноў пачало шанцаваць. А пасля можа здарыцца і так, што дужа будзе шанцаваць. Проста жыццё ў нас ва ўсіх такое, папярочна-паласатае, то з чорных, то з белых, а то і з шэрых смуг. Радуюся, што ўсё добра.

А што хаця з Вашым таткам? Лепей яму цяпер ці не? У наш час шансаў на добрае ў такіх выпадках нязмерна больш, так што не трэба катаваць сябе думкамі аб кепскім. Ці наведвае Вас маці? Вось ужо, сапраўды, гэтыя аўтобусы чортавы! Толькі і рабіў бы, што стаяў на скрыжаванні ды кожнаму даваў выспятка пад радыятар (добра, што ён у іх ззаду). Малайцы людзі з тэатра, што наведваюць. А то я ўжо зусім быў страціў веру ў іх. А вы, сапраўды, чытайце, думайце пра добрае (нам рэдка бывае час добра падумаць ды пераасэнсаваць усё жыццё, і тое, што рабіў, і тое, што яшчэ патрэбна зрабіць. У суеце нашай, у мітусяніне — ані на што не хапае дзённых гадзін).

А памылкі ў лісце калі нават і ёсць, дык гэта лухта. Мала што. У нас унь нават акадэмікі з памылкамі пішуць. У Вас іх (памылак, а не акадэмікаў) менш, чым у мяне на старонку. Дальбог. Хай мяне пярун шасне на божае нараджэнне.

Дасылаю Вам рэч мастацкую, выкананую зусім новым спосабам. Прыдумаў яго я сам (дзе фанфары?!?). То была лухта: гравюра, акваціна, ташызм. Муць! Мой спосаб называецца: фотагравюра. На няўдалае фота (калі туман і г.д.) наносяцца чарцежным пяром у боскай руцэ вялікага майстра — дакладныя рысы, і вось гэта ўжо не фота, а твор мастацтва. Нават вышэй, бо вызначаецца ён найвялікшай праўдзівасцю.

Гэтая фотагравюра называецца: «Паэт і ягоны іспанскі сабачка. Імпрэсія».

А на самай справе гэта я з маёй Альмай у сябе на Рагачоўшчыне.

Ну вось і ўсё. Жадаю самага-самага найлепшага.

Уладзімір.

Через много лет Мария Георгиевна Захаревич напишет в книгу воспоминаний о Владимире Семеновиче Короткевиче:

Калі не стае дарагога для цябе чалавека, тады ў поўнай меры адчуваеш, як многа ён для цябе значыў, як быў неабходны. Дакараю сябе за тое, што лішні раз не пазваніла (усё баялася турбаваць), што не задала шмат-шмат пытанняў. Прапаноўваў аднойчы папіць бярозавіку, якога сам раздабыў у лесе, а я, дурніца, каб не турбаваць яго — адмовілася. Шкадую. Каюся за свой тэатр, на сцэне якога не ішлі выдатныя драматычныя творы Уладзіміра Караткевіча (а жыў ён побач з тэатрам).

Са шчырай удзячнасцю, з нізкім паклонам перад вялікім, геніяльным пісьменнікам і цудоўным, светлым Чалавекам. Быў, ёсць і будзе ў маім сэрцы...

Драмой на мядельской дороге и лечением в районной больнице не окончилась личная и семейная драма Марии Георгиевны Захаревич. К весне того же года не выдержало сердце ее отца Георгия Николаевича. На 67-м году жизни он отошел в вечность. Марию Захаревич привезли из больницы в траурную хату. Поддержать ее пришли все новоселковцы. Много людей откликнулось телеграммами. Чуть позже нашел их дом в Новоселках и Владимир Короткевич...

Через два с половиной месяца после аварии Мария Захаревич вернулась в театр. Пришлось спешно входить в роль Ганны Чернушки. Ее ожидал вдохновенный труд над новыми ролями. Через год ей было присвоено высокое звание заслуженной артистки Беларуси. Боже, какой небесной телеграммой утешить папу, который при жизни так переживал за свою единственную дочь!

Картина двадцатая

Несыгранные роли

Кем только не была Мария Захаревич на сцене, какие только судьбы не пропустила через свою душу! Она — комиссар на боевом корабле и богатая помещица Гурмыжская, многодетная мама и вдова, депутат и подпольщица. Она — Маша, Галя, Таня, Людмила, Зося и Ганна, Лиза и Луиза, Екатерина и Варвара, Елена и Надежда, Нина и Эмма в пьесах белорусских, русских, зарубежных авторов.

Но есть роли, о которых Мария Захаревич мечтает всю жизнь. Они так и остались недосягаемыми звездами для нее. Почему? Кто виноват: режиссеры, обстоятельства, Его Величество Случай, время, возраст, тяготы? Не будем распутывать узлы этих тайн. Давайте просто напомним, какие роли, какие героини пленили душу нашей нарочанской Чайки.

Прежде всего Павлинка в одноименной пьесе Янки Купалы. Это «звездная» роль в Национальном театре, который ежегодно начинает свой сезон купаловской «Павлинкой». Каждая актриса мечтает «оживить» на знаменитой сцене влюбленную девушку Павлинку. В ее лице видится чистая и молодая Беларусь.

Однажды режиссеры решили ввести в роль Павлинки и Марию Захаревич. Она уже выучила весь текст, вошла в образ. Репетировала. Под нее должны были переписать все песенные партии. Все вроде готово. Можно выходить на сцену. Кстати, параллельно с этой работой Мария Захаревич была подготовлена и к роли Ганны Чернушки в «Людях на болоте» Ивана Мележа. И тут неожиданная телеграмма из Новоселок о больном отце и дорожная катастрофа...

Картина двадцать первая

С театром — в каждую семью

Было время, когда голос Марии Захаревич звучал ежедневно на волне Белорусского радио.

Помню, как в нашу лесную, болотную деревушку Шовковичи на Полесье проводили радио. Вкапывали столбы, натягивали на них провода, а два «уса» втыркивали в бревна домов.

Отец поехал в Речицу, привез оттуда коричневую коробочку со шнуром и штепсельной вилкой. Включили ее в розетку и, о Боже, в нашем тихом доме запели, заговорили, заиграли люди, которых все мы считали волшебниками.

Помню маму — слушательницу проводного радио. Когда подвернется свободная минутка, накинет на себя свежую кофточку, волосы подберет под белый платок, сядет возле стены, на которой висела коричневая коробочка, и умиленно слушает. А тогда и скажет:

— От спяваюць хораша… От адна маладзічка вершы добра чытае, расказвае душэўна…

Той «маладзічкай» была Мария Захаревич.

Много лет она выходила в эфир. Ее называли королевой радио. Она и новости передавала, и о погоде сообщала. А чаще всего читала произведения белорусских авторов, участвовала в поэтических передачах, в радиопьесах. Их набралось более двухсот.

Творческий взлет Марии Захаревич на радио связан с работой режиссера Софьи Гурич. Она окрыляла всех своими идеями, одержимостью, преданным

служением любимому делу. А самое главное — влюбленностью в белорусскую литературу.

За исполнение ролей в радиоспектаклях «Рыбакова хата» по Якубу Коласу и «Хамутиус» Аркадия Кулешова Мария Георгиевна Захаревич получила Государственную премию Беларуси.

На радио сохранилась пленка, на которой Виктор Тарасов, народный артист СССР, говорит о своей однокурснице, о своей партнерше во многих спектаклях:

Я сказал бы, что Мария родилась актрисой. Подумайте сами: актриса должна обладать дикцией, быть привлекательной, быть талантливой, быть красивой. И просто — быть!.. Словом, все то, что должно быть у актрисы, есть у Маши. Есть от природы. Мария Захаревич, когда получает роль, как бы огорошена ею. Она ходит и смотрит своими большими глазами на мир и о чем-то думает. Она выглядит так, как будто случилось величайшее счастье. Она и не ожидала этого счастья. Понаблюдайте за женщиной, когда она ждет ребенка, за ее выражением лица, за поведением. В ее глазах — испуг и счастье. Вот это и есть Мария, когда она получает роль. И каждый раз это повторяется. И каждый раз она — как ребенок. В ней — радость первооткрытия. Это именно Машина черта. Она окунается в работу с первого дня. Работа над ролью не заканчивается у нее даже после премьеры. И так всю жизнь!..

И я снова вспоминаю свое послевоенное детство. Часто вижу, как во сне, свою маму в белом платочке. Сидит, доверчивая, около радиоприемника, слушает передачи из Минска.

Как же тут не отблагодарить самого Бога, который помог мне написать книгу «Мама. Молитва сына»? Это гимн моей святой маме, нашим матерям. Книга тронула и Марию Георгиевну Захаревич. Она написала отзыв о ней:

Светлая, возвышенная, поэтическая, с щемящей болью, очищающими слезами книга Владимира Липского о Маме. Это разговор-воспоминание, эта исповедь возвращает нас в вечное — туда, где правда, чистота, радость. Книга возвращает нас в детство, высвечивает фигуры самых дорогих людей — Родителей наших, она — оздоравливающее лекарство, подарок для всех нас.

Мама родная! Если бы ты только знала!.. Та минская «маладзічка», голос которой ты любила слушать из коричневой радиокоробочки, семь вечеров читала по радио мою молитву о тебе. Вся Беларусь слушала сыновью исповедь перед тобой, моя святая терпеливица. Давай же вместе, ты с небес, а я на земле, поблагодарим Марию Захаревич за то, что она есть в Беларуси, за то, что она была и есть в наших душах.

Картина двадцать вторая

Два крыла творчества

Геннадий Лисовский, когда я вошел в его дом, со вкусом хлебал ароматный борщ. Косовица, с которой он только что вернулся, аппетит подстегнула. Но как только услышал, что интересуюсь Марией Захаревич, отложил ложку в сторону.

— Да мы же с Марусей вместе вот здесь, в Новоселках, росли, — Геннадий Осипович даже покраснел от приятного волнения. — Вон, через канаву, их хата. Юрка, ее отец, построил после войны. Да моя мать и ее отец — двоюродные. Вот какая мы родня!

Разговор поддерживает жена хозяина Валентина Егоровна:

— Вместе учились. Потом я здесь учительствовала, а Гена электриком работал. Маша-Маруся высоко взлетела, да не возгордилась. Простая, общительная. Наш дом никогда не обойдет стороной...

— Подожди, Валя, я расскажу, — перехватывает разговор Геннадий Осипович. — Было так. Маруся Юркова поехала учиться в Минск, а я бросился в Россию зарабатывать «длинный рубль». Много лет не виделись. Однажды пошел в кинотеатр. Показывают фильм о железнодорожниках «Зеленые огни». Вижу, наша Маша на экране. В массовке какой-то. Промелькнуло лицо — и все. Назавтра направился к киношнику, прошу: «Браток, заплачу, прокрути для меня еще разок «Зеленые огни». Послушался. И тут я окончательно убедился: ОНА! Новоселковская Маша Захаревич на экране. Такова была наша встреча с ней на чужбине...

Подобных признаний, писем, телеграмм Мария Георгиевна получала множество, когда начала сниматься в кино. А первым крылом этого творчества было телевидение.

Будучи еще на третьем курсе института, Мария Захаревич приняла участие в конкурсе дикторов телевидения. Вдохновил ее на эти экзамены незабываемый Константин Николаевич Санников. Белорусское телевидение тогда только начиналось. Шли пробные передачи. И было очень важно, какие люди первыми привлекут зрителей к голубому экрану.

Принципиальное жюри из всех многочисленных претендентов выбрало диктором республиканского телевидения красивую, привлекательную Марию Захаревич. Это была уже не роль, а должность. За нее платили хорошие деньги.

— Можете не верить, но я пошла на телевидение совсем не из-за денег, — щедро делится воспоминаниями Мария Георгиевна. — В нашей деревне Новоселки, у Степковых, появился первый телевизор. Смотреть передачи к ним ходили мои родители, тети, почти вся деревня. И мне приятно было, что они ждали, когда появится на экране «наша Маруся» — так все меня называли раньше, так называют и сейчас. А ведь они не знали, как я каждый раз перед камерой трепетала от волнения и страха. Как я каждый вечер брала в долг у подруг то платье, то кофту, то шарфик, чтобы выглядеть каждый раз по-новому. Студия представляла собой небольшую комнатку. Там стояла камера на трех ножках и кресла. И я стоя объявляла новости, погоду. Такая работа вскоре надоела мне, и я, видимо, сбежала бы с голубого экрана, если бы не появились творческие, увлекающие режиссеры...

Мария Георгиевна рассказывает о первой телепостановке по рассказу Константина Паустовского «Корзина с еловыми шишками». Режиссер Всеволод Кухта пригласил ее сыграть Дагни Петэрсэн, молодую девушку, которой композитор Эдвард Григ посвятил одно из своих музыкальных произведений.

Второе крыло творчества Марии Захаревич крепло на съемочных площадках белорусской киностудии. На счету актрисы более двадцати фильмов, в которых она принимала участие.

Наибольшее доверие ее таланту оказал режиссер Виктор Туров. Они ровесники с Марией Захаревич. Война отняла у них детство, обнажила их чувства. А встретились на высокой орбите искусства и словно породнились. Признанная на сцене купаловка Мария Захаревич играла в фильмах Турова «Сыновья», «Воскресная ночь», «Буквы на мраморе», «Далекое и близкое».

К экранизации мележевского романа «Люди на болоте» знаменитый режиссер, народный артист СССР Виктор Туров подбирался шесть лет. Сам написал сценарий. Ему хотелось создать фильм не столько о прошлом, сколько о современном, и вместе с героями «Полесской хроники» заглянуть в будущее.

Фильм получился. И не один. В несколько серий едва уместились романы Ивана Мележа. В них Мария Захаревич оживила образ Игнатихи, деревенской женщины, очень похожей на горемычных новоселковских женщин.

Мария Захаревич снималась в фильмах режиссеров Виталия Четверикова, Михаила Пташука, Дмитрия Зайцева, Бориса Степанова, Марка Браудэ, Вячеслава Никифорова, Юрия Цветкова. Все они известные мастера кино. Их фильмы с участием Марии Захаревич («Руины стреляют», «Ясь и Янина», «Черная береза», «Надпись на срубе», «Хам» и другие) составляют целую эпоху в истории белорусского кино.

Хорошее кино любят все. Мария Георгиевна Захаревич любит и смотрит его по-своему. Она видит в нем прежде всего работу актеров, режиссеров, операторов. И живет в душе актрисы сожаление, что не нашлось режиссера и сценариста, которые бы сполна раскрыли ее творческие возможности в большом кино. Так уж повелось издавна, что на роли главных героев местные режиссеры ищут кандидатов среди московских, питерских актеров, а свои, талантливые и самобытные, — на скамье запасных. Остается только терпеливо ждать и надеяться, как это делала мудрая и знаменитая актриса Стефания Станюта. Только в свои семьдесят лет она была приглашена московским режиссером Ларисой Шепитько на главную роль в фильме «Прощание с Матерой». После всесоюзного экрана к ней пришли настоящая известность и шквал творческих предложений. Нашлись главные роли и в своем, Купаловском театре.

Слова Стефании Михайловны Станюты звучат сейчас как завещание всем актерам:

Мое то, что на этом свете действительно мое, придет ко мне, со мной будет рано или поздно. Бороться с бурями жизни и времени наедине слишком трудно. В океане жизни нужно стремиться иметь то, на чем можно и в бурю выплыть...

Мария Захаревич стремится всегда держать в запасе ту спасительную лодку, на которой «можно и в бурю выплыть». И это помогает достойно выживать и жить.

Картина двадцать третья

Душой зажженные свечи

Кажется, знаю еще одну тайну Марии Захаревич. Почему ей однажды стало тесно и неуютно на театральной сцене?

Что скрывать, было время, когда артистка не была востребована в главных и важных ролях. Режиссеры словно в упор не видели ее. А душа актрисы переполнена огнем, есть что сказать, донести людям. Разве можно сидеть сложа руки и ждать попутного ветра? Нет, это не в натуре нарочанской Чайки!

И Мария Захаревич нашла своих слушателей через радио, телевидение, на поэтических вечерах и встречах с поклонниками ее таланта во дворцах и клубах республики.

Мария Георгиевна пошла в народ, к людям. Спасительным, вдохновенным источником для нее стали походы с Благодатным Огнем от Гроба Господня по историческим святыням Беларуси.

Это духовное движение началось на нашей земле в 1994 году. Инициатором, организатором и руководителем его стала поэтесса Нина Загорская,

доцент Белорусского государственного университета культуры и... Беларуси. В первую же научно-творческую экспедицию «Дорога к Святыням» была приглашена и Мария Захаревич.

Для читателей напомню, когда и откуда пришел этот праздник на Беларусь.

Ежегодно, в Великую Субботу перед православной Пасхой, к Гробу Господнему в Иерусалиме сходит небесный огонь. Иерусалимский Патриарх в ту ночь входит в храм, где некогда был похоронен Иисус Христос и где воскрес, и начинает молиться. Просит Бога простить грехи людские. В полночь происходит чудо из чудес. С небес сходит огонь к Гробу Господнему — Огонь прощения, очищения, благословения, спасения. От него Патриарх зажигает 33 свечи, по числу лет, прожитых на земле, среди людей, сыном Божьим Иисусом. Свечи с Огнем небесным выносятся в храм Воскресения Господня. Там паломники со всего мира принимают дар Божий на свои свечи и разносят святыню из Иерусалима по всем странам.

В ночь на 20 мая 1992 года Божий свет пришел в Беларусь. Огонь доставили в специальной Лампаде. С благословения Митрополита Филарета, Патриаршего Экзарха всея Беларуси, при поддержке республиканской власти, было решено понести тот Божий Огонь Крестным ходом по всей Беларуси.

Первыми адресами святыни стали храмы наших самых древних городов — Турова и Полоцка. В делегацию вошли известные люди из числа творческой, научной интеллигенции, священнослужители, верующие.

Мария Георгиевна Захаревич как будто с детства готовилась к такой ответственной, почетной духовной миссии. Ее мама Ганэта была благочестивой женщиной. И с детства приучила дочь к церкви.

Микасецкая церковь от Новоселок в трех километрах. Дорога к ней полевая, по обе стороны дороги — березы, рожь с васильками, лен. Эта природная красота всегда настраивала душу на таинственность, очищение, размышление. В церковь, стоящую в поле, украшенную березами, входили внутренне подготовленными, настроенными на исповедь и молитвы. А ходили туда всей деревней, как на самый желанный праздник. Сборы в церковь были торжественными. Посещали баню. Надевали чистое белье, праздничные наряды.

Маше родители купили черные кожаные туфельки, платье. Ее, как ровню, брали с собой то мама, то тети Вера и Марыля. В той церкви, построенной в 1926 году из нарочанских сосен, поставленной на фундамент из бутового камня, некогда венчались Юрка и Ганэта Захаревичы. Там крестили они свою дочурку Машу. Там она получила первые уроки духовности.

По признанию Марии Захаревич, молитва и церковь остались с ней на всю жизнь. И даже ее членство в партии никак не повлияло на то, что заложили в нее в детстве верующие мама и папа.

Ежегодно участники духовной экспедиции «Дорога к Святыням» посещают храмы, проводят творческие вечера, освящают церкви, часовни, кресты, источники, памятники. Уже пройдено свыше одиннадцати тысяч километров. Зажжены лампады с огнем от Гроба Господнего в десятках храмов. Сотни тысяч людей зажгли от Святыни свои домашние свечи. А еще у храмов Беларуси, там, где зажжены лампады, растут сады Молитвы. В них есть и деревца, посаженные Марией Захаревич.

И вот под куполом церкви звучит ее голос.

— Люди милые, спасибо вам, что ждали этого часа встречи с Благодатным Огнем. Он пришел на вашу землю, в ваш любимый храм. Его вы сегодня принесете в свои дома. И очень бы хотелось, чтобы Святой Огонь осветил ваши

души, чтобы вселил веру в сердца ваших детей. Святыня пришла к вам как избавление от дурного и злого, как светлая надежда на лучшее. Забудем мирскую суету, объединимся душами и помолимся за нашу милую Беларусь...

Картина двадцать четвертая

Сама себе режиссер

В те девять долгих лет, когда Мария Захаревич не получала новых ролей, она сама стала режиссером. Свои способности в новом амплуа проявила на театральной сцене Молодечно. Закрепить успех решила в своем, Купаловском театре. Хотелось еще раз проверить себя, хотелось кое-кому доказать, что талант нужно беречь, ценить и давать ему свободу.

А самое главное — в руки актрисы попала интересная пьеса английского драматурга Майо Саймона. В русском переводе она звучала так — «Инструкция по выживанию пожилых леди». В репертуар театра вошла с названием «Я цябе не пакіну».

Пьеса как будто простая по сюжету, без особых выкрутасов. Две одинокие, старые женщины случайно встречаются на автобусной остановке. Одна, как выяснилось, теряет зрение. Его не удается вернуть даже после операции. Вторая потеряла любимого мужа, дочь покончила жизнь самоубийством. И некогда веселая женщина страдает от потери памяти. Беда объединяет их, и женщины приходят к выводу, что только вместе они — один полноценный человек. Нетти и Шпринци мечтают даже о путешествии на Аляску и Гавайи.

Мария Георгиевна поняла, что эта пьеса будет интересна не только тем, кто уже имеет почтенный возраст, а и тем, кто приближается к проблемам возраста, и даже для современной молодежи, которая захочет увидеть себя в будущем. Одним словом, пьеса могла бы стать уроком для любого зрителя, настоящей инструкцией по выживанию. Забегая вперед, скажем, что спектакль «Я цябе не пакіну» оправдал намерения народной актрисы. Он стал определенным сюрпризом для зрителей, для критиков и даже для купаловцев. А чтобы до конца понять это, давайте заглянем в творческую лабораторию режиссера и актрисы Марии Захаревич.

Мне довелось видеть рукописные листы пьесы, писаные-переписаные рукой Марии Георгиевны. Она вдохнула в текст колорит родного белорусского языка. Каждую строку пропустила через свое сердце. Подчистила текст от пустых реплик, диалогов и ввела в образы героинь страницы их биографий. Это сейчас они старые и немощные, а в прошлом — известные и популярные артистки. На сцене они вспоминают свои былые роли, читают монологи, танцуют, поют. Их вчерашняя жизнь привлекает зрителей, и становится понятным, почему героини такие бодро-веселые, почему им хочется поехать на Гавайи.

В пьесе — две героини. Одну из них — Нетти, полюбила Мария Захаревич. Она решила стать играющим режиссером, а не просто постановщиком спектакля.

Кто же сыграет Шпринци, а заодно и Голди? В пьесе эти две роли исполняет одна актриса. Мария Захаревич мучительно перебирала в памяти всех артисток, с которыми работала в Купаловском театре, которых знала в других театрах республики. Никак не отыскивалась напарница, которая бы была родственной по духу, понимала и Захаревич-режиссера, и Захаревич-Нетти.

Помог, как всегда, Его Величество Случай. Из них обычно и строится наша жизнь.

Во Дворце Республики проходил высокий прием женщин в честь их праздничного дня. В перерыве за чашкой кофе встретились две народные артистки Беларуси — Мария Захаревич и Наталья Гайда, известная купаловка и ведущая артистка Театра музыкальной комедии, героиня оперетт «Сильва», «Фиалка Монмарта», «Марица», «Баядера», «Веселая вдова», «Летучая мышь», «Поцелуй Чаниты», «Павлинка», «Нестерка»...

Тот знаковый разговор вспоминает Наталья Викторовна Гайда:

— Когда я переехала из Свердловска в Минск, мое первое знакомство с Марией Захаревич было заочным. Я услышала по радио ее голос — объемный, глубокий, напевный. Как-то с мамой пошли в Купаловский театр, и там я увидела артистку, которой принадлежал этот бархатный голос. Потом я не раз ходила на спектакли, в которых играла Мария Захаревич. Благодаря ей поняла и полюбила белорусский язык. Позже, безусловно, мы познакомились, вместе работали на творческих вечерах, выступали на одной сцене во время правительственных концертов. А тогда, за чашечкой кофе, Мария Георгиевна начала доверительно открывать мне свою творческую задумку. Кратко пересказала содержание пьесы, как бы проигрывала отдельные сценки. У меня аж слезы на глазах выступили. А она вдруг задумчиво говорит: «Ищу вот, с кем бы сыграть пьесу». Наступила пауза в нашем разговоре. И я, неожиданно для себя, тихо, как мышка, сказала: «Маша, возьми меня... Хотя бы дублершей...» Она оживилась: «А что?.. Наташа, это идея!.. И не надо дублершей. Будешь Шпринци!..»

На другой день в гримерке Купаловского театра встретились две героини будущего спектакля, две народные артистки. Начались читки, репетиции, обсуждения. Вся камерная работа строилась на уважении и доверии. И это привело к желанной победе, к чудо-спектаклю, который трогал каждого зрителя, ведь за каждым, кем бы он ни был, как тень шагают проблемы, невзгоды, беды старости. И актрисы Мария Захаревич и Наталья Гайда вместе со своими героинями дают ответ, что нужно делать в такой период жизни. Они и сами воспользовались этой «инструкция по выживанию», когда оказались невостребованными в своих театрах.

Спектакль «Я не пакіну цябе» прошел путь от Малой сцены Купаловского театра до Международных театральных фестивалей в Москве, Киеве, Гомеле. На фестивале «Славянские театральные встречи» Мария Захаревич и Наталья Гайда признаны победителями в номинации «Лучшие женские роли».

Картина двадцать пятая

Наследники

На сцене Русского драматического театра имени М. Горького сын Андрей Захаревич, признанный артист.

В зале — его мать, Мария Захаревич.

Играется комедия английского драматурга Рэя Куни «Пойманный сетью». Андрей Захаревич в ней в роли квартиранта Стэнли Поуни. На нем, энергичном, пластичном, находчивом актере, по сути, держится спектакль. Переполненный зал то и дело взрывается хохотом.

А Мария Захаревич сидит настороженная, притихшая. И только к концу спектакля начинает улыбаться, глаза заискрились. Призналась мне:

— Андрей прошлой ночью на комариный нос не уснул. Прогонял текст. Таблетки глотал...

В финале спектакля, на поклонах, зрители наградили артистов звонкими аплодисментами. Андрей Захаревич получил от мамы букет белых хризантем. Он нежно прижал цветы к лицу и, мне показалось, поцеловал их.

Каков же путь Андрея Захаревича к большой сцене? Как он одолел его? Кто помогал? Что повлияло на выбор профессии?

Не раз слышал, что Андрей едва ли не с пеленок рос самостоятельно. Действительно, бывал и в круглосуточном садике, и в пионерских лагерях, и под наблюдением нянек. Мама постоянно занята: то репетиции и спектакли, то гастроли и съемки в кино, то концерты и выступления. Но все это и составляло ту творческую домашнюю атмосферу, ту ауру высокого духа, в которой купался, пестовался и мужал Андрей Захаревич.

Его воспитанию уделили внимание заслуженная артистка Беларуси Мария Зинкевич, актриса Бирута Дакальская. Дай Бог всем нашим детям таких воспитателей!

Кроме того бабушка Ганэта и дед Юрка, тетки Вера и Мария, Лида Хвалько с Мядельщины. Он бывал месяцами в Новоселках, по две смены в детских лагерях. Набирался мудрости от бывалых людей, дружил с деревенскими сверстниками. Учился всему земному: картофель копать, на лошади верхом ездить, дрова пилить, грибы собирать. Познавал поэзию сельской жизни. Бегал по тропинке через рожь, видел вблизи аистов и озеро с чайками. И как бы хорошо ни было, всегда скучал по маме, ждал ее, а самое главное — старался ничем не огорчить.

Так проходили детство, школьные годы Андрея. И незаметно пришел выпускной вечер. А мама на гастролях в Одессе. Парень и аттестат зрелости получал без нее, и выбор дальнейшей учебы делал самостоятельно.

Андрей Захаревич стал студентом Театрально-художественного института. За все годы учебы сына Мария Георгиевна ни разу не была в институте. Пришла только на государственные экзамены. Ее Андрей был самостоятельным с детства. Она ему доверяла во всем, верила в него.

Успокаивало и утешало то, что Андрей учился у известных педагогов: Бутакова Александра Ивановича, Сидорова Юрия Владимировича, Кургана Ильи Львовича, Фторова Бориса Петровича, Узуновой Тамары Сергеевны...

Еще будучи студентом, Андрей Захаревич участвовал в республиканском конкурсе чтецов, занял первое место и стал лауреатом. С Андреем Кашкером, своим однокурсником, ездил на конкурс известного мастера художественного слова Владимира Яхонтова в Ленинград. Читали отрывок из романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». Домой вернулись дипломантами Всесоюзного конкурса. А еще студент Захаревич блестяще сыграл Андрея Белорецкого в «Дикой охоте короля Стаха» Владимира Короткевича.

Когда пришло время распределения выпускников, у комиссии, которую возглавлял известный драматург, народный писатель Беларуси Андрей Макаенок, не было сомнений. Андрей Захаревич может достойно пополнить труппу Национального Купаловского театра. Макаенок даже позвонил Марии Георгиевне: «Маша, поздравляю, у тебя талантливый сын».

Однако руководство Купаловского театра имело свое мнение: «Не пристало разводить семейственность в театре».

Тогда Борис Луценко, главный режиссер Русского театра, пригласил Андрея Захаревича к себе, где артист и получил постоянную прописку.

Артист Андрей Захаревич был Свинцовым в «Необычных приключениях солдата Чонкина» А. Войновича, Павлином в «Волках и овцах» А. Островского, Могильщиком в «Гамлете» У. Шекспира и во многих других спектаклях. Побывал даже Иваном Царевичем в одноименной сказке.

— Для меня главное, — признается он, — остаться самим собой, не потерять человеческое достоинство, как бы ни было сложно и трудно. Верю, каждый, кто несправедливо кого обидел, все это испытает на себе, сколько бы времени ни прошло...

Андрей не любитель раздавать интервью, немногословен в разговоре. Поэтому к каждому его слову хочется прислушаться и подумать над ним. Вот что он сказал о своей маме:

— Она самая лучшая мама. Талантливая актриса. Маму мы с Валей любим!

Валя — дочь Марии Георгиевны.

Кто же поверит, что Мария Георгиевна мало занималась воспитанием детей? Она своим отношением к жизни, ответственностью к профессии, материнской любовью давала детям не назидательные, а творческие уроки. Вот ее маленькое письмо дочери:

Дорогая Валюшка! Я уже третий день в Киеве. Как только приехали, нас повезли за сто пятьдесят километров на спектакль. Показывали «Павлинку». Вчера была «Верочка» в Театре Франко. А сегодня опять спектакль. Принимают хорошо. Здесь жара страшная. Дышать нечем. Хорошо, что ты в лесу, в лагере. Я тебе перед отъездом накупила всего. Привез ли Андрей? Видела ли на нем новый костюм, как он ему подходит? Смотри себя, не простуживайся. Держись! Жду от тебя письма. Напиши о бабушке. Как она себя чувствует? Целую тебя крепко-крепко.

Как и Андрею, Вале от мамы были даны доверие, самостоятельность, вера и любовь. Все это помогало ей крепнуть на жизненных дорогах и выбирать свой путь. Валентина окончила тот же ВУЗ, что и мама, и ее брат. За короткое время своей работы в Купаловском театре она сыграла Ирину в «Трех сестрах» А. Чехова, одну из дочерей в «Поминальной молитве» Шолом-Алейхема. Дальнейшая ее карьера связана с кино.

Подрастает у Марии Георгиевны и внучка Лиана, дочь Андрея. Она учится в колледже, душой тянется к высокому искусству. Бывает на спектаклях, в которых играет Мария Георгиевна. Занимается макраме, вышила картину, которая украшает гостиную. А главное увлечение Лианы — арабские танцы. Помогает матери делать себе костюмы. Участвовала в престижных танцевальных конкурсах и имела там успех.

Творческая атмосфера дома, духовная аура Марии Георгиевны влияет на ее наследников. Они почувствовали и увидели нечто загадочное, волшебное в творческой работе и ринулись в сложную тайну искусства, в невероятно тяжелую профессию, где есть только начало, где нельзя поставить точку, где много непонятного, того, что восхитит однажды и держит в заложниках всю жизнь.

Кроме того, Мария Георгиевна Захаревич умеет держать перо, вынашивать мысли и слова. Жаль, что она не ведет дневников, не пишет мемуары, не записывает воспоминания о людях, с которыми шла по жизни, о событиях, свидетелем которых была.

Но хочется надеяться, что когда-нибудь она найдет время, положит перед собой стопку бумаги, и — оживут переживания, радости и тревоги одной из самых ярких наших современниц, в образе которой видится наша Беларусь — белая и чистая.

Перевод с белорусского Алеся ГИБОК-ГИБКОВСКОГО.

МИХАИЛ ПОЗДНЯКОВ

Ты — и воля, и песня живая

Родина

Сюда ведут дороги,
Покуда силы есть.
Мечты мои, тревоги
И память — все вы здесь.

Сюда, где речка Греза
Течет среди лугов,
Где я мечтал и грезил,
Где всё — моя любовь.

Сюда, к родному дому,
В сиреневый дымок,
Где каждый куст знаком мне
И каждый лепесток.

Сюда, где край мой милый,
Где, дороги до слез,
Родителей могилы
Средь кленов и берез.

Где ароматом дразнит
Весной любой листок,
Где жизни моей праздник
И золотой исток.

Забродью

Вот к тебе и приехал я вновь.
Добрый день, дорогое Забродье! —
Ароматы цветущих садов
И печальный бурьян в огороде.

Повстречаю сельчан у реки —
Больше вдовы, свой век доживают...
Пусть оковы твои нелегки,
Ты — и воля, и песня живая.

Материнская хата молчит,
На дворе — тишина вековая.
Потерялись от счастья ключи.
Настежь боли я дверь открываю.

Фотография

Отец, и матушка, и тетя...
Еще тот миг запечатлел
Подворье, дом, скворца в полете,
Меня — я в объектив смотрел.

Вернуться вновь и вновь пытаюсь
В то время — только, видно, зря.
Вновь не снимусь, как ни стараюсь,
Чтоб вместе — папа, мама, я.

* * *

Синицы, сойки, свиристели —
Гудит, поет, щебечет утро.
Рассвет играет на свирели
И красит землю перламутром.

Ромашки лепестки раскрыли,
Мне сердце нежат белизною.
Душа деревни легкокрыла —
Теплом поделится со мною.

Иду алмазною тропою —
И кажется, что детство близко,
Хоть мне с далекой той порою
Так мало видится единства.

Людей встречаю здесь я редко,
Трава в подворьях загустела.
Со мной беседуют соседки —
Синицы, сойки, свиристели.

На родине

Камышовою травой
Зарастает речка Греза.
Бегал тут мальчишкой резвым...
Мертвый здесь теперь покой.

Погибает озерцо —
Место встреч и игр веселых.

Травами густеют села,
Вечный сон забрал косцов.

Цезий нынче — царь полей,
Водоем — пустая ямка,
Стала лесом Забродчанка,
Где ловили пескарей.

Что творишь ты, человек,
Ставший пасынком природе?
Свой — какой в угоду моде?! —
Укорачиваешь век?

* * *

Нам истина
с годами открывается.
Ты ежечасно помни,
человек:
с любви все в этой жизни
начинается.
Устал любить —
и твой окончен век.

* * *

Я не могу к природе быть глухим,
С волненьем каждой встречи ожидаю.
Приду в вечерний бор и, слившись с ним,
Почувствую красу родного края.

Тут льется сосен смоляных бальзам,
Свисает с елки лунный серп двурогий.
Когда утрачу веру в этот храм —
То, значит, сбился с правильной дороги.

* * *

Не нужны мне миллионы.
Что имею — то и трачу.
Озабочен, утомлен ли —
Над судьбой своей не плачу.

Не пугают годы, старость.
Все у нас, людей, от Бога.
Жизнь моя — не боль, не кара,
А нелегкая дорога.

Поэтам

Кричим или шепчем о вечном,
Ложится в поэму строка.
Считаем свой век человечным,
Стремимся творить на века.

Нам видятся светлые дали,
Где Музы приветствуют нас.
И кони еще не устали,
Что мчат на заветный Парнас.

Но время, летящее птицей,
Внезапно подводит итог.
И слов золотые крупицы,
Все взвесив, покажет нам Бог.

* * *

Кто-то едет в мерседесе,
У него полно всего.
Я брожу по перелескам,
Но счастливей я его.

Не забьется сердце чаще,
Не родит ни вздох, ни плач,
Потому что к слову «счастье»
Нет синонима «богач».

* * *

Идут, спешат, бегут
Рутинные года.
Несут меня, несут, —
Быть может, в никуда.

Как шустрым рысакам,
Рукой машу им вслед.
Тут не успел и там.
Дел разных — целый свет.

От множества забот
Устав,
      печально тих,
На лучший, новый год,
Откладываю их.

А новый?.. Так и он
Короткий, как на грех...
Проходит, словно сон,
Наш человечий век...

* * *

Хочу туда, где пахнет хлебом
В избе и чистой, и живой,
Где хорошо под синим небом
Учиться мудрости простой.

Туда, где, не скрывая радость,
Встречает каждый — чем богат,
Где торговать душой не надо,
Где ценят доброту и лад.

Хочу туда, где за рекою
Лучисто колосится рожь
И где встречают добротою,
Где не в почете зло и ложь.

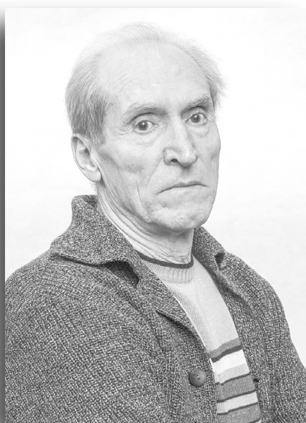
Хочу к заветным тем воротам
Дойти по собственным следам —
Там славит родину работа
И каждый виден по делам.

После

Какое чудо —
Ранним утром росным
Птиц перекличку
Слушать не дыша.
Но только
Понимаешь это
После,
Когда от сна
Пробудится
Душа.

Какое наслажденье —
Жаркий полдень —
И дождь внезапный,
Словно из ковша.
Но только
Понимаешь это
После,
Когда огнем
Наполнится
Душа.

Перевод с белорусского Елизаветы ПОЛЕЕС.

ОЛЕГ ЖДАН

Прощание

Рассказы

Старуха смеется

Столичный рассказ

Улица была широкая, машины неслись как сумасшедшие, но иной раз, если Ваня был в настроении, они преодолевали ее за один сигнал светофора. Ну а нет — останавливались на островке безопасности. Конечно, водители, увидев Ее с козой и козлом, смеялись, что-то кричали, сигналили, Ей тоже было немного смешно, Она бы и сама посмеялась с ними за компанию, но Ваня мог в любой момент скакнуть в сторону, и что тогда? Крепко держала его правой рукой, Маню левой. А за спиной висел мешок с пожитками — все самое ценное, что у Нее имелось и всегда было при Ней.

Два раза в день они преодолевали эту улицу туда и обратно: утром, когда выправлялись к своим постоянным клиентам, и вечером. Конечно, можно было бы подоить Маню на месте, привязать с Ваней около озера, и отнести молоко. Но в том-то и дело, что клиентки Ее — люди особенные, хотят, чтобы доила Маню в их собственную посуду, у них на глазах. Молочко пьют только свежее, а потому берут понемногу — пол-литра, редко — литр. Маня коза хорошая, молочная, до четырех литров дает летом за день. Платят хозяйки неплохо, и за эти деньги Она вполне может купить себе хлеба, какой-нибудь крупы и даже масла или колбаски.

Еще можно было бы Ваню оставить одного около дома, и однажды попробовала — чуть не удавился на веревке, которой привязала его, — так рвался вслед, так любил Маню и боялся остаться один. Было за что любить: ласковая Маня, послушная, славная. Да и красавица.

Маня тоже его любила. По крайней мере, во время дойки всегда смотрит на него, дескать, вот я какая молочная, какое вымя у меня нежное, розовое, какие сосцы. Опять же, сочную веточку всегда объест только с одной стороны — кушай и ты, Ваня.

На эти деньги и жила баба Катя, а пенсию свою маленькую — такую маленькую, что в сбербанке всегда по два раза глядели в компьютер, как в бинокль, — верно ли? — Она последний год вовсе не получала — пускай копятся, может, скопится столько, что... Да уж придумает, как с ними поступить, что сделать. О денежки! Нет ничего милее. Денежки — это все. Вот только поняла Она это поздновато. Конечно, всю жизнь любила их, как все люди, но не так, как теперь. Ого, денежки! Люди способны ради них на все. Это Она вполне почувствовала на своей старой шкурке.

Идет Маня охотно, несет вымя достойно. Налились сосцы за ночь, жирно капает молочко на асфальт. Знает Маня, что скоро, там, возле красивых домов,

будет ей облегчение. Да и гостинцы будут — кто-то принесет хлебушка, а кто и конфету. Ну а Ваня то отстает, то обгоняет, рвется к каждой мусорной урне, высоко задирает круторогую голову, потряхивает жидкой бородкой — думает, что Маня любуется его мужской красотой.

Хлеба Мане подают почти все хозяйки, а вот Леночка, внучка бабы Нины из высокого дома, всегда приносит конфету. Беда случилась у них. Отец уже сколько лет сено собакам косит, мать уехала в Москву на заработки и пропала.

Леночка девочка славная, улыбчивая. Надеется, что вернется, найдется мама. А как найдется, если год прошел — ни слуху ни духу. Всегда просит подоить немножко Маню и аж вспотеет от волнения, пока устраивается на раскладной табуреточке, пока надоит нежными пальчиками стакан. Надо бы сбавить цену для них, но — денежки. Нужны денежки.

«Баба Катя, — спрашивает Леночка, — а Маня и Ваня — семья?» — «Да, семья». — «И козочки у них будут?» — «Будут». — «Бабуля, — умоляюще смотрит на бабу Нину Леночка, — хочу козочку». — «Где же мы держать ее будем, внучка?»

Прошлой осенью принесла Маня двух козочек. Что с ними делать? В суп — рука не поднимается. Понесла на рынок, в Ждановичи. Люди мимо идут — останавливаются, улыбаются, детки гладят по головкам, а вот купить — нет, не хотят... Еле продала какой-то старухе из деревни. Почти за «так», только б избавиться.

Одна из покупательниц, из соседнего дома, женщина молодая и сильно капризная. Морщится-кривится, приносит салфетки, чтобы протерла руки перед доением, и все равно глядит, будто глотнула полынного взвару. Хорошо бы отказать ей, но — как? Впрочем, платит хорошо. Молоко она берет для мужа, сильно он нездоров, а молоко помогает.

Покупательниц у Нее четверо, все постоянные, перезнакомились, даже подружились. Получив свое молоко, прощаться не торопятся, ведут разговоры: зять или невестка встали с левой ноги, внучка явилась домой под утро, внук принес в кармане пачку сигарет. Подходят к Ней и просто поговорить, — нет, не молодые, молодым некогда, — старухи, которых дети привезли из деревень. Между прочим, предложили недавно познакомить со стариком-вдовцом — один живет в двухкомнатной квартире. Предложение заманчивое, но даже если понравятся друг другу, куда Маню и Ваню? Столько лет они кормили Ее, а теперь? Нет уж, будут жить вместе до последнего, пока не придет бульдозер сносить дом. Да что бульдозер, домик Ее, точнее, избушка на курьих ножках, уже повалилась на ту сторону, где крыльцо, припала к земле, словно винясь перед людьми за свою старость и слабость. Понятно, что и двери перекосило, и окна, но — лето! — пока можно жить.

Конечно, если бы знать, что у старика этого есть денежки... Однако к старости люди часто становятся скупыми. Помирать будет, а не скажет, где спрятал. Она тоже стала скупой. Что ж, так и должно быть. А как же? Скупость — не глупость, а защита человеку. Есть у каждого человека последние дела, и чтобы закончить их, нужны денежки. Тогда, наверно, и помирать легче. А у Нее есть дело — нужное-важное, нужней-важней не бывает.

Здесь, у озера, когда-то была деревня, в которой Она и жила всю жизнь, но год назад последние жители покинули ее: в сотне шагов, за бугром, уже давно гремел великий город. Всем выписали большие квартирки, а кому и квартирищи, все переехали со слезами и песнями, греются теперь и зимой, и летом. Зоська тоже переехала.

Каждый день бубнила-талдычила: никуда ни за какие деньги, а переехала. Она ей сразу сказала: куда ты денешься! Куда повезут, туда и поедешь!

И поехала. Теплый, слышно было, дом. Вот бы защемиться в такой на зиму, в темный уголок, да и сидеть тихо, как мышь, до самой весны!.. Между прочим, Она тоже могла бы — со слезами и песнями, Ей тоже выписали квартирку, но пришел сын, сказал: «Спасай, матка. Пропал я, совсем пропал». Деньги были нужны ему, много денег, — пришлось квартирку продать. Она и не видела ее ни разу, и денег тех не видела, все сделал сын. Однако все равно не хватило, сбежал сын на край земли, чтобы жить, только одно письмо прислал без обратного адреса, но это неважно, главное — жив, встретятся когда-нибудь. Вот тогда и понадобятся денежки, которые Она копит для него, чтобы отдал людям, от которых сбежал. Ого, денежки! Время такое, что и жизнь можно купить, и смерть продать. Денежки — особенно в большом городе — это все.

Лето выдалось замечательное, теплое и не слишком дождливое, Она расставила тазы и ведра там, где сильно протекала крыша, — и ничего, помаленьку жила.

Люди удивлялись, когда видели Ее здесь. Считалось, что тут уже давно никто не живет. Как-то раз заглянул какой-то мужчина, судя по пузцу — вот-вот ремень пополам — начальник, спросил недоуменно: «Ты что, бабуля, живешь здесь?» Ага, так Она ему и призналась. «Я? — удивилась. — Что вы. Я — там», — махнула рукой за бугор. Долго смеялась, когда он исчез. Знает, как с ними, начальниками да командирами, разговаривать.

Между прочим, бульдозер однажды уже приезжал. Молодой парень работал на нем, красивый, рыжие кудри столбом. Домик Ее стоит с краю деревни — на него и прицелился. Но только двинулся, как Она встала на пути, замахала руками. «Эй! — закричала. — Одурел? Посадят! Тюрьма тебе! Охраняется! Штраф!» Тракторист долго оглядывался по сторонам, матерился, плевался и, наконец, уехал.

Бывает, порой мужички выпивают под липкой по соседству, а потом бутылки несут ей. «Сдай, бабушка». Она бутылки берет, не объясняя, что у Нее есть коза, а бутылками Она не занимается. Бывает, даже принесут вина или водки на донышке. «Глотни, мать!» Она улыбается: «Глотну!» — «Сколько тебе лет, бабушка?» — «Сто!» — смеется. И они смеются. «Молодец! — говорят. — С получки опять придем. Живи!» Если вино сладкое — выпивает, если водка — собирает в другую бутылку: очень хорошо для натирки перед сном, если болят ноги, — а они к вечеру сильно болят.

Бутылки Она отдает молодому бомжу, что каждый день проходит мимо. Этот обычно в разговоры не вступает. Этому, кроме бутылок, ничего не надо. Весело Ей глядеть на него: милицейские штаны, женская кофта, шляпа с широкими полями, — а бомж сердится. «Чего лыбишься?» — «Красивый ты!» — «Вот дура», — не соглашается бомж. Бутылки, однако, забирает. А спасибо сказать — нет, никогда. Впрочем, Ей спасибо не надо.

Чего лыбишься, или — смеешься, гогочешь-хохочешь — это спрашивали люди у нее всю жизнь. Она улыбалась и не отвечала: как ответишь? Нескучно Ей, даже весело — вот и лыбится. Разве запрещено? Нет, разрешено.

«Поплачь, Катя, легче будет», — это Она тоже слышала всю жизнь. Может, и плакала, только никто этого не видел. А зачем им видеть? Видели другое: слезы градом, а Она улыбается.

«Ты, наверно, и в гробу улыбаться будешь», — сердился муж Иван. «Вот уж плакать точно не стану», — улыбалась Она. А сколько поулыбалась, когда поняла, что ни денег, ни квартиры, ни сына? Сыпала, как горохом.

А когда пропали денежки в 91-м? Десять лет собирала-откладывала для внученьки по копейке-рублику, думала, будет выходить замуж, а Она ей — на!

На колечко или на платье. Забрали! Шла тогда из сбербанка домой, подняв глаза к небу, чтобы не проливалось: «Люди, что ж вы это такое сделали? Зачем вам мои денежки?» Потом... Да что вспоминать? Исчез сын, а через год Клава, жена его, нашла себе другого и укатила с ним, с дочкой, куда — Бог весть. Пришла, а их нет. Другие люди живут. «Что вам, бабушка?» — «Нет, ничего». — «А чего улыбаетесь?»

А как не улыбаться? Весело жить.

Третья покупательница женщина серьезная. В разговоры не вступает, хмурится, если много говорят другие. Видно, деловая. Никто ничего о ней не знает, а когда приходит, умолкают, словно не доверяют или опасаются. Кому покупает молоко, то ли себе, то ли детям, не говорит. За это и осуждают: нельзя так — пришел-ушел. Надо сказать-рассказать, постоять с людьми минуту. Получив свое молоко, сразу уходит, ни слова ни полслова. И походка у нее деловая: раз-два. Женщины осуждающе глядят вслед. Но однажды и она заговорила. «Где вы живете, бабушка? — спросила. — Семья у вас есть?» — «А как же, — ответила Она, как всегда улыбаясь. — Вот она, Маня и Ваня». — «Нет, вы шутите, а я серьезно». — «И я». В самом деле, Она и не думала шутить. Она вообще никогда не шутила. Какие шутки на восьмидесятом году жизни? «Мой муж мог бы помочь вам в дом престарелых». — «Престарелых? Ну что вы. Я еще молодая». — «Что вы улыбаетесь? Я серьезно». — «И я». Пожала плечами, похоже, даже обиделась. А чего?

А женщины обрадовались. «Пускай бы сама — в престарелых». — «Так она еще молодая». — «Какая — молодая? Годков пятьдесят есть? Скоро уже, скоро...»

Четвертая Ее покупательница, молодая-разведенная, всегда опаздывает, летит-скачет-катится, на двух работах старается, волосы дыбом, спина мокрая. «Ой, думала, не успею... Ой, слава Богу!..» Женщины радуются: три минуты постоит — все расскажет и про себя, и про бывшего мужа, и про свояков в Москве, в Могилеве. Особенно про мужа. Однако три года, как развелись, — достал он ее, ревновал, дрался, — а теперь с языка не сходит. Да и он три года дежурит по вечерам у подъезда: увижу с кавалером, говорит, обоих убью. «И убьет! — смеется. — Такая у него любовь бешеная». Хорошая женщина. Молоко покупает доченьке, кровь у нее неважная, а пить не хочет, каждый глоток — со слезами...

Конечно, по-разному живут люди, кто лучше, кто хуже. Кто доволен, кто нет. Зоська, к примеру. Все у нее хорошо — живет при детях, при внуках, никто не пьет, не дерется, квартиру получили — квартирищу, а она: лучше б не жила, говорит. Как это — лучше?! Что ты, Зоська? Жить хорошо!.. Или так: пожить на белом свете, что ни говори, интересно. Что, не так? Ну, не знаю, мне хорошо. Интересно.

Конечно, интересно, размышляла Она, когда большая машина с пожитками Зоськи медленно покатила к большой дороге. Зоська высунулась в брезентовое окошко и все махала, махала рукой. Нет, неправа она, неправа. Жить можно! Вот только если б домик дали какой или квартирку — квартирищу ей не надо!.. Однако теперь ничего никому не дают, все покупать надо. И где достать такое большое купило? Где?

Конечно, страшновато было, когда один за одним уезжали люди. Вчера окна теплились, а сегодня нет. Дымок вчера вился над крышей, а сегодня нет. Она и не заглядывала в эти дома. И в дом Зоськи не зашла ни разу.

Однако задержалась Она здесь сегодня с разговорами. Пора Ей, пора! Теперь — до вечера, когда придет очередной раз. Маня с легким выменем всегда бежала домой легко и охотно. А Ваня — нет, ему нравилось среди

больших домов. Особенно, если — дети. Кто конфету даст, кто корочку хлеба. А то и сам найдет какую бумажку, окурок — жует. Приходилось его тащить.

Еще надо было бы заглянуть в магазин, купить хлеба. Прежде Она привязывала Маню и Ваню за фонарный столб у входа. Здесь люди оставляли своих собачек, и собачки озадаченно глядели на Маню и Ваню. Многие никогда не видели таких страшных зверей. Но однажды выбежал хозяин магазина, стал кричать — что за безобразие, только коз да козлов тут не хватало, ударил Маню ботинком в живот. Так что теперь Она, возвратившись домой, привязывала Маню и Ваню к липке и отправлялась в магазин.

Воздух здесь, у озера, был всегда хороший, весной пахло цветами, летом травами, зимой чистым снегом. Но сегодня запах то ли керосина, то ли бензина перебивал все другие. Что это? Какой-то бульдозер, натужно взревывая, сгребал в кучу бревна. Тракторист показался Ей чем-то знакомым. Ну да, тот самый молодой парень, что приезжал прошлый раз, сильно кудрявый, красивый. Столбом кудри стояли, вились, как дым из трубы, вот-вот полетят.

Таких красивых трактористов Она в жизни не видела.

Не сразу поняла, что эти бревна — Ее дом.

Долго глядела на них.

Работать ему, наверно, нравилось или зарабатывал хорошо — улыбался. А в стороне, наблюдая, стоял тот начальник, что приходил сюда месяц назад, с пузцом через ремень, сильно лысый. Как яйцо. Вроде как скорлупа сверху, а внутри желток. И ему работа нравилась, тоже смеялся. Даже жизнь, может быть, нравилась, такое тоже бывает. А как же: солнышко, ветерок свежий с озера, птички поют, денежки есть.

Не смеялись только Маня и Ваня. Маня не смеялась, потому что всегда смотрела на Ваню: как он, так и она. А Ваня ничего не понял и вообще глядел на Маню и ничего не видел, кроме нее.

Да еще Она, баба Катя, не смеялась. Ну, это понятно: старая, хватит, сколько можно, отсмеялась свое.

В конце концов, что это за дом? Осенью и весной сыро, зимой холодно. Только летом хорошо. Но летом можно и так, как Маня и Ваня, под липкой, а зимой... Улыбнулась: до зимы далеко.

Непослушный дед

Он, конечно, знал и помнил, что без особой необходимости высовываться из своей комнатки не следовало, тем более вечером, когда вся семья собиралась на кухне. А еду — кашу и чай — внучка приносила сюда, на табуретку. Он бы и сидел здесь, если бы не раздался из кухни взрыв смеха. Ему захотелось к ним, тоже поучаствовать в общем веселье, а может, и посмеяться. Взял в одну руку тарелку с кашей, в другую чай и пошел бодро. И все было бы, наверно, как надеялся, если бы не линолеум, что торчал у двери: зацепился ногой и... Ладно если бы только сам загремел. Главное, что и тарелка, и чашка с чаем вылетели из рук и на невестку, на сына, на внучку. Всех обделал, так что понятно, почему рассердились. Какие слова кричала невестка, не помнил, очень громко кричала, так громко, что он уже и не понимал ее слов. А все остальные молчали. Он вернулся в свою комнатку, опять сидел на своей табуретке, а она все кричала, и что-то бухало, словно раз за разом роняли на пол тяжелую гирю. Так она еще никогда не кричала на него.

Он вдруг вспомнил друга своего Ивана. Вот кому можно было завидовать: жил один. Виделись они редко, раз в год, а то и реже, но по телефону разговаривали часто — днем, когда все расходились по своим делам. Посмеиваясь, Иван говорил: «Переходи ко мне, будем жить». Но днем ему и здесь было хорошо.

Неожиданно невестка распахнула дверь в его комнатку, взглянула белыми глазами, крикнула: «Сидит!» — и хлопнула дверью.

Когда стало тихо, так тихо, как и не бывает по вечерам, он вышел в прихожую, нашел свое пальто и зимнюю шапку. А когда уже завязал шнурки на ботинках, дверь гостиной открылась и на пороге показался сын. «Куда?» — спросил он. «Пойду», — ответил. «Куда, я спрашиваю?» Тут и невестка показалась из-за его спины. «Пускай идет», — сказала. А сын сказал: «Не дури, батя». — «Что ты его уговариваешь? Выгуляется, придет». — «Батя, не дури».

Но он не дурил. Прикрыл за собой дверь и через минуту оказался во дворе. Горели фонари, доносился гул машин с улицы. Туда он и направился. Дорогу помнил: автобус до станции, троллейбус, потом пешком.

А вот людей на улице почти не было. И то: поздно, холодно, все сидят на кухнях, пьют сладкий чай, смотрят телевизоры. До остановки недалеко, метров двести, люди там поеживались под ветром в ожидании. Две дорожки вели к остановке, одна пошире, но далековатая, другая, узкая, поближе. Он и пошел — поближе. И когда до остановки оставалось совсем мало, опять зацепился ногой за что-то, упал и сильно ударился головой. Звать на помощь не стал, начал подниматься и почти уже поднялся, но ведь оттепель была вчера и позавчера, гололед, опять сверзился, и так еще раз и еще, а потом силы стали оставлять его.

Обход в больнице начинался в половине десятого, но уже в восемь молоденькая сестричка, пришедшая делать уколы другим больным, поинтересовалась: «Дедушка, как ты себя чувствуешь?» Он посмотрел на нее через щелки заплывших глаз, но не ответил, лишь легонько повел головой, мол, жив. Потом пришла старшая сестра, крупная, смелая, спросила басом:

— Как это случилось?

Дед не ответил.

— Сам упал или помогли?

Нет, не хотел отвечать.

— Носом тормозил? — и она поглядела на больного, которому день назад вырезали аппендицит. Он еще просил «утку», а уже с интересом поглядывал на нее.

Она, хоть и не положено, села к нему на кровать, откинула край одеяла.

— Болит? — спросила.

— Болит.

— Подуть?

— Подуй, — обрадовался Аппендицит.

Сестра засмеялась, ушла.

— Ночью подую, — сказала на прощанье. — А ты, дед, готовься к обходу.

Было в палате еще двое. Один лет пятидесяти, а может, и больше, у него было плохое настроение и никакого интереса к женщинам: что-то случилось в желудке, желтизна пошла по всему телу. И сильно порезанный в уличной драке мужик лет тридцати. Этот все ходил туда-сюда, скрипел зубами, видно, мечтал отомстить.

— Чего-то она хочет, — прокомментировал Порезанный вслед сестре, пытаясь улыбнуться не заклеенной бинтами щекой. Но больно было улыбаться, нахмурился: — А ты, дед, спрашивают — отвечай.

Однако не в том дело, что дед не хотел отвечать, а в том, что давно знал — лучше молчать. Все ответы на все вопросы люди сами знают, потому лучше молчать. Ответишь — не обрадуешься.

— Завтрак! — закричали в коридоре.

Все оживились.

— Дед, на завтрак! — громко, как глухому, прокричал Порезанный.

— Принесут ему, — сказал Желтый.

Когда вернулись, дед по-прежнему лежал на спине.

— Голодовка, да?

Сестричка — та, молоденькая, заглянула.

— Дедушка завтракал?

— У него ни ложки, ни чашки.

В больнице требовалось иметь свои чашки-ложки. А также полотенце и мыло.

— Найдем ложку, — сказала сестричка.

Неопытная была и бегом бегала из палаты в палату, хотела все успеть и сделать сама. «Не бегай, — говорила ей старшая сестра, — не выживешь». Но она все равно бегала.

Завтрак принесли, но есть дед не стал.

Начался обход. Целая толпа врачей и накрахмаленных медсестер набилась в палату. Один из них, высокий, толстый и, по-видимому, главный, слушал, что ему докладывали, и коротко распоряжался: рентген, операция, капельница, перевязка. На больных почти не смотрел, но когда очередь дошла до старика, заинтересовался, даже улыбнулся: «Сильно тебя отделали, дед».

Распорядился: рентген, кардиограмма, анализы.

Скоро стало известно: деда подобрала и привезла в больницу милиция.

Ни имени, ни фамилии своей он не назвал.

— Что ты все молчишь, дед? — не выдержал Порезанный.

— Может, немой? — предположил Желтый.

Приехала санитарка с коляской. Подняла деда с постели, повезла.

— Во, дед, разве не жизнь? И ходить не надо, везут.

Желтый с утра до вечера читал газеты, которые ему приносили из дому, вот и теперь стал листать, в поисках нового. А Порезанный этого не любил.

— Хватит шуршать! — прошипел он.

Спорить с ним Желтый не стал, отложил газеты.

Не было деда долго. Наконец та же санитарочка прикатила его.

— Что ему делали? — поинтересовался Порезанный.

— А все. Рентген, кардиограмму.

— Не заговорил?

— Нет.

Санитарочка была маленькая, но сильная: ловко перевернула деда на кровать.

Потом новый доктор пришел, очень быстрый, раз-два. Просил посмотреть налево-направо, вниз-вверх, стучал молотком по колену. А еще спрашивал. Показывал один палец и громко спрашивал: «Сколько?» Потом два пальца и совсем громко: «Сколько?» Потом три.

Дед глядел на него и молчал.

Доктор рассердился, ушел.

А все же повеселел дед. Раньше в стену глядел, теперь в потолок. Хоть немного, но поворачивалась голова на старой шее, когда обращались к нему.

— А ты говоришь — немой, — сказал Аппендицит.

— Старому болеть одно удовольствие, — заявил Желтый. — Лежи себе на боку.

Дед никак не отозвался на его слова.

Когда он прикрыл за собой дверь, все отправились к телевизору и какое-то время молча глядели в него. Потом сын чертыхнулся, вскочил и пошел курить на кухню, к форточке. Пришла и невестка.

— Чего ты дергаешься, — сказала. — Замерзнет — явится.

— Ага, явится, — ответил сын.

Но была надежда. Опять сели к телевизору. Кино показывали такое, какое все любили, про любовь. Раздевались-одевались. Целовались, ругались и опять раздевались. Телевизор был старый, без пульта, и все сердились, когда начиналась реклама. Была идея поставить его у деда, а себе купить новый.

— Пойди-ка ты посмотри, — сказал он дочке.

Но дочке исполнилось девятнадцать, и она тоже любила такое кино.

— Да придет он, папа, — обиженно сказала она.

— Я что сказал тебе? — закричал он.

— Тише, тише, — сказала жена. — Что вы сегодня все?

Дочка вернулась скоро. Быстроногая, длинноногая — что ей обежать вокруг дома? Увидела, что реклама еще не закончилась, повеселела.

— Нет нигде, — сообщила, с ногами устраиваясь в свой уголок дивана.

Когда кино закончилось, сын тоже пошел посмотреть. Сколько ходил, столько губы его шевелились: ругался. Устроил радость дед. Он ему задаст, если все кончится благополучно. Распустился. Например, приказал ему принимать ванну днем, когда никого нет, никому не мешает, нет, лезет вечером, а то и ночью.

Вернулся и сел к телефону. Хотел позвонить в милицию, но не решился. Начнут спрашивать — что, как, когда. Противно. Был у него друг, кажется, Иваном зовут, но ни фамилии, ни адреса, ни телефона этого Ивана он не знал.

Права была жена, когда после смерти матери предлагала сдать его в архив, то есть в стардом.

В шесть утра пришла сестра, принесла термометры. Померили и опять уснули. В больнице те, кто может, долго спят. А когда проснулись, увидели, что дед сидит на постели и улыбается. Хотя улыбку его разглядели не сразу. Как разглядишь, если глаз не видать и нос грушей.

— Здорово, дед! — сказал Аппендицит.

Но дед так задумался, что не услышал.

— Что веселое вспомнил?

Хотя, может, то была не улыбка, другое. Может, пробовал расклеить распухшие губы. Больно.

Впрочем, завтракал, когда принесли, хоть и уголком рта, с удовольствием.

— Видишь, как ест, — завистливо сказал Желтый. — А у меня никакого аппетита.

— Успокойся, — сказал Порезанный. — Отрежут тебе пузырь, будешь есть.

Аппендицит работал таксистом, Порезанный недавно вышел на волю, Желтый протирал штаны в какой-то конторе. Аппендицит и Порезанный мало уважали его.

На десерт подали кисель, и дед с удовольствием выпил его.

— Хорошо здесь, — вдруг сказал то ли сопалатникам, то ли сам себе.

— О, заговорил, — обрадовался Аппендицит. — Ну, рассказывай, дед. Кто тебя и за что.

Но говорить об этом дед не хотел.

— А что это к тебе никто не приходит? — спросил Аппендицит вечером. — Или один живешь?

Дед молчал.

— А я хотел бы пожить один, — вдруг сказал Желтый.

— Потому что дурень, — сказал Порезанный. — Одному хорошо только на нарах.

Что-то все же хотел сказать дед — не решился.

В тот же день, вечером, открылась дверь и в палату несмело заглянула девушка.

— Деда! — удивилась она. — Вот ты где!..

Вошла, села на кровать.

— Что с тобой? Побили?.. Все больницы объездили. Через милицию нашли тебя.

Вот теперь дед улыбался, это точно. Руку протянул и потрогал ее ладонью.

— Кто тебя побил?

— Не знаю, — сказал дед. — Может, сам упал.

— С какого этажа, дед? — вмешался Порезанный. — Погляди на себя. Ногами тебя катали, точно.

— Не знаю.

— Деньги у тебя были?

— Не было. Может, три рубля.

— Ну вот. На бутылку винища. А больше и не надо, чтоб раскатать.

Он еще что-то говорил, но дед не слушал. Глядел на внучку, улыбался и трогал ее рукой.

— Внучка, — вдруг сказал громко, глядя на Аппендицита. — Внучка моя.

Внучка тоже улыбалась.

— Твоя, твоя. Как ты себя чувствуешь?

Вместо ответа дед потрогал рукой губы.

— Больно?.. А все потому, что не слушаешься, — говорила внучка. — Надо слушаться, тогда все будет хорошо. Будешь слушаться?

— Буду, — сказал дед, улыбаясь.

— Ну вот. Скоро поедем домой. Смотри, чтоб всегда слушался. Что скажут, то и делай. Ладно?

— Ладно, — улыбка не сходила с его лица.

Когда внучка ушла, дед опять повернулся к Аппендициту, видно, уважал больше других.

— В институте учится, — сообщил. — Хорошая.

— Замуж еще не просится? — спросил тот. — А то б я женился на ней, если хорошая.

— Ты старый, — ответил дед.

Не понял шутки. Лег, опять стал глядеть в потолок.

Но и Аппендицит не понял. «Я — старый? — бормотал он. — Совсем одурел дед!»

И опять никто к деду не приходил.

Сын, когда узнал, где он, конечно, обрадовался, но и рассердился. Выслушал дочку внимательно, а потом сказал: «Ну и пусть сидит там». Решил не ходить в больницу до выписки, чтобы почувствовал, как виноват. Не понимает, каково ему, сыну, держать его здесь. Как исчезли бы кое-какие семейные проблемы, если б не он. Например, как пригодилась бы комнатка, в которой живет. А суп и кашу носить ему каждый день? А стирать белье? А... да что говорить!

А деду в больнице было хорошо.

— Как на курорте, — сказал он.

— А ты был на курорте?

— Не, не был. Я и в больнице никогда не был.

— Во какой старик! — отозвался Аппендицит. — Жизнь прожил — в больнице не был. А на войне был?

— А как же. Три ранения. Как все.

— А говоришь — в больнице не был.

— Так война.

— Не считается?

Посмеялись.

Старшая сестра тоже заглядывала в палату время от времени.

— Ну, как ты, дед? — Косилась, однако, на Аппендицита. И он на нее. — А ты? Чего-нибудь хочешь? — спрашивала со значением.

— Хочу!

— Не обломится!

Когда уходила, Аппендицит долго посмеивался и шмыгал носом. Размышлял:

— Может, жениться на ней?

— Так ведь женат, — удивлялся Желтый.

— Разведусь, — мечтательно говорил тот.

В такие разговоры дед не вникал.

Через три дня, на обходе, доктор заявил, что деда выписывают. Кости целы, голова в порядке. «У старых партизан шкура заживает быстро, — сказал он. — Звони, дед, домой».

Но телефонной карточки у деда не было, не было и желания звонить. Лег и снова отвернулся к стене: может, и не заметят, что он здесь, если не подавать голос.

Продержался еще сутки. А потом приехал сын. Сильный мужик, рослый и крепкий. И голос, как из медной трубы.

— Собирайся, — сказал гулко.

Но что ему собираться? Ложка-кружка казенные, полотенца-мыла нет. Санитарка уже принесла куртку и шапку.

— Опозорил ты меня, батя. Ладно, пошли.

Однако дед не пошевелился. Наоборот, даже будто отвернул плешивую голову.

— Ну? Оглох? Поднимайся.

Молчал дед.

— Или тебя на руках нести?

— Не хочу, — вдруг сказал дед.

— Как это — не хочешь? Что тут, дом отдыха? Тебя уже выписали. Давай-давай, некогда мне.

— Не пойду, — сказал дед.

— Не пойдешь?

Мужчина плюнул и вскочил на ноги. Ух, какой был — высокий, мощный.

— Ну и сиди! — крикнул, как в бочку. — Только я за тобой больше не поеду!

Как копыта стучали в коридоре ботинки, сильно рассердился человек.

Тихо стало в палате.

— Да-а, — пропел Желтый. — Серьезный мужик. Зря ты, дед. Тебя уже и с питания сняли.

Аппендицит и Порезанный молчали. Дед лег, отвернулся к стене.

А сразу после обеда опять пришла внучка.

— Деда, — сказала, — ты что? Удивил. Мы с тобой как договорились: будешь слушаться. А ты?.. А, деда?

Он сидел на кровати и улыбался, поглядывая то на Аппендицита, то на Порезанного и Желтого.

— Внучка пришла! — объявил. — Внучка моя!

— Внучка, внучка. Твоя, твоя. Хватит, деда. Ты что? Пошли. Мама тебе уже постель приготовила, все постирала. Будешь слушаться?

— Буду, — улыбался дед.

— Ну так-то. Поднимайся, пойдем.

Но дед по-прежнему улыбался и сидел.

— Возьмем такси и поедем. Деда! Ну? Давай руку.

— Нет, — сказал он. — Не поеду.

Внучка опешила.

— Как — не поедешь? Что ты, здесь будешь жить? Здесь мест нет, вон в коридоре лежат люди.

— Нет, не поеду.

— О боже, — сказала внучка. — Что же мне делать?

— Нет, не поеду, — внятно повторил дед.

И еще час просидела здесь внучка, — напрасно.

Ушла.

— Ну, дед, — сказал Порезанный, — ты — кремень. А как жить будешь?

Молчал.

Однако ближе к вечеру дед зашевелился, поднялся, аккуратно перестлал постель, надел свою курточку и шагнул к двери.

— Пойду, — пробормотал. — Дорогу знаю. Автобус до станции, потом троллейбус, потом пешком.

Оглянулся на свою кровать. Хорошая кровать, но — нельзя, значит нельзя.

Аппендицит, Порезанный и Желтый вышли в коридор, глядели вслед. Дед шел медленно, словно раздумывая, не остановиться ли, не повернуть назад? И, наконец, остановился.

— Щас вернется, — сказал Порезанный. — Натурливый дед.

Но не вернулся. Просто ждал, когда придет лифт.

Лифт был старый, ходил вверх-вниз медленно, клацал и громко гудел.

Наконец пришел, и дед исчез, как никогда не было. Автобус, троллейбус, пешком.

Перевод с белорусского автора.

АНДРЕЙ СКОРИНКИН

Во мраке ночном, перед гибелью света...

Бомж

На базаре, под забором,
Бомж дымился вместе с сором,
А вокруг бурлил народ,
Как речной водоворот;
Но в потоке вод бурлящих
Не нашлось сердец скорбящих,
И растаял человек
Незаметно, точно снег...

Так и я сорю пред вами
Сокровенными словами,
Вы ж не слышите меня
И не видите огня...
Только в будущей эпохе
Потрясут планету вздохи,
Между тем другой певец
Будет тлеть во льдах сердец...

* * *

Во мраке ночном, перед гибелью света,
В рубашке одной, босиком по паркету
Скользишь от меня в мир, окутанный тайной:
Бледна, худощава, с улыбкой прощальной...
А я через слезы взираю бессильно,
Как ты приближаешься к пасти могильной...

Урок истории

Не спешите, несчастные люди,
Изменять существующий строй!
Уверяю, вам лучше не будет
Ни под этой звездой, ни под той...

Достижения ваших восстаний
Незаметно от вас ускользнут,—
Существует закон в мирозданье,
По которому люди живут:

На обломках великих империй,
На останках могучих племен
Торжествуют не люди, а звери...
Так ведется с библейских времен.

Судный день

...И многие из спящих в прахе земли пробудятся, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление...

Даниил, 12:2

1

Всевышний открыл мировую гробницу:
Из праха восстали бойцов легионы,
Земля превратилась в большую блудницу,
Рога Люцифера торчат из короны...

2

Война громыхает по всем направленьям,
В грехах первородных погрязла планета...
Господь отличается долготерпеньем
И часто прощает, спасает поэта...

3

Но час настает справедливой расплаты:
Прекрасные женщины нас покидают...
И злобные демоны этому рады,
А добрые ангелы горько рыдают...

4

Теряя любимых на поле сражений,
От страсти случайной легко пламенея,
Душой понимаешь в минуту прозрений:
Чем было приятней, тем будет больнее...

5

Друзья по несчастью, заблудшие братья,
Вы чуете, как обжигает геенна?..
Мы нашу любовь довели до распятья...
Дай Бог, чтоб она возродилась из тлена!..

Драгоценный букет

Букет, подаренный любимой,
Теряет свежесть каждый миг,
Как тот роман неповторимый,
Что переходит в толщу книг...

Мелькают дни, растенья вянут,
К развязке близится роман...
Снег солью падает на рану
И превращается в туман...

Как изменить закон природы,
Как увяданье отменить,
Чтоб не смогли ни дни, ни годы
Из чувств гербарий сотворить?..

Случайный роман

Мы встретились с тобой в концертном зале,
Где от восторгов раздавался свист,
Где «бис» и «браво» зрители кричали...
Тебе во мне понравился артист...
Мой образ, то веселый, то лиричный,
Тебя и вдохновлял, и возбуждал...
Не знала ты, какой же лик трагичный
Искусно я под масками скрывал...
В то время на Земле гремели битвы,
Наш мир все больше утопал во зле...
Я по ночам в слезах творил молитвы,
А ты, смеясь, летала на метле...
Расстались мы спокойно, без скандала...
А нужен ли в таких делах скандал?
Я помню, роза долго расцветала,
На третий день бутон ее опал...
Река судьбы мелка и быстротечна...
Ведь между нами не было любви,
А без любви и страсть недолговечна,
Вот почему меня ты не зови!..
Не вороши золу свиданий знойных,
Из углей чувств не развести костер!..
Все тяготы судьбы прими достойно
И выслушай законный приговор!..
Смирись со всем, чего б ни заслужила,
И не хули сурового Судью...
Немного жаль, что ты не разделила
Влюбленность легкокрылую мою...

Цветы на кургане

Когда гремит бесовский барабан,
Слух не ласкает ангельская лира...
Я, как Гусляр, отвержен Князем мира
И погребен в расцвете лет в курган...

Не стал я членом дьявольского клана,
Не стал я петь антихристу псалмы,
Не получив ни премии, ни сана
Из липких рук лакеев царства тьмы...

Мне не нужны ни лавры, ни дукаты[1],
Ни бронзовый двойник... Мои награды —
Слезами окропленные цветы,
Что на кургане высеваешь ты...

Кризис

По лесу бежит обезьяна
И дико орет на весь лес:
— Спасайтесь, мы жертвы обмана,
Грядет небывалый регресс!
Казна опустела...
Мартышка
Наткнулась на волка:
— Зачем
Сдалось мне твое золотишко?
Я мясо как ел, так и ем!..
Про кризис, судьбу мировую
Лисе она стала вопить...
— Я шубу свою дорогую
Носила и буду носить!
А ты, как была голодранкой,
Такой и останешься впредь...
Недолго лиса с горлопанкой
Общалась... Голодный медведь,
Лишенный и сна, и покоя,
Пошел на мартышку войной —
И сладко уснул после боя,
А кризис прошел стороной...

Голубые глаза

Я влюбился в твои голубые глаза,
Из-за этой любви я забыл небеса;
Только зря раздувал я пожары в крови,
Потому что мне нравились линзы твои...

[1] Старинные монеты стран Западной Европы.

Чудак

Имея пещеру, дупло и гамак,
Ты в город за славой подался, чудак.

Все лучшие песни ты к людям унес,
Надеясь сердца растревожить до слез.

Сменив телогрейку на модный костюм,
Ты верил, что станешь властителем дум.

Но что же я вижу? В салонах ночных
Ты свиньям глаголешь пророческий стих...

Оставь же пустое, сокройся в горах,
Где звезды, где месяц, где Бог в облаках!..

Ты кто в самом деле: поэт или шут?
С какими плодами придешь ты на суд?..

* * *

В тот год, когда огонь Эллады
Впервые милые пенаты
Во тьме кромешной озарил,
Когда я птицей дерзновенной,
Палимый огненной геенной,
К пределам горним воспарил, —
Моей души коснулась муза...
С тех пор от нашего союза
Созрело множество плодов —
Янтарных, сочных, лучезарных!..
Однако век страстей базарных
К духовной пище не готов.

Peregrinus[1]

Земля, Земля, откуда ты взялась
В моей судьбе?.. Какая скрытая связь
Меж мною и тобой?.. Мне кажется порой —
Я выпал из гнезда Галактики другой...
Как я попал в подлунные края?..
Кто мать моя?.. Кто мачеха моя?..

[1] Чужестранец *(лат.)*.

Впервые в «Нёмане»

ДМИТРИЙ ТУМАНОВ

Мамба

Рассказ

1

В небольшом поселке, расположенном где-то на крайнем севере, жил мужчина лет тридцати восьми по имени Трофим. Семьи своей он не имел, то есть на данный момент *уже* не имел, поскольку состоял в разводе четвертый год и проживал исключительно один. Впрочем, детьми он также не обзавелся в своем скоротечном полуторагодичном браке, тем самым сбросив с себя ответственность за уплату алиментов.

Трофим слыл в округе добрым и доверчивым человеком, пожалуй, даже чересчур доверчивым, с пришибленным, что ли, самолюбием. Может быть, такой склад характера свойствен многим творческим личностям, не знаю... Но уж очень он был каким-то... вялым... мягкотелым...

Он являлся свободным художником и писал свои картины действительно талантливо, по мнению не только обывателей, имеющих хотя бы мало-мальское познание в искусстве, но и настоящих знатоков. Тем не менее его работы мало кто покупал, потому как в тех краях и в то время редко кто спешил обзавестись культурными ценностями. Люди больше заботились о другом, более значимом: о продуктах, одежде и проч.

И посему Трофиму в основном приходилось существовать едва ли не впроголодь, нередко завязнув в долгах.

Именно в такой момент Трофима и оставила супруга, объявив, что он неудачник. Она так и сказала ему однажды без обиняков:

— Ты, Трофим, какой-то... — и не сразу смогла обозвать его подходяще.

— И какой же? — спросил супруг.

— Раззява!

— Кто? — еще раз спросил, точно не расслышав. Но он-то расслышал, будьте уверены. Но тем не менее — переспросил.

Он уже понял, что недолго им осталось совместно проживать.

— Неудачник! — наконец-то смягчила она нужное слово.

— Ах, вот как? Ну что ж... — всего лишь произнес он. И больше ничего не сказал. Обиделся, надо полагать.

Через некоторое время они расстались навсегда. Развод оформили по-быстрому. Как, впрочем, и поженились.

Дело в том, что его бывшая жена (как же ее звали... Жанна... или Сюзанна... да не имеет значения), никто и не вспомнит, каким образом оказалась

в этих краях. Ненароком познакомился с ней Трофим, завязалась дружба. Затем дружба, как нередко происходит, переросла в любовь и т. д. Она-то из наивности полагала сначала, что вот, мол, жених ее завидный молодой человек, художник, состоятельный. И выскочила замуж, не приглядевшись пристальнее.

Ну и... пришлось развестись по поводу вышеупомянутого.

Она уехала совсем скоро.

Трофим не противился. Хотя он все же, кажется, любил ее и теперь.

2

Однако случались и такие дни, когда его произведения расходились неплохо. Такой контраст был связан с притоком туристов.

И все-таки, даже при этих своих неимениях — жены, детей, близких родственников, Трофим был не одинок.

С относительно недавнего времени у него появился *Друг...* пусть и четвероногий, но все же — Друг.

Друг!..

Это был породистый щенок женского пола, отпрыск чистокровной лайки.

Трофим приобрел собаку по случаю, пару недель назад у одного эскимоса за весьма приемлемую цену.

В те дни дела у него «шли в гору».

И назвал он ее — *Мамба...*

Долгие летние вечера Трофим любил проводить на крыльце своего дома. Он покуривал папироски и мечтал. И краем глаза умиленно наблюдал, как рядом копошится еще беспомощный пушистый комочек. А иногда, забывшись, вдруг принимался рассказывать ему про свою жизнь. И порой казалось Трофиму, что Мамба внимательно его слушает, добро и преданно заглядывая ему в глаза.

Первое время Мамба жила при хозяине — в коттедже Трофима, не испытывая никаких забот.

Это уже потом обнаружились первые неприятности.

Сначала появился ошейник. Красивый ошейник, розового цвета, с орнаментом в виде чего-то экзотического. И она сразу же невзлюбила его, как, в общем-то, наверное, и все молодые питомцы не терпят на своем теле ничего инородного.

Вскоре к ошейнику присовокупился поводок, что тем более добавило ей проблем. Мамба просто не могла терпеть его!

Первое время, когда Трофим выводил ее на прогулку, она вела себя весьма странно. То рвалась куда-то в сторону, пытаясь освободиться от злосчастного поводка, то ни с того ни с сего останавливалась и так ласково, и с какою-то даже мольбою смотрела на Трофима, что у того аж сердце заходилось, то подпрыгивала и обнимала своими мохнатыми лапами ноги хозяина, ну, точно ребенок... А то вдруг принималась кружиться возле него этаким волчком, словно танец какой исполняет. Или вот еще что. Ляжет на землю, перевернется брюхом кверху, задерет лапы, замрет, и вроде как делай с ней что хочешь.

Получалось забавно.

Но затем начались и вовсе суровые будни.

Эти *будни* настали, когда Мамбу принялись подвергать дрессировке. Планомерно, день за днем, щенку приходилось исполнять неведомые доселе команды: «Сидеть!», «Лежать!», «Голос!», «Апорт!» и т. д. и т. п.

Ох и непросто же давалась эта наука питомцу! Захандрила Мамба вконец от этой ежедневной ненавистной муштры, но вскоре смирилась; еще некоторое время спустя — привыкла. А уж потом — о чудо! — ей даже стало нравиться!

Минуло лето.

Пронесся, никого не испугав, и сентябрь.

Октябрь же вступил в права, давая о себе знать пронизывающими ветрами и проливными дождями. И вскоре Трофим, учитывая великолепную родословную собаки, соорудил ей соответствующее индивидуальное жилище, а именно: просторный вольер с очень удобной конурой.

3

К сожалению, недолго продолжалась их дружба.

Вскоре собака издохла от невыясненной болезни...

Несколько дней она промучилась с высокой температурой.

Возил ее Трофим по всяческим врачам-ветеринарам, консультировался, но... Ничего конкретного ему не сказали по поводу болезни Мамбы.

Намекали, конечно же, что на лечение животного потребуется немало средств. А средств-то этих у Трофима как раз в это время не только не было, но и не предвиделось.

Что тут можно еще говорить...

Хотелось, несомненно, продолжить повествование более оптимистически, поведать о том, что... как все чудесно происходит у них...

Но... вот ведь как все сложилось...

Не так, как хотелось бы...

Что же... и такое, к сожалению, нередко встречается. И так бывает...

Да... но и это еще не все.

Похоронил Трофим свою ненаглядную Мамбу во дворе.

Долго сидел над могилкой... Проливал слезы и изливал душу своему бывшему питомцу. Кстати, надо заметить, плакал он редко, никто даже и не помнил, чтобы так вот убивался Трофим по какому бы то ни было поводу.

С той поры ушел в себя. То есть: сидел сутками в своем жилище, ни с кем не общался и... Вообще ни на что как будто не реагировал...

Вроде как перестал существовать...

«Изойдет с тоски... — говаривали соседи, — ей-богу, ополоумел!»

Другие тоже поддакивали: «Повесится, не иначе!...»

Трофим действительно исходил от тоски... страдал неимоверно! Как же это передать повествовательно — это надо воочию лицезреть! Но нам не удалось, увы! И не в этом даже суть, суть в другом. Никто, ни одна живая душа, ни одна «собака» не пожелала как-нибудь поддержать его в эти дни!

А ведь Трофима многие знали и уважали, и не только близкие соседи, и считали его человеком добрым, искренним, скромным, обязательным.

Но почему нынче, в ту роковую минуту никто не обогрел его добрым словом?! Почему не навестили его, человека одинокого, весьма впечатлительного, с пришибленным самолюбием и, по сути, всеми оставленного!

Не *равнодушие* ли это, люди!

«Нет! — посчитали они. —У него — своя жизнь, у нас — своя»...

Итак, с прискорбием приходится констатировать: ни один не заглянул даже!..

А он-то, Трофим, не повесился, однако, так вот!

Трофим по-другому поступил. Гораздо практичнее.

В комнате на стене висело ружье — подарок какого-то заезжего иностранца...

Как это там говорится: «Если в первом акте на стене висит ружье, то в последнем оно обязательно должно выстрелить!»

Оно и выстрелило: то, что происходило с Трофимом, смело можно было назвать «последним актом».

Он аккуратно снял ружье, можно сказать, бережно, будто боялся побеспокоить его безмятежность, не спеша зарядил. Затем залпом выпил стакан ядреной настойки...

Ахнул из луженого ствола в шею...

4

Трофима, вернее, то, что от него осталось, обнаружили не в этот же день... И даже не на следующий, а лишь через трое суток. Поскольку дело происходило глубокой зимой, а дом не отапливался, труп его, закоченев, не успел разложиться.

Так и увидели его, распластавшегося посреди гостиной с размозженным черепом.

Некоторые повыли, по случаю, над покойным, ну, все как полагается...

Похоронили почти без почестей на местном кладбище.

5

(Вместо P. S.)

Однако погодите...

Уже когда данное произведение готовилось к публикации, неожиданно выяснилось, что ведь и *это* еще не конец... далеко не конец! Все вышеизложенное, как нам казалось, мы черпали из надежных источников, пока воочию не убедились сами.

А достоверно вот как было.

В комнате на стене действительно висело ружье, и действительно являлось подарком заезжего иностранца...

И крылатая фраза также здесь уместна: «Если в первом акте на стене висит ружье, то в последнем оно обязательно должно выстрелить!»

И то, что происходило с Трофимом, смело можно было назвать «последним актом».

«Он аккуратно снял ружье, можно сказать, бережно, будто боялся побеспокоить его безмятежность, не спеша зарядил». Точно так и случилось.

«Затем залпом выпил стакан ядреной настойки»... Тут небольшое несоответствие: Трофим хватил стакан чистейшего неразбавленного спирта, отчего едва не задохнулся. Но это не суть важно...

Ахнул из луженого ствола в шею...

Оружие дало осечку. Очевидно, патроны отсырели или еще что...

Ну что ты будешь делать!.. Не зря, наверное, бывшая жена называла Трофима неудачником. Даже здесь ему не повезло!..

Не так давно и нам случилось побывать в тех краях.

Довелось познакомиться с Трофимом. И поверьте, вовсе не показался нам он этаким рохлей, напротив даже, — представился достаточно практичным

человеком, в меру многословным и в меру же веселым. А вообще — чрезвычайно гостеприимным.

Преотлично провели мы те несколько дней! Были и охота, и рыбалка, и исконно русская баня, и роскошное застолье!..

А картина, которую презентовал нам перед отъездом Трофим, до сих пор у нас в прихожей висит. Великолепная картина, стоит отметить, писаная масляными красками на холсте.

Изображена на ней...

Короче, называется она — «Мамба».

СЕРГЕЙ КРЮКОВ

Оптимист

Рассказ

Я проснулся с плохим настроением и чувством, что лучше мне сегодня было бы не вставать, да еще постель так ласково грела, как будто говорила: «Ну, если хочешь, оставайся со мной». Но полежав еще пару минут, я, наконец собравшись с мыслями, подумал: «Нет! Как же так, мне обязательно нужно вставать и идти на работу, ведь без меня там просто не справятся, я же разношу важные документы по кабинетам важных шишек в важной компании по важным продажам, хочу стать великим продавцом, да и надо кредит за квартиру выплачивать, ведь одно оповещение о неоплате уже пришло, так что лишние проблемы не нужны. Тем более ты, Антон, сильная личность, с голубыми глазами, довольно короткой стрижкой, курносым носом, очень милой улыбкой, высокого роста и даже с накачанным прессом, поэтому вставай и иди!» И вот один из тех самых редких случаев, когда я поставил себе задачу и выполнил ее. Встал, надел самое дорогое, что у меня было, это, конечно же, мой на самом деле дорогой смокинг, который, казалось бы, должен быть в некоторых местах золотым из-за этой самой стоимости. И, не позавтракав, потому что залежался в кровати, отправился на работу. Добравшись, и кстати, не опоздав, я заметил, что уже довольно много людей собралось в конференц-зале, и это было как-то странно, ведь обычно наш рабочий день начинался с чашечки кофе. И вот я вхожу в этот самый зал, в который лучше бы я не входил, и мне сразу же говорят:

— О-о-о, здравствуйте, а мы тут людей сокращаем, — и, глянув в список, добавляют: — Да, Андреев, и вы здесь есть, к сожалению, наша фирма больше не нуждается в ваших услугах.

В этот момент я подумал: да, нужно было слушать кровать, как бы странно бы это ни звучало. А тем временем этот злой человек продолжал:

— Можете собирать ваши вещи и спросить у бухгалтера, как получить оставшиеся деньги, наша фирма желает вам удачи, до свидания.

Я не знаю, о каких вещах он говорил, может, о блокноте с ручкой, которые мне подарили на 23 февраля, или у меня где-то здесь были вещи, о которых я не знал, в общем, не важно, меня же только что уволили, что очень плохо. Конечно, не забрав никаких вещей и не посетив никакого бухгалтера, я отправился, провожаемый немного грустными и соболезнующими глазами уже бывших сотрудников, к остановке. Пошел я туда через крытую парковку, потому что так было ближе. Вот иду, еле волоча ноги, глядя в асфальт, а мне неожиданно сзади кто- то говорит:

— Кошелек и телефон мобильный быстро достал и, не поворачиваясь, быстро отдал, и смотри без фокусов, если жизнь дорога!

В какой-нибудь другой день я бы точно решил, что это розыгрыш, но это ведь был сегодняшний день, поэтому решил не рисковать. И уже достал телефон с кошельком, начиная протягивать руку назад, как на парковке, наконец, соизволили появиться какие-то люди. И тут я осмелел. Вот, подумал я, случай, когда могу сам предотвратить ограбление, тем более самого себя. Оборачиваюсь к нему, а он стоит, дрожит, а в руках пистолет, конечно, первая мысль была сразу же отдать ему все, что он требовал, и пиджак от костюма сверху накинуть, но возникло такое чувство, как будто на меня смотрит как минимум полмира. И я резким движением схватился за его пистолет и руки и направил почему-то не вверх, а вниз, а он, видимо, решив, что лучше поздно, чем никогда, выстрелил. Удивлены мы были оба, когда он попал мне прямо в ногу, я от боли, а он, видимо, от того, что попал. Конечно же он, выпустив пистолет, убежал, а я еще немного в расплывчатом состоянии смотрел на ногу и упал в обморок.

Очнулся я в больнице, было ужа-а-асно плохо, сразу нащупал рукой ногу, она была на месте, и это уже плюс, я обрадовался, а в палату как раз вошел доктор: «О-о, вы проснулись, замечательно», — но я его перебил:

— Доктор, почему мне так плохо, что-то с ногой?

— Да нет, с ногой у вас все в порядке, вот только у нас операция была и пациентка с очень редкой группой крови. А у вас как раз такая же редкая кровь, удивительно, не правда ли?

И как-то странно начал смеяться.

— Ну вот, мы у вас немного этой крови и взяли, ну как немного, на самом деле немного больше, ну, в смысле много крови, я бы даже сказал, очень много крови, ну да ничего, вам сейчас еще... а, ну вот вы как раз и засыпаете. — И на его словах «ну ведь вы, можно сказать, спасли человека» я уснул.

В следующий раз я проснулся от того, что меня кто-то будил, говоря:

— Вставайте, вставайте, нам нужна эта кровать.

Я открыл глаза, увидел каких-то медсестер, они помогли мне встать, сказали, что я уже выписан, могу получить одежду и быть свободным. Как будто они из тюрьмы меня выпускали. Быстро объяснили, куда идти, и, слегка подтолкнув, попрощались. Еще пребывая в некотором шоке, немного прихрамывая, я все-таки нашел гардероб, где меня ждала очередная порция радости. Эта радость была лет пятидесяти, с волосами кабачкового цвета, сидела, подпиливала ноготки, листая журнал *Forbes.* Интересно, зачем ей это, подумал я и сказал:

— Здравствуйте, я вот тут пришел забрать свою одежду.

— Фамилия?

—Андреев.

— А. В.?

— Да.

— Ваша одежда на полке 36!

— Спасибо.

Я подошел к полке 36, увидел там какой-то синий спортивный костюм и сказал немного возмущенно:

— Это не моя одежда.

Мне ответили:

— Мне все равно, каким образом вы добыли эту одежду, сняли с кого-то или купили, просто забирайте и все.

— Нет, вы не понимаете, когда я попал сюда, я был в другой одежде, на мне был костюм.

Женщина:

— Ну да, все правильно, вон он и лежит — синий спортивный КОСТЮМ! Забирайте же его.

— Нет, на мне был серьезный строгий костюм.

— А этот вам почему не улыбается? Хватит разыгрывать комедию.

И тут я заметил, что под костюмом лежат мои туфли, и сказал.

— Вот смотрите, туфли же мои здесь, а вот костю... а вот моих брюк, пиджака, рубашки, галстука нет.

— Нет, вы думаете, я надела ваш костюм и теперь, радостная, сижу здесь, мне что дали, то я вам и отдаю, так что или забирайте, или уходите, не мешайте людям работать.

Да уж, подумал я, если пойду еще у кого спрашивать, где мой костюм, то у меня и этот отберут, поэтому надел его, прямо в гардеробе, и ведь он каким-то образом оказался мне впору, затем я надел туфли и посмотрелся в зеркало. Там я увидел настоящего парня из настоящей гоп-стоп компании, не хватало только сесть на корточки и достать семечки. Карманы я на всякий случай проверил, и пожалуйста, семечки, вот и они.

— Ну, теперь полный комплект, — сказал я вслух.

Гардеробщица спросила:

— Что?

— Это не вам.

А она шепотом:

— Вот же сумасшедший, сам с собой разговаривает.

Я глубоко вздохнул и вышел, прихрамывая, сначала из гардероба, а потом и из больницы. Вышел, увидел город, и как-то грустно стало, да и есть захотелось, что ж делать, подумал я, надо идти на остановку и — домой. И только подошел к дорожке около проезжей части, как увидел маленькую собачку, которая выбежала на дорогу и гавкает на грузовую машину, а водитель, судя по всему, ее не видит. И пока на пути к собаке еще не было машин, а не видящий водитель, ну, в смысле не видящий собаку водитель, не приблизился на критическое расстояние, я подбежал, схватил собаку и живым вернулся вместе с ней на тротуар. И увидел, что ко мне бежит — немного замедленно, как в фильме, — красивая девушка, и я уж подумал, что из-за ноги, наверное, мне плохо стало. Издали я заметил ее красивые большие карие глаза. У нее в руках был отгрызенный поводок. И вот она добежала, смотрит на меня и говорит:

— Урдюк!

Потом опускает глаза и смотрит на собаку:

— Плохой Урдюк!

Если б не было собаки, я подумал бы, что это сыр какой-то, и он плохой, но нет, так звали собаку. Которая все-таки укусила меня, спрыгнула на землю и побежала к хозяйке.

А она:

— Ну вот, он еще вас и укусил,

— Да ничего, все нормально, — сказал я.

Хотя еще с предыдущего дня все совершенно не так.

Она:

— Спасибо вам большое, — и как- то с издевкой посмеялась, я, конечно же, спросил, в чем дело, она ответила:

— Да я просто подумала, ведь так мило, что мою собачку спас гопник.

Я, немного засмущавшись:

— Я не гопник, просто мне надеть больше нечего.

— А-а-а, понятненько, да кстати, я хотела семечек купить, но здесь нигде нет, у вас случайно не найдется?

Вспомнив, что они у меня есть, я поспешил помочь даме и достал жменьку семечек:

— Вот.

И понял, что это был вопрос с подвохом.

Она засмеялась.

А я честно оправдался:

— Это не мои, они здесь уже были.

И ведь никак не доказать, что они действительно здесь были.

И вдруг я увидел автобус, а остановка была недалеко, и я решил, что успею. Однако, глядя на нее, мне почему-то не хотелось с ней прощаться, но на автобусе ехать — не пешком идти, поэтому я все-таки попрощался, она меня еще раз поблагодарила, и я, хромая, побежал к остановке, вошел в автобус.

До дома я добрался без происшествий, мне даже открыли подъездную дверь, и уже поднимаясь по лестнице, я увидел, что из моего почтового ящика торчит какое-то письмо, это было очередное оповещение о том, что мне нужно оплатить кредит за квартиру, и более того, мне нужно было немедленно явиться в банк, в противном случае у меня просто отберут квартиру. Я сразу же рванул туда. Банк был рядом, я быстро добрался, вошел, там были такие интересные небольшие стеклянные кабинетики, я занял очередь и вдруг увидел пробегающую мимо меня знакомую собачку. И голос услышал за спиной:

— О-о-о, опять вы.

Да, это была та интересная девушка с собачкой Урдюк.

— Что вы тут делаете? — спросила она подозрительно. — Может, вы за мной следите?

— А почему — я, может, это вы за мной следите?

Она посмотрела по сторонам и серьезно ответила:

— Да, на самом деле это я за вами слежу.

Я тоже серьезно спросил:

— Правда?

Она засмеялась:

— Да нет, я прикалываюсь, ха-ха. Ну да ладно, так чего ты здесь?

— Да вот квартиру у меня отобрать хотят.

— Квартиру отобрать, кредит, да?

— Да!

— Я еще недавно работаю в банке, и насколько знаю, пока они тебя за руку не словят, пока ты сам нужные бумажки не подпишешь, никто квартиру у тебя не заберет, так что лучше бы тебе здесь не стоять, а когда деньги появятся, просто долг погасишь, и все.

Как хорошо, что у них в банке стекла кабинетов просвечивают, потому что я увидел бегущую ко мне Маргариту Петровну, женщину, у которой я оформлял кредит. Девушка-незнакомка тоже это увидела и сказала:

— По-моему, тебе пора бежать.

Я, улыбнувшись, так и сделал. Удрал я удачно, подхожу к дому, дверь в подъезд мне уже никто не открывает, и я начинаю искать ключи, которые лежали у меня в костюме. Эх, обидно опять стало, и мысли эти: может, кто костюм с ключами украл, ведь времени много прошло, может, там уже все украли, хотя чего там красть — обои, зубную щетку, стульчак? Пошел к лавочке около детской песочницы, уже вечер, но солнце еще светит, сел и говорю сам себе:

— Ну вот, вижу свою тень, а значит, на меня еще светит солнце, и это уже хорошо.

Сказал я это и увидел собачку в песочнице, и опять слышу знакомый голос:

— О-о-о, опять вы...

Неплохой конец для нового начала, подумал я и обернулся с надеждой на интересное будущее.

МАРИНА ВОРОБЕЙ

Бабушка

Воспоминание

Сестре Любе

Колеса поезда стучали в такт сердцу: тук-тук, тук-тук. Внучка уже спала, по-детски посапывая. Давно Люба не ездила в поездах. Когда-то в юности сестренка взяла ее в поездку на родину, в Украину. Она была совсем маленькой девочкой, когда родители перебрались на Дальний Восток. И только в десятом классе удалось увидеться с родными. Их было много, но больше всего хотелось увидеть бабушку. «Грицайка», — ласково звали ее по-уличному. Мама очень много о ней рассказывала. Приехав в деревню, она сразу направилась к ней.

— Здесь ли живет бабушка Грицайка?

Всплеснув руками и выронив из рук полотенце, бабушка воскликнула: «Любка!» Они обнялись, и прижимая к себе эту сухонькую старушонку, Любка почувствовала ее шершавые ладошки, которыми она гладила ее по лицу.

— А глаза все те же! Когда мамка тебя принесла из роддома, ты все в потолок смотрела и бровки хмурила. Да и нос картошкой так и остался, это от нас, «Грицаив». Значит, в меня пошла.

Бабулечка не могла на меня наглядеться, все руки мои держала, а у самой по щечкам слезки катились.

— Сколько ж мы с тобой не виделись?

— Шестнадцать лет, — ответила Любка и взяла бабушкины руки в свои.

— Ой, чего ж это мы стоим, в хатку, в хатку проходите, гости дорогие, — захлопотала бабушка.

Хатка была — мазанка, такая же маленькая, как и бабушка. Полов в доме не было, а по-деревенски полом называлась «доливка», глиняные полы. Внутри хатка была украшена вышитыми рушниками и огромными подушками, которые лежали на кровати с железными спинками. Дух тишины и покоя витал в доме. Печка с открытым устьицем словно хотела сказать хозяйке: «Ну, чего гостей голодом моришь, доставай мои горшки-чугунки!»

Бабушка быстро управлялась возле печки, и горшки-чугунки полетели на стол, словно птицы.

— Вот кашка, вот картошечка, вот супчик, — приговаривала она. — Доставай мисочки, будем снедать.

Что такое «снедать», Любка пока еще не знала, но догадывалась, что пора садиться за стол.

Столик был тоже маленький. Сели вокруг него прямо на полу, на дорожках, которые соткала бабушка. Она пошла в соседнюю комнатку, открыла куфар — деревянный сундук, и достала беленький платочек. Вышла помолодевшая, даже оспинки на лице улыбались.

— Ну, садитесь, гости дорогие, будем снедать, — приговаривала бабушка.

Вкусные ароматы разлетелись по всей хатке, так что даже пес Шарик заглянул в дверь.

— Иди, иди, тебе потом, — пригрозила ему бабушка.

Он облизнулся, понимая, что ему ничего не перепадет пока, ушел и лег под вишнями в тенек.

— А вот тут висела колыска твоя, — проговорила вдруг бабушка. — Я тебя качала и песню пела «Галю, моя Галю...», а ты слушаешь, слушаешь, да и заснешь, — сказала бабушка и замолчала, задумалась.

Рука ее словно опять потянулась качать колыску. И слеза тихо, чтобы никто не заметил, скатилась по морщинкам. Словно испугавшись своей слабости, бабушка уголком косынки смахнула ее.

— Вы кушайте, кушайте, — приговаривала она.

О чем она в этот момент думала, мы так и не узнали.

Два месяца пролетели быстро, словно два дня. А когда уезжали, бабушка долго стояла на дороге и махала платком, пока ее силуэт не растаял вдали. Слезы лились из моих глаз, я знала, что это была наша последняя встреча.

— Ты приезжай, Любка, приезжай, — звучал ее голосок и летел над полями, с которых уже было убрано зерно.

И только подсолнухи, повернув тяжелые головы, низко кланялись нам вслед.

— Родина! — шептали подсолнухи.

— Бабулечка! — шептала Любка.

...Ей не спалось, в глазах стоял образ бабушки Грицайки, а в ушах голос мамы:

— Ну, детки дорогие, нет больше бабушки вашей, золотой был человечек.

Тук-тук, тук-тук — стучали колеса. Непонятное чувство поселилось в душе. Она снова едет на родину. Сколько времени прошло? Почти тридцать пять лет. Много это или мало? Через два дня у нее день рождения, а значит, мечта сбылась. Она давно мечтала отметить свой день рождения на бабушки-

ном подворье. Бабушка словно не отпускала ее, держала своими шершавыми ручками. И опять, глядя в темное окно, она слышала ее слова:

— Ты приезжай, Любка, приезжай...

Сердце сжалось, застучалось громко, словно отбивая такт в ушах: тук-тук, тук-тук.

Распаковав чемодан и раздав подарки родным, Любка поспешила на бабушкино подворье. С ней отправились внучка Настенька и двоюродный брат Сергей.

— Куда тебя несет на ночь глядя? — бурчал Сергей.

— К бабушке! — почти закричала она.

Тропинка заросла, деревья нависли над ней, сцепившись ветками, словно не хотели впускать.

Тук-тук, тук-тук — все сильнее билось сердце. Пробираясь сквозь заросли, забыв, что за ней бежит внучка, она вырвалась на поляну.

— Здесь живет бабушка Грицайка? — хотелось ей крикнуть в темнеющую пустоту.

Она с закрытыми глазами помнила, где стоял домик, где был вишневый сад, где стояли ульи, над которыми кружили пчелы, и где рос огромный дуб, посаженный дедушкой.

— Я приехала, ты слышишь, бабулечка, я приехала, — тихо проговорила она.

Нежно и медленно садилось за горизонт солнышко. И вдруг что-то ухнуло у нее внутри. Словно вылетело, упорхнуло. Ей показалось, что слышали это и ее внучка, и брат Сергей.

— Что это, Серега? Что это ухнуло? Ты слышал? — разгоряченная, ничего не понимающая, спросила Любка.

— Это бабушка тебя отпускает, — ответил Сергей.

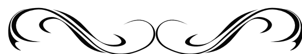
Солнце скрылось, и ночь темным крылом накрывала небо. Развели костер, пламя осветило холмик от хатки, и Любке показалось, она слышит песню «Галю моя, Галю...».

— Бабушка, я так тебя люблю! — нарушив тишину, сказала внучка Настенька, крепко ее обнимая.

Глаза закрылись, и на душе стало легко.

— Отпустила, отпустила бабулечка! Теперь все будет хорошо! — сказала Любка и погладила внучку по голове.

Искры поднимались все выше и выше, словно летели туда, где их давно ждали.

НАТАЛЬЯ ГОРБАЧЕВА

Леди в разных ботинках

За окном январь

За окном январь, на себя не похож,
Он с лицом чужим, маскарадный дож.
Белотел он был, белолиц всегда,
А теперь с небес льет и льет вода.

Серебристый снег угасает вмиг,
Превратился в грязь, лишь земли достиг.
Мне понятен знак и бросает в дрожь —
За окном январь на меня похож...

Леди в разных ботинках

Желтое платье,
Красный жакет,
Рыжая шляпка,
Из листьев букет!
Перчатки
С рыжинкой,
И даже ботинки
Разного цвета —
Один словно лето,
Второй —
Золотой!
Сумочка — охра,
Локоны в хне,
Идет клоунесса
По жухлой траве!
В дымке вуали
Лицо цвета меди.
Откуда взялась
Эта странная леди?
Смотрю на нее
И диву даюсь!
Витает вокруг нее
Тихая грусть.

Немного печали,
Унынья немного...
В серых глазах
Затаилась
Тревога...

Детишки играли
И мне подсказали:
— Так это же ОСЕНЬ!
Вы разве не знали?

Солнечный луч

Солнечный луч скользнул в окошко,
Поиграл с гардиной немножко,
Пробежал по смятой постели,
Заплутал в цветах гобелена,
Прикоснулся тихонько к щеке,
Приласкал завиток на виске,
С любопытством потрогал ковер
И застыл
　　　　　　на бокале
　　　　　　　　　　　　с вином —
Кто-то встал и закрыл окно...

Осеннее лето

В небе лазурь
Ясно-чистая,
Солнечный свет
Пронзительный.
Будто с полотен
Сомова
Или Куинджи
Списаны.

Паутинка висит
Невесомая,
Улетают птицы
В изгнание...
Наступило
Лето осеннее,
Почему-то
С названьем
«Бабье»...

ЖОРЖ СИМЕНОН

Человек по кличке Мышь

Роман

За последние несколько лет журнал «Нёман» уже во второй раз обращается к творчеству Жоржа Сименона (см. № 7, 2009, рассказ «Шаль»), что представляется весьма симптоматичным. Ибо давно пора смести пыль, слегка припорошившую имя популярного некогда детективщика, и взглянуть на творчество писателя несколько под иным углом зрения, чем это было принято до сих пор. Да, конечно, признанный мэтр детективного жанра, кто бы спорил. Да, создатель бессмертного образа комиссара Мегрэ, благодаря которому все мы, читатели вот уже нескольких поколений, даже те из нас, кто никогда не бывал в Париже, знают, что в этом городе есть красивая тенистая улица, идущая вдоль берега Сены, под названием Набережная Орфевр. На этой набережной в доме под номером тридцать шесть располагается управление криминальной полиции, а там и по сию пору трудится прославленный сыщик. А как же иначе? Пока книги читают, продолжают жить (и трудиться) и герои этих книг.

Однако готова поспорить, что мало кто из благодарных читателей Сименона догадывается о том, что сам автор весьма скептически относился к детективной стороне своего творчества и вовсе не был так уж горд тем, что является создателем бессмертного образа Мегрэ. Напротив, писатель был глубоко убежден, что альфа и омега его творчества, то, с чем он намеревался войти в вечность, — это так называемые «трудные» романы социально-психологического содержания (сам Сименон называл их «романами-трагедиями»), полагая, что именно за них он давным-давно заслужил Нобелевскую премию. И вполне искренне переживал, что премии ему так и не дали, не позволив тем самым примкнуть к числу нобелиатов.

Помнится, лет восемь тому назад мне заказали выборочный перевод дневников Жоржа Сименона для тогдашнего журнала «Всемирная литература». Опубликовать увесистый том целиком в рамках журнальной публикации не представлялось возможным, но для перевода, пусть и фрагментарного, читать пришлось все дневниковые записи подряд. Прочитала и впечатлилась. Поразила ироничная раскованность, с которой писатель исповедовался в своих дневниках (впрочем, он их не писал, а надиктовывал на магнитофон). В этих своеобразных мемуарах Сименон спокойно касался самых сложных и даже запретных тем: непростые взаимоотношения с матерью, трудное детство, упорство, с коим он пробивался на литературный Олимп, неудачи в личной жизни. Обо всем он говорил легко и с юмором. Даже о своей пресловутой гиперсексуальности, о которой среди парижской богемы 20—30-х годов прошлого века ходили легенды. Да, он рассуждал обо всем с чистосердечной безмятежностью, но только пока разговор не касался творчества.

Ибо стоило ему начать говорить о своей писательской судьбе, как сразу же его одолевала обида и на читателей, и на почитателей, и на критиков, и на весь белый свет. И немного наивно он пытался убедить современников и потомков, что его

предшественник Конан Дойль и без своих знаменитых детективов был очень хорошим писателем (весьма спорное утверждение, кстати), а в творчестве Эдгара По главное — это не его рассказы, снискавшие американцу славу основоположника детективного жанра, а поэзия. Дескать, все остальное — это уже потом. И невдомек было заслуженному мэтру, что, с точки зрения вечности, жанр литературного произведения всегда уходит в тень, отступает, так сказать, на второй план. Главное, чтобы произведение было написано талантливо и честно, а там... Да хоть сказку напиши, но если это «Конек-Горбунок», то вход в бессмертие тебе обеспечен.

Вот так, в итоге, случилось и с Жоржем Сименоном. Незамысловатые, казалось бы, книжицы про комиссара Мегрэ пережили не только труды многих некогда известных нобелиатов, имена которых сегодня помнят разве что в очень узком кругу специалистов-литературоведов. Они оказались востребованными вчера, они востребованы сегодня, они будут востребованы завтра и даже послезавтра. И это вопреки всем мрачным прогнозам самого писателя, что очень скоро его книги будут пылиться на чердаках, никем не читанные и никому не нужные. Нет, они нужны, нужны благодаря глубокому психологизму, с которым Сименон распутывает самые сложные житейские коллизии, выискивая в них мотивы преступления. Благодаря его симпатии к слабым мира сего, к детям, старикам, ко всем сирым, обездоленным, бездомным и нищим.

Недаром в его произведениях столь часто фигурируют в качестве главных героев (и подозреваемых тоже) парижские клошары, то есть все те, кого у нас кличут просто бомжами. Один из его романов даже так и называется «Мегрэ и бродяга». Это в нем комиссар произносит во многом знаменательные слова, озвучивая не только собственное кредо, но и отношение уже самого писателя к бездомному люду: «Может быть, это и не преступление века. Да и я впервые занимаюсь бродягой, но я его не брошу». В этих словах весь Сименон, не правда ли?

Вот и в романе «Человек по кличке Мышь», написанном в далеком 1938 году, снова фигурирует бездомный. Правда, на сей раз дело ведет не комиссар Мегрэ, а его верный помощник и сподвижник, сквозной персонаж многих романов Сименона, старший инспектор Люка. Что ж, хороший начальник (а комиссар Мегрэ точно из их числа) всегда даст шанс подчиненному отличиться и проявить все свои недюжинные таланты.

Впрочем, есть и более рациональное объяснение сего факта. Дело в том, что с 1932 по 1938 годы Сименон сознательно не использовал образ полюбившегося всем комиссара в своих книгах, полагая, что так он сможет уйти от устоявшегося в глазах читателя стереотипа его восприятия как создателя одного-единственного героя. Не смог! Именно читатели, обрушившие шквал негодующих писем на издателей и на самого автора, заставили последнего отказаться от столь жесткого решения. И Мегрэ вернулся. Кстати, и роман, вышедший в свет годом позже, так и называется: «Мегрэ возвращается».

А что же до сюжета романа «Человек по кличке Мышь», ***журнальный вариант*** *которого предлагается вниманию читателей «Нёмана», то он всецело и полностью укладывается в известную фразу, запущенную в обращение почти век тому назад, увы! — совершенно забытым ныне Ильей Эренбургом. Да, действительно, увидеть Париж и умереть. Именно так и случилось со швейцарским финансистом Эдгаром Лоёмом. Почему и как это произошло, читателю предстоит разбираться уже самостоятельно, сопоставляя и сравнивая все обстоятельства сложного и, как всегда у Сименона, крайне запутанного дела. Приятного чтения!*

Зинаида КРАСНЕВСКАЯ

Глава первая

Молчание инспектора Зануды

Часы показывали 11:12, когда дверь в полицейский участок вдруг широко распахнулась. Двое патрульных, занятых игрой в шашки, оторвались от доски. Сержант, пыхтевший трубкой за черной деревянной стойкой, выжидательно выпрямился, но, заслышав знакомый голос, снова расслабился.

— Чего растолкался? Ты, видно, понятия не имеешь, кто я такой! Моли бога, чтобы сегодня дежурил не мой знакомый сержант. Иначе тебе несдобровать!

Дежурство, между тем, подходило к концу. Через сорок минут должна была заступить ночная смена. Сержант, флегматичный толстяк, даже расстегнул китель, позволив себе некоторую вольность. Инспектор Логно, одетый в цивильное, угрюмо наблюдал за тем, как азартно режутся в шашки патрульные мотоциклисты.

На улице шел дождь, который, начавшись около восьми вечера, ближе к полуночи успел превратиться в самый настоящий ливень. В такую непогоду легко промокнуть в два счета. Впрочем, типичное явление в начале лета: днем солнце, ближе к вечеру, откуда ни возьмись — дождь. В Опере шло какое-то гала-представление, о чем красноречиво свидетельствовали ряды припаркованных на площади перед театром лимузинов. Многие шоферы, занятые оживленными разговорами, были облачены в ливреи.

Никто из полицейских, включая и тех, кто нес дежурство уже непосредственно в самом здании театра, понятия не имел, что именно за представление дают в зрительном зале. Да их это и мало волновало, по правде говоря.

Вот то, что на дворе дождь, да, это важно. И в том, что постовые скоро явятся на пересменку вымокшими до нитки, хорошего мало. И три дорожные аварии, случившиеся только на одном Итальянском бульваре по вине скользкого от дождя асфальта, тоже плохо.

Одно хорошо. В дождь задержаний всегда меньше. Вот и сейчас в участке коротала время лишь одна торговка цветами. Она тихонько пристроилась в уголке рядом со своей цветочной корзиной с клубком синей шерсти на коленях, сосредоточенно перебирая спицами. Женщина вязала детский носок.

А в общем-то дежурство как дежурство, и вечер самый обычный. Сержант еще раз пробежал глазами записи всех происшествий, случившихся в течение смены. Скоро он вручит гроссбух в черной обложке своему сменщику.

И тут появляется этот несносный старикашка.

— Скажите ему хоть вы, сержант! Никто не имеет права обращаться с Мышью так грубо. Правду я говорю?

Слова задержанного, впрочем, остались без внимания. Полицейский, молодой, светловолосый здоровяк (про таких еще говорят «кровь с молоком»), доставивший старика в участок, и не подумал расслабить железную хватку и продолжал крепко держать бродягу за плечо. Точнее, за его пиджак. Сержанту даже показалось, что полицейский слегка приподнял старикашку над полом, отчего тот стал похож на тряпичную марионетку, безвольно болтающуюся в воздухе.

— Да отпусти ты его! — недовольно буркнул он, обращаясь к молодцеватому стражу порядка.

— Ну, что я тебе говорил? — тут же возликовал старик. — Я же тебе всю дорогу твердил, чтобы ты меня не трогал.

Он расправил полы пиджака и, перехватив внимательный взгляд инспектора, почти весело подмигнул ему.

Если старина Мышь по каким-то причинам не коротал ночь в участке рядом с Гранд-опера, то это означало лишь одно: значит, его приютили у себя в соседнем участке, что на Елисейских Полях. Или он устроился на ночлег в одном из подвалов Большого дворца. Но Бонвоси (так звали молодого полицейского) был еще в отделении новичком и плохо знал квартал Оперы. Иначе не стал бы тратить время на бесцельное задержание бродяги с обязательным составлением никому не нужного протокола.

— Ступай! — милостиво разрешил ему сержант и сделал очередную глубокую затяжку.

— Минуточку-минуточку! — возразил задержанный. — Если вы не возражаете, сержант, мне от молодого человека нужны свидетельские показания.

Сухонький маленький старикашка, подвижный как ртуть. Его маленькие глазки светились озорством, рыжие волосы, тронутые грязной сединой, топорщились во все стороны. Но старый костюм, который был ему чересчур велик, как ни странно, смотрелся на нем даже с претензией на элегантность.

— Буду рад, инспектор, если вы тоже присоединитесь к нам, — добавил старик с апломбом. — В конце концов, не каждый день со мной случаются такие истории.

Инспектор и сержант переглянулись. С момента появления бродяги в участке оба они знали, что без традиционного представления не обойдется. Любит Мышь ломать перед ними комедию. А сержант не против и посмотреть, если, конечно, есть свободное время.

— Сержант, я требую, чтобы вы внесли в протокол, что этот полицейский задержал меня на террасе кафе, что на площади Мадлен, как раз в тот момент, когда я просил у Лии четыре франка.

Старик взглянул на инспектора Логно, словно требуя, чтобы тот подтвердил его слова. Инспектор, занимавшийся, главным образом, проститутками, сводниками и курировавший все бордели и дома терпимости в Центральном округе, кивнул в знак согласия. Лию он знал неплохо.

— А почему ты просил именно четыре франка? — удивился сержант.

— Я хотел поймать такси, чтобы приехать к вам. Как раз надо четыре франка, если с чаевыми.

Логно бросил на старика внимательный взгляд. Происходящее все меньше смахивало на комедию, ибо что-то в голосе самого комедианта настораживало. Ну да, Мышь любит повыпендриваться на публику и сорвать свою порцию смеха и аплодисментов, но только не сейчас. Старик был явно чем-то напуган, а в его глазах плескался откровенный страх.

Логно предпочел пока не вмешиваться в разговор. Он был неразговорчив и не любил бросаться словами только ради того, чтобы что-то сказать.

Однако сержант не заметил настороженного взгляда инспектора и продолжил разговор в обычной шутейной манере.

— Что, боялся промочить ноги?

— Нет, я боялся карманников!

Реплика возымела должный эффект. Все присутствующие рассмеялись. Даже мотоциклисты забыли про шашки и с удовольствием приготовились лицезреть спектакль.

— Да, боялся карманников! А что такого? Не каждый день, знаете ли, ходишь по улицам, имея при себе целое состояние, — доверительно сообщил им старик, и в его глазах вдруг запрыгали веселые зайчики.

И лишь инспектор Логно по-прежнему сохранял серьезность. Смуглолицый, с черными как смоль волосами, густыми черными бровями, похожими на две массивные дужки от роговых очков, он всегда производил впечатление мрачного молчуна, смотревшего на мир исключительно исподлобья. И лицо его с грубыми, словно вырубленными топором чертами, было по своему обыкновению непроницаемым и сосредоточенным, будто он в данный момент мысленно решал какую-то очень важную и трудную задачу.

— Ну так предъяви нам свое состояние! Сколько ты там наклянчил? Пять франков? Десять? Предупреждаю, если у тебя в кармане сейчас обнаружится пятнадцать франков, то ни о каком бесплатном ночлеге в участке можешь даже не мечтать. Ясно?

— Минуточку-минуточку! Прежде всего, я хотел бы получить от вас расписку, вот!

С этими словами бродяга по кличке Мышь извлек из кармана продолговатый конверт желтого цвета, в каких обычно отправляют деловую корреспонденцию.

— Пересчитайте! — с небрежной важностью обронил он, кладя конверт перед сержантом. — Опись можно составить позднее. Итак, среда, 23 июня, половина одиннадцатого вечера, улица Рояль, прямо напротив ресторана «Максим». Уго Моссельбах по кличке Мышь, шестидесяти восьми лет от роду, уроженец земли Рейн-Вестфалия, подобрал на тротуаре рядом с проезжей частью улицы желтый конверт, в котором...

Столь необычный монолог застал сержанта врасплох. Он молча взял конверт и автоматическим движением руки раскрыл его. Затем заглянул внутрь, схватился за перо и тут же принялся строчить протокол под диктовку старика.

— Рейн-Вестфалия пишется через черточку?

— Да! Как я уже сказал, в конверте...

Инспектор молча поднялся со стула и, не вынимая рук из карманов, подошел к сержанту и пристроился у него за спиной. Мотоциклисты тоже подтянулись к стойке, чтобы посмотреть на содержимое конверта.

— Кажется, это дельце специально для старшего инспектора, — неожиданно брякнул старикан. Несмотря на шутливость интонации, вид у него был необычайно серьезным.

Сержант растерянно молчал, не зная, как реагировать. Он посмотрел на инспектора. Но тот лишь неопределенно пожал плечами в ответ.

— Придется составлять опись, дружище. По-другому — никак!

—...Находится девять соединенных резинкой купюр, по пятьсот долларов каждая. Итого четыре тысячи пятьсот долларов.

В комнате повисло молчание. Сержант снова раскурил свою трубку.

— А сколько это будет во франках? — пробормотал он вполголоса, словно разговаривая сам с собою.

— Приблизительно шестьдесят пять тысяч франков, — с готовностью подсказал ему Мышь. — Но это еще не все!

Действительно, в конверте лежала еще и вторая пачка. Ее пересчитали дважды, уже все вместе. Сорок девять стодолларовых купюр. Почему именно сорок девять, а не пятьдесят? Странно все это!

И наконец, на самом дне конверта обнаружили две банкноты достоинством по тысяче франков каждая и две по сто франков.

Пока сержант строчил протокол, инспектор уставился на старика тяжелым немигающим взглядом. Невооруженным глазом было видно, что все происходящее ему крайне не по душе.

— Так где, ты говоришь, подобрал конверт?

— В нескольких ярдах от ресторана «Максим».

— Прямо на тротуаре?

Конверт был мокрым, но не настолько, чтобы промокнуть насквозь. Значит, под дождем он пролежал недолго.

— Да, он валялся прямо на тротуаре. Месье Жан видел, как я его поднимал. Он даже хотел вместе со мной посмотреть, что там внутри. Но в этот момент к ресторану подъехало такси с очередными посетителями, и он отвлекся на них.

Логно молча пометил в блокноте новую деталь. Итак, на террасе кафе Лия, на входе ресторана — швейцар. Не много ли удачных совпадений?

— Что же мне со всем этим делать? — уставился сержант на инспектора.

— Вы должны дать мне расписку, — с готовностью подсказал ему старик. — Если в течение одного года плюс один день никто не обратится в полицию за пропажей, деньги по закону принадлежат мне. Вернусь к себе на родину и прикуплю в родной деревушке приличный домик.

Старик ловко крутанулся в сторону двери, словно артист, раскланивающийся перед публикой в последний раз, перед тем как уйти за кулисы. Впрочем, он прекрасно понимал, что сейчас ему не позволят покинуть участок просто так, за здорово живешь.

— Куда? — моментально пресек его мнимую попытку Логно. — Задержись-ка на минутку!

— Готов уделить вам хоть сто минуток, инспектор! Вы же сами знаете, ваше желание — для меня закон.

— Подойди ближе!

Инспектор быстро обшарил его карманы и ощупал одежду.

— Снимай обувь!

Мышь продолжал дурачиться, стыдливо поджимая под себя босые ноги, ибо, конечно же, был, как всегда, без носков. Потом он стал расстегивать ремень, всем своим видом демонстрируя готовность снять и брюки тоже, не забыв при этом сделать извиняющийся жест в сторону цветочницы.

— Прошу прощения, мадам. Но эти господа… вы же понимаете...

— Кончай придуриваться! — оборвал его на полуслове инспектор. — И марш спать!

— А можно мне выйти на улицу и пропустить пару глотков в соседнем баре? Нервы у меня взвинчены до предела. Сами же понимаете, когда тебе на голову ни с того ни с сего сваливаются сто пятьдесят тысяч франков, то...

Логно молча толкнул старика в сторону одной из трех камер, оборудованных при участке. Одна — для женщин, вторая для мужчин, а третья — для всяких бродяг, не представляющих никакой угрозы для общественного порядка. Туда-то и впихнули старика. В камере уже был один постоялец. Какой-то бродяга лежал ничком на деревянном топчане. Он даже не пошевелился, когда открыли дверь.

— Осторожнее, инспектор! При всем моем уважении к вам скажу, что вы обращаетесь со мной гораздо хуже, чем сержант. Но тем не менее, спокойной вам ночи.

В восемь часов утра дверь в камеру снова распахнулась. Мышь легко соскочил с лежака и, подхватив свою шляпу-котелок облезло-зеленого цвета, направился в сопровождении полицейского к выходу.

Как ни странно, в дежурке он столкнулся с Логно. Теоретически, после ночного дежурства инспектор должен был уже отсыпаться дома, но он все еще торчал в участке и явно поджидал старика.

— Ну, и что она вам сообщила? — не отказал себе Мышь в удовольствии немного покуражиться. Его вопрос, конечно же, касался проститутки Лии.

Инспектор угрюмо промолчал.

— Между прочим, инспектор, тротуар перед «Максимом» — это уже не ваша территория. Там делами заправляет Восьмой округ. А потому вам нет никакого дела до...

Инспектор окинул бродягу свинцовым взглядом из-под полуопущенных век и закурил сигарету. Дежурный молча толкнул старика к выходу. Дверь распахнулась, и в помещение ворвался поток солнечного света. Прекрасное утро, особенно после такой ненастной ночи. Донесся лязг открываемых ставней на витринах соседних лавок, запахло круассанами и кофе.

— Готов побиться об заклад, — пробормотал Мышь, направляясь в сторону Монмартра, — Зануда точно сейчас потащится за мной.

Бродяга медленно поковылял по тротуару, спиной чувствуя присутствие Логно где-то рядом. Он еще не решил, куда податься. На одном из перекрестков старик остановился в раздумье, в какую сторону свернуть. Наконец он определился и побрел по направлению к бульвару Пуасоньер. Некоторое время он шел бесцельно, но заметив стенд с утренними газетами, сразу же приклеился к застекленным витринам. Вот пусть теперь этот противный Зануда поломает себе голову, что он ищет в газетах. Несмотря на ранний час, возле стенда толпились люди, жаждущие узнать свежие новости.

Мышь быстро пробежал глазами первые полосы утренних газет. Ничего! Вторая полоса: тоже ничего. Третья полоса, где обычно публикуют сообщения из раздела криминальной хроники. Мелкое ограбление, перестрелка в одном из баров в районе Монруж.

Мышь поймал отражение инспектора в витрине. Тот с суровым выражением лица пристроился рядом и тоже принялся внимательно изучать газетные полосы, угрюмо поглядывая на старика. Что ж, ничего удивительного! Всем мало-мальски знакомым со столичными правоохранительными органами известно, что в Девятом округе муниципальной полиции трудятся два антипода: добродушный толстяк лет сорока пяти с вечной улыбкой на устах. Его так и зовут — инспектор Улыбка. А второй, Логно, всегда мрачный, насупленный, вечно всем недовольный. И кличка у него соответствующая — инспектор Зануда.

Четвертая полоса, тоже ничего. Мышь озадаченно уставился на газетный стенд, потом снова погрузился в изучение первых полос и, наконец, не выдержал.

— Может, хоть кофе угостите, инспектор? Раз нам по пути...

Логно вздрогнул от неожиданности, но лишь поглубже засунул руки в карманы и, не говоря ни слова, направился в сторону автобусной остановки. Вскоре подошел автобус, и инспектор поехал домой, в свой Восемнадцатый округ, на площадь Константин-Пекер.

Мышь, между тем, облюбовал себе местечко на скамейке прямо напротив Театра дю Гимназ и присел передохнуть.

То, что газеты обошли случившееся молчанием, немного настораживало. Хотя пока вроде бы все шло гладко. Ни единого прокола! Пусть этот Логно копается в своих изысканиях сколько его душеньке угодно. В конце концов, у него профессия такая — вести расследования. А если надо, он с готовностью подсобит Зануде.

На всякий случай старик мысленно вспомнил в мельчайших подробностях, чем и когда занимался всю среду. Днем он получил бесплатную пайку

супа в столовой при Армии спасения, потом, где-то часов в шесть, его видели на барже, стоявшей на приколе возле станции метро «Тюильри». Две дамы в плащах с капюшонами могут подтвердить, что он околачивался на борту этой баржи до семи вечера. Позднее шатался по Елисейским Полям, добрел до самого отеля «Амбассадор» и театра варьете.

Люди толпились возле театральных касс, а он пристроился на тротуаре открывать дверцы подъезжающим такси в надежде получить свою порцию чаевых. За этим занятием он промаячил у всех на виду до двадцати минут десятого. Ведь, как известно, завсегдатаи варьете подтягиваются ближе к полуночи. Не то что в обычном театре! Там к половине девятого вечера все зрители уже сидят на своих законных местах.

Итак, варьете. В случае чего кассир может подтвердить, что он отирался поблизости.

Вот дальше сочинять будет уже труднее. Скажем так: он зашел в метро возле отеля «Дю Рон-Пойнт». На станции он проторчал около часа, а потом направился к оперному театру встречать публику, выходящую на улицу после окончания спектакля. Но передумал и пошел в сторону площади Согласия, потом свернул на улицу Рояль, а тут и ресторан «Максим» в двух шагах.

Пока все стыкуется. Впрочем, хорошее алиби никогда не должно быть слишком безупречным. Напрасно он приплел к своему рассказу Лию и этого швейцара из ресторана. У Зануды мгновенно возникло подозрение. И газеты молчат. Нигде ни строчки! Неужели...

Старик поднялся со скамейки и пошел в сторону ближайшего бара. Там он выгреб из кармана последний франк и сорок сантимов и заказал себе стакан белого вина, после чего снова направился на Елисейские Поля.

Разумеется, насчет метро, да и все остальное — все это чистейшей воды ложь. Сказки! Но жизнь порой преподносит сюрпризы почище всяких сказок.

До двадцати минут десятого все шло как обычно, и ничто не предвещало того, что случилось потом. Он подскакивал к подъезжающим машинам, угодливо распахивал дверцы перед выходящими из машин пассажирами. Вот только дождь сильно мешал, и в итоге он насобирал всего лишь пять франков чаевых. Понятно, почему. Пассажиры не торопились покидать машины, терпеливо поджидая швейцара, спешащего к ним с огромным красным зонтом в руках. Пришлось податься подальше от входа в ресторан, на авеню Габриэль. Там тоже паркуются машины. Иногда шоферы даже дают ему на пиво, чтобы он присмотрел за их транспортом, а сами идут смотреть шоу в варьете. Но опять же все планы спутал дождь. Водители сидели по своим машинам, уткнувшись в газеты. Да и машин было совсем немного. Ближе к улице Элизе вообще ни одной. Старик бесцельно брел по тротуару, как вдруг заметил громадный лимузин, припаркованный на изрядном расстоянии от остальных машин. В такую погоду, да еще ночью, не сыскать более пустынного места, чем улица Элизе. И это несмотря на то, что до Елисейских Полей рукой подать. Развесистые кроны каштанов по обе стороны дороги отбрасывали густые тени вокруг, отчего вся улица казалась погруженной в кромешный мрак.

Мышь подошел ближе и увидел на переднем сидении человека. Мужчина в вечернем костюме сидел на водительском месте, вот только Мышь начисто запамятовал, был тот во фраке или в обычном смокинге. Он также не запомнил головной убор. Фетровая шляпа с мягкими полями? Цилиндр? А может, вообще ничего? Потому что бросились в глаза светлые волосы. Очень светлые.

Все случилось в мгновение ока. Едва Мышь приоткрыл дверцу и с достоинством (он ведь не какой-то там пропойца!) произнес: «Не найдется

ли у вас пары франков на кружечку пива, ваша светлость?», как мужчина пошатнулся и стал крениться набок, норовя выпасть из кабинки.

Мышь обеими руками стал заталкивать незнакомца обратно и тут же почувствовал, как руки стали липкими. Он пригляделся и заметил темное расползающееся пятно на рубашке незнакомца.

— Этого еще не хватало! — выдохнул он почти машинально. — Ты что это, парень, решил со мной утворить?

Надо побыстрее уносить ноги. Но вначале он должен захлопнуть дверцу автомобиля, иначе мертвец свалится прямо на тротуар. Кое-как он усадил покойника и в этот момент почувствовал что-то твердое у себя под ногой.

— Этого еще не хватало! — снова повторил он, поднимая с земли пухлый бумажник. Мельком взглянув на него, Мышь тут же опустил бумажник себе в карман. Нет, он не станет открывать его прямо здесь.

Старик снова нырнул на Елисейские Поля и даже предусмотрительно перешел на другую сторону улицы, потом рысью пробежался почти до самого парка Ла Рен. И только там перевел дыхание и, остановившись под фонарем, извлек на свет божий свою добычу.

В бумажнике лежала пачка из десяти пятисотдолларовых купюр, рядом — вторая пачка из пятидесяти стодолларовых купюр. И много, очень много франков.

Что ж, деньги парню уже без надобности. В том, что тот покойник, Мышь не усомнился ни на секунду. А потому надо действовать, и действовать быстро. Такая удача случается ведь не каждый день. А уж если совсем точно, то шанс, подобный этому, выпадает раз в жизни, и его нельзя упустить.

Мышь быстро просмотрел остальные отделения бумажника. Крохотная фотография молоденькой девушки, не очень, впрочем, качественная. Такие обычно делают для паспортов. Три билета красного цвета, наверное, в кино. Пустой конверт: его он не стал трогать, оставив там, где он лежал. На конверте значилось: «Сэр Арчибальд Ландсберри». Дальше шли неразборчивые буквы, скорее всего, чей-то адрес в Лондоне. Но со всем этим он разберется позже. А пока...

А пока он извлек из бумажника пачки с деньгами, предусмотрительно оставив внутри только одну купюру достоинством в пятьсот долларов, еще одну стодолларовую банкноту и немного франков. Сейчас самое главное — быстро избавиться от бумажника. Его старик решил припрятать среди тюльпанов на первой же встреченной по пути клумбе. Для пущей верности он даже присыпал находку слоем земли. А потом пошел прочь с карманами, полными денег.

Старик, между прочим, уже был научен горьким опытом по части находок. Несколько лет тому назад он подобрал в метро кошелек с двумястами франками. Но люди успели заметить, пришлось нести деньги в участок. Благо, тот находился рядом со станцией метро. Тогда у него решительно не было никакой возможности стащить из кошелька хотя бы одну бумажку. А вдруг в участке его станут обыскивать? Более того, ему даже пришлось пожертвовать единственной монеткой в десять франков, которой он успел разжиться. Потому что хозяйка кошелька, прибежавшая в участок почти следом, стала кричать, что не хватает десяти франков, и все такое. Полицейский принялся шарить по карманам бродяги и выудил оттуда искомую монетку, которую прямо на месте вручил женщине, несмотря на бурные протесты старика, утверждавшего, что это его личные деньги.

Тот досадный случай многому научил Мышь. Впредь никаких бумажников при себе! Кто поверит, что на бродягу, уже более десяти лет коротающего ночи в самых разных отделениях столичной полиции, вдруг

свалилось целое состояние в размере более ста пятидесяти тысяч франков? Да его одними допросами замучают! Нет, на сей раз он будет действовать предельно осторожно и очень-очень осмотрительно.

На улице все еще шел дождь. Мышь свернул на станцию метро возле отеля «Дю Рон-Пойнт» и, лихорадочно озираясь по сторонам (не дай бог допустить оплошность!), пошел на платформу. Проехав несколько остановок, он вышел на станции «Сен-Лазар». Всю дорогу он сосредоточенно обдумывал, как ему распорядиться неожиданной находкой. Может, стащить у кого кошелек? Чего проще! За годы странствий по полицейским участкам и камерам предварительного заключения он навидался всякого. Сиживал и с убийцами, и с карманниками. Было у кого перенять опыт.

Итак, он стащит кошелек у какого-нибудь зазевавшегося пассажира, положит туда найденные купюры, а потом сдаст кошелек в отдел находок.

Нет! Слишком рискованно! Что он им скажет? Что нашел такую кучу денег, роясь в мусорном баке? Предположим, ранним утром, когда все баки выставляют на улицу, ему еще, быть может, и поверили бы. Но в десять часов вечера...

И тут ему в голову пришла спасительная мысль. На улице Сен-Лазар расположены ведь одни конторы и офисы. Коль скоро задумка с кошельком не проходит, значит, надо разжиться конвертом для деловой корреспонденции. Еще нужна крепежная резинка, такая, какими обычно пользуются клерки. Поиски подходящего конверта увенчались успехом быстро: таковой нашелся уже в первом же мусорном баке. Вполне приличный конверт желтого цвета, слегка помятый по краям и со следами карандаша, оставленными каким-то клерком. С резинкой оказалось сложнее. Пришлось пожертвовать последними собственными сбережениями и приобрести портсигар, в котором имелась нужная резинка красного цвета. Портсигар был тут же выброшен в урну, но уже без резинки, а Мышь, переложив деньги в конверт и скрепив пачки резинками, зашагал в сторону улицы Рояль. Остановившись прямо напротив ресторана, он стал метаться по самой кромке тротуара, встречая каждую подходящую машину, и даже помог открыть дверцы в нескольких из них. А потом сделал вид, что поднимает с асфальта конверт, постаравшись попасть в поле зрения швейцара.

Все остальное было уже делом техники. На площади Мадлен он заметил на террасе кафе Лию, подошел и стал клянчить у нее четыре франка на такси. И очень удачно! Потому что рядом вертелся какой-то молоденький полицейский, которого он еще не знал. Видно, из новеньких. Потому что тот сразу же купился на его трюк.

— Так, что здесь происходит? Что тебе надо?

— Вот, прошу у Лии четыре франка и...

— Документы у тебя есть? Пройдем со мной в участок! Живо!

В этот момент Мышь был горд собой, как никогда в жизни. Потому что его хитроумный план сработал безотказно. Что ж, кажется, пока он не допустил ни одного прокола, ни в словах, ни в действиях. Остается только запастись терпением и подождать один год и один день. А потом уже сам старший инспектор вручит ему находку, и он, на вполне законных основаниях, станет владельцем целого состояния. Дай только бог, чтобы доллар не упал в цене за этот год.

Но сегодня утром, стоя у стенда с утренними газетами, старик впервые почувствовал, как в его душу закрадывается тревога. Он даже испытал некое подобие шока. Ни в одной из газет ни единой строчки об убитом в машине парне. И что бы это могло значить?

Кажется, он не ошибся. Машина стояла именно здесь, на этом самом месте, всего лишь в каких-то десяти ярдах от здания Британского посоль-

ства. Но сегодня ее здесь не было. Мимо него шли нарядно одетые женщины в легких летних платьях, следом потянулись няни и гувернантки, сопровождающие на прогулку таких же нарядно одетых детей.

Куда же подевалась эта проклятая машина?

Он снова поплелся в сторону парка Ла Рен, медленно прошелся по аллеям и понял, что его подстерегает уже второе за этот день неприятное открытие. Итак, машины на месте не оказалось, а найти клумбу, на которой он зарыл в землю кошелек с тремя банкнотами, при свете дня тоже оказалось совсем непросто. Мышь с напускным равнодушием остановился на дорожке и стал наблюдать за тем, как садовник, поливающий газоны, управляется со шлангом. Лицо старика приобрело весьма озабоченное выражение.

Так где же он зарыл свой клад? Ночью все было совсем по-другому. Мышь огляделся по сторонам в поисках газового фонаря, который выбрал себе в качестве ориентира. Черт! Но здесь три совершенно одинаковые клумбы, и возле каждой из них стоит по фонарю. И тюльпаны на всех клумбах похожи друг на друга как две капли воды, разве что по цвету отличаются. На одной клумбе тюльпаны желтые, на другой красные, а на третьей — темно-лиловые. Вот только ночью все кошки серы. Да и не до того ему было, чтобы еще запоминать и окраску тюльпанов. Во всяком случае, цветы были темными. Значит, точно не желтые. Но красные и лиловые в темноте смотрятся абсолютно одинаково.

Впрочем, осечка с клумбами — это всего лишь полбеды. Нашлись и другие поводы для беспокойства. При свете дня Мышь увидел, что тюльпаны уже почти отцвели, а значит, не сегодня-завтра в парк подтянутся рабочие, выкопают тюльпаны, сгрузят их на тележки и увезут прочь. Ну, а клумбы засадят свежими цветами. Да, но когда именно это должно произойти?

Ленивой походкой старик направился к садовнику.

— А дождь-то цветочкам явно пошел не на пользу, — начал он издалека.

— Да. Но им недолго осталось сидеть.

— Займетесь сегодня пересадкой?

— Нет, завтра утром.

В это же самое время старший инспектор Управления полиции по кварталу Оперы закончил знакомиться со сводками о происшествиях минувшей ночи. Прочитав донесение о крупной денежной находке недалеко от ресторана «Максим» (конверт желтого цвета, в котором, и так далее), он вызвал к себе секретаря и протянул ему исписанный листок.

— Отправьте в отдел находок, — распорядился инспектор.

Секретарь взял бумагу и осторожно вложил ее в конверт.

Глава вторая

Портрет человека в котелке

Мышь прохватился от странного чувства, что все увиденное во сне случилось с ним наяву. Он с трудом разлепил глаза и почти сразу понял, что накануне сильно перебрал по части красного вина.

Ну и пусть! А что тут такого? Он уселся на топчане и оглядел сокамерников. Рядом с ним дрых с раскрытым ртом какой-то молодой парень. В камере напротив, насколько он мог разглядеть в полумраке через прутья решетки, спали женщины. Сильно несло перегаром, но к подобным запахам Мышь давно привык.

Было еще очень рано, не более шести утра. В окно пробился первый солнечный луч. Он легко скользнул по стенам, и в комнате сразу же стало теплее. И унылая атмосфера участка перестала казаться такой безрадостной. Как все это похоже на сцену Благовещения, которая изображена над главным алтарем церкви в его родной деревушке, мелькнуло у старика. Он потянулся, слегка размял ноги и поднялся с топчана. Но чем больше он размышлял о странных сновидениях минувшей ночи, тем сильнее крепла в нем уверенность в том, что ничего ему не приснилось и инспектор Логно действительно заглядывал к ним в камеру. Он вспомнил его тяжелые полуопущенные веки и свои собственные тщетные усилия проснуться. Да, он хотел проснуться и встать, чтобы поприветствовать его, но не смог.

И тут Мышь обнаружил, что его котелок тоже куда-то исчез, и нахмурился.

Ну вот, доигрался, рассердился он на самого себя. Нет, тут не только красное вино виновато.

Недаром всякий раз, когда он собирался совершить очередную глупость, интуиция подсказывала ему: «Не делай этого!» Вот и вчера, где-то около пяти или шести вечера, интуиция шепнула ему на ухо: «Будь осторожен», и как всегда, он не придал никакого значения своему внутреннему голосу. А все потому, что привык считать себя сильно умным.

Откуда у него такая уверенность, что Логно проявляет повышенный интерес к его скромной персоне? Трудно сказать. Такие вещи вообще, как правило, сложно объяснить. Просто чувствуешь, и все. Вот и вчера! Ближе к полудню он, наконец, разыскал среди тюльпанов злополучный бумажник. Кажется, он был предельно осторожен. Никакой слежки за собой он не заметил, и инспектор нигде поблизости не маячил.

В первую минуту Мышь почти поддался соблазну. Он уже был готов извлечь из бумажника купюру в сто франков и пуститься во все тяжкие. Нет, нельзя! Он в здешних местах слишком известная личность. Не успеет он разменять эту проклятую банкноту, как новость моментально станет достоянием всех полицейских, начиная от Монмартра и до площади Оперы включительно. Ведь персонал отделений Восьмого и Девятого округов знает его как облупленного.

Что ж, в чем-то он похож на кинозвезду. Тоже не может пройти по улицам незамеченным. Мало того, что его знают в лицо все полицейские, несущие службу в центре Парижа, так и все местные проститутки тоже. Плюс все те, с кем он привык коротать ночи в полицейских участках. Они даже, встречаясь на улице, приветствуют друг друга, как старые добрые знакомые.

Вечером, когда он по своему обыкновению явится в участок на ночлег, обязательно найдется какой-нибудь сержант, который не преминет поинтересоваться:

— Что ты делал на углу улицы Босси д’Англа?

Он тяжело вздохнул и положил сто франков обратно в бумажник. Пока он вел себя предельно осторожно, и в будущем тоже не стоит рисковать. Единственное, что он позволил себе забрать, так это — фотография девушки. На обороте он написал фамилию, которая значилась на конверте: «Сэр Арчибальд Ландсберри».

Погода была великолепной. В принципе, он мог комфортно устроиться на ночлег где-нибудь на набережной Сены. Приятно было бы уснуть под убаюкивающие вздохи башенного крана, разгружавшего поблизости каменные блоки. Но он передумал и снова полез в бумажник, извлек оттуда три красных билета, которые при близком рассмотрении оказались билетами в луна-парк.

Неторопливо меряя шагами набережную, старик напряженно обдумывал, как ему поступить с бумажником. Конечно, проще всего выбросить его в Сену. Но мысль о том, что вместе с бумажником уйдут на дно целых три банкноты, и какие! — пятьсот долларов плюс сто долларов, и это не считая франков, — казалась ему нестерпимой и даже кощунственной. Такую потерю он не переживет.

С другой стороны, таскать бумажник при себе — значит, постоянно подвергать себя сильнейшему риску. Его может остановить первый же встречный полицейский, потребовать документы, а потом, скажем, из вредности, отвести в участок и там обыскать.

Так где же ему спрятать этот проклятый бумажник? На стройке? Подсказка пришла неожиданно. Мимо проехал старенький автобус. На подножке стоял кондуктор и громко орал в мегафон:

— Лонгчамп... Ипподром... Два франка... Лонгчамп...

Кажется, пока он не допустил ни единой ошибки. Так надо действовать и впредь. Старик поспешно вскарабкался в автобус и устроился на своем привычном месте в конце салона, на котором всегда сидел, когда ездил на бега. Автобус он знал как свои пять пальцев. Именно пальцами он и стал осторожно ощупывать дерматиновое сидение. Кажется, несъемное. Мышь с усилием пропихнул бумажник под сидение, стараясь затолкать его как можно глубже. Он вышел на следующей остановке, прямо напротив луна-парка.

Но прежде чем направиться в луна-парк, старик извлек из кармана фотографию и упрятал ее под кожаную ленту на котелке. Затем подошел к турникету на входе, возле которого маячил контролер, облаченный в красивую ярко-красную униформу, и стал дружелюбно болтать с ним. А что такого? Какую угрозу для него может представлять невинная болтовня с контролером? И что страшного, если он покажет ему билеты? И даже спросит, как бы между прочим:

— Они еще действительны?

— А ты сам не видишь, что они уже использованы?

— Да? — вполне искренне удивился Мышь. — И когда же их успели использовать?

Как выяснилось, все три билета были использованы вчера, то есть в среду, двадцать третьего июня. Иными словами, всего лишь за несколько часов до того, как Мышь обнаружил труп в машине. Более того, один из трех билетов был детским, для посетителей не старше шести лет.

В это же самое время инспектор Логно заступил на очередное дежурство. Мышь был в курсе того, что инспектор опять дежурит в ночь. Но на этом треволнения не закончились. Прогуливаясь поздно вечером по Елисейским Полям, старик снова почувствовал неладное.

И опять Мышь проигнорировал голос собственной интуиции. Впрочем, едва ли он смог бы четко сформулировать, что именно его беспокоит. Разве что полицейский, который, когда он проходил мимо, неожиданно оглянулся и стал пристально смотреть ему вслед. Еще дважды в течение часа этот же самый полицейский попадался ему на глаза. А ведь здесь другой округ.

Ах, какой же он глупец, с опозданием сообразил Мышь. Ну да, Логно числится в отделении Девятого округа. Но что мешает ему обратиться за помощью к коллегам из Восьмого округа? Дескать, так и так, братцы! Помогите мне отследить все перемещения беспутного бродяги по кличке Мышь.

И те, конечно же, откликнулись и с готовностью пришли на помощь Зануде. Дали соответствующие распоряжения уже своим полицейским, несущим службу на улицах города, а в итоге Логно получит подробнейший протокол, в котором почти поминутно будут расписаны все хождения старика по Парижу.

В девять часов вечера он немного «поработал» для разнообразия на входе в кинотеатр на Елисейских Полях. Там шел премьерный показ какого-то нового художественного фильма, шикарная публика, исключительно в вечерних туалетах. А потому ему повезло больше, чем вчера, и он заработал целых двенадцать франков, которые не замедлил спустить все до последнего сантима на выпивку. Целых два литра вина, а на закуску — сосиска и багет белого хлеба.

Нет, на сей раз он обхитрит Зануду, твердо решил про себя Мышь. Он не станет устраиваться на ночлег в подвалах Оперы. Он поищет себе место в подземельях Большого дворца, а это уже другой округ. В конце концов, с точки зрения удобств, все подвалы одинаковы. Да и удобства, предлагаемые полицейскими участками, не сильно разнятся. Так что ему тоже без разницы, где коротать ночь. Уж его-то персона хорошо известна как в одном округе, так и в другом.

Однако ближе к ночи желание таскаться по городу пропало, и он, разыграв привычную комедию, снова оказался в родном участке. На сей раз там была посетительница, молодая красивая женщина, у которой потерялась собачка, и она, всхлипывая, описывала сержанту, как именно выглядит ее драгоценный песик. Дежурный полицейский сразу же занялся стариком, вначале изучил содержимое его карманов, потом велел снять пиджак, и Мышь, то ли по обыкновению, то ли для того, чтобы развеселить расстроенную посетительницу, снова сделал вид, что готов снять в придачу и брюки тоже. Более того, он даже успел спустить их почти до колен, выставив на всеобщее обозрение свои кальсоны.

Утром Мышь проснулся явно не в духе. Чем дальше, тем больше в нем крепла уверенность в том, что на чем-то Логно все же подловил его. И поделом! Ночью он точно приходил к нему в камеру. Поскольку ничего интересного в его лохмотьях не нашли, Зануда наверняка занялся головным убором. Куда же, в самом деле, запропастился его котелок?

Страшно мучила жажда. Мышь стал шуметь, кричать, чтобы его немедленно выпустили из камеры. Звать пришлось минут пять, пока откуда-то из глубин участка не вынырнул очередной дежурный.

— Куда вы подевали мой котелок? — набросился на него Мышь.

Полицейский уставился на него недоумевающим взглядом, явно не понимая, о чем идет речь. Он недавно заступил на смену и еще не успел ознакомиться с отчетом о ночных происшествиях.

Вместе с бродягой они принялись искать злополучный котелок и обнаружили его в углу за стойкой. Мышь тут же водрузил его на голову и направился к выходу. Так, в котелке, он дошагал до набережной Сены. И лишь там, предварительно оглядевшись по сторонам, снял котелок и проверил, на месте ли фотография. Фотография была на месте, но крохотная дырочка от булавки на самой кромке была красноречивее всяких слов.

Логно успел сделать себе дубликат фотки.

Эти двое все время вели между собой невидимую постороннему глазу схватку, по принципу «кто кого». Получается, что инспектор снова повел в счете, а уж его возможности и его бульдожья хватка были хорошо известны старику.

Предположим, Зануда о чем-то там догадался или что-то даже выведал. Но формально инспектор не имеет никакого отношения к криминалу, связанному с убийством. Он числится в муниципальной полиции и работает в Девятом округе. Следовательно, его должно волновать лишь то, что связано с общественным порядком в данном округе. И на этом всё! Вот пусть себе и отслеживает местных проституток или фиксирует дорожно-транспортные происшествия, случившиеся на подведомственной ему территории.

Но даже если инспектору удалось напасть на след преступления, его роль в этом деле будет весьма незначительной. Потому что, прежде всего, он обязан доложить о своих изысканиях начальству, а те уже дальше, по инстанции, свяжутся с Главным управлением криминальной полиции.

Впрочем, некое шестое чувство подсказывало бродяге, что Зануда взялся за расследование исключительно по личным мотивам. Всем известно, как он недолюбливает Мышь. Его раздражает эксцентричность старика, он не терпит его расхлябанности, его коробит от его дурацких шуточек. Неприязнь инспектора уходит корнями в прошлое и наверняка связана с застарелой обидой. Ведь это именно Мышь придумал инспектору кличку Зануда.

Впрочем, Логно не просто зануда, он еще и упрям, как бык. Целых двенадцать лет бился он за то, чтобы получить должность инспектора. Всякий раз бедолагу подводило то, что писал он крайне безграмотно, а потому регулярно заваливал все письменные экзамены. Но он старался и продолжает стараться до сих пор. Уже трижды Логно сдавал экзамены на должность старшего инспектора, увы! — пока безрезультатно. Ему даже намекнули, что дальнейшие попытки тоже окажутся тщетными, ибо у него слишком большие провалы по части школьной программы. Словом, недоучился инспектор в юные годы. Что означает лишь одно: он может вызубрить назубок все инструкции и положения, но ни шагу не продвинется вверх по карьерной лестнице.

Нельзя сказать, чтобы новость сильно обрадовала Логно, но и отчаиваться он не стал. Разве что сделался еще более угрюмым. И еще ревностнее взялся за службу. Нет, озлобленности в нем не было, но вот жалости по отношению к людям точно поубавилось. Инспектор скрупулезно исполнял свои обязанности, справедливо полагая, что именно за это ему и платят. Словом, такой если вцепится в тебя, то просто так от него не отделаешься.

Весь день Мышь рыскал по городу в поисках неуловимого инспектора, но тот словно сквозь землю провалился. Дважды старик заглядывал на станцию метро возле Оперы, где инспектор совершал свои ежедневные профилактические рейды, и оба раза впустую. То невозможно прогуляться ни по одному из центральных бульваров, чтобы не столкнуться носом к носу с Занудой, а тут и не видно, и не слышно. Пропал, исчез, растворился без следа! А еще газеты! Снова все утренние газеты дружно обошли молчанием происшествие в машине. Ни слова о незнакомце в вечернем костюме, которого зарезали, словно рождественского поросенка, два дня тому назад рядом с авеню Габриэль.

Или дело настолько важное, что его уже успели засекретить, причем на самом высоком государственном уровне? Странно, но Мышь вдруг подумал, что чем больше проходит времени с того страшного вечера, тем отчетливее проступает в его памяти лицо убитого.

А вот был ли рядом с машиной фонарь, он не запомнил. Впрочем, разве обратишь внимание на такие мелочи при виде трупа? Но сейчас какие-то отдельные детали стали припоминаться сами собой, и прежде всего те, что касались внешности незнакомца. Довольно плотный мужчина, очень светлые волосы. Мышь готов был поклясться, что этот человек — иностранец. В момент, когда он взялся за ручку дверцы, бумажник, скорее всего, лежал у убитого на коленях, а потом скатился вниз и выпал на асфальт. А уже потом...

Глядя на Мышь со стороны, никто бы и не подумал, что он занят тяжелейшими раздумьями. Старик ковылял по тротуару своей обычной клоунской походкой, слегка подволакивая левую ногу, с глазами,

опущенными вниз, чтобы — не дай бог! — не пропустить ни одного окурка. Размышления размышлениями, а окурки — это святое. Тем более привычка.

А почему он так уверен, что убитый был в машине один? Резонный вопрос. Насколько он заметил, тело еще не успело даже остыть. Покойничек, как говорится, был тепленьким. А что если в тот момент, когда он взялся за ручку, чтобы открыть машину, злоумышленник успел спрятаться на заднем сидении? Или выскочил через другую дверцу? Кажется, кто-то точно прятался за капотом. И припарковалась машина несколько необычно. Почему не напротив здания Британского посольства? Наверняка в тот вечер у них был прием.

Да, именно так все и было! Картина преступления почти сложилась в голове старика. Убийца точно находился в машине, он сидел на заднем сидении, потом обвил руками шею жертвы и вонзил ему нож прямо в сердце. А почему нож? С какой стати он вообразил, что незнакомца закололи ножом? Просто у меня разыгралось воображение, с досадой подумал Мышь. Скорее всего, в ход пошел обычный револьвер.

Наверное, убийца приготовился схватить бумажник, но тут услышал, как кто-то скребется с улицы, и упал вниз, скрючившись на полу, чтобы не выдать свое присутствие.

Мышь почувствовал, как от напряжения на лбу у него выступила испарина. Он уже готов был поверить в то, что слышал чье-то дыхание за спинкой водительского кресла.

А когда он ушел прочь, убийца вылез из укрытия, пересел на место водителя и преспокойненько уехал себе в какое-нибудь безопасное место. И труп с собой увез. Куда-нибудь, где можно было заняться осмотром тела в поисках бумажника, не привлекая к себе излишнего внимания. В чем Мышь был уверен наверняка, так это в том, что убийца не заметил, как бумажник вывалился наружу.

За столиками уличных кафе было полно посетителей. Люди с удовольствием потягивали пенистое пиво, а старик, неуклюже пробираясь между столиками, продолжал упорно подбирать окурки, лишь изредка разражаясь небольшим монологом с призывом о подаянии, но только тогда, когда встречал участливый взгляд, и после того, как, оглядевшись по сторонам, убеждался в том, что рядом не маячат люди в форме.

— Подайте, ваша светлость, несчастному старику два франка на кружечку пива! — клянчил он то у одного посетителя, то у другого и подмигивал при этом с видом человека, убежденного в том, что нельзя не откликнуться на столь естественную просьбу.

Время близилось к восьми вечера, а Логно был по-прежнему недосягаем. И только позже, когда старик пристроился на парапете возле станции метро, чтобы перекусить, перед его глазами вдруг возник до боли знакомый коричневый костюм. Логно тоже успел его заметить, это уж само собой. Но не стал подходить к бродяге и требовать, чтобы тот выметался отсюда куда-нибудь подальше. Более того, Зануда даже заторопился прочь, отвернувшись в сторону, словно не хотел, чтобы его узнали. Уж не убегает ли он от него, подумал старик. Чудны дела твои, Господи!

На сей раз уже ему пришлось бежать вдогонку за инспектором, что оказалось совсем непросто. Ибо стоило приблизиться к Логно, как тот тут же ускорял шаг, пытаясь оторваться от бродяги. Тогда Мышь не выдержал и окликнул его.

— Инспектор! Эй! Да погодите же вы, черт меня дери! У меня есть что вам рассказать!

Логно замер как вкопанный и, развернувшись к старику лицом, уставился на него тяжелым немигающим взглядом.

— Что ты хочешь рассказать мне?

— Ничего!

— Тогда всего хорошего.

Он снова повернулся спиной и приготовился уйти.

— Да подождите же вы, инспектор! Какой же вы, право, нетерпеливый! Я и правда хочу вам кое-что сказать. Но только не надо на меня давить, договорились?

Старик замолчал. Он явно не знал, как себя вести дальше. Они остановились рядом со служебным входом в театр. На город опустился тихий летний вечер, небо окрасилось в розовые тона заката.

— Говори же! — нетерпеливо скомандовал инспектор.

— Я об этой юной мадемуазель, — старик бросил на Логно виноватый взгляд.

— Я весь внимание.

— Вы понимаете, о ком я, да?

— Продолжай!

— Послушайте! Так нечестно! Вы ведь гораздо умнее меня, у вас больше возможностей, и вы пользуетесь всем этим без зазрения совести. А я предлагаю вам справедливый обмен. Да, именно так. Обмен! Вы сообщаете мне кое-что, а я рассказываю вам тоже кое-что.

Мышь уставился на инспектора невинным взглядом младенца. Он хорошо представлял себе, как смотрится со стороны, ибо давно научился управлять мимикой своего морщинистого лица, словно самый заправский актер.

— Выкладывай!

— Нет, сначала вы! Я — человек слова, вы же знаете. Баш на баш. У вас есть информация, и у меня есть информация, вполне возможно, очень важная.

— Следуй за мной в участок.

— Нет, лучше здесь, на воздухе. В отделении полно народу. К тому же и у стен есть уши. Если вы думаете, что один рыскаете сейчас по городу в поисках информации, то глубоко заблуждаетесь.

Логно заколебался, старик понял это по выражению его лица. Видно, соблазн и в самом деле был велик.

— И что ты знаешь?

— Вначале ответьте на мой вопрос, а потом я.

— Спрашивай!

— Где живет эта юная мадемуазель?

Инспектор тут же впал в глубочайшую задумчивость. Лицо его стало серьезным, он долго молчал, лишь изредка бросая исподлобья немигающие взгляды на собеседника.

— О какой мадемуазель ты толкуешь?

— Вы прекрасно знаете, о какой! Предупреждаю, я в состоянии и сам найти ее, но просто у вас возможностей намного больше. Уверен, вы уже успели обойти всех парижских фотографов, чтобы выяснить, где именно снимали девушку. А мне с больными ногами на такие поиски потребуется вечность. К тому же, вы всегда можете привлечь к себе на помощь коллег из других округов.

Логно рассеянно посмотрел куда-то вдаль, поверх головы старика, но тот не обманулся его показным безразличием. Зануда крайне заинтересован в том, чтобы выудить из него как можно больше информации.

— Так что ты хочешь рассказать мне? Только идем! Люди уже начинают пялиться на нас.

— Хотите, я притворюсь, что прошу у вас деньги? — старик мгновенно напустил на себя жалостливое выражение лица, но глаза его оставались

серьезными. — Инспектор, у вас ведь доброе сердце. Пожалейте несчастного старика, который хочет отыскать бедное дитя.

— Что за вздор ты несешь?! Эта девушка, она что, тебе дочь?

— Я этого не говорил, — живо возразил бродяга.

Будь осторожен, мысленно приказал он себе. Ты не имеешь права еще на одну ошибку. А рыбка-то, кажется, заглотнула наживку. Сейчас он дожмет этого Логно.

— Даже бездомный вроде меня, — начал он важно, — может порой оказать полиции большую услугу. Вот так! Уверен, вы уже нашли девушку. Не отпирайтесь! Вы слишком честный человек, чтобы опускаться до мелкой лжи.

— Говори первым.

— Нет, это несправедливо. Но даю слово, у меня есть что сообщить вам. Где она живет?

— На авеню Парк-Монсо.

— Ближе к парку или возле статуи Бельфорского льва?

— Рядом с улицей Дарю. Теперь твоя очередь. Зачем ты спрятал фотографию в котелке? И где ты ее взял? В среду вечером, когда тебя обыскивали в участке, никакой фотографии не было.

— Нашел.

Логно вперил в старика тяжелый взгляд, словно давая понять, что никаких шуток он не потерпит.

— А кто написал на обороте фамилию?

— Вы же прекрасно знаете, кто! Только не делайте вид, что никогда не видели моего почерка. Я написал!

— Зачем?

— Затем, что у меня был карандаш.

— Сейчас я живо спроважу тебя в участок!

У центрального входа в Гранд-опера маячила фигура дежурного полицейского. Время от времени он посматривал в их сторону, явно забавляясь выяснением отношений между инспектором по кличке Зануда и бродягой по кличке Мышь. Кажется, Зануда заметил повышенное любопытство со стороны постового и уже готов был сорваться на крик.

— Ступай за мной, кому сказано!

— Минуточку, инспектор! Я все скажу. Честное слово!

— Откуда тебе известно это имя?

— Вы имеете в виду Арчибальда Ландсберри? — наивно округлил глаза старик.

— Где ты его раскопал?

— Прочитал на регистрационном талоне, который был прикреплен к автомобилю.

Мышь решил потянуть время.

— Где именно?

— Возле ресторана Рояль.

— А зачем тебе понадобилось записывать его имя?

— Потому что я хотел помолиться за человека, который дал мне целых пять франков чаевых.

— Так это был мужчина?

— Да.

— Средних лет?

— Да. Волосы уже тронуты сединой.

Мышь стал испытывать беспокойство. Почему инспектор так вцепился в этого Ландсберри? И почему ничего не спрашивает о девушке?

— Когда это было?

— Вчера, в четыре часа пополудни.

Неужели именно так зовут того покойничка, которого он обнаружил в припаркованной на улице Габриэль машине?

— А где ты взял фотографию?

— Я ее нашел.

— Прямо на улице валялась, а ты взял и подобрал ее, да?

— Нет, она валялась на полу бара на улице... На улице Вашингтон, если мне не изменяет память.

Беспокойство стало перерастать в откровенный страх. Мышь понял, что Логно круто берет его в оборот. Вряд ли ему удастся повалять дурака, пытаясь выиграть время.

— Что ты хотел рассказать мне? — хрипло поинтересовался у него Логно и бросил на Мышь такой испепеляющий взгляд, что у бродяги душа моментально ушла в пятки. Если он будет продолжать ломать комедию и ловчить, то последствия могут оказаться намного серьезнее, чем он это представляет.

— Я хотел сказать вам, что видел эту мадемуазель с фотки. Позавчера, то есть в среду, да, 23 числа. После обеда, в луна-парке.

— Продолжай!

— А это всё! Она была с маленьким мальчиком и каким-то господином.

— Ты видел ее своими глазами?

— Да.

— А как выглядел тот мужчина?

Придется пожертвовать какой-то частью информации для того, чтобы выяснить правду.

— Светловолосый такой... Волосы очень светлые. Полноватый...

Судя по всему, ответ показался инспектору исчерпывающим. Лицо его моментально просветлело и разгладилось. Ага! Значит, то, что он ему сообщил, никак не противоречит сведениям, которыми Зануда уже располагает.

— А ты что делал в луна-парке? — прорычал инспектор уже так, на всякий случай, просто для очистки совести.

— Но вы же прекрасно знаете, что я делаю в луна-парке. Там постоянно нужны люди на подхвате: то одно, то другое... Иногда они просят меня поиграть на барабане. А однажды, когда не пришел их музыкант, я даже играл на трубе.

По лицу Логно было видно, как отчаянно он борется с собой. Наверное, как всегда, опасается, что бродяга просто дурачится, пытаясь по своему обыкновению обвести его вокруг пальца.

— И это все, что тебе известно?

— А что вам еще надо? — с деланым возмущением парировал Мышь.

Действительно, чего можно требовать от такого типа, брезгливо поморщился инспектор. Ему явно не хотелось отпускать бродягу. Что-то подсказывало ему, что если приложить еще немного усилий, то этого хитреца можно дожать. Он расколет старика, и тот проболтается и сообщит ему нечто такое, какую-то самую малость, пустяк, который, тем не менее, прольет свет на все остальное. И тогда вместо смутных подозрений появятся вполне конкретные факты.

— Что ты собираешься делать с фотографией?

— А вы?

— Не твое дело!

— Вот и у меня тоже очень личное! Тут затронуты чувства. Да, чувства! Вы же не можете запретить мне влюбиться в молоденькую девушку.

— Ты меня не видел, и никаких разговоров мы с тобой не вели! — угрожающим тоном предупредил его инспектор и повернулся, чтобы уйти

прочь. Но снова остановился. Еще одна, последняя попытка. — Ты уже все для себя решил, да?

— О чем вы? — безмятежным голосом поинтересовался у него старик.

Продолжать разговор бессмысленно. Что ж, сейчас он отправится домой и все хорошенько обдумает на досуге.

Ночь Мышь провел в участке возле Центрального рынка. Это как раз по пути на авеню Парк-Монсо. Участок не отличался особой чистотой. Никакого сравнения с отделением возле Гранд-опера. Запах овощей перебивал все остальные запахи. И знакомых в этих местах у него нет. Хорошо хоть, у соседа по камере оказался полный кулек объедков, которыми он с готовностью поделился с ним.

Дома Логно первым делом открыл справочник «Кто есть кто» и быстро нашел фамилию человека, значившегося на обороте фотографии девушки. Да, он не ошибся! Именно так зовут британского посла в Париже. Правда, есть одна маленькая неувязочка. На фотографии написано «сэр», а титул посла начинается со слова «лорд».

Что же до личности девушки, то, вопреки всем его опасениям, установить, кто она такая, оказалось не так уж и сложно. Утром Логно предусмотрительно поменялся сменами с коллегой и после обеда направился на Набережную Орфевр, где размещалось Управление уголовной полиции Парижа. Когда-то, давным-давно, он страстно мечтал работать в этом здании, все обитатели которого казались ему настоящими небожителями. Как-никак, а на Набережной Орфевр сосредоточены сливки французской криминальной полиции.

Однако сегодня он попросился на прием не к высокопоставленному чиновнику уголовной полиции, а к обычному фотографу. Худенький молодой человек с веснушчатым лицом обитал вместе со своей съемочной аппаратурой в небольшой мансарде под самой крышей комиссариата.

— Инспектор Логно, — коротко представился посетитель. — Девятый округ. Прошу простить, что отрываю вас от работы, но у меня есть официальное поручение к вам.

Надо сказать, что, несмотря на свой грозный вид, инспектор Логно был на самом деле человеком очень стеснительным. К тому же, постоянно снедаем тем, что психологи называют комплексом собственной неполноценности.

— Слушаю вас.

— Можно ли по фотографии установить личность модели?

— Женщина?

— Да. Но это стандартный снимок, на документы.

— Задача не из простых. Сегодня ведь многие фотографируются на паспорта в автоматах. Вам придется пролистать горы регистрационных записей. Если повезет, то что-нибудь и обнаружите среди них.

Судя по всему, фотографу было больше нечего добавить к сказанному.

Что ж, если надо, он так и сделает, решил Логно. Он даже возьмет отпуск и лично обойдет всех фотографов Парижа, но докопается до правды и узнает, что скрывается за столь необычным поведением бродяги.

Пока же инспектор записался на прием в отдел нравов. В сущности, речь шла о встрече с коллегами, но с коллегами, которые трудились на самом верху, курируя борьбу с проституцией уже в масштабах такого огромного города, как Париж. Его снова сопроводили длиннющими коридорами до нужной двери, словно рядового гражданина. Потом заставили долго ждать в приемной. Потом он еще раз десять показывал фотографию самым разным людям, пока, наконец, не была найдена соответствующая учетная карточка на девицу легкого поведения, после чего ему позволили ознакомиться с досье на девушку с фотографии.

Люси Бойсвин. Уроженка департамента Сена-и-Марна. Работала домработницей в доме булочника на авеню Де Тэрн. Первое задержание за нелегальную проституцию на...

После первого привода в полицию последовали новые, все это происходило семь лет тому назад, когда девушке не было еще и восемнадцати. Логно снова почувствовал себя в своей стихии: даже стиль, которым было написано досье, напомнил ему язык собственных отчетов. Он сделал кое-какие пометки у себя в блокноте. Девушка на удивление быстро стала на путь исправления. Согласно отчетам, получаемым с места, у нее даже появилось собственное жилье на авеню Парк-Монсо. Имелся также и постоянный доход, а потому полиция нравов вскоре исключила ее из списка наблюдаемых субъектов. Согласно информации, ее содержал некий коммивояжер из Швейцарии по фамилии Лерой, судя по всему, ее любовник.

В пять часов вечера, пока полицейские Восьмого округа во все глаза отслеживали передвижения бродяги по кличке Мышь на их территории, сам Логно звонил в дверь квартиры на авеню Парк-Монсо. Окна квартиры выходили на солнечную сторону улицы, и потому, зайдя в холл, инспектор невольно зажмурился от обилия света. Белые стены, веселенькие цветные занавески на окнах и мебель, сверкающая полировкой, словно ее только что доставили из магазина, все это еще более усиливало ощущение чистоты и свежести.

На балконе играл пятилетний мальчуган. Сама хозяйка, одетая в яркое летнее платье, ничуть не напоминала трудного подростка или проблемную юную девушку, запечатленную на фото. Перед инспектором предстала образцовая молодая мама с вязанием в руках.

Когда Логно со своим неизменно мрачным выражением лица молча вошел в прихожую, женщина невольно вздрогнула, но тут же взяла себя в руки.

— Вас Эдгар прислал?

Увидев, как грозно сдвинулись к переносице его густые брови, она испугалась еще больше.

— Надеюсь, с ним все в порядке?

— Не думаю, — коротко ответил ей инспектор. — Но я здесь по другому поводу. Вот, нашел эту фотографию около дома и решил вернуть ее вам.

— Но как вы догадались, что это именно я? — озадаченно спросила у него Люси.

Пришлось выпутываться, объяснять, что сам он живет недалеко, на улице Дарю, и много раз сталкивался с ней на улице. А еще он подумал, что, быть может, эта фотография имеет для нее какое-то личное значение, дорога ей как память и прочее.

Молодая женщина в замешательстве вертела фотографию в руке.

— Но ведь это же Эдгар *прислал* вас ко мне, да?

Логно почувствовал себя неуютно. Он ведь явился в чужой дом исключительно как частное лицо. Он не имеет права вести с женщиной какие-то разговоры, не говоря уже о допросах. Надо уходить, и побыстрее.

— Одного не понимаю, — задумчиво обронила Люси. — Эдгар говорил мне, что эту фотографию он всегда будет носить при себе. Скажите мне правду! Вы точно знаете, что с ним все в порядке?

Мальчик перестал возиться с игрушками и молча прислушивался к их разговору. В отличие от темноволосой матери, малыш был белокурым. Светлые, почти платиновые волосы и нежная розовая кожа.

— Почему же он не пришел? — пробормотала женщина, словно размышляя вслух. Странный посетитель настолько озадачил ее, что она даже не предложила ему сесть.

На улице стояла невыносимая жара, но в доме было прохладно. Логно вдруг подумал, что и сам бы не прочь пожить в такой светлой и идеально чистой квартире, похожей скорее на шикарную клинику, чем на обычное жилье.

— Вы ждете месье Лероя в гости? — спросил он несколько невпопад.

— А, так вы его все же *знаете*! Скажите же, ради бога, зачем вы пришли?

— Уверяю вас, исключительно ради того, чтобы вернуть вам фотографию.

— Тогда откуда вам известно имя моего любовника? — Люси произнесла последнее слово с легкой небрежностью, совершенно не стесняясь присутствия маленького сына.

— Узнал у консьержа.

— В самом деле?

Разумеется, она ему не поверила. Мрачный, угрюмый человек. Как к такому подступиться? Как заставить его говорить? Пусть уходит, подумала она и, закрыв за Логно дверь, стала напряженно вслушиваться в звуки шагов по лестнице. Почему он не воспользовался лифтом? Фотография осталась лежать на журнальном столике. Люси взяла фотографию, машинально перевернула ее и прочитала на обороте имя сэра Арчибальда Ландсберри.

— А это еще кто такой? — недоуменно пожала она плечами.

Она не читала газет и никогда не слышала фамилии англичанина.

Глава третья

Господин Фридрих Мюллер и Дора по прозвищу «Венгерка»

Логно провел два совершенно невыносимых, мучительных, ужасных часа. Да, именно так: ужасных, без всякого преувеличения. Вначале, когда его препроводили в огромную гостиную, он страшно растерялся, потом растерянность сменилась откровенной паникой и даже страхом, но нужно было любой ценой сохранять самообладание под пристальными взглядами других посетителей, державшихся весьма непринужденно и раскованно.

У Логно даже появилось желание бросить все, встать и уйти прочь, но усилием воли он заставил себя сидеть на прежнем месте. В конце концов, ему не привыкать томиться ожиданием под самыми разными дверями. Подождет и здесь.

Едва Логно переступил порог Британского посольства, как тут же пожалел об этом. Напрасно он сюда явился, размышлял инспектор, разглядывая через окно улицу. И так всегда! Он всегда поступает неправильно, когда обуреваем желанием довести начатое дело до его логического конца. Кстати, его методичность ужасно злит жену.

Но что он может с собой поделать? Таким уж он уродился. К тому же, он должен, он обязан докопаться до правды в этой нелепой истории: конверт с кучей долларов внутри. Пусть бродяга знает, что в полиции работают не только тупицы и болваны.

И все же сейчас он явно перебрал! Самым нахальным образом напросился на аудиенцию к самому британскому послу. А кто он такой? Всего лишь инспектор муниципальной полиции, как значилось на служебной визитке, которую он вручил секретарю. Рядовой инспектор!

Гостиная постепенно заполнялась народом, но никто из посетителей не задержался в очереди более двадцати минут, а его, между тем, мариновали уже больше часа. Логно даже вспотел от напряжения. Наверняка посол сейчас звонит префекту полиции и интересуется, какого черта в его приемной околачиваются всякие муниципальные инспекторы.

Но неожиданно Логно пригласили в шикарный кабинет, хозяин которого, манерный молодой человек, тут же предложил ему стул.

— Лорд Ландсберри? — запинаясь, пробормотал Логно при виде всей этой роскоши.

— Нет, один из его секретарей.

— Но мне нужен именно сам лорд Ландсберри.

Дальше и вовсе случилось нечто из ряда вон. Его без лишних слов повели дальше, они миновали еще два кабинета и оказались перед массивными, обитыми кожей дверями, за которыми скрывался еще один роскошный кабинет поистине гигантских размеров, подавляющий своим великолепием. В дальнем углу кабинета за большим письменным столом восседал респектабельный джентльмен с моноклем.

— Я хотел спросить ваше превосходительство, известна ли вам эта девушка, — пролепетал инспектор, холодея от страха, и протянул послу фотографию Люси Бойсвин. Как хорошо, что он предусмотрительно сделал с фотографии не меньше десятка копий.

Посол был явно шокирован. Некоторое время он молча разглядывал снимок, видно, не вполне понимая, чего от него хочет этот необычный посетитель. Наконец он вернул фотографию инспектору.

— Кто это?

— Неважно. Коль скоро вы не знаете этой женщины...

Логно был настолько сбит с толку, что покинул посольство, даже забыв о шляпе. Пришлось лакею мчаться за ним вдогонку. Инспектор был страшно зол, он был унижен и раздавлен. Ну и напуган, конечно. Ведь его визитка осталась у посла. Что, если тот прикажет секретарю связаться с самим префектом? А тут еще и Мышь в придачу!

Не успел Логно выйти из здания посольства, как увидел, что на противоположной стороне улицы, прямо напротив дипмиссии, удобно устроился на одной из скамеек его подопечный. Сидит себе как ни в чем не бывало, греется на солнышке и наслаждается жизнью.

Инспектор ринулся к нему с таким решительным видом, что старик инстинктивно вскинул руки, словно защищаясь от удара.

— А ты что здесь торчишь? — рявкнул Логно на Мышь

— Но вы же видите, перекусываю, сижу себе, никого не трогаю. Лучше вы скажите, что здесь делали! И что вам сообщил этот Арчибальд?

Логно запаниковал. Он понимал, что швейцар в униформе, охраняющий двери в посольство, отлично видит их. Впервые в жизни инспектор забыл о всякой осторожности и повел себя в высшей степени неосмотрительно.

— Послушай! — повернулся он к бродяге. — Нам с тобой есть о чем потолковать, не так ли? Приходи ко мне сегодня вечером, часов около восьми. Дом двадцать девять, площадь...

— Константин-Пекер, я знаю.

Мышь широко улыбнулся и, лукаво подмигнув инспектору на прощание, посеменил прочь, слегка подволакивая левую ногу.

В восемь часов вечера в дверь позвонили. Логно сделал знак жене, и та, взяв сына за руку, увела ребенка в спальню, плотно прикрыв за собой дверь.

Войдя в комнату, Мышь с явным интересом огляделся по сторонам и присвистнул.

— Живут же люди! — воскликнул он одобрительно, рассматривая небольшую, но очень уютную комнатку, буквально утопающую в потоках света, льющегося из оранжевого абажура.

— Присаживайся! — предложил старику Логно, чувствуя, как его снова охватывает паника. Правильно ли он поступил, пригласив бродягу к себе домой? Не нанесут ли подобные контакты ущерба его репутации?

Мышь тоже нервничал, он это отлично видел, но ошибочно истолковал нервозность бродяги как признак робости: ведь старик впервые в жизни переступил порог квартиры полицейского.

— Нам надо серьезно поговорить, ты не находишь? — начал Логно, стараясь ничем не выдать внутреннего волнения, и принялся сосредоточенно набивать трубку. — Предлагаю тебе честную игру. Карты на стол! Договорились?

Логно не видел, как мелко дрожат под столом руки старика, сложенные на коленях. И было от чего.

Все предыдущие три дня газеты хранили упорное молчание о происшествии. Но вот вечерние выпуски газет от двадцать седьмого июня запестрели заголовками: «Таинственное исчезновение швейцарского финансиста в Париже». А дальше следовали пространные комментарии.

Полиция уведомила прессу о загадочном исчезновении месье Эдгара Лоёма из Базеля, известного в европейских финансовых кругах деятеля. Многие даже считают его гениальным финансистом. До сего дня месье Лоём возглавлял влиятельную компанию под названием Базельская группа. Он часто бывал по делам компании во многих европейских столицах, в том числе и в Париже. Здесь он постоянно останавливался в отеле «Кастильоне» на углу Вандомской площади, где у него зарезервирован номер на год вперед. В этой же гостинице проживает и месье Фридрих Мюллер, его уполномоченный представитель и помощник, отвечающий за работу французского отделения компании.

Еще одна мелкая, но любопытная подробность, касающаяся пребывания месье Лоёма в Париже. Обычно, находясь во французской столице, он всегда арендует лимузин в гараже неподалеку от площади Этуаль. Он водит машину и, как правило, обходится без услуг шофера. Именно в этом автомобиле около восьми часов вечера 23 июня месье Лоём отъехал от Вандомской площади, скорее всего, на какой-то прием, потому что был во фраке.

Надо особо подчеркнуть, что известность месье Лоёма распространялась исключительно на мир финансов. В обычной жизни это очень спокойный и даже несколько замкнутый человек, чурающийся всякой публичности.

Куда же он намеревался поехать в тот вечер? Он ничего не сообщил о своих планах господину Мюллеру. Но факт остается фактом: на следующее утро месье Лоём в отель не вернулся. Не объявился он там и вечером 26 июня. Месье Мюллер до последнего надеялся, что неожиданная отлучка шефа связана с какой-то внезапной и незапланированной командировкой. Так не раз бывало и в прошлом. Месье Лоём часто отлучался из Парижа по делам в Амстердам или в Брюссель, никого не уведомляя об этом заранее. Но телефонные звонки и переговоры с различными европейскими представительствами компании не принесли утешительных новостей. Есть все основания полагать, что на сей раз исчезновение месье Лоёма произошло, скорее всего, не по его воле.

Полиция также уведомляет, что арендованный автомобиль имеет регистрационный номер: Y.A. 5-6713. Это подержанный лимузин темно-

синего цвета с шестиместным салоном. Гараж приобрел его непосредственно у производителя в департаменте Сена-и-Уаза.

Что касается внешности месье Лоёма, то это невысокий человек, склонный к полноте. Блондин с очень светлыми волосами. Говорит с легким акцентом. По словам месье Мюллера, не имеет обыкновения носить с собой крупные суммы денег.

Дело поручено старшему инспектору Люка из Управления криминальной полиции.

Прочитав сообщение, Мышь моментально потерял покой и весь вечер метался по городу, снедаемый самым настоящим страхом.

— Сигарету хочешь? — предложил ему инспектор.

— Не откажусь, — ответил старик, напряженно прислушиваясь к тому, что происходит вокруг. За дверью спальни мадам Логно укладывала сына спать. Наверху шумели соседи, звуки автомобильных клаксонов долетали с улицы.

Логно напустил на себя особо свирепое выражение лица и грозно сдвинул брови.

— Так ты собираешься вести со мной честную игру, да?

И это «да» мгновенно выдало его внутреннюю неуверенность и смятение.

— Послушай, ты же хорошо меня знаешь! Я не выпущу тебя из своих рук, пока не выпотрошу наизнанку.

— Что правда, то правда, — миролюбиво согласился с ним Мышь.

— Любой на моем месте уже давно перестал бы цацкаться с тобой.

Легкая улыбка скользнула по лицу старика. Ну, положим, подобными угрозами его не запугать! Инспектор просто намекает, что может задержать его под каким-нибудь надуманным предлогом. Мало ли что можно предъявить бродяге.

Трубка инспектора нестерпимо чадила и слегка присвистывала при каждой затяжке, но Логно, видимо, уже так привык к ней, что не замечал этих мелких неудобств.

— Я тебя ни в чем не обвиняю, заметь. Не в моих правилах вешать на человека то, что тот не...

И опять Зануда не лукавит, мысленно согласился с ним Мышь. Инспектор Логно — порядочный человек, а где-то, в самой глубине своей души, быть может, и добрый. Одна лишь беда с ним. Слишком въедливый. Всегда хочет докопаться до самой сути всего и вся.

— Отвечай честно! Это для тебя наилучший выход.

— Отвечать кому? — поинтересовался бродяга, прикидываясь невинной овечкой.

— Мне! — рявкнул инспектор, снова теряя терпение.

— Понятно, что вам! Но кому? Инспектору Логно из Девятого округа или месье Логно, проживающему на площади Константин-Пекер? Это я хотел бы узнать.

Кажется, он все же совершил глупость, пригласив бродягу к себе в дом, с запоздалым сожалением подумал Логно.

— Решай сам! — устало бросил он. — Но ответь мне хотя бы на один единственный вопрос. Откуда ты знаешь эту женщину?

— Вы имеете в виду Люси Бойсвин?

— Ты уже и имя ее знаешь?

— Как и вы! Выяснил сегодня днем. Вы же сами сообщили мне, где она живет. Утром я пошел на авеню Парк-Монсо, пристроился на скамейке и дождался, когда она с мальчиком вышла на прогулку.

— Ты заговорил с ней?

— Ну не на улице же! Как можно заводить разговор с приличной женщиной на улице? Нет, я подождал, пока они вернутся из парка, потом она пошла в магазин за продуктами, а потом...

— Ты посмел заявиться к ней в квартиру?

— Да. Я отдал ей фотографию. Как и вы, кстати. У нее был очень испуганный вид, она показала мне ту, вторую фотографию, и сказала, что ничегошеньки не понимает.

— А что еще она сказала?

— Спросила, знаю ли я месье Лероя. Но ее всю трясло от страха. Я даже испугался, что сейчас начнется истерика, слезы и все такое. Я честно признался, что не знаю никакого месье Лероя. Но вот на обороте написано чье-то имя. Арчибальд... Ну, вы знаете, о ком я.

— Дальше!

— А дальше я вымелся вон и занялся выяснением того, что это за тип — Арчибальд Ландсберри. Залез в справочник «Кто есть кто» и все быстро выяснил. Только меня, конечно, никто не пропустит в Британское посольство, как некоторых! Ну, и что вам этот Арчибальд сообщил?

— Ничего! — выпалил Логно и тут же спохватился, что сболтнул лишнее. — Тебя это не касается!

— Вот вы как! — не на шутку разобиделся старик. — Я к вам со всей душой! Рассказываю все, что знаю. Ничего не скрываю. А вы! Господи, как же у вас душно! — он рукавом отер пот, струившийся по лбу, и поднялся со своего места. — Получается, что нам больше нечего сказать друг другу.

— Мозельбах! — рассвирепел инспектор до такой степени, что впервые назвал бродягу его настоящим именем.

— Слушаю вас!

— Скажи мне правду!

— Какую правду вы хотите знать?

— Я хочу знать, какая связь существует между долларами и фотографией.

— Вы хотите, чтобы я завел пластинку с самого начала? Прекрасно! Слушайте! Была среда, я получил бесплатную похлебку в столовке при Армии спасения. Шел дождь, сильный дождь. Потом...

— Я не о том тебя спрашиваю!

Старикашка лгал. Он откровенно лгал, и это было видно невооруженным глазом. Впрочем, Логно понял, что Мышь что-то недоговаривает, с самого начала, с того момента, когда он перешагнул порог их отделения в тот злополучный вечер. Уже тогда его подозрение вызвало обилие мелких подробностей, протокольная точность времени и места действия, случайно подвернувшаяся Лия, у которой бродяга клянчил четыре франка на такси, и швейцар на входе в ресторан, так удачно оказавшийся рядом в тот самый момент, когда старик поднимал с асфальта конверт, набитый пачками долларов.

— А, вы хотите, чтобы я прямо на ходу сочинил что-то новенькое? Что ж, по части выдумок я мастак. Пожалуйста! Я спер банкноты у одного подгулявшего посетителя бара...

— Все! С меня довольно! Заткнись, или я за себя не ручаюсь.

Пора сматываться, понял Мышь. Иначе инспектор и правда сорвется и наделает глупостей.

Логно решительным шагом направился к входным дверям и широко распахнул их.

— До скорой встречи! — прошипел он угрожающим тоном.

— И вы меня позвали к себе только ради этого? — искренне удивился бродяга. — Тем не менее, спокойной вам ночи. Если я снова понадоблюсь, вы всегда сумеете найти меня в отделении. После полуночи, конечно.

Спускаясь вниз по лестнице, Мышь машинально повторял имя, которое вычитал в газете.

— Лоём... Лоём... Итак, его звали Лоём.

Ну, и что из того? Что это ему дает? Да ровным счетом ничего!

На следующий день, ближе к полудню, Логно направился к старшему инспектору своего округа. Снять, так сказать, груз с души и чистосердечно рассказать о всех своих инициативах. Он покинул кабинет начальства в гораздо более благодушном настроении, чем когда входил в него. Старший инспектор слушал его рассеянно, задумчиво хмыкал, долго смотрел в окно и лишь потом объявил свое решение:

— Подготовьте мне письменный рапорт. Я дам ему ход в случае, если... Хотя, насколько я понимаю, никто еще не затребовал деньги и не заявил об их пропаже.

Логно уселся писать рапорт прямо в отделении, но после четырех или пяти бесплодных попыток внятно изложить на бумаге все то, о чем он рассказал начальству при личной встрече, понял, что на работе ему сосредоточиться не дадут, и взял бумаги домой, чтобы заняться писаниной вечером. Странное дело, когда говоришь, то слова вроде бы звучат убедительно. Но стоит перенести их на бумагу, и получается какой-то детский лепет. Сплетни, слухи, пустые домыслы.

...совершенно очевидно, что поведение бродяги по кличке Мышь, которого я знаю более десяти лет...

...уверен, он совсем не случайно спрятал фотографию в шляпе...

...не сомневаюсь, что если бы кто-нибудь действительно потерял конверт со ста пятьюдесятью тысячами долларов, то он бы уже давно заявил о своей пропаже в полицию...

В конце концов рапорт был написан, и Логно даже зачитал его вслух жене. Но ей нездоровилось, она рассеянно слушала мужа, не вникая в смысл того, о чем он говорит.

— Ну, как? — спросил он, закончив чтение. — Что ты об этом думаешь?

— Думаю, что впредь тебе не стоит приглашать к нам в дом всяких бродяг. Мало ли что!

Отправив злополучный рапорт наверх, инспектор вздохнул с облегчением. Пусть теперь этим делом занимаются те, кому положено. А он во время очередного обхода по вверенным ему территориям добросовестно прошерстит свой контингент — проститутки, сутенеры и прочее, и при этом постарается выбрать такой маршрут, чтобы противный старикан ни разу не попался ему на глаза.

Вечерние газеты выплеснули на свои страницы новую порцию сенсационных материалов. Заголовки, набранные крупным шрифтом, гласили следующее: «Неожиданный поворот в деле об исчезновении швейцарского финансиста», «Молодая венгерка обвиняет Фридриха Мюллера в убийстве шефа».

Далее шли развернутые сообщения.

Сегодня утром старший инспектор Люка из Управления криминальной полиции посетил отель «Кастильоне» для проведения некоторых оперативных мероприятий непосредственно на месте. Как известно, отель, несмотря на то, что расположен в центре Парижа, на Вандомской площади, не входит в число самых шикарных отелей города. Так, на первом этаже здания располагаются магазин меховых изделий и антикварная лавка, принадлежащая известному торговцу произведениями искусства. И прямо по центру, между витринами этих двух магазинов, установлена вращающаяся стеклянная дверь, ведущая в холл гостиницы. Интерьер отеля строгий, но несколько старомодный. Повсюду бронзовые светиль-

ники и канделябры, ярко-алые ковровые дорожки. На втором этаже находятся гостиная и служебные помещения. Контингент, проживающий в гостинице, состоит в основном из постоянных клиентов, преимущественно из числа иностранных бизнесменов, предпочитающих не кричащую роскошь, а тишину и покой.

Метрдотель, проработавший в отеле более сорока лет, дал подробное описание месье Эдгара Лоёма, охарактеризовав его как чрезвычайно скромного и простого в общении человека. По его словам, люди, не знающие, кто такой Эдгар Лоём, вполне могут принять его за обычного банковского клерка. Одет он всегда неброско, предпочитает костюмы в серых тонах. Останавливается всегда в одном и том же номере, в убранстве которого тоже преобладают оттенки светло-серого. У Эдгара Лоёма нет в номере кабинета. Зато кабинет имеется в номере господина Мюллера. Кстати, оба номера соединены друг с другом. В принципе, месье Лоём никогда не принимал посетителей у себя в номере; он даже не отвечал на телефонные звонки.

Решением всех деловых вопросов занимается исключительно господин Мюллер. Случалось, что во время очередной деловой встречи он на какое-то время покидал визитера и шел к шефу для консультаций.

На наши расспросы о развлечениях, женщинах и прочее метрдотель замахал руками и воскликнул:

— Женщины? Какие женщины? Невозможно представить себе женщин в номере месье Лоёма. Его никогда не посещали женщины, он никогда не употреблял спиртное и никогда не курил.

На вопрос о том, много ли он работал у себя в номере, метрдотель ответил расплывчато.

— Не похоже на то. Все деловые бумаги хранились в сейфе в номере господина Мюллера. Вечерами месье Лоём любил заниматься своей коллекцией марок.

Между тем, старший инспектор Люка уже встретился и побеседовал с господином Мюллером. Их беседа наедине длилась более часа, но так и не пролила свет на обстоятельства, связанные с таинственным исчезновением финансиста.

Журналисты, собравшиеся в холле отеля, томились в ожидании окончания их беседы, как вдруг из лифта вышла молодая женщина, сразу же привлекшая всеобщее внимание изысканностью и элегантностью своего облика. Но не только красивый шелковый костюм и нарядная шляпа темно-красного цвета стали объектом восхищения и пристального интереса. Женщина была страшно возбуждена и, заметив представителей прессы, направилась прямо к ним.

— Он все еще там? — спросила она у журналистов, указывая на дверь, за которой беседовали старший инспектор Люка и Мюллер. И не дожидаясь ответа, подозвала к себе метрдотеля. — Герман, принеси мне коктейль.

Пока женщина нервно расхаживала по холлу в ожидании коктейля, журналисты принялись гадать, пытаясь определить по ее произношению, откуда она. Венгерка? Румынка? Когда подали коктейль, она залпом осушила бокал до дна. Судя по всему, ее возбужденное состояние вызвало беспокойство у дежурных и у администратора за стойкой. Они стали тихо переговариваться между собою, видно, решая, что им делать дальше.

В этот момент дверь распахнулась, и в холл вышли старший инспектор Люка и господин Мюллер. Молодая женщина пулей подскочила к ним и воскликнула.

— Это он убил Эдгара!

Можно представить себе, какой ажиотаж вызвало подобное заявление. Но мадемуазель Дора (именно так обращался к ней метрдотель) не ограничилась столь категоричным обвинением. Она начала говорить, говорила сбивчиво, пересыпая речь иностранными словечками.

— Я никакая не сумасшедшая! — обратилась она к старшему инспектору Люка. — Знаю, он попытается убедить вас в своей невиновности. Вполне возможно, вы даже поверите ему...

Инспектор жестом пригласил женщину следовать за ним в гостиную на втором этаже, но она продолжала кричать на весь холл:

— Мне нечего скрывать от господ журналистов! Пусть они знают все! Повторяю еще раз! Этот человек убил Эдгара Лоёма! Он будет уверять всех, что не видел шефа с восьми вечера 23 июня, но я заявляю, что сама, своими глазами, видела, как они оба садились в машину... А метрдотель может подтвердить, что утром они долго беседовали, причем на повышенных тонах. Месье Лоём очень редко повышает голос и никогда не выходит из себя. И коль скоро он сорвался, значит, и причина на то имелась веская.

Наконец старшему инспектору удалось увлечь за собой женщину в гостиную и захлопнуть дверь. Через полчаса в отель прибыл следователь в сопровождении оперативной бригады. Все они тоже прошествовали в гостиную и плотно закрыли за собой дверь. Позднее туда пригласили и метрдотеля. Выйдя из гостиной, тот наотрез отказался удовлетворить любопытство собравшихся журналистов и не сделал никакого заявления для прессы. Он не подтвердил, впрочем, как и не опроверг, информацию о том, что утром 23 июня, то есть в день исчезновения финансиста, между ним и его помощником действительно состоялся бурный разговор на повышенных тонах.

Что касается мадемуазель Доры, то эта молодая венгерка принадлежит к семье известных в Будапеште юристов (по этой причине ее имя пока не разглашается для широкого круга читателей). Удалось также выяснить, что она квартирует в отеле уже больше года и все это время тесно общалась с Фридрихом Мюллером. Более того, есть все основания полагать, что она была его любовницей. Из достоверных источников нам стало известно, что этот господин оплачивал все ее счета.

Между тем, полиция продолжает уклоняться от общения с прессой. Старший инспектор Люка и следователь, ведущий дело, покинули отель, отказавшись от каких бы то ни было комментариев.

Мадемуазель Дора тоже поспешила укрыться у себя в номере. Вопреки всем ожиданиям, господин Мюллер не был арестован, хотя, по имеющейся у нас информации, за ним установлена негласная слежка.

— Что ты здесь делаешь?

— Ничего, господин офицер.

— Убирайся!

Мышь обиженно пожал плечами. Никто из тех, кто работает в полицейских участках Восьмого и Девятого округов, никогда не беседовал с ним в столь оскорбительном тоне. И таких глупых вопросов там ему не задают. Но Вандомская площадь относится ко Второму округу, и здесь его никто не знает.

Субботний день. Солнце палит нещадно уже с самого утра. Газеты полны фотографий набережных Сены, запруженных парижанами в купальных костюмах. Такое впечатление, что снимки сделаны на взморье. Подзаголовки под стать фотографиям. «Волна тропического зноя накрыла Париж».

Логно исчез из поля зрения, словно сквозь землю провалился. Мышь специально отправился минувшей ночью в отделение Опера. Но нет его

и там. Черт знает что! Оказывается, не сталкиваться с Занудой пару дней — такая же пытка, как и видеть его каждый день.

Эдгар Лоём, Мюллер, Дора. Мышь успел выучить статью почти назубок. Пожалуй, это — лучшая публикация из всех. Но он внимательно ознакомился и с другими. Да, неплохо было бы лично побеседовать с субчиком по фамилии Мюллер. Но тот и носа не кажет на улицу. За все то время, что бродяга околачивался вокруг отеля, из него вышли только инспектор криминальной полиции и два фотокорреспондента, которые сейчас неспешно прогуливались вдоль улицы Кастильоне, делая вид, что рассматривают картины, выставленные в витрине антикварной лавки.

И вот суровый страж порядка, дежуривший на входе в отель, приказал ему убираться прочь. Ах, как бы ему хотелось, хотя бы на время, стать кем-нибудь из них. К примеру, Логно, который может запросто переступить порог Британского посольства и встретиться с самим Арчибальдом. Или старшим инспектором Люка, уже допросившим Мюллера. На худой конец, мадемуазель Дорой, которая наверняка имела доступ к бумагам исчезнувшего финансиста, или даже журналистом. Их ведь тоже никто не останавливает, и они вольны расспрашивать персонал отеля обо всем что им вздумается.

А он, бедняга, даже не может позаимствовать у себя же самого немного денег на мелкие расходы. Подумать только! В эту самую минуту бумажник с его деньгами, надежно припрятанный в тайнике под сидением автобуса, курсирует себе преспокойненько на ипподром и обратно. Вот только конверт надо было забрать из бумажника и перепрятать в другое место. Но он ведь ему вообще не придал большого значения. А между тем, именно на нем значилось имя сэра Арчибальда Ландсберри.

Какое же отношение имеет к убийству английский дипломат? И почему он *сэр*, а не *лорд*? И почему этот проклятый труп находился всего лишь в нескольких ярдах от Британского посольства?

Однако пока надо убираться прочь, подальше от отеля. От греха подальше! Надо запастись терпением. Ровно через год он станет обладателем состояния в сто пятьдесят тысяч франков.

Подтягивая левую ногу, бродяга медленно заковылял в сторону бульвара Сен-Жермен. Мысли его снова вернулись в то утро, когда он дежурил на скамейке возле дома Люси Бойсвин. Тогда он не обратил внимания, но сейчас вдруг вспомнил, что молодая женщина назвала сына Эдгаром. Между прочим, пропавшего Лоёма тоже зовут Эдгаром. Совпадение? Ну, положим, Логно наверняка уже докопался до столь многозначительного совпадения. Не дурак ведь! И тоже газеты читает.

Да, в хорошенький переплет попал он с деньгами, так нежданно свалившимися ему на голову! Неужели же ему не повезет? Вопреки всем предпринятым им мерам предосторожности.

Старик свернул на теневую сторону авеню Парк-Монсо. Хорошо бы сейчас пропустить стаканчик вина. Но нельзя! Вдруг он встретится с Логно, а тот сразу раскусит, что он не в форме. Черт! Зануда не выходит у него из головы вот уже второй день подряд.

Вечерние газеты не опубликовали фотографии Лоёма. Видно, приберегают ценную информацию для утренних выпусков. Рано или поздно все газеты печатают фотографии людей, пропавших без вести. Тем более, при таких загадочных обстоятельствах. Тем более, если эти люди — финансисты.

Разумеется, Люси Бойсвин сразу же опознает своего коммивояжера Лероя. И тогда...

И тогда, устало размышлял Мышь, его, несмотря на все уловки, могут взять в оборот уже по-настоящему. Эти ребята в два счета припрут его

к стенке. Нет, он выстоит! Он должен выстоять. А потому нельзя расслабляться ни на минуту. Словом, никакого красного вина, ни глотка.

Ах, какой же беззаботной жизнью он жил еще какую-то неделю тому назад! Да, но ведь впереди маячит собственный домик, который он обязательно купит в своей родной деревне. И станет там уважаемым и авторитетным человеком.

Глава четвертая

Мелкие счета крупного финансиста

В воскресенье, 27 июня, в пять часов пополудни, старший инспектор Люка неожиданно резким движением распахнул дверь гостиничного номера. Судя по всему, инспектор был страшно зол. Он обвел взглядом холл, забитый журналистами, которые о чем-то весело болтали и смеялись в ожидании горячих новостей, и сурово изрек:

— Господа, вам не кажется, что ваше веселье не вполне уместно? Возможно, человека, поисками которого мы занимаемся, уже нет в живых.

И тут он выхватил из толпы бродягу, который затесался в самую гущу журналистской братии. Тот, заметив взгляд инспектора, обращенный уже непосредственно на него, моментально ужался в размерах и сморщился так, словно намеревался исчезнуть из гостиничного холла незамеченным.

Люка знаком подозвал к себе инспектора, который следил за порядком в холле, и о чем-то спросил его, кивнув в сторону Мыши. Наверняка поинтересовался, что делает бездомный старик в холле респектабельного отеля. На что инспектор широко улыбнулся и сказал:

— Занятный тип! Говорит, что у него имеется кое-какая информация для вас.

Мышь жадно следил за выражением лиц этих двоих, пытаясь угадать, о чем они говорят.

— Хорошо! Я поговорю с ним через пару минут, — сказал Люка и снова укрылся в номере Лоёма, громко стукнув за собой дверью.

Как по команде, журналисты окружили Мышь. Сейчас они так похожи на школьников, которых на время оставил учитель, подумал бродяга, но не растерялся и, напустив на себя обычную шутовскую маску, с четверть часа развлекал пишущую братию, словно заправский клоун. К вящему ужасу администратора, некоторые фотокорреспонденты вскарабкались на диваны и принялись щелкать затворами своих фотокамер, запечатлевая бродягу на пленку в самых разных ракурсах.

Солнечным воскресным утром все происходило именно так, как и предполагал старик. Большинство парижан подались на природу, городские улицы приобрели полупустынный вид, как это бывает в летнюю пору по воскресеньям. Люси Бойсвин вышла, как всегда это делала по утрам, на лестничную площадку, чтобы забрать бутылку молока, оставленную молочником. Рядом с бутылкой лежала утренняя газета. Люси прихватила и ее и, вернувшись в дом, положила на стол. Малыш с аккуратно подвязанной вокруг шеи салфеткой пил какао, рассеянно помахивая ножками, которые еще даже не дотягивали до пола. Комната купалась в потоках солнечного света, все вокруг искрилось и переливалось в первых утренних лучах.

Газета могла бы проваляться нечитанной целый день, но, к несчастью для себя, Люси машинально развернула ее и тут же издала крик ужаса и, поперхнувшись, умолкла. Женщина бросила быстрый взгляд

на сынишку, проверяя, не напугала ли она ребенка своим выкриком. Но мальчуган продолжал как ни в чем не бывало размахивать ногами, потягивая какао. Тогда она схватила газету и опрометью бросилась в спальню. Ей хотелось внимательнее рассмотреть фотографию, размещенную на первой полосе. Под фотографией большими буквами было написано следующее: «Финансист Эдгар Лоём, исчезнувший при загадочных обстоятельствах».

Фотография была десятилетней давности. Лоём в те годы носил длинные пышные усы, отчего был очень похож на господ с фотоснимков начала века, сделанных при открытии Всемирной выставки в Париже. Но Люси узнала любовника сразу. Какой финансист? Это же месье Лерой. Она быстро оделась, потом переодела сына и, взяв его за руку, отвела к консьержке и попросила присмотреть за мальчиком, пока она не вернется.

Впервые за многие годы Люси уходила из дома, не прибравшись предварительно в квартире, и это — о ужас! — в десять часов утра. Окна она не стала закрывать. Легкий ветерок шевелил гардины, раздувая их, словно паруса в открытом море.

Звонок из комиссариата застал старшего инспектора Люка дома. Дежурный доложил ему о неожиданной посетительнице. Через полчаса Люка уже был на Набережной Орфевр. С десяток журналистов томились в ожидании новостей в длинном коридоре Управления криминальной полиции. А уже к обеду дневные выпуски газет сообщили читателям новую порцию свежей информации.

Мадемуазель Люси Бойсвин узнала на фотографии своего любовника, который выдавал себя за швейцарского коммивояжера. После обеда старший инспектор Люка намеревается отвезти молодую женщину в отель Кастильоне, чтобы свидетельница опознала личные вещи пропавшего финансиста. Господин Мюллер не покидает свои апартаменты, но в холле гостиницы был замечен один из самых известных парижских адвокатов. Он направлялся в его номер. Адвокат от общения с прессой уклонился. Мадемуазель Дора, устроившая вчера утром скандал, тоже не появляется на публике. Ее телефон недоступен, а посетителям сообщают, что мадемуазель Дора никого не принимает.

Ночь Мышь провел в отделении возле Гранд-опера. Логно по-прежнему отсутствовал. Мышь решил действовать напролом и спросил у знакомого сержанта, куда пропал Зануда. Тот не стал скрытничать.

— Так он же в отпуске. Да, еще со вчерашнего дня. Собирается вместе с семьей на отдых к морю. Может, уже и уехали.

Утром следующего дня Мышь вознамерился съездить на бега, исключительно ради того, чтобы лично убедиться в том, что *его* бумажник попрежнему лежит на своем законном месте под задним сидением старенького автобуса. Но, ознакомившись с сообщениями, появившимися в дневных выпусках газет, передумал и отказался от поездки на ипподром. До трех часов дня он бесцельно шлялся по раскаленному асфальту пустынных парижских улиц, напряженно прикидывая в уме, что делать дальше.

Он, человек, никогда не имевший за душой лишнего франка, вдруг почувствовал страшную скаредность. Мысль о том, что богатство, поступившее на хранение в отдел находок, может уплыть в другие руки, была нестерпима. Нет уж, дудки! Он сделает все от него зависящее, чтобы деньги достались ему и только ему. В конце концов, это его законная собственность. Старик настолько разволновался, что даже не заметил, как стал разговаривать вслух.

— До чего же безобразно устроен это мир, — бормотал он, медленно продвигаясь по тротуару и подволакивая левую ногу. — Никакой справедливости нет!

И что прикажете ему делать? Мышь не сомневался, что молодая женщина наверняка сообщила полиции о том, что к ней поочередно наведались Логно и какой-то бродяга, и оба предъявляли ей одинаковые фотографии.

Вот будет сюрпризик для Зануды, развеселился старик. Впрочем, инспектор Логно наверняка уже греет свои кости где-то на взморье. Старик даже приготовился лично наведаться на площадь Константин-Пекер, чтобы убедиться в том, что так оно и есть, но снова передумал. Уж слишком далеко тащиться по такой жаре. Вместо этого он направился к Вандомской площади и некоторое время ненавязчиво ошивался возле отеля. Но вот план в его голове созрел окончательно, и он с решительным видом повернул на себя створки вращающейся двери.

— Мне надо срочно переговорить со старшим инспектором! — отбился он от швейцара, попытавшегося вытолкать его обратно на улицу.

Это же он повторил и инспектору, подошедшему на шум. Тот выслушал и пропустил его в холл, где было полно журналистов. Конечно, поначалу Мышь очень оробел. А если честно, то он просто боялся. Может быть, поэтому немедленно напустил на себя шутовской вид и принялся изо всех сил веселить публику.

— Обычно я квартирую либо в Гранд-опера, либо в Большом дворце, — объявил он с важным видом под дружный хохот зрителей. — В подвале, конечно, — добавил он, переждав, пока хохот стихнет. — То есть я хочу сказать, в цокольном этаже. А еще у меня есть один заклятый враг, инспектор Логно. Я ему даже кличку придумал — инспектор Зануда. Так вот, в среду... нет, в четверг, я зашел в бар на улице Вашингтон. Я, знаете ли, предпочитаю вращаться в самых лучших парижских кварталах... Итак, я зашел в бар и там нашел фотографию женщины, в которую невозможно не влюбиться. И я влюбился!

Он продолжал нести всякий вздор, энергично размахивал руками, время от времени вытирая рукавом струившийся по лбу пот, а сам, между тем, не сводил глаз с двери, за которой вели неспешную беседу старший инспектор Люка и Люси Бойсвин.

Именно в разгар всеобщего веселья, вызванного появлением бродяги, Люка распахнул дверь и сурово попенял журналистам на недопустимость подобного поведения с учетом всех обстоятельств ведущегося следствия. И тут же заскрипели перья десятков авторучек. Репортеры слово в слово записали реплику старшего инспектора: «Господа, вам не кажется, что ваше веселье не вполне уместно? Возможно, человека, поисками которого мы занимаемся, уже нет в живых». Разумеется, все без исключения обратили внимание на слово *возможно*. Журналисты подчеркнули слово, а старик, услышав его, моментально помрачнел и перестал ломать комедию.

Черт-черт-черт, думал он лихорадочно. Что это означает? *Возможно!* Значит, существует и другая возможность, что тот покойничек из машины все еще жив? Неужели он так непростительно ошибся? Не отличить покойника от живого человека. Это уже никуда не годится. Нет и еще раз нет! Он не мог так опростоволоситься. Тот человек в машине, он точно был мертв. А вдруг он сейчас сидит себе живехонький как ни в чем не бывало за дверями своего номера и беседует с инспектором Люка? А его, Мышь, сейчас приведут, поставят перед ним, он внимательно посмотрит на бездомного и скажет:

— Да, это тот самый бродяга, который украл мой бумажник!

Вот будет фокус!

— Давай же, Мышь! — подначивали его журналисты. — Продолжай свои сказки, только не очень громко. Что ты там плел про этого инспектора Зануду?

Но старик уже полностью потерял нить повествования, да и настроение валять дурака исчезло.

— А вы никогда не задавались вопросом, почему любовник проводит с вами всего лишь три или четыре дня в месяц?

— Но у него же профессия такая. Он — коммивояжер, постоянно в разъездах по всей стране.

— И эти его объяснения вас вполне устроили?

Старший инспектор Люка старался вести допрос мягко, почти подружески. Задавал вопросы с отсутствующим выражением лица, будто его это вовсе и не интересует. Он восседал за массивным письменным столом в стиле эпохи Наполеона и рассеянно поглядывал в окно. Окна гостиной в номере Лоёма выходили на Вандомскую площадь и на улицу Де ла Паикс.

Люси Бойсвин сидела напротив, неудобно пристроившись на самом краешке кресла. На фоне утонченной роскоши, царившей в номере финансиста, она в своем платьице в стиле матроски смотрелась немного простовато и даже несколько вульгарно. Общее впечатление портило и жалостливо-униженное выражение лица, которое обычно бывает у просителей.

— То есть никаких подозрений подобные объяснения у вас никогда не вызывали?

— Нет! — твердо ответила молодая женщина и добавила, тряхнув головой: — Конечно, я догадывалась, что у него где-то есть семья, жена и все остальное. Правда, он не носил обручального кольца. Сказал, что протестанты не носят обручальных колец. Жаль, что он не сказал мне всей правды о себе. Думаю, я имела на это право.

— Вы так полагаете?

— Сама не знаю. Но, наверное, все же имела. К тому же, я замечала кучу мелочей, которые немного удивляли. Например, он не очень любил гулять вместе со мной и сыном. И всегда выбирал для таких вылазок в город самые оживленные места, популярные среди простых людей. Я объясняла это его вкусовыми пристрастиями. Например, он всегда предпочитал маленькие кинотеатры где-нибудь на окраине. Мы часто ходили в луна-парк или в зоопарк. Ездили в Версаль, не пропускали ни одной выставки в тамошнем выставочном центре Порт-де-Версаль.

— То есть вы находили его предпочтения немного странными?

— Не то чтобы странными. Я вообще не придавала значения подобным мелочам. Но теперь они снова всплыли в моей памяти. Эдгар обожал все обыденное. Мне даже казалось, что его любовь к простоте несколько преувеличена. Понимаете, о чем я? Он всякий раз с такой радостью сбрасывал с себя пиджак, переодевался в шлепанцы и с упоением предавался домашним хлопотам. Ему нравилось чинить краны, забивать гвозди, он с удовольствием возился с неисправным проигрывателем. Именно он настоял, чтобы мы кушали всегда на кухне. Говорил, там очень уютно.

Люси закрыла глаза и замолчала. Люка терпеливо ждал.

— Он был замечательным человеком! — заговорила она снова после продолжительной паузы. — Самым лучшим на свете. Сейчас-то я понимаю, что он вел себя так потому, что не хотел унижать меня, подавлять своим превосходством. Ему было легче опуститься до моего уровня... Мы часто говорили о деньгах, и я всегда просила его быть экономным, не тратить слишком много. Например, в метро я всегда настаивала, чтобы он покупал билеты в вагоны второго класса. Ехать-то все равно в одном

поезде, какая разница? А он всегда при этом смотрел на меня умиленным взглядом. Видно, моя бережливость его трогала.

— А сколько он вам давал на содержание?

— Определенной суммы не было. Он сам вел нашу бухгалтерию и рассчитывался по счетам из лавок. Что же касается расходов на содержание квартиры, квартплаты и прочего, то я обходилась ему не дороже двух тысяч франков в месяц. Видите ли, я сама шью себе платья, мастерю шляпки. До прошлого года я и сынишке шила все сама. Как вспомню, как я уговаривала его открыть счет в сберегательном банке...

— Он послушался вас?

— Да. Хотя однажды мне показалось, что подобные разговоры выводят его из себя. Но, тем не менее, счет он открыл и ежемесячно клал туда сто франков. Я тоже, со своей стороны, свела к минимуму все траты на мелкие расходы и время от времени пополняла счет небольшими взносами. Однажды утром он просмотрел сберегательную книжку. Я думала, он разозлится, но он лишь улыбнулся, увидев мои старания.

Женщина не плакала. Слезы скопились в уголках ее глаз и тяжелыми каплями повисли на ресницах. Лихорадочный румянец на щеках выдавал ее страшное волнение.

— Простите, если мой следующий вопрос покажется вам бестактным. Что именно привязывало его к вам? Это была страсть? Или что?

Она мгновенно уловила скрытый подтекст, заключенный в последнем вопросе.

— О нет, ничего подобного! Он совершенно не был похож на всех этих развратных типов!

Легкая улыбка скользнула по губам инспектора. Скользнула и тут же исчезла. Горячность, с которой женщина произнесла последнюю фразу, выдала ее с головой. Наверняка ей не раз приходилось сталкиваться в прошлом именно с такими развратными типами.

— Вы ведь догадываетесь, кем я была на момент встречи с ним. Он подобрал меня возле вокзала Сен-Лазар в десять часов вечера. Я сидела на террасе открытого кафе, а он за соседним столиком заказал себе пиво. Я сама заговорила с ним и попросила угостить меня ужином. Вы не поверите, но это — чистая правда! Первые три недели он вообще не прикасался ко мне. Зато почти сразу же забрал из пансиона, в котором я квартировала, и перевез на эту квартиру...

— Он получал письма?

Женщина отрицательно мотнула головой.

— И никаких посетителей тоже? А он когда-нибудь говорил с вами о друзьях или о своей семье?

— Только об отце. Он умер два года назад. По его рассказам, отец был суровым человеком, протестантом очень строгих правил. Думаю, он его побаивался.

— Вы сказали, что расстались с ним в среду в пять часов вечера. И что месье Лоём пообещал навестить вас в четверг, так?

— Да, именно так все и было. Мы ходили втроем в луна-парк, потом он проводил нас до метро, и мы распрощались до четверга.

— Он не сказал, куда собирается вечером?

— Он никогда не отчитывался мне о своих планах.

— А сами вы никогда не спрашивали, не так ли?

Женщина кивнула в знак согласия и добавила:

— Нужно было знать Эдгара. Он был не из тех, к кому можно приставать с расспросами. Порой он даже делал вид, что не слышит, о чем его спрашивают.

— А чем он занимался, когда оставался у вас?

— Я же сказала вам! С радостью предавался всяческим домашним хлопотам. А еще с увлечением раскладывал вместе с сыном марки по альбомам. Он всегда приносил ему марки.

Инспектор поднялся из-за стола. Кажется, женщина рассказала все, что знает, и большего из нее не вытянешь. Она также опознала некоторые из вещей, принадлежавшие Лоёму. В частности, костюм, в котором он был в среду, 23 июня, когда они ходили в луна-парк.

— Неужели его уже нет в живых? — воскликнула Люси. — Я сразу догадалась, что случилось что-то плохое, когда эти двое пришли ко мне с одинаковыми фотографиями. А я готова поклясться, что фотография была в одном-единственном числе. Я вообще хотела ее порвать и выбросить вон. Старая фотка, и воспоминания связаны с ней не самые приятные...

— Прошу вас уделить мне еще несколько минут, — проговорил инспектор, направляясь к дверям. Заслышав шум, вся пишущая братия вскочила как по команде.

— Это все инспектор виноват.

— То есть инспектор Зануда, как ты его называешь?

Это были самые неприятные минуты в жизни старика. Еще никогда он не испытывал такой нервозности в присутствии полицейского. Едва он вошел в комнату, как с присущей ему фамильярностью попытался пристроиться в одном из старинных кресел, обитых зеленым шелком, и тут же ему было велено подняться с места.

— Встать! — жестко скомандовал ему Люка.

Но Мышь, все еще продолжая корчить шута, схватил с письменного стола ножик для бумаг. И снова старший инспектор пресек его невинную попытку пофамильярничать: он мгновенно выхватил ножик из рук старика и положил его на стол.

— Так говоришь, в четверг. В три часа дня? Уверен, что именно в три часа?

— Да. Или около трех. В небольшом баре на улице Вашингтон. Вы должны знать этот бар. Там обычно перекусывают водители всяких важных господ, облаченные в ливреи.

Да, видно, здесь все его ужимки, ухмылки, шуточки и прочие фокусы без надобности. Господину Люка нужны факты, и только факты. А потому и долбит в одну точку: время и место действия.

В среду там-то и там-то, в такое-то время конверт...

В четверг фотография...

В четверг вечером...

Ну, и так далее. Их собеседование прервал телефонный звонок. Старший инспектор вышел в другую комнату, намереваясь поговорить без свидетелей. Но Мышь услышал, как он сказал кому-то в трубку:

— Скажите ему, чтобы ехал в отель «Кастильоне». Да, я его обязательно дождусь.

Потом допрос возобновился, и старик продолжил свой рассказ.

— Ну да, я был заинтригован, и пошел на авеню Парк-Монсо. Мне стало интересно, зачем инспектору понадобилось делать копию с фотографии, которую я спрятал в шляпе. Я просто решил вернуть фотографию ее владелице. Вот все, что я знаю...

Еще минут пятнадцать Люка, пристроившись возле окна, терпеливо слушал болтовню старика ни о чем. А может, погрузившись в свои мысли, он и вовсе забыл о его присутствии. Потому что очень удивился, когда, оторвавшись от созерцания городских пейзажей за окном, обнаружил, что бродяга все еще торчит в комнате.

— Пока свободен!

— Разве вы не хотите знать, где можно меня найти в случае чего? Знаете, порой люди слышат такое...

В этот момент дверь отворилась, и на пороге возник инспектор Логно, и вид у него был еще более мрачный, чем обычно. Но Люка не дал им времени на разглядывание друг друга. Он тут же вытолкал старика за дверь, где тот немедленно попал в плотное кольцо фотокорреспондентов, а сам жестом пригласил Логно проследовать за ним в номер.

Логно освободился через полчаса. К его удивлению, старика в холле уже не было, а не мешало бы перекинуться с ним парой слов. Тот же в это время развлекал своими байками всех кухонных в надежде на вознаграждение в виде бесплатной трапезы. Но, как говорится, на нет и суда нет, а потому Логно поспешил домой.

В гостиной громоздилась гора чемоданов. Жена стояла возле окна уже в шляпке. Сынишка, облаченный в выходной костюмчик, слонялся по комнате, не зная, куда себя деть.

— Поторопись! Иначе мы можем опоздать на поезд, — бросила ему жена. — Ну, как все прошло?

— Мы никуда не едем.

Мадам Логно раздраженно повела плечами. Она потратила несколько дней на подготовку к отъезду, ходила по магазинам, докупала нужные мелочи, потом паковала вещи. И вот вам, пожалуйста! В самую последнюю минуту ей сообщают, что отдых на море отменяется.

— Вы можете ехать вдвоем. А мне нужно остаться в Париже. Дела!

— Это все тот противный старик, да?

— И он тоже. Но есть и другие дела, — уклончиво ответил Логно. Он не любил распространяться о своей работе даже дома, всегда помня о том, что секретность информации в его профессии превыше всего.

— Надеюсь, это не опасно? — тут же встревожилась мадам Логно.

— Так ты едешь или остаешься дома? — задал ей встречный вопрос муж.

— А ты как думаешь? — моментально взвилась женщина.

— Я вообще ничего не думаю. Поступай как знаешь! А я возвращаюсь на работу. У меня ночное дежурство с восьми вечера.

— Вот так всегда! — раздраженно бросила мадам Логно, снимая шляпку. — Дежурство, работа! А семья, жена, это не в счет! Попробуй возразить и сказать мне, что я не права! Уверена, это они упросили тебя остаться!

Дора, облаченная в легкий пеньюар, удобно устроилась в креслекачалке, и судя по выражению ее лица, была настроена весьма решительно. Она исподлобья бросала враждебные взгляды на инспектора, ее ответы были категоричны и предельно лаконичны. Чаще всего преобладало короткое «нет».

Старший инспектор сам напросился к строптивой венгерке, чтобы задать ей пару вопросов, ибо несколько ранее получил от нее записку, что ей нездоровиться и она не сможет спуститься вниз для беседы с ним.

В комнатах царил полнейший беспорядок. Неприбранная постель, повсюду громоздились горы окурков со следами розовой помады, подносы с полупустыми стаканами и фужерами, рядом со столом тележка с остатками холодного ленча, а на самом столе упаковка таблеток аспирина.

— Вы уверены, что никогда не состояли в интимных отношениях с месье Лоёмом?

Женщина недовольно повела плечами, словно давая понять, что подобное любопытство просто недопустимо.

— Прошу прощения, но я настаиваю на своем вопросе. Видите ли, господин Мюллер утверждает, что так оно и было. В частности, он сказал, что недавно вы вместе с месье Лоёмом ездили в Будапешт. Только вдвоем, без Мюллера.

— То была исключительно деловая поездка.

— Вы не можете рассказать мне более подробно, какие конкретно дела вы там решали?

— Я обязана отвечать вам?

— Нет. Но мы все равно наведем справки и узнаем. Так что не вижу смысла играть в молчанки.

— Я возила Лоёма в Будапешт, чтобы познакомить его со своим отцом.

— Зачем?

— Отцу понадобилась консультация по одному важному делу. Речь идет о какой-то крупной сделке, но подробностей я и сама не знаю. У Лоёма ведь огромный опыт в самых разных сферах бизнеса: самолетостроение, тяжелая промышленность и даже парфюмерия. Он, к примеру, монопольно контролирует торговлю парфюмом в некоторых странах Южной Америки. Такой ответ вас устроит?

— И в итоге сделка была заключена?

— Нет! — с яростью выкрикнула мадемуазель Дора.

— Почему нет?

— Потому что месье Лоём так и не встретился с моим отцом.

— Был в Будапеште и не встретился?

— Да!

— Но почему?

— Он передумал встречаться. Теперь вы довольны?

— Еще один вопрос. Как давно вы являетесь любовницей господина Мюллера?

Женщина с достоинством поднялась с кресла, медленно подошла к столу и, небрежно повернувшись спиной к инспектору, плеснула себе в стакан спиртное.

— Я была его невестой, — проговорила она, нарочито растягивая слова и многозначительно сделав ударение на слове «была».

Ее эскапады раздражали инспектора настолько, что он не удержался от язвительной реплики:

— Может быть, в Венгрии слова *любовница* и *невеста* означают одно и то же. Но у нас... Впрочем, идем дальше. Как долго вы были его невестой?

— Год.

— Вы поддерживали тесные отношения одновременно с двумя мужчинами?

— Вы хотите спросить, спала ли я с ними обоими?

— Я хочу спросить, были ли ваши отношения с этими господами настолько доверительными, что вы могли в любое время дня и ночи зайти к ним в номер без стука или даже присутствовать при их обсуждении каких-то деловых вопросов.

— Нет!

— То есть, дела они предпочитали решать без вас?

— Лоём вообще никогда не говорил о делах на людях!

— Тогда почему вы обвиняете Фридриха Мюллера в предумышленном убийстве шефа?

— Потому!!!

— Потому, что?

— Потому что он вполне способен на убийство.

— И это все?

— Потому что ему не оставалось ничего иного! И на этом все! Точка! Больше я не скажу вам ни слова, ясно? Я устала, и с меня довольно! А если вы не оставите меня в покое, то я немедленно позвоню в наше представительство и свяжусь с самим послом.

Мадемуазель снова привела себя в состояние крайнего возбуждения, как это было вчера, когда она закатила истерику в холле отеля.

— Никогда не думала, что французская полиция ведет себя так бесцеремонно. Где же ваша пресловутая галантность?

— Прошу прощения! — поспешил отступить на заданные позиции старший инспектор Люка. — Впрочем, если передумаете и захотите добавить к сказанному что-то еще, то я всегда к вашим услугам. Меня легко найти в Управлении криминальной полиции. Впрочем, если вы в дальнейшем захотите общаться уже непосредственно со следователем, то я тоже не стану возражать.

— Мне больше нечего добавить. Тем более что, судя по всему, вы не собираетесь арестовывать Мюллера.

Люка молча поклонился и направился к выходу, замешкавшись на пару секунд возле дверей в надежде, что мадемуазель Дора передумает и продолжит разговор. Но строптивая венгерка хранила молчание.

— Спокойной ночи, мадемуазель Дора.

— Убирайтесь ко всем чертям! — выкрикнула та в ярости, и лишь легкий иностранный акцент несколько скрасил грубость пожелания.

— Завтра сами все увидите! — хвастливо вещал старик, лежа на своем привычном топчане в отделении полиции возле Гранд-опера. — Моя фотография будет на первых полосах всех утренних газет!

Мышь появился в участке с видом заправской кинозвезды. Он ни минуты не сомневался, что там уже наслышаны о его последних подвигах. Но заметив угрюмое лицо инспектора Логно, сидевшего, по своему обыкновению, в углу комнаты, старик немедленно свернул представление, оставив большую часть заготовленных реприз для сокамерников.

— Добрый вечер, инспектор! — вежливо поздоровался он, проходя мимо, но ответа так и не дождался.

Он лежал уже второй час, а сон все не шел. И это несмотря на две бутылки вина, которые он предусмотрительно осушил в конце дня. В камере напротив дрыхла какая-то проститутка. Она крепко спала, прислонившись спиной к стене и уронив голову на грудь. В темноте поблескивали ее светлые шелковые чулки.

Потом к нему в камеру привели какого-то поляка, и Мышь даже поначалу обрадовался, что у него, наконец, появился слушатель.

— Да ты знаешь, кто я? — тут же распушил он хвост перед соседом. — Наверняка не знаешь! Ты же чужак! Меня зовут Мышь! Все журналисты обращались ко мне именно так: месье Мышь. Завтра сам увидишь мою фотографию в газетах.

Поляк был сильно простужен и смотрел на старика с затравленным выражением лица. Вполне возможно, он плохо понимал, о чем тот говорит.

— Этот старший инспектор очень самоуверенный тип! Думает, он сумеет расколоть меня в два счета! Не тут-то было! Я ему так прямо и сказал: «Прошу прощения, инспектор! Но я не веду доверительных разговоров с людьми, которых не знаю!»

Обычно, рассказывая свои небылицы, старик, в конце концов, и сам начинал им верить. Но старший инспектор Люка оказался ему явно не по зубам. Он отлично понимал это и страшно злился на весь белый свет.

Наверняка они пустят Логно по его следу, и уж тот, получив команду «Фас!», вцепится в него железной хваткой. И тогда прости-прощай его

мечта о собственном домике в родной деревне. Но ничего, мы еще посмотрим, кто кого! Они и понятия не имеют, на что он способен! Да он сейчас такое придумает, что им и не снилось. Ведь впереди у него целая ночь. Есть время пораскинуть мозгами. Не вечно же ему скитаться бродягой по подвалам и подворотням.

Постепенно сон сморил старика. Последним в сознании мелькнуло имя. *Арчибальд...*

С какой стороны замешан в этом деле Арчибальд, черт его дери?

Глава пятая

Месье Мартин Остин из Базеля

Понедельник, 28 июня. Жара не спадает. Школы закрыли на день из-за высокой температуры на улице. В самом центре Парижа мужчины фланируют по тротуарам без пиджаков и галстуков, с расстегнутыми воротами рубах. А одна смелая парижанка даже рискнула появиться на людях в пляжной пижаме, сразу же вызвав к себе пристальный интерес со стороны фоторепортеров. Все столики уличных кафе заполнены посетителями, и спешно доставляются новые столы и стулья, а где можно, расширяются площадки, отведенные под кафе. Все вокруг утопает в неге. Даже полицейские, регулирующие движение транспорта на перекрестках, и те едва махают своими жезлами, невольно подпадая под настроение всеобщей расслабленности.

И лишь инспектор Логно оставался сам собой. Строгий коричневый костюм, коричневая фетровая шляпа, застегнутый на все пуговицы пиджак. Рубашка, галстук, манжеты. Все как положено. Он шел по дымящемуся от жары асфальту, время от времени вытирая носовым платком струящийся по лицу пот. Вот платков он предусмотрительно захватил из дома сразу несколько штук.

И выражение его лица под стать облачению: суровое и непреклонное. Никакой пощады бродяга от него не дождется!

Наказ старшего инспектора «Постарайтесь насесть на старикашку как следует. Он явно чего-то недоговаривает» Логно воспринял буквально, как руководство к действию. И насел на Мышь со всей решительностью, на какую был способен. Причем в прямом смысле слова. Ночь инспектор провел в участке, а с утра сел старикашке на хвост, не отпуская его от себя ни на шаг.

— Послушайте, инспектор! — сдали нервы у бродяги. — Вам не кажется, что со стороны мы смотримся по-дурацки? Давайте хотя бы идти рядом. Можно перекинуться словечком, другим. Вполне естественно, вы не находите?

Логно проигнорировал слова старика, будто его и не было рядом, лишь на минуту замерев посреди тротуара.

— Что ж, как хотите! — сдался Мышь. — Между прочим, я не столько за себя пекусь, сколько стараюсь ради вашего же блага. Знаете, в былые времена всяких важных господ всегда сопровождала свита. Или хотя бы один ливрейный лакей. Вот и вы при мне сейчас смотритесь сущим лакеем.

Мышь явно был в бешенстве. Он уже перепробовал все свои уловки, чтобы отвязаться от Зануды. Начинал бежать, потом вдруг останавливался, бесцельно пялился в пустоту с четверть часа и тут же стремглав нырял в ближайший магазин и слонялся там бог знает сколько времени. Безрезультатно! Логно следовал за ним неотступно и молча. И только лицо его делалось все мрачнее и мрачнее, пока, наконец, после того как была выкурена последняя сигарета, оно и вовсе не стало угрюмым. Инспектор пре-

красно понимал, что нескоро сумеет отлучиться в табачную лавку за новой пачкой сигарет. Мышь не позволит, сразу же улизнет прочь.

Дневные выпуски газет поместили весьма скудную информацию о ходе расследования. Никаких заголовков, набранных жирным шрифтом, никаких фотографий и подписей под ними.

Сегодня утром в Париж прилетел господин Мартин Остин, вице-президент компании СМБ, более известной как Базельская группа. Он остановился в отеле на улице Риволи и незамедлительно встретился с рядом официальных лиц, в том числе с послом Швейцарии во Франции, а также с некоторыми руководящими чиновниками французского министерства внутренних дел. В одиннадцать часов дня месье Остин принял у себя старшего инспектора Люка, после чего сделал ряд важных заявлений. В частности, по его глубокому убеждению, французская полиция проявила излишнее рвение, инициировав расследование без веских на то оснований, поторопившись придать нежелательной огласке некоторые сугубо приватные факты из личной жизни месье Лоёма. Так, по словам Мартина Остина, нет ничего загадочного в том, что месье Лоём исчез на некоторое время из поля зрения персонала гостиницы. Всем известно его пристрастие к уединенной жизни. Вполне возможно, он просто удалился в деревню, чтобы насладиться тишиной и провести несколько дней вдали от городской суеты. Разумеется, газет он там не читает, а потому и не в курсе, какая шумиха поднялась в прессе вокруг его персоны.

И на этом точка. Никаких упоминаний о Мюллере, Доре или, тем более, о молодой женщине по имени Люси Бойсвин. Также ни полслова о бродяге по кличке Мышь, чьими фотографиями и хвастливыми заявлениями, сделанными накануне представителям прессы, пестрели все утренние газеты.

По всему чувствовалось, что Мартин Остин согласовал ход расследования на самом верху. Седовласый дородный господин, облаченный в строгий черный костюм, с неизменной сигарой во рту, едким дымом которой он окуривал всех, с кем беседовал в течение дня, судя по всему, не намерен был шутить и сразу же взял все в свои руки.

Трудно было представить себе этого месье смеющимся. Наверное, в последний раз Мартин Остин смеялся в далеком-далеком детстве. Когда он тяжелой поступью величественно входил в комнату, с непроницаемым выражением лица и равнодушным взглядом, то всем присутствующим мгновенно становилось ясно, кто здесь главный.

Во всяком случае, персонал отеля понял это сразу же, как только Мартин Остин вылез из такси и угрожающим жестом пресек попытку швейцара взять у него из рук небольшой кейс.

Подойдя к стойке администратора, он грозно прорычал молодому человеку в униформе:

— Мартин Остин!

И ему тут же вручили ключи от номера и кипу телеграмм, пришедших на его имя. Бизнесмен просмотрел их, не отходя от стойки, ловко вскрывая телеграммы ногтем. Он читал их с таким видом, словно хотел испепелить взглядом не только бумаги, но и сами буквы.

Спустя десять минут после появления бизнесмена в отеле к парадному входу подкатил шикарный лимузин с дипломатическими номерами и увез господина Остина в посольство, где он был принят самим послом. Мгновенно поддавшись диктату важного гостя, посол поспешил связаться с министром внутренних дел и вызвался лично сопровождать его во Дворец правосудия.

После встречи с министром последовал шквал телефонных звонков. Министр позвонил префекту полиции, тот, в свою очередь, связался

с начальником департамента, а последний озвучил указания уже непосредственно группе следователей, ведущих дело об исчезновении швейцарского финансиста.

К одиннадцати часам дня все было кончено. Мартин Остин без труда сумел убедить французские власти, что те повели себя весьма опрометчиво, проявив излишнее рвение и инициировав расследование без веских на то причин. Естественно, вся вина за излишнюю поспешность в столь щекотливом деле была незамедлительно возложена на старшего инспектора Люка, замыкающее звено в цепочке задействованных должностных лиц высокого ранга.

По возвращении в отель господин Остин принял старшего инспектора Люка у себя в номере. Их беседа состоялась в конференц-зале, специально предназначенном для всевозможных деловых встреч и совещаний. Люка усадили за огромный овальный стол, покрытый сукном, на котором в строгом порядке стояли двенадцать чернильниц и столько же промокательниц, а затем Мартин Остин продиктовал старшему инспектору текст, скорее похожий на официальное заявление, чем на изложение личного мнения. Во время диктовки бизнесмен непрестанно мерил комнату тяжелыми шагами, от которых сотрясались полы и мигали лампочки в люстрах номера этажом ниже. Иногда он задерживался возле стола и смотрел инспектору через плечо, словно желая удостовериться, что тот исправно помечает в своем блокноте каждое сказанное им слово.

...ничто в характере месье Эдгара Лоёма, в его поведении или состоянии его финансов, не дает оснований предполагать, что его временная отлучка носит незапланированный характер, сопряженный с риском для жизни... Опасения, озвученные его подчиненным Фридрихом Мюллером, совершенно беспочвенны...

Слово *подчиненный* было повторено дважды с ударением на каждом слоге.

...достойно также сожаления, что преждевременно были преданы широкой огласке некоторые обстоятельства личной жизни месье Лоёма, причем без соответствующей всесторонней проверки всех обнародованных фактов...

За каждым словом чувствовался особый управленческий стиль, наработанный несколькими веками существования компании. За двести с лишним лет на посту руководителей Базельской группы сменилось немало людей, похожих своими властными замашками на Мартина Остина. Все они привыкли жесткой рукой держать бразды правления компанией, кулуарно решая самые щекотливые вопросы и успешно воплощая в жизнь самые изощренные финансовые схемы. Закончив диктовать, Остин сказал:

— Я задержусь в Париже на несколько дней. С министром мы договорились, что вы будете держать меня в курсе всех новостей и незамедлительно докладывать о малейших подвижках в ходе расследования. На этом у меня к вам все.

В половине двенадцатого Люка уже докладывал о состоявшейся встрече комиссару полиции. Ровно в полдень комиссар был принят префектом, а в два часа дня расследование обстоятельств таинственного исчезновения швейцарского финансиста было официально приостановлено. После чего последовало специальное сообщение для прессы. Однако в приватном порядке старшему инспектору были даны следующие указания:

— Продолжайте расследование, но без излишней шумихи, стараясь не привлекать к себе внимание газетчиков.

А Мартин Остин в это самое время уже навис, словно громадная скала, над Фридрихом Мюллером. Разговор происходил за закрытыми дверями

в номере Эдгара Лоёма. Попыхивая сигарой, Мартин Остин проговорил угрожающим тоном:

— Я слушаю вас.

Трудно было определить по каменному выражению лица финансиста, слушает ли он, что говорит ему клерк, или же, напротив, с головой ушел в собственные мысли. Не выпуская изо рта сигару, он уселся в кресло возле окна и, казалось, всецело погрузился в созерцание городских пейзажей. Потом он встал, медленно прошелся по комнате к письменному столу и, взяв со стола какие-то бумаги, стал сверяться с ними.

— В среду, двадцать третьего июня, — монотонно бубнил Мюллер, — господин Лоём покинул отель сразу же после обеда и вернулся назад около шести часов вечера. Ему дважды звонили вечером, и вопреки обыкновению, он сам ответил на оба звонка. Я лично относил ему телефон в спальню, так как в это время он переодевался.

— И о чем был разговор? Вы ведь наверняка подслушивали, сняв вторую трубку у себя в комнате.

Мюллер не стал напускать на себя оскорбленный вид, тем самым подтвердив правомерность догадки Мартина Остина.

— Первый раз ему звонил некий месье, назвавшийся Джоном. Он сказал, что они встретятся в ложе номер шестнадцать в Гранд-опера. Последнее обстоятельство, кстати, объясняет, почему Лоём надел вечерний фрак, ибо в тот день в опере давали гала-концерт. Второй звонок последовал несколько позже. Опять звонил тот же человек.

— Месье Джон?

— Да. Он сказал, что обстоятельства изменились и он не сможет приехать в театр, и предложил встретиться на углу улицы Берри.

— В какое время?

— В девять часов вечера.

Со стороны месье Остин, увлеченно играющий цепочкой от собственных часов, никак не производил впечатления человека, занятого самыми серьезными размышлениями. Трудно было также определить по выражению его лица, безоговорочно ли он верит всему, что рассказывает ему Мюллер, или не верит ни единому его слову.

— И что потом?

— Я был в гостиной, когда месье Лоём вышел из спальни. Он предложил подвезти меня до площади Мадлен.

— И у вас не возникло ни малейшего соблазна пойти на улицу Берри и посмотреть, с кем у него назначена там встреча?

— Нет.

— А вот я уверен, что да!

— Да! Но я пришел слишком поздно. Там уже никого не было.

Остин сделал вид, что снова погрузился в изучение личного дела Мюллера. Из досье следовало, что Мюллер родился во Фрейбурге, в небогатой семье, принадлежавшей к среднему классу. Он окончил университет в родном городе и получил степень в области юриспруденции, затем был принят на работу в юротдел их компании. В течение пяти лет, как следовало из характеристик его руководителей, подшитых в дело, ничем значительным себя не проявил. И вдруг, неожиданно для всех, Лоём берет его с собой в Париж для участия в переговорах по поводу заключения какой-то важной сделки, после чего оставляет при себе в качестве личного секретаря, а чуть позже назначает представителем компании, отвечающим за ведение бизнеса во Франции.

Остин молча пожевал сигару, пристально разглядывая элегантного молодого человека. Напомаженные волосы, строгий костюм, неброский галстук, все безупречно. И к его ответам трудно придраться. И все же

Мартин Остин интуитивно чувствовал, что за словами помощника исчезнувшего финансиста скрывается нечто большее. Нечто такое, что пока ускользает от него и не дает восстановить целиком всю картину разыгравшейся трагедии.

— Когда вы узнали о существовании этой женщины?

— Мадемуазель Доры?

— Нет, второй! *До или после?*

— После! — Мюллер понял все правильно и ответил без запинки.

А вот здесь он точно солгал, подумал Остин, и уверенности в нем сильно поубавилось.

— А мадемуазель Дора?

— Она — моя невеста.

— Надеюсь, она уже покинула Париж?

— Она пообещала мне, что уедет сегодня вечером. Наверное, мне следует сопровождать ее.

— Нет! — рявкнул Остин и захлопнул папку с личным делом Мюллера. — У вас есть машинистка?

— Да. Она сейчас в моем кабинете.

— Пришлите ее ко мне. И оставьте нас вдвоем.

Остин надиктовал машинистке несколько зашифрованных телеграмм. Потом попросил соединить его с Брюсселем и Амстердамом и погрузился в продолжительные телефонные переговоры. К шести часам вечера гостиная в номере Лоёма утопала в клубах сизого дыма, а Мартин Остин, выкуривший за день несметное количество сигар, даже ни разу не попросил подать ему стакан воды.

Инспектор Жоли из Управления криминальной полиции в приватном порядке проинформировал старшего инспектора Люка о том, что господин Мюллер лично проводил мадемуазель Дору на Северный вокзал, где она села в вагон Берлинского экспресса. По его сведениям, у женщины билет до Берлина.

— Скатертью дорожка! — отреагировал на новость Люка. — А вы не спускайте глаз с Мюллера.

Что же до инспектора Логно, то бесконечное преследование бродяги уводило его все дальше и дальше от эпицентра разворачивающихся событий. Целый день Мышь, исключительно из вредности, протаскал его вдоль всех набережных Сены, пока они, наконец, не добрели до предместья Шарентон, где через систему шлюзов Сена плавно перетекала в Марну.

Можно было только восхищаться выносливостью старика, неутомимо отмерявшего милю за милей. Было уже три часа дня, когда Мышь в конце концов сдался. Он свалился на землю возле самого канала, где было полно и других отдыхающих, скатал пиджак, положив его себе под голову, прикрыл лицо старой шляпой и почти мгновенно погрузился в сон.

Логно хотел было воспользоваться моментом и сбегать к ближайшей телефонной будке, чтобы позвонить старшему инспектору Люка, к которому его прикомандировали на время следствия, чтобы доложить о проделанной работе, но не рискнул. Кто его знает, этого старого фокусника! Вдруг он не спит, а просто притворяется? Ждет момента, когда он упустит его из виду, чтобы улизнуть прочь. Логно тяжело вздохнул, достал носовой платок, расстелил его на траве, чтобы не испачкать костюм, и тоже уселся на землю неподалеку.

В канале весело плескалась ребятня. Многие дети плавали нагишом. Пожалуй, будь его воля, инспектор заставил бы мальчишек натянуть на себя плавки, но здесь не его округ. На подходе к шлюзу скопилось не менее

«Всемирная литература» в «Нёмане»

пятидесяти барж. Они медленно, одна за другой, протискивались в раскрытые створки шлюза, слишком узкие, как казалось с берега, для их пузатых форм, и шли вниз по направлению к Марне.

В пять часов вечера старик пробудился ото сна и недовольно уставился на Логно. Кажется, присутствие инспектора больше не веселило бродягу. Оно уже не только утомило его своей откровенной навязчивостью, но стало пугать, как некая неминуемая угроза, с которой ему не разминуться. А потому, когда он показал инспектору язык, то это уже не смахивало на безобидную шутку. Скорее вопль отчаяния. Впрочем, и этот номер у него не прошел, и ни один мускул не дрогнул на лице инспектора.

Тогда старик решил пропустить стаканчик вина, чтобы поднять настрой. Правда, сильно болела голова, изрядно напекло солнцем за те два часа, что он проспал. Но он все же потянулся в ближайший бар и попросил себе стакан красного вина. Инспектор как тень поплелся за ним следом, но в бар не пошел и остался поджидать на тротуаре.

Увидев газету, которая лежала на прилавке, старик спросил у бармена:

— Можно мне взять ее?

— Бери.

— Все, что осталось в бутылке, я тоже забираю. Сколько с меня?

Вернувшись на берег канала, где к шести часам вечера, когда закончился рабочий день, было уже столько отдыхающих, что, как говорится, яблоку негде упасть, Мышь погрузился в чтение газеты. Старик даже не удосужился взглянуть на число. Он читал все подряд, медленно переворачивая страницу за страницей. Разоблачительные инвективы о тех, кто жульничает с налогами, пространная статья о детском туберкулезе, бесчисленные колонки с объявлениями и рекламой, некоторые его даже заинтересовали. Так, некая фирма настоятельно рекомендовала какой-то особенный грыжевой бандаж. А старика уже давно мучила застарелая грыжа. И вдруг взгляд его выхватил из колонки довольно странное объявление:

Арчибальд. Выгодное размещ. наличн. Любой день, 8 ч. по п. воз. Фуке. При себе — «Нью-Йорк Геральд». Анонимность гарант.

В первый момент он ничего не понял, но, поломав немного голову, составил более-менее внятный текст зашифрованного послания, согласно которому некий Арчибальд обещал выгодные финансовые сделки всем потенциальным клиентам в любой день после восьми часов вечера при соблюдении полнейшей анонимности финансовых операций. Место встречи — ресторан Фуке на Елисейских Полях. Пароль для контактов — номер газеты «Нью-Йорк Геральд».

Мышь взглянул исподтишка на Логно, но тот даже не посмотрел в его сторону, всецело уйдя в созерцание загорающих красоток в купальниках. Старик отложил газету в сторону и задумался.

Конечно, все может быть случайным совпадением. Но интуиция подсказывала ему, что он не ошибся. Речь в объявлении идет именно о том самом Арчибальде. Открытие настолько ошарашило его, что он готов был сию же минуту вскочить на ноги и бежать во весь опор на поиски этого таинственного Арчибальда. Но Логно! Инспектор повис у него на ногах тяжелой гирей. С таким грузом далеко не убежишь.

Да, он не ошибается. Как не ошибся и в тот вечер, почувствовав, что в машине с покойником еще кто-то есть. Кто-то, кто прятался за спинкой водительского кресла. И этот кто-то, вполне возможно, видел, как он подбирал с земли бумажник.

Убийца? Или даже убийцы? А вдруг они уже ищут его? Хотят вернуть назад свои доллары? Вот и это объявление! Оно ведь не случайно появилось. О, нет! Они специально опубликовали столь странный текст, чтобы не привлекать к себе внимание со стороны полиции. Видно, надеялись,

что он обязательно клюнет на их удочку. А что для этого им нужно было сделать? Упомянуть имя Арчибальда, конечно. Ведь именно это имя было написано на конверте. Довольно редкое имя. Не каждый день встретишь человека по имени Арчибальд.

Мышь поднялся с земли, небрежно поинтересовался у соседа, который уже час, и узнав, что половина седьмого, поспешил к остановке трамвая. Присутствие Логно, который пристроился на остановке прямо у него за спиной, привело старика в неописуемую ярость. Когда же он, наконец, отвяжется от него?

Но еще больше его занимало другое. Как убийца или убийцы, если злоумышленников несколько, узнали о существовании некоего Арчибальда, коль скоро бумажник достался ему, а не им? Скорее всего, конверт с письмом лежал в кармане убитого, и у них было время ознакомиться с его содержанием. А он, растяпа, даже не посмотрел, что в том конверте. В тот момент он вообще не придал ему никакого значения. Подумаешь, старый конверт! И судя по всему, пустой. Он бы сейчас многое отдал за то, чтобы изучить конверт более внимательно. Но для этого нужно извлечь бумажник из тайника, который он устроил под сидением старенького автобуса. Легко сказать! Но как это сделать, когда Зануда не отстает ни на шаг?

В трамвае инспектор тоже немедленно стал рядом, и Мышь не выдержал:

— Послушайте, месье Логно! И охота вам за мной тягаться голодным весь день. Не говоря уже о том, что со стороны мы похожи на пару идиотов. А ведь у меня хватит сил оставить вас не только без обеда, но и без ужина. Вот сейчас забурюсь на какую-нибудь свалку и буду слоняться там до ночи.

Логно посмотрел на бродягу из-под опущенных век, но не сказал ни слова.

— Предлагаю заключить временное перемирие. Я отпускаю вас домой. Насладитесь себе семейной трапезой в обществе мадам Логно. Но ровно в девять вечера встречаемся возле участка. Идет?

В ответ молчание. Мышь даже ногой пристукнул от возмущения. Надо же! Он для Зануды — пустое место. Что он есть, что его нет, ему без разницы.

— Что ж, как хотите! — окончательно озлобился старик.

В половине восьмого они вышли из трамвая, и Мышь засеменил в сторону метро, надеясь, что там ему будет проще оторваться от Зануды. Но неожиданно для старика тот вдруг ускорил шаг, обогнал его и легко вспрыгнул на подножку проходившего мимо автобуса.

— Вот это рывок! — присвистнул от удивления Мышь и растерянно уставился вслед автобусу.

Внезапный побег инспектора окончательно сбил бродягу с толку. Куда это он так сорвался с места, раздраженно размышлял Мышь. Вразумительного ответа на сей вопрос у него не было.

Наступил вечер, но жара не спадала. Почти все окна в домах были распахнуты настежь. В воздухе явственно ощущалось приближение грозы.

Мышь доковылял до газетного киоска и стал внимательно рассматривать витрины.

— А старых газет у вас нет? — решился он, наконец, потревожить киоскера. — Вчерашних или даже позавчерашних?

Киоскер молча протянул ему две завалявшиеся газетенки. Мышь пролистал их прямо на месте и в обеих в колонке объявлений нашел знакомый текст про Арчибальда. Впрочем, объявление могло появиться в прессе еще до исчезновения месье Лоёма, скажем, во вторник или даже в понедельник. Надо проверить эту догадку.

— Дайте мне номер «Нью-Йорк Геральд», — попросил он.

Киоскер бросил на бродягу удивленный взгляд и молча протянул ему пухлую американскую газету. Целых тридцать шесть страниц. Мышь с трудом запихнул газету в карман. Его снова охватил азарт ищейки, взявшей верный след. В конце концов, все его дальнейшее существование, его будущее, безоблачная жизнь в собственном домике в родной деревне, все это должно решиться совсем скоро. Если он поторопится оказаться на Елисейских Полях напротив ресторана Фуке ровно в восемь часов вечера. Вот только денег после покупки газеты у него уже не осталось даже на автобус. Ничего не поделаешь, придется тащиться пешком.

Прохожие с любопытством оглядывались на чудаковатого старикашку, который почти вприпрыжку ковылял по тротуару, задыхаясь, отирая струящийся со лба пот, и при этом все время повторяя, словно в бреду: «Арчибальд!»

Иногда он останавливался и угрожающе шипел, обращаясь неизвестно к кому:

— Мы еще посмотрим, кто кого! Да, мы еще посмотрим!

Да, они все не считают его за человека! Старший инспектор Люка источал в разговоре с ним одно холодное презрение. Логно вообще считает, что может делать с ним все что хочет. И все эти журналисты, сыщики, полицейские, все, кто занят сейчас поисками убийц месье Лоёма, они тоже не лучше. Но ничего! Он им покажет, кто в этом деле главный. Через каких-то десять минут он собственными глазами увидит убийц швейцарского финансиста.

Впрочем, если честно, то старик еще ничего для себя не решил. Он старательно упрятал газету, чтобы даже краешек ее — не дай бог! — не высовывался из кармана. Посмотрим по обстоятельствам, сказал он себе. Вот окажется возле ресторана и на месте разберется, стоит ли обозначать свое присутствие или же лучше раствориться в толпе, не привлекая к себе внимания.

Впереди показалась Эйфелева башня. Она уже светилась огнями иллюминации, хотя до полной темноты было еще далеко. Синеватые тени легли на тротуар, запруженный толпами гуляющих парижан. Влюбленные парочки, родители с детьми, вышедшие на вечернюю прогулку. Тех, кто постарше, вели за руку, малышей несли на руках. Мышь снова замедлил шаг и задумался. Нелепая мысль вдруг пришла ему в голову, и он, несмотря на усталость, рассмеялся. Вот будет потеха, если на стрелку с ним заявится сам британский посол. Недаром же его имя фигурирует в объявлении.

Конфиденциальная телеграмма, пришедшая в Управление криминальной полиции в ответ на запрос об отце Доры, адвокате Стаори, содержала прелюбопытнейшую информацию. Оказывается, финансовые дела месье Стаори далеко не так блестящи, как он пытается изобразить это на публике. Более того, финансы венгра находятся в весьма плачевном состоянии.

Люка подошел к окну кабинета и бросил задумчивый взгляд на левый берег Сены. Потом снова вернулся к столу, снял телефонную трубку и, набрав номер, стал ждать, когда ему ответят.

— Согласен! — сказал он в завершение разговора. — Пока нет никаких оснований предполагать худшее. Да, конечно! Будем сохранять оптимизм. Обещаю!

Его неизвестным абонентом была Люси Бойсвин, с нетерпением ожидавшая новостей именно из первых рук. Она прочитала опубликованное заявление господина Остина, который в самой категорической форме отмел прочь версию об убийстве Лоёма или о его похищении. Уверенность финансиста вселяла надежду.

Повесив трубку, Люка снова взял в руки телеграмму.

...расточительный образ жизни, который ведет господин Стаори, человек блестящего ума, но не имеющий никакого значительного состояния, окончательно расстроили его дела. Пышные приемы, которые он постоянно устраивает в своем доме, роскошь, которой он себя окружил, все это требует немалых средств. Три года тому назад ему с трудом удалось выпутаться из крупного финансового скандала, в котором он оказался замешанным, без ущерба для своей репутации. Сейчас кредиторы насели на Стаори с утроенной энергией, и последние несколько месяцев ему удается выкручиваться только благодаря финансовой поддержке со стороны Базельской группы, в которой работает жених его дочери. Не без содействия последнего Стаори учредил новое предприятие, в которое компания СМБ, по слухам, должна инвестировать значительный капитал...

Люка перечитал телеграмму дважды, а потом дописал на полях мелким бисерным почерком:

Примечание: Мюллер, скорее всего, познакомился с Дорой Стаори во время одной из своих деловых поездок в Будапешт. Есть основания полагать, что это именно он уговорил месье Лоёма отправиться в Будапешт для личного ознакомления с учрежденным предприятием. Но швейцарский финансист, несмотря на то, что в поездке его сопровождала Дора Стаори, проявил характер и не поддался ее чарам. К тому же, по прибытии в венгерскую столицу он, скорее всего, получил весьма неутешительную информацию касательно отца девушки, а потому решительно отказался встречаться с ним.

Следует также отметить, что Мартин Остин обращается с Мюллером, как с самым обычным мелким клерком, а месье Лоём, напротив, испытывал сильное влияние со стороны молодого человека. Возможно, это объясняется тем, что Мюллер был в курсе некоторых обстоятельств, связанных с личной жизнью своего босса. Например, знал, что у того есть связь с бывшей проституткой и от этой связи у него растет сын. Можно не сомневаться в том, какова была бы реакция остальных руководителей Базельской группы (достаточно пообщаться с Мартином Остином, чтобы понять это) на такую новость. Подобные легкомысленные интрижки в их кругу просто недопустимы. Если Мюллер знал о существовании Люси Бойсвин, то это многое объясняет и в его поведении, и в его стремительном карьерном росте. Вполне возможно, он даже шантажировал Лоёма, и тот попытался скрыться в неизвестном направлении.

Приписка на полях менее всего походила на официальный отчет, но Люка отправил телеграмму префекту полиции вместе со всеми своими примечаниями. Пусть начальство ознакомится и само решает, что делать дальше.

В Париже всегда так: чем выше твое положение в обществе, тем позднее ты ужинаешь. Вот и в ресторане «Фуке», расположенном на углу Елисейских Полей и авеню Георга V, несмотря на поздний час, было полно нарядной публики.

Обилие народу явно напугало бродягу. Вначале просто потолкаюсь вокруг столиков на открытой террасе, решил он.

— Дамы и господа! Не откажите в милостыне! — немедленно напялил он на себя привычный шутовской колпак. — Подайте нищему пару франков, чтобы он смог осушить кружечку пива за ваше здоровье.

Пожалуй, прикинуться попрошайкой — это самый лучший способ не привлекать к себе до поры до времени ненужного внимания. К тому

же, пока рядом не видно ни людей в полицейской форме, ни официантов. Последние, впрочем, еще похуже полицейских.

Неуклюже ковыляя между столиками, Мышь с вымученной улыбкой на лице продолжал канючить:

— Ваша светлость... У вас ведь в кармане полно мелочи... Посмотрите, она просто оттягивает вам карман. Так в два счета можно испортить самый дорогой костюм. Обвиснут полы, и куда его потом?

Увы, но эти избитые шуточки вызывали у завсегдатаев «Фуке» скорее смех, чем жалость. Шесть рядов столиков плюс те, что на террасе, выходящей на авеню Георга V. И все заполнены до отказа, очень много женщин. А вот среди мужчин ни одного, кого можно было хотя бы отдаленно принять за Арчибальда. Полно иностранцев, в том числе немцев, с которыми Мышь охотно пообщался на родном языке и даже сорвал куш в целых два франка. Да, иностранцев много, но ни одного Арчибальда.

Мышь уже приготовился свернуть за угол, когда вдруг увидел за одним из столиков посетителя, от одного вида которого его душа моментально ушла в пятки. Зануда собственной персоной! В своем неизменном коричневом костюме, накрахмаленной рубашке с жестким воротничком и закругленными манжетами. Сидит себе как ни в чем не бывало, отгородившись от всех газетой.

Логно, если это был точно он и Мышь не обознался в темноте, не заметил бродягу. Или сделал вид, что не заметил. Казалось, мысли его всецело были заняты газетой «Нью-Йорк Геральд», в изучение которой он якобы ушел с головой.

Итак, старик все же откликнулся на объявление. Если только... Нет! Он не настолько умен, чтобы додуматься до такого трюка. Значит, объявление появилось в газетах с подачи других игроков. Поняв, что Мышь, несмотря на все ухищрения, все же заметил его, инспектор подозвал к себе официанта, чтобы расплатиться.

Половина девятого. К нему никто так и не подошел, а ведь он демонстративно весь вечер продержал перед носом газету, упомянутую в объявлении в качестве пароля.

Мышь догнал его почти на выходе из террасы и не без ехидства сказал:

— Не знал, что вы умеете читать по-английски.

— А ты что здесь делаешь?

— Обычный бизнес. Вечерний обход, как вы сами могли убедиться. Вот вся моя выручка: одиннадцать франков и пятьдесят сантимов.

Мышь извлек из кармана пригоршню мелочи, но сделал это предельно аккуратно, чтобы инспектор не заметил, что в кармане лежит еще и американская газетка.

Перевод с английского Зинаиды КРАСНЕВСКОЙ.

Продолжение следует.

ТАТЬЯНА ШАМЯКИНА

Земля в ореоле тайн[1]

Чарующая Евразия

Часть 1

«Постигать иные миры...»

В наше время многие незыблемые ранее в научном дискурсе идеи переживают явную реформацию. В самом деле, накопилось слишком много фактов, которые не укладываются в общепризнанные официозной наукой догмы. Скажем, дарвиновская теория. Нельзя спорить, что в свое время, на протяжении не менее полутора столетий, она играла свою положительную роль и двигала биологию вперед, но сейчас является безусловным тормозом в теории познания, так как представляет всего лишь частный случай науки о жизни. Появляются альтернативные версии. Причем огромное количество новых идей, догадок, гипотез свидетельствуют вовсе не о кризисе, который переживает наука, а скорее, об изменении ее парадигмы, выходе на новые рубежи. По мнению автора статьи, наиболее перспективный путь в измененной парадигме — все большее сближение науки и религии, в частности, и мифологии, запечатлевшей жизненную философию предков.

Одной из самой интригующих тайн на свете является тайна зарождения жизни — и в космическом масштабе, и собственно на Земле. Стоило бы вообще пересмотреть привычное определение, в целом понимание жизни, чтобы избавиться от сдерживающего ищущую мысль антропоморфизма и просто человеческого эгоизма. Так, российский ученый-геолог И. Н. Яницкий, исследовавший изменение выходов газов из трещин в земной коре, пришел к выводу, что наша планета как бы «дышит», что это чрезвычайно высокоорганизованная и эволюционизирующая система, у которой способность к адаптации на многие порядки выше, чем у человечества.

И. Н. Яницкий не одинок в своих выводах. Еще академик В. И. Вернадский считал, что Земля — не только живое, но *разумное существо*, и в последние годы мы в ее разумности убеждаемся все чаще. О ней свидетельствует, например, закон саморегуляции, который поддерживает баланс в популяции самок и самцов, хотя биологическое зарождение мужской и женской особей равновероятно. Однако после войн, когда гибнет много мужчин, начинает больше рождаться мальчиков — демографы назвали это явление «феноменом военных лет».

В. И. Вернадский ввел понятие *биосферы* как совокупности всех живых существ, живущих на планете. Биосфера вместе с Землей составляет единый организм. Подобно тому, как человеческий мозг состоит из множества отдельных клеток, так и сознание земного шара состоит из сознаний всех обитающих на нем живых существ. И это сознание настолько же качественно отличается от

---

[1] Продолжение. Начало в № 8, 10 за 2014 г., № 1, 3 за 2015 г.

сознания каждого индивида, насколько мозг как целое отличается от отдельных его клеток.

Земля как единый мозг, как сверхорганизм функционирует очень своеобразно. Можно не сомневаться, что она «прокачивает» через свои глубинные слои космическую энергию, обменивается информацией с Солнцем, с планетами Солнечной системы и даже с центром Галактики, посылая туда мощные импульсы.

Согласно современной мифологии, Земля знает о находящейся на ее поверхности цивилизации. Более того, она, возможно, знает о каждом живущем на ней живом существе — человеке и животном. Может быть, все необычные, связанные с людьми явления — полтергейст, левитация, телепатия, появление призраков и многое другое — происходят в результате взаимодействия разных физических полей планеты с биополем каждого индивида.

Однако цивилизация на поверхности Земли — не к ее пользе. Люди постоянно тревожат мыслящий суперорганизм взрывами, войнами, бурением скважин, выкачиванием нефти и газа, которые следует рассматривать как своеобразные кровь и лимфу живого тела Земли. Можно предполагать, что она, в конце концов, перестанет терпеть мучения, взбунтуется, и тогда пощады от нее ждать не придется...

Как предполагают многие исследователи, на Земле есть своеобразные зоны, через которые планета пытается воздействовать на человека. Это так называемые геоактивные зоны, например, Долина смерти в бассейне якутской реки Вилюй, Самарская Лука в Поволжье. Иногда такие зоны считают патогенными, но, думаю, их воздействие не всегда вредоносно. Во всяком случае, любой человек, попадающий в подобное место, его влияние явственно чувствует — каждый по-разному. Есть и безусловно положительные так называемые «места силы»: Синай, Капподокия, Ангкор-Ват. На таких местах предки обычно ставили храмы.

Видимо, не только Земля живая — есть и другие формы жизни и, скорее всего, разума. В 1987 году в венгерском городе Балатонфюред на международном коллоквиуме «Биоастрономия — ближайшие шаги» впервые прозвучал термин «белково-углеродный шовинизм». То есть научным сообществом был отринут как эгоистический догмат об универсальности водно-углеродной жизни во Вселенной.

Впрочем, о некоторых специфических *формах жизни* ученые говорили давно. Тот же академик В. И. Вернадский еще в 1920—1930-е годы обосновал поразительную гипотезу о возможной эволюции *кремниевой* жизни на Земле. Его друг, выдающийся советский геолог и геохимик А. Е. Ферсман, также писал о кремнийорганической жизни. А ведь народ в этом никогда не сомневался, наделяя камни сознанием и даже обожествляя чем-то приметные валуны.

В Беларуси чрезвычайно мощный *культ камней* изучали самые выдающиеся наши ученые: А. Киркор, П. Шпилевский, П. Шейн, А. Богданович, Е. Романов, М. Довнар-Запольский. Современные белорусские исследовательницы И. Дучиц и Л. Климкович пишут: «Люди верили, будто некоторые из камней раньше были живыми существами, а потом по той или иной причине окаменели».

Вера в разумность камней имеет основания. Нельзя не обратить внимание на некоторые особенности валунов. Например, на их перемещения. Так, 12-тонный Синь-камень у Плещеева озера под Переславлем-Залесским, оказавшись на дне водоема, самостоятельно выбрался из него и стал медленно передвигаться по направлению к горе, где он изначально лежал. Сейчас на нем постоянно можно увидеть жаждущих исцеления от болезней. В московском музее-заповеднике «Коломенское» есть Голосов (видимо, первоначально Волосов — по имени бога Волоса) овраг, в котором происходят разные необычные вещи, скажем, в XIX в. документально зафиксировано исчезновение людей. Электромагнитный фон в овраге в 12 раз превышает норму! Но еще большая электромагнитная заряженность вблизи двух, лежащих на дне, огромных валунов, носящих названия Девий и Гусь. В наше время около них всегда толпятся люди, поскольку валуны

излечивают — женщин от бесплодия, а мужчин — от импотенции. Несомненно, от этих объектов исходит какое-то мощное излучение, причем особенно активизируются камни на рассвете и на закате. Шаманы любят вблизи них проводить свои ритуалы.

В Карелии у местечка Куркиёки есть каменный лабиринт с необычными свойствами, а также Конь-камень, излечивающий больных. А рядом скала под названием Гром-камень время от времени издает сильный гул.

Вблизи Риги в Латвии находится необычный Пикайнский лес, где особый интерес вызывают загадочные свойства здешних валунов. Об их появлении в данном месте существует множество легенд. Факт в том, что регион в самом деле своеобразен — так, в Пикайне всегда стоит хорошая погода. Рядом, даже вокруг, может идти дождь или снег, а здесь неизменно светит солнце. Народная молва связывает это давно замеченное явление именно с камнями, многие из которых теплые на ощупь.

Народную наблюдательность относительно неподвижных природных форм давно эксплуатируют фантасты. У современного американского писателя Роджера Желязны есть рассказ «Страсть к коллекционированию», где повествуется о планете, на которой обитают живые камни. Они растут, коллекционируя, то есть вбирая в себя разные атомы и молекулы. Достигнув определенной массы, взрываются, осыпая все вокруг своими зародышами.

А еще в XIX в. классик детской литературы Жозеф Рони-старший опубликовал фантастический роман «Ксипехузы», где рассказал о первобытных предках землян, столкнувшихся с агрессией кристаллических инопланетян — ксипехузов.

В нашей далекой юности нас потряс роман Джона Уиндема «День триффидов» — о нашествии живых и зловещих растений, споры которых попали на Землю вместе с кометой. Другой патриарх фантастики Клиффорд Саймак написал повесть «Вся плоть — трава», где говорил о разумных цветах, которые, в отличие от триффидов, милые и беззащитные.

«Солярис» польского классика фантастики Станислава Лема — о разумном океане — вообще культовое и широко известное в мире произведение.

Фантасты давно освоили эту область — разумные формы жизни в виде звезд, планет, облаков, камней, деревьев...

Но ведь еще раньше о том же говорили наши мудрые предки, создавшие ранние верования — *тотемизм* и *анимизм*. Люди первобытного общества одухотворяли буквально все: не только могущественные космические силы, земные стихии, атмосферные процессы, но и особенности рельефа, растительного мира, мелкие природные объекты — ручейки, валуны, деревья. Все имело душу, могло, подобно человеку, чувствовать, мыслить и действовать — даже внешне неживые, неподвижные предметы.

Отголоски таких представлений отчетливо сохранились в фольклоре. Так, белорусы верят в возможность деревьев раз в год — а именно на праздник Купалья — разговаривать друг с другом и перемещаться. Но сегодня и наука подтверждает древние, казалось бы, совершенно невероятные воззрения: с помощью приборов исследователи доказали наличие у растений своеобразной нервной системы, благодаря которой они активно реагируют (невидимо для людей) на внешние раздражители. Всем известно, что кристаллы растут, так почему бы камням не проявлять иные формы движения, в частности — перемещаться по плоскости, как валуны в Долине смерти в США. Живым и необычно информационно насыщенным существом является вода (в белорусских заговорах она имеет собственные имена Катерины и Ульяны). Наши предки относились ко всем проявлениям природной жизни с вниманием, уважением и бережливостью.

Каждый объект природы обладает душой — этим он подобен человеку. В анимистических представлениях реализуется принцип всеобщей гармонии: люди чувствуют свою неразрывную связь с явлениями природы, например, с рас-

тениями. Растения могли быть и тотемами. Так, в античной греческой мифологии красавец Адонис — бог растительности — родился от Зевса и дерева Мирры. Обратный генезис тоже распространен: растение — от человека, потому что в растение переселяется его душа (например, античные мифы о самовлюбленном Нарциссе или о нимфе Дафне, отвергнувшей любовь бога Аполлона и превратившейся в дерево лавр). Подобные, по мысли наших предков, взаимные превращения способствовали распространению среди людей имен, возникших от названий деревьев и цветов (Мирра, Роза, Лилия, Маргарита).

Связь человека и растения особенно ярко отразилась в народной бытовой культуре. У белорусов был обычай: если родители отдавали дочь замуж далеко от дома, мать высаживала во дворе калину и по ее росту, цветению, плодоношению судила, как живется дочери в чужой семье. Дерево каким-то таинственным способом передавало информацию. В связь человека и дерева верили и образованные, интеллигентные, совсем не обремененные суевериями люди. Так, в некоторых мемуарах XIX в. приведен интересный факт, в котором нельзя сомневаться. В семье Алексея Оленина, сенатора и президента Петербургской Академии искусства, существовал обычай: при рождении сына в его честь в подмосковном имении высаживать дубок. Дети и дубки росли вместе, как бы синхронизируясь, мальчики досматривали свои деревья. Когда один из сыновей сенатора погиб на Кавказе, его дуб тут же засох, и семья — еще до официального сообщения — уже знала о несчастье. В народных сказках и быту наших предков увядшие деревья, цветы свидетельствовали о том, что герой или героиня умерли либо им угрожает опасность. У многих народов и по сегодня жив обычай высаживать деревья, чтобы отметить свадьбу, рождение ребенка, знаменательную встречу. Жизнь природного объекта помогала, укрепляла жизнь человека, семьи, общины.

О *живой* природе всегда напоминала и поэзия. У замечательного русского поэта Александра Яшина есть прекрасные, очень любимые нами в годы юности, строки:

Не верю, что звери не говорят,
Что думать не могут певчие птицы,
Что только инстинкты у хитрой лисицы
И пчелы не знают, чего творят.
....
Достойно ли царя природы делить
Всех в мире живущих
На высших и низших?
Порой и владыки разумом нищи,
Все относительно, может быть?
Высокомерие не к лицу
Ни великану,
Ни мудрецу.
В сосновом бору,
В березовой роще,
Где так многогранно желание жить,
Мне, сильному, только добрей и проще
И человечней хочется быть.
Мы видим не все со своей горы,
Чудес неоткрытых еще немало.
Боюсь, чтоб кичливость не помешала
Нам постигать иные миры.

Итак, поэт призывает «*постигать иные миры*». Они, безусловно, существуют, и не только в далеком космосе.

Что же касается *человечества*, то его генезис, его история — темны и сложны. На сегодняшний день можно насчитать несколько укоренившихся в массовом

сознании теорий происхождения людей на Земле (по моей собственной классификации):

1) Официальная версия, идущая от марксизма и дарвинизма, — *эволюционная,* всегда противопоставлявшаяся якобы религиозному мракобесию. В рамках этой теории укладывается и новое, будто бы удивительное и революционное достижение генетиков: определение по ДНК «прапрабабушки» всего человечества — самой настоящей «Евы», которой 200 000 лет.

2) Теория, также связанная с генетикой: людей создали прилетевшие из космоса (то ли с Марса, то ли с планеты Нибиру) высокоразвитые инопланетяне. Есть модификации этой кощунственной версии: были искусственно соединены зиготы инопланетян, исключительно мужчин, и земных самок обезьян. То есть продвинутые пришельцы подняли женщину с четверенек, вывели из животного состояния и генетическим путем превратили в человека.

3) Теория, доказывающая неоднократное появление и исчезновение разумных существ на Земле, словно природа испытывала самые разные виды на прочность.

4) Набирающая сегодня популярность гипотеза, которая говорит не об эволюции, а наоборот, об *инволюции*, о деградации человечества, причем буквально все виды живых существ, в том числе приматы, происходят от более и более теряющего божественный лик человека. Первые же люди были сосланы на Землю, как в тюрьму, и, таким образом, наша планета вообще не является для человечества родиной.

5) Религиозная версия, о которой упоминают сейчас очень редко, явно ее стесняясь.

В свете как раз последней теории стоило бы сказать о предназначении, о *миссии человека* на Земле — может быть, тогда как-то прояснится и его генезис. Чтобы отвлечь массового читателя, слушателя и зрителя от религии, ему вбивают в мозги инопланетную и ей подобные бредовые идеи. Якобы 450 000 лет назад пришельцы с Нибиру спустились на Землю и создали людей как своих рабов— для добычи полезных ископаемых.

Однако цивилизации, способной летать в дальний космос, люди как добытчики золота вообще не нужны — в их распоряжении уже давно были бы роботы или киборги.

Другая теория — еще заковыристее. Ее, основываясь, скорее всего, на тайных оккультных источниках, воссоздает известный мистик XX века, сын знаменитого писателя Леонида Андреева, Даниил Андреев в своей странной книге «Роза Мира». По Андрееву, данный нам Богом могучий мозг был способен к необычайно полному, всеобъемлющему познанию мира. Однако демонические полчища, носившиеся по Космосу, заняли окружающее Землю пространство и заменили человеческий разум на мелкий, меркантильный, рациональный; кроме того, дали людям представление о зле. Это и есть, видимо, то, что в Библии описывается как плод с древа познания добра и зла, как *первородный грех*. Питаются эти сущности, по мысли Д. Андреева (и не только его одного), энергией людских *страданий*, потому устраивают войны и всяческие бедствия в социуме. Получается, что производство биоэнергии, или психической энергии, для подпитки вредоносных сущностей — и есть предназначение человечества? Отсюда, как представляется, неистребимый у очень многих народов мира обычай *жертвоприношения*. Арабская пословица гласит: «Кровь пролилась — опасности больше нет», то есть духи тонкого мира подпитались эманациями, исходящими от крови, и умилостивились. Ведь пролитие крови всегда связано с муками, болью, страданиями. Видимо, поэтому, как мне кажется, невинные славянские девушки никогда не имели права смотреть на роды и быть повитухами — их, до определенного времени, не должны касаться боль и кровь.

Есть иные представления о миссии человека. Одну из них недавно высказал российский ученый, доктор экономических наук Георгий Кузнецов. Он, как

и многие другие современные исследователи, исходит из учения о живой Земле. Животные и растения — ее работающие клетки. У каждой клетки — свои функции, свое назначение. В целом они участвуют в обмене вещества Земли. Кроме того, с их помощью она воспринимает энергию и информацию, поступающую из Космоса, подобно тому, как человек получает информацию от своих органов чувств. По моей версии, Земля, поскольку разумна, следит за человечеством и координирует его поведение, посылая определенные «намеки», например, круги на полях, а то и землетрясения, извержения вулканов, цунами.

Конечно, у Земли — свои виды действий, у человечества — свои, но они могли бы взаимодействовать. Познавая жизнь на земном шаре, человек в содружестве с Землей, природой, в принципе способен мудро управлять эволюцией биосферы. Ведь возникновение человечества, как и Земли, имеет свою глобальную общекосмическую цель — развитие вселенской биоэнергетической системы: насыщение космоса, который тоже живой, биоэнергетическими субстанциями. Если же человек этим пренебрегает, если из-за него сокращается биомасса, нарушается экология, никнут добрые чувства, то Земля избавляется (и, в конце концов, избавится) от такого неразумного, подлого по отношению к ней, великой кормилице, существа.

Так что функция человечества воистину космическая. Его биоэнергия очень важна — тут Д. Андреев и его масонские учителя, конечно, правы, но эта энергия не подпитывает некие вредоносные сущности (хотя антиматерия и существует), а, наоборот, препятствует *энтропии*, то есть пополняет собою добротворную, животворящую энергию космоса. Не строительство цивилизации, воплощенной в общеизвестном, но мало понятом мифе о Вавилонской башне, а деятельность души человеческой, о чем говорят все религии, и является самой важной частью общего Мироздания. Недаром один из мифов Индии гласит, что души людей бессмертны и после телесной смерти своих носителей летят на Солнце, постоянно пополняя его мощь энергией: именно благодаря этой энергии — чувствами любви, дружбы, жажды познания и творчества, из которых, собственно, и состоит душа, Солнце светит для всех.

Если же говорить о материи, то строение молекулы ДНК человека, содержащей гигантские объемы информации, свидетельствует о том, что она никак не могла возникнуть сама по себе, а является разработкой феноменально Высокого Разума — кого мы и называем Богом.

На этот счет известный русский историк и писатель Юрий Петухов пишет: «Младенец в колыбели не знает — кто и что есть его родители. Но он ощущает присутствие внешних сил, от которых он зависит. Мы тоже ощущаем влияние этих Сил. Ощущаем зримо, плотски, материально. Ощущаем духовно. Но, как и младенец, мы пока не можем сформулировать для себя четко — кто и что есть эти Силы». Значит, действительно, остается только *верить* — как и призывают все религии.

Причем, веруя, выстраивая свои отношения с Богом, человек глубже понимает *себя*. Неверие в Бога — это отказ от погружения в себя, примитивное понимание себя, отсутствие поиска себя.

Происхождение человечества — загадка из загадок

В 1974 году в Эфиопии нашли скелет прямоходящего гоминида — австралопитека, названного Люси, так как это была женская особь. Ее рост 120 см. Возраст определили с помощью новейшего калиево-аргонового метода. Оказалось, скелету более 3 миллионов лет. В облике Люси сочетаются признаки обезьяны и человека. Ее назвали «праматерью человечества». Якобы Люси и ее сородичи

являются предками всех последующих ветвей дерева гоминидов, включая и современного человека.

Дарвинисты радовались. Вообще еще в XIX веке, когда были найдены древние черепа и утвердилась эволюционная теория Чарльза Дарвина, ученые выстроили последовательную и, как им казалось, очень логичную цепочку смены разных поколений первобытных людей, выводя прародину человечества неизменно из Африки. В XX веке, с развитием новых методов анализа, антропологи расставили предполагаемых предков в хронологическом порядке с точным указанием дат, и теория стала считаться устоявшейся, абсолютно незыблемой, непререкаемой. В ней Люси отводилось первое место.

Однако в начале XXI века цепочка вдруг прервалась. Вообще никакой стройности и ясности в восхождении человечества по древу эволюции, на самом деле, нет. Новонайденные сахелантропы и терроррины, жившие 6—7 миллионов лет назад, по анатомическому строению оказались ближе к человеку, чем более поздние австралопитеки, то есть зверолюди. Питекантропы комфортно жили рядом с неандертальцами, а те существовали параллельно с кроманьонцами. То есть, история homo sapiens шла как бы по кругу, с выходами из него, были и явные откаты назад, и одновременное существование разных ветвей прачеловечества.

Ближе всех к нам неандертальцы и кроманьонцы. Их геномы совпадают между собой на 99,5%, но неандертальцы не являются предками кроманьонцев, от которых прямой путь — к современному человеку. Они действительно долго жили рядом, конкурировали и совсем нередко скрещивались. У нынешних представителей некоторых наций — около 4% генов неандертальцев. Это свидетельствует о гибридизации, но вовсе не о преемственности. При этом следует помнить, что неандерталец — тоже homo sapiens, а объем мозга у него был даже больше, чем у кроманьонца, то есть нашего непосредственного предка.

Питекантропы и австралопитеки вообще выпадают из ранее такой стройной цепочки: они не были предками ни неандертальцев, ни кроманьонцев. Видимо, тупиковая ветвь. Биологи нам подобрали в предки homo erectus (человека прямоходящего), который произошел от homo habilis (человека умелого).

Таким образом, первопредков все больше — не сомневаюсь, что будут найдены и другие. Но все равно много остается неясного. Например, в 1995 году в пустыне Гоби было найдено несколько явно человеческих черепов, но на них красовались рога. Исследования показали, что рога не вживлены, а, так сказать, органичны. Значит, существовали, как говорится в некоторых мифах, рогатые люди. Однако эти шокирующие артефакты засунули подальше в запасники музеев и никогда на публику не выставляют, как и многие другие находки, не укладывающиеся в академические теории, в укоренившиеся научные схемы.

Еще в середине XIX в. американские исследователи У. Буллос и К. Джилмор нашли в штате Кентукки, в толще застывшей вулканической лавы, отпечатки ног, полностью соответствующие человеческим. Однако следы были оставлены более 300 миллионов лет назад, когда на Земле, по тогдашним теориям, вообще обитали только простейшие организмы. А во время золотой лихорадки в Калифорнии неоднократно находили человеческие скелеты и наконечники стрел в толщах возрастом в 50 миллионов лет. В XX веке число таких находок по всему миру, причем есть следы людей даже в обуви (!), исчисляется уже сотнями.

В ЮАР обнаружены останки людей, получившие название «боскопов» (по названию поселка Боскоп). Они были прямоходящими, строение их челюсти свидетельствовало об умении говорить. Но ученых поразили их черепа: объем головного мозга достигал 1900 кубических сантиметров, что на треть больше, чем у современного человека. И вот с таким огромным мозгом боскопы не выжили — в слоях позже 30 тысячелетия до н. э. их останки уже не встречаются.

Боскопы найдены еще в 1913 году, потом о них совершенно забыли, пока в 2009 году не вышла книга Гарри Линча и Ричарда Грейнджера «Большой

мозг: происхождение и будущее интеллекта человека». Ученые утверждают, что боскопы имели сильно развитые лобные доли, которые в основном отвечают за интеллект. Такой мозг способен параллельно обрабатывать несколько потоков информации из разных источников и анализировать сотни возможных вариантов исхода тех или иных ситуаций. То есть боскопы могли, например, размышлять о какой-то проблеме, что-то подсчитывать и одновременно вести разговор на абсолютно другую тему. Развитая нейронная сеть мозговых структур давала огромный простор для ассоциаций, в результате боскопы обнаруживали неочевидные связи между явлениями и предметами, до которых обычному мозгу дойти очень трудно. Они прекрасно сохраняли старые воспоминания — во всей их красочности и полноте.

И вот такой совершенный, исключительный мозг не уберег этих наших удивительных предков от гибели. Ученые предлагают несколько версий исчезновения боскопов. Возможно, женщинам было сложно рожать большеголовых детей. Возможно, для огромного мозга не хватало энергии из-за скудного рациона. Но это странно: такие умные существа могли изобретать разные способы добывания пищи. Потому приходится сказать о наиболее популярной ныне версии: скорее всего, боскопы появились слишком рано. Может быть, на них природа (Бог?) испытывала разные варианты эволюции мозга? Но эксперимент был прерван ради современного человечества. Ведь если бы боскопы сохранились и развивались дальше, они уже давно преодолели бы время-пространство и достигли бессмертия.

В связи с этим, по ассоциации, вспоминается миф Античности об *андрогинах*. Этой удивительной легендой Платон иллюстрировал свою теорию любви, наиболее глубокую и стройную, несмотря на ее мифологичность, из всех существующих доныне. Но если отвлечься от двуполости андрогинов, чего мы понять вообще не можем, — это совсем не «третий пол» в современном понимании, не трасвестизм, то стоит обратить внимание на такой нюанс в сюжете мифа: андрогины были настолько совершенны и так стремительно развивались, что боги убоялись конкуренции с их стороны, и Зевс рассек тело каждого на две части. С тех пор половинки ищут друг друга — вот откуда, по мысли Платона, стремление людей к браку.

Нужно сказать, что за вновь всплывшую информацию о боскопах цепко ухватились уфологи. Дело оказалось в том, что черепа боскопов удивительно напоминают, по версии уфологов, одну из разновидностей пришельцев — так называемых «серых». У «серых» огромная голова, миндалевидные крупные глаза, маленькие рот и нос. Причем современные уфологи, такие же романтики от науки, как Захария Ситчин с его планетой Нибиру, но с более мрачным взглядом на вещи, утверждают, что боскопы были погублены именно из-за их быстрого развития. Ведь человечество якобы было выведено на Земле в качестве «домашнего скота» — для получения генетической «продукции», но боскопы с их совершенным мозгом быстро научились бы давать отпор пришельцам. Потому продвинутые боскопы-андрогины были заменены на кроманьонцев — далеко не таких мозговитых и более медлительных в развитии, что дает возможность нескончаемо долго получать от них то ли генетический материал, то ли психическую энергию (?!).

Интересны рассуждения ученых, занимающихся изучением речи. Для произнесения слов необходим определенный тип глотки. Ее не существовало у австралопитеков: они не могли говорить, так как обладали чрезвычайно мощной челюстью. Эта челюсть нужна была, чтобы постоянно пережевывать растительную пищу. Челюсть уменьшилась, когда гоминид перешел на мясную пищу: ее малое количество давало столько же энергии, сколько килограммы съедобных растений. С уменьшением челюсти удлинилась глотка, и человек получил способность разговаривать. Вместе с говорением развивался мозг. Лучше сказать, одно помогало другому.

Все, как всегда в современной науке, изложено красиво и стройно, но *что* заставило первобытных людей поменять рацион, *почему* они перешли на мясную пищу, добывать которую намного сложнее, чем собирать растения? Об этом молчание...

Однако мы слишком далеко углубились. Нас должна интересовать та популяция людей, которая наиболее характерна именно для Евразии. Итак, *кроманьонцы*, то есть предки современных людей, появились здесь 50—40 тысяч лет назад. Так утверждает официальная наука, так написано во всех учебниках и энциклопедиях.

Но еще в середине XIX в. рабочие вблизи Генуи копали котлован и на большой глубине наткнулись на человеческий скелет. Возраст пласта оценили в 3—4 миллиона лет. Человек был найден в типичной позе пловца — скорее всего, его швырнуло на прибрежную скалу волнами. В возрасте скелета можно не сомневаться, так как кости оказались заполнены слежавшейся плиоценовой глиной. Действительно, в эпоху плиоцена место обнаружения находки было прибрежным мелководьем, на что указывают ископаемые раковины. Между тем скелет не отличался от скелета современного человека, то есть *уже тогда* он — кроманьонец. В Италии же нашли скелеты мужчины, женщины и двух детей также в глине, которой 3—4 миллиона лет. Скорее всего, семья плыла на лодке, утонула, а тела выбросило на берег.

В 1844 году в Кингудском карьере в Англии обнаружен доисторический гвоздь, которому, судя по возрасту породы, несколько миллионов лет. Там же найдена металлическая ручка от ведра, которой 12 миллионов лет. На Урале геологи и добытчики угля в глубоких шахтах довольно часто натыкаются на странные артефакты в толще пород. Например, на удивительные миниатюрные спиральки из чистого вольфрама, которым 15 миллионов лет. В 1975 году в Украине на глубине 8 метров, в пластах возрастом 10 миллионов лет, был найден загадочный шар из материала, напоминающего черное непрозрачное стекло. Рентген показал, что внутри шара находится ядро, заполненное каким-то неизвестным веществом.

Известия об удивительных находках поступают чуть ли не со всего мира, но особенно их много в Евразии. И это свидетельствует о том, что возраст человека, на самом деле, намного старше. И появился он, вероятнее всего, не в Африке.

Гиганты, карлики и духи

Говоря об альтернативных формах жизни — предмете рассмотрения современной мифологии, никак нельзя обойти вниманием вопрос о гигантских людях, сведения о которых зафиксированы буквально во всех мифологиях света, а также в священных книгах разных религий — Ведах, Авесте, Библии, в народных эпосах, например, в Эдде. В китайских и тибетских хрониках также есть упоминания о великанах. Можно, конечно, принимать эти легенды за порождение буйной человеческой фантазии, за мечту людей не зависеть от природы, обладая огромным ростом и силой. Однако накапливается все больше фактов, говорящих в пользу существ аномального, с нашей точки зрения, роста.

Тем более что и серьезные ученые древности также упоминают о необычных находках. Так, грек Фрегонт (II в.) даже посвятил им отдельную главу своей книги «Удивительные истории». Например, он рассказывал, что в Мессении после наводнения вымыло каменный пифос с черепом, втрое большим обычного человеческого.

Арабский путешественник X в. Ахмед ибн-Фадлан, посланник багдадского халифа, видел человека-гиганта в государстве волжских булгар.

В одной из средневековых книг, сохраняющихся в библиотеке Оксфордского университета, есть запись о находке гигантского скелета в английском графстве Камберленд. Длина скелета — 4,5 ярда, то есть 4 метра.

Белорусские фольклористы XIX века записали в Могилевской губернии предание о волотах, принадлежащих к породе бессмертных, растущих не по дням, а по часам, головой достающих до небес и шествующих по следам ветров с одного конца земли на другой. Вообще предания о волотах характерны почти для всей территории нынешней Беларуси.

В тех странах, где существуют так называемые циклопические сооружения, их неизменно приписывают людям-исполинам — циклопам.

Издавна на камнях замечали особые углубления, которые называли *следовиками*. В древности их считали следами великанов, в эпоху Средневековья — следами святых, самой Божьей Матери или коня Георгия Победоносца. В лесу под белорусским городом Кобрином лежит камень-следовик с углублением, которое вмещает подростка или девушку в лежачем положении. При этом ощущения своеобразные — от камня явно исходит какая-то энергия.

В XIX в. на острове Цейлон, который тоже относится к Евразии, был найден след правой человеческой стопы длиной 1,5 метра и шириной 80 сантиметров. Такой размер ноги мог принадлежать особи с ростом не менее 10 метров. Естественно, его приписали самому первочеловеку Адаму, который, спускаясь из рая, оперся ногой на гору и оставил свой след. Профессор Эрнст Мулдашев, искатель мировых чудес, уже в наше время в сирийском местечке Айн-Дара в древнем разрушенном храме видел следы в 90 сантиметров длиной. Такие следы могли быть у человека с ростом примерно в 6,5 — 8 метров.

В 1960-х годах во время раскопок в Сибири советские археологи откопали кость динозавра с торчащим из нее огромным наконечником стрелы. Говорят, что писатель Иван Ефремов, который был и замечательным ученым-палеонтологом, в пустыне Гоби нашел кости динозавров со следами явно пулевых отверстий. Он поостерегся обнародовать это открытие, так как дело происходило в конце 1940-х годов.

Археология, как и палеонтология, относительно молодая наука. Причем она развивается интенсивно и все чаще подтверждает то, о чем говорилось в древних мифах. Так, в пустынной местности Индии был найден скелет человека величиной в 12 метров. В Турции, в долине реки Евфрат, обнаружены гигантские кости, например, бедренная в 12 метров длины. Американские специалисты, выкупившие эти кости, подсчитали, что они могли принадлежать человеку пятиметрового роста.

В Европе также немало интригующих находок. Так, в конце XIX века в Ирландии, в графстве Астрим, была найдена мумия человека в 3,7 метра. У великана было по шесть пальцев на каждой конечности. Эта мумия демонстрировалась на выставках в Дублине, Ливерпуле и Манчестере. В то время европейские ученые уже обладали достаточными навыками, чтобы отличить подделку. Правда, в беспокойном XX веке следы мумии затерялись. Осталась лишь ее фотография.

Начало XXI века принесло еще несколько шокирующих находок. Так, в Грузии в 2000 году, в районе села Удобно, найден четырехметровый человеческий скелет.

Известный русский современный писатель Сергей Алексеев, вспоминая свое послевоенное детство на берегах одного из притоков реки Вятки, отмечал неоднократно находимые местными жителями кости людей-гигантов, просто поражающих своими размерами.

Все находки, прямые (кости, скелеты, черепа) и косвенные (стрелы, каменные топоры огромных размеров и т. д.), уже нельзя просто игнорировать. Нужно искать им какие-то объяснения.

В начале XXI века доктор философских наук и писатель Валерий Демин выпустил книгу «Тернистыми путями титанов». Он нисколько не сомневался в существовании некогда на Земле гигантов, рост которых был обусловлен определенными *гравитационными эффектами*. По мнению В. Демина, изменить гравитационную обстановку на планете могли:

— увеличение или уменьшение орбиты Луны;

— сближение Солнца с близко расположенными созвездиями и звездами или же очень мощная вспышка на Солнце;

— взрыв сверхновой звезды в достаточно близком от нас районе Галактики;

— изменение гравитационной ситуации во всей нашей Галактике.

Действительно, существование огромных животных, птиц и насекомых, генетический код которых был обусловлен какими-то космическими факторами, не вызывает никаких сомнений — найдено множество свидетельств. Но встает вопрос: могли ли одновременно с другими живыми существами жить и такие же колоссальной величины люди?

В своих исследованиях В. Демин всегда опирался на мифологию и фольклор разных народов. В связи с этим, собрав огромный фольклорный материал, он среди особо могучих существ выделяет титанов, гигантов, исполинов и великанов.

Титаны — непосредственно рожденные Землей-Геей и Ураном-Небом. Например: Океан, Крон, Мнемозина, Рея, Фемида. Вообще же их было 12, хотя можно предположить, что больше. Ведь титаническую природу имели и дети первых титанов, например, Атлант и Прометей — сыновья титана Коя и океаниды Климены, Гелиос (Солнце), Селена (Луна) и Эос (Заря) — дети Гипериона и Феи, Лето — дочь титана Коя и титаниды Фебы. Лето, мать близнецов Аполлона и Артемиды, — единственная из титанидового племени, попавшая на Олимп. Остальные титаны в борьбе с новым поколением богов — олимпийцами — были повержены. Но даже после этого они воспринимались народом как божественные заступники и первотворцы мира.

В. Демин предполагает, что титаны — выходцы из погибшей Гипербореи.

Гигантам, исполинам и великанам автор тоже дает характеристики, исследует их генезис, делит на категории и виды. Например, определяет, кто такие гекатохейры, циклопы, джинны. Все персонажи чрезвычайно интересны. Скажем, джинны из арабских сказок вообще-то великаны, но способны из материальных становиться бестелесными и прятаться в кувшинах и лампах. Согласно Корану, джинны существовали еще до Адама и были созданы Аллахом из бездымного огня, потому их тела и могли принимать любые обличья и формы.

Исследуя гигантизм различных мифологических существ, В. Демин полагает их символами, метафорами, перифразами каких-то явлений и процессов, происходивших в гиперборейской, атлантской и даже более поздней арийской цивилизациях. Например, арабы наделяли джиннов чупринами, а это, как известно, ритуальная мужская прическа (оселедец) на протяжении тысячелетий у *арийцев*, перенятая от них запорожскими казаками. Предки арабов боялись воинственных арийцев и приписывали им какие-то сверхъестественные способности. Отсюда — образ всемогущего джинна.

Однако нельзя отрицать и того, что на Земле до Великого потопа действительно могли существовать разные популяции людей, очень отличавшиеся между собой. Так, вавилонский историк Берос (IV—III стст. до н. э.), бежавший после завоеваний Александра Македонского в Грецию, написал историю Вавилонии, включая доисторические времена. У нас этот знаменитый ученый, бывший жрец-астролог, мало известен, но на Западе его труд оценен, и на него часто ссылаются современные ученые. Так вот, Берос, описывая допотопную историю Земли, делил всех разумных существ на три категории: гиганты, обычные люди и существа, живущие в океане, которые как раз и обучили людей разным ремеслам и искусствам. Действительно, в шумерской мифологии известен очень колоритный образ бога Оаннеса, имевшего облик полурыбы-получеловека. По утрам он выходил из воды и, находясь целый день с людьми, обучал их разным премудростям, а к ночи возвращался в море, причем никогда не питался человеческой пищей. Исследователь древней культуры Захария Ситчин полагал, что в образе Оаннеса запечатлен инопланетянин Энки. Так звали одного из

верховных и самого любимого бога у шумеров: Оаннес и Энки — разные имена одного персонажа.

Фактов — и мифологических, и исторических — набирается так много, что от них невозможно просто отмахнуться, как делает официальная наука. И правда, объяснить эти факты в рамках существующей научной парадигмы невозможно.

А ведь есть еще и карлики. В мифологии они также представлены необычайно широко.

В конце мая 2015 года в городской газете «Минский курьер» появилась необычная заметка, названная «Из лесу, вестимо». В ней рассказывалось о находке итальянскими журналистами в Службе лесного хозяйства досье под названием «Лесные духи и феи» с фотографиями сказочных лесных обитателей. В досье есть сообщения местных жителей и карта расселения гномов и фей по территории Тосканы и приграничной с ней зоны региона Эмилия-Романья. Очевидцы наблюдали здесь существ размером не более 25 сантиметров. «В Италии есть места, где творятся чудеса, и, согласно некоторым научным исследованиям, есть леса, имеющие свою особую форму интеллекта, духовным выражением которого являются лесные обитатели — гномы», — сказал по этому поводу руководитель пресс-службы итальянского лесного ведомства Стефано Кацоро. Вообще, в Италии и сегодня считают, что гномы действительно существуют. Они являются хранителями природы и окружающей среды.

Признаться, странная это была заметка для нашего времени, притом совершенно не соответствующая формату прагматичной газеты «Минский курьер». Однако информация, изложенная в газете, а также и в других изданиях, только на первый взгляд кажется удивительной и несовременной. Вера в существование Малого народца до сих пор характерна практически для всех регионов Земли, но особенно — для Евразии.

Германские народы называли маленьких существ *фейри*. Это обобщенное название гномов, гоблинов, фей, альвов, эльфов и т. д. — названий у них только в Европе десятки, если не сотни. Причем в одних регионах их считали падшими ангелами, в других — самыми настоящими бесами либо же духами умерших. Все фейри красивы, однако отмечены каким-нибудь уродством. Потому они всегда распознаются по телесному недостатку, особенно по форме ушей. Собственно, своей странной физиологией фейри близки к духам природы. Скажем, встреченного под видом свата или кума лесовика можно отличить по отсутствию у него тени — так полагали некогда наши предки-белорусы. Уродство фейри также нужно уметь увидеть. Обычно это перепончатые лапы, скрытые под обувью, вывернутые задом наперед ступни, носы без ноздрей, раскосые глаза. Они предпочитают одежду зеленого цвета.

Обычно фейри селятся в *холмах*. Вера, что холмы заселены Малым народцем, в Англии до сегодня совершенно неистребима. Самое удивительное, что она находит научное подтверждение.

Более десяти лет назад случилась археологическая сенсация, о которой сообщали все мировые СМИ. В 2003 году на индонезийском острове Флорес нашли останки неизвестных ранее существ, которых окрестили «хоббитами», по терминологии английского писателя Джона Р. Р. Толкиена, основоположника литературного жанра фэнтези. Несмотря на маленький объем черепа, найденные существа обладали развитым интеллектом: изготавливали орудия труда из камня и пользовались огнем. Возраст многочисленных останков варьируется в пределах от 17 до 95 тысяч лет. То есть «хоббиты» жили одновременно с homo sapiens и, возможно, не только в Индонезии.

Ведь мало кому известно, что еще в XIX веке в Шотландии, на принадлежащих ей Оркнейских островах, обнаружили странную неолитическую стоянку Скара-Брей. Все произошло случайно: в результате сильного шторма обнажился холм. Внутри него оказалось жилище, состоящее из каменной кладки с низкими дверными проемами и с маленькими кроватками. Все тут подходило

людям, рост которых не превышал один метр. В ходе тщательных раскопок, произведенных уже в XX веке, оказалось, что холм скрывал поселение, состоящее из восьми домов. Существовало оно где-то в IV—III тысячелетии до н. э. Все необходимое для жизни здесь было сделано из камня: посуда, кровати, сундуки, шкафы, причем сделано аккуратно и любовно. В каждом из жилищ имелось нечто вроде туалета, а у всего поселка — сложная система канализации, что указывает на высокую степень цивилизованности этого удивительного сообщества. Скара-Брей до сих пор считается исторической, археологической, антропологической загадкой. Но как ни удивительно, это *наиболее сохранившееся* европейское поселение эпохи неолита.

На Британских островах всегда знали о жизни Малого народца — гномов, эльфов, гоблинов — в холмах. Вход в холм можно обнаружить, если обойти вокруг него десять раз. А вообще холмы открываются в ночь на 1 ноября (на праздник Хэллоуин): тогда фейри выходят из них и путешествуют по своим тропинкам и дорожкам, раскинутым словно сетка. В эту ночь кельтского Нового года они нередко и переезжают из одних холмов в другие под звон бубенцов и звук рогов. Даже самые добродушные из фейри становятся на этом временном рубеже злыми и жестокими. Знаменитый английский писатель Вальтер Скотт, которым мы в юности зачитывались, советовал в ночь на Хэллоуин перекрестить постель, дабы уберечься от нашествия гоблинов. Именно это нашествие В. Скотт считал «Дикой охотой».

На тех холмах, где, предположительно, жили фейри, никогда не строили дома, церкви и замки, так как непонятные существа их могут перенести в другое место.

Вообще же фейри живут, скорее всего, в некоей *параллельной реальности*, о которой народ знал всегда, считая ее Волшебной Страной. Названия у этой страны были разные, например, Острова Блаженных, Гиперборея, Туле, Подсолнечное Царство, а в Англии — Авалон. Именно на Авалон (Яблочный остров) перенесла Фея Моргана тело брата — легендарного короля Артура, смертельно раненого в бою. Однако Артур не умер, так сказать, окончательно — из волшебной страны можно когда-нибудь вернуться. А вход в нее или на дне моря, или, чаще всего, именно в холмах.

Фейри замечательные мастера в изготовлении магических предметов, причем могут обучить своему искусству человека. Они же — музыканты. Всегда любили шутки, игры, праздники. И все же народ их боялся. Английский писатель Артур Мейчен писал, что предки англичан придавали гномам и эльфам чарующий и милый облик, но это — из боязни обидеть Малый народец. На самом деле люди прекрасно знали, что все выглядит совершенно иначе. Фейри уродливы и творят пакости. Особенно этим отличаются германские кобольды, живущие в шахтах и пещерах. Они устраивают обвалы и камнепады, перерезают веревки у спелеологов, насылают удушье на шахтеров. Интересно, что минерал кобальт получил свое название именно от мифологических кобальдов: чем-то он напоминал рудокопам зловредных духов. Вообще многие минералы названы по именам духов гор.

Исландский эпос повествует, что задолго до появления на Земле людей она была заселена великанами и карликами. Карлики жили под землей и ковали оружие и магические вещи для богов. Выходили они из холмов на поверхность только ночью, так как солнечный свет превращал их в камни. Карлики (альвы) жили не вечно, но очень и очень долго. Потому оказались соседями с появившимися на земной поверхности людьми. Причем некоторые их племена были враждебны людям, а некоторые — доброжелательны. Впрочем, они никогда и никому не позволяли проникнуть в свои тайны. Однако кое-какими магическими знаниями делились. Так, саамы уверены, что их шаманам способность совершать чудеса передали карлики-ульдры. Нужно сказать, что даже еще в XX веке именно лапландские (то есть саамские) волшебники считались самыми умелыми

и знающими. Саамы — народ кочевой, и иногда они слышат под землей какой-то гул — это забеспокоились ульдры. Значит, чумы саамов закрывают карликам выходы, вообще причиняют им беспокойство. Тогда люди спешно перебираются на новое место.

В Украине существ Малого народца называли милым именем *хованцы*. Выглядят они как маленькие мальчики или как цыплята. Считалось, что в хованцев через семь лет превращались выкидыши, то есть это души умерших. В Беларуси они же назывались *злыднями*. В русских сказках интересен образ Мальчика-с-пальчик. В Сибири широко распространены предания о *чуди белоглазой*, живущей под землей. Знаменитый художник и ученый Николай Рерих был уверен, что чудь прокопала туннели от Алтая до Гималаев. В Тибете карлики сторожат сокровища.

Как гиганты, так и карлики могли реально существовать: они порождены какими-то геофизическими процессами. Вероятно, человечество в результате всепланетного катаклизма вынуждено было спуститься под землю и создать там достаточно приемлемые условия для своего обитания. Вполне возможно, маленькие люди сохранили память о достижениях предыдущей цивилизации — вот откуда ремесленные умения и удивительное владение магией, которая на самом деле — древняя наука.

Археологические находки — достаточно весомый аргумент для того, чтобы признать существование карликового народца. Так, в 2004 году газета «Комсомольская правда» писала о легендах в местечке Тобольское Заболотье, где многочисленные курганы местное население приписывало неким карликам, воевавшим с серыми журавлями. Мифы неожиданно подтвердились: были найдены совсем маленькие черепа, оказавшиеся человеческими. Ученые считают их сибирскими пигмеями, названными *сибирами*. Весной они действительно воевали с журавлями, так как воровали у птиц яйца. Однако впоследствии племя вымерло, не выдержав конкуренции с нормальными людьми. Так, видимо, произошло не только в Зауралье, а во многих других местах. Если только не считать Малый народец выходцем из *параллельного мира*.

Можно привести и еще одно объяснение. В аномальных местах земли, например, над выходами руд, возможна *материализация* каких-то энергетических структур, которым человеческий мозг придает антропоморфную форму.

Проще говоря, те, кого раньше называли *духами*, существуют в действительности. Достижения современной техники позволяют еще и еще раз подтвердить древние представления наших предков, которые вовсе не были суеверными невеждами, а знали, как ни удивительно это звучит, гораздо больше нашего.

Фотографирование в инфракрасном диапазоне светового спектра дает изображение невидимых обычным зрением сущностей. Это энергетические образования, получившие название *криттеров*, что в переводе с английского означает «твари».

Вид у криттеров разный и причудливый. В основном это шары, овалы, жгуты; они могут изменять свою форму, делиться и сливаться.

Ученые полагают, что в данном случае приборы фиксируют эфирную, или *полевую* форму жизни, существующую параллельно с материальной. Отрицать существование различных физических полей, конечно, невозможно. Но вот есть ли среди них живые? Некоторые исследователи считают, что появились полевые структуры во Вселенной гораздо раньше материи и потому могли развиться до разума.

В таком случае, все аномальные явления — НЛО, привидения, полтергейст, шаровые молнии, духи — можно считать проявлениями полевой жизни. Логика их действий, поступков, движений совершенно непонятна, но это потому, что они из другого, эфирного, мира, где действуют иные, чем в нашем мире, законы природы.

Более того, отдельные романтики от науки идут дальше и полагают, что такая эфирная сущность присутствует в нас самих. Это — *душа*. После смерти

физического тела, которое для души — словно одежда (сбросить ее — пустяк), криттер продолжает существование — самостоятельное, сохраняя при этом весь запас мыслей, чувств, знаний, переживаний человека. Недаром Платон говорил, что смерть тела — *рождение* для души, так как она становится свободной.

В европейской части России, в Жигулевских горах, где Волга делает почти округлую петлю, огненные шары примерно двухметрового размера люди видят очень часто. То есть в аномальной зоне не только приборами, но даже и невооруженным глазом можно увидеть криттеров-духов.

Популяризатор науки Игорь Волознев считает, что у поверхности земли твари небольшие, однако чем выше, тем они больше. В ионосфере они уже протяженностью в десятки, сотни километров, а совсем гигантские превосходят звездные системы. В этой связи вспоминаются недавние сообщения в многочисленных СМИ о виденных с космических кораблей летящих им параллельно ангелов чрезвычайно высокого роста. Во всяком случае, неких существ, принявших вид ангелов.

Нельзя в данном случае и здесь не обратиться к мифологии, потому что уже ясно, что верования — отголоски реальных процессов, вещей и событий. Все народы мира прекрасно знали о существовании духов — бестелесных сущностей, испокон веку живущих рядом с людьми. Откуда это знание, ведь оно не связано с практическим опытом? Но знание вынуждало к определенным действиям, нередко к обороне. О жертвоприношении уже упоминалось. Мудрые китайцы носили колокольчики, подвешенные к широким полям их шляп. Мелодичный звон отгонял злых духов, а добрых, наоборот, привлекал. В традиционном китайском доме вход делался округлым — снова-таки для отпугивания злых духов, которые якобы предпочитают прямоугольные формы, а круга боятся. Вспомним бессмертного гоголевского Хому Брута, очертившего в церкви вокруг себя круг, чтобы уберечься от взглядов нечисти. Получается, что как люди духов не видят, так и они в обычных условиях — людей. Ясно — они из разных планов бытия.

В христианской, мусульманской, иудаистической традициях ангелы — тоже бесполые, невидимые существа, которые служат Единому Богу и оберегают людей.

Я собираю разные удивительные истории. Даже мои ни во что не верящие студенты рассказывали их не раз, услышав от бабушек и дедушек. В этих рассказах совсем нередка некая невидимая помощь людям — иногда в совершенно безнадежных, казалось бы, ситуациях. Ученые объясняют такие случаи действием собственного человеческого *подсознания*. Однако что такое подсознание, как не работа души! А душа — из иного мира, и она может воззвать к Богу, к ангелам, которые *мгновенно* приходят на помощь. Ведь те, кого мы называем ангелами, возможно, тоже души — наших предков, близких и далеких (по времени) родственников.

В славянской мифологии *доброжелательных* духов-покровителей называли *боженятами*. Из римской мифологии известно понятие *гения*, синонимичное греческому *даймону* (то есть демону). Первоначально гении — прародители того или иного рода, семьи, а впоследствии невидимые помощники человека, даже, скорее, его руководители на протяжении всей жизни. По Гомеру, даймон направляет человека на путь, ведущий к какому-нибудь событию, вызывает неожиданно ту или иную мысль. Эсхил считал, что вся жизнь человека подчинена влиянию даймона. Сократ утверждал, что именно его даймон диктует ему те или иные речи — голос гения он постоянно слышит внутри себя. У скандинавских народов такие духи-хранители называются *фильги*. Они всегда следуют за человеком. Потому считается невежливым быстро закрывать за собой дверь — ведь можно придавить своего хранителя. Наивное, трогательное верование... Видимыми хранители, как бы они ни назывались, становятся только перед смертью своего хозяина. И этому тоже есть подтверждения.

У славянских народов, в частности, у белорусов, культ дедов—предков был чрезвычайно глубоко разработан. Вспомним поэму Адама Мицкевича «Дзяды». В течение года как минимум четыре раза отмечались праздники, посвященные предкам. Из этих праздников до нашего времени сохранились, как наиболее популярные, весенняя Радуница и осенние Деды (Родительская суббота). Память живых потомков, оформленная ритуально, притягивает незримые сущности — духи предков. Их невидимость воспринимается совершенно нормально, то есть только так и может быть, хотя в последнее время заговорили о возможности, хотя и очень редкой, увидеть дорогих умерших с помощью приборов — в телевизоре на фоне *белого шума*, на мониторе, услышать по телефону. При всем своем цинизме, обусловленном атеистическим советским воспитанием, отрицать такое уже не берусь...

В начале XIX века адмирал Шишков, ревнитель чистоты русского языка, над которым издевался молодой Пушкин (явно зря), объяснял слово «наука» как «на ухо», то есть это идеи, взятые от кого-то, шептавшего на ухо. Но кого?

В европейской истории немало жаждущих тайных знаний людей стремились наладить связь с незримыми сущностями. Однако многие знаменитости-визионеры — реальный Фауст, Джордано Бруно, Лютер, Клейст, Ницше, Врубель, Андрей Белый — кончали, как правило, очень плохо. В большинстве случаев — сумасшествием.

Действительно, обо всем изложенном выше можно говорить и на языке психиатрии. Существует, например, синдром Кандинского. Русский врач-психиатр В. Х. Кандинский, будучи сам душевно нездоров, подробно описывал свои специфические состояния. Одно из самых характерных — подчиненность воли влиянию извне, слышанье неких беззвучных приказов. Известнейший психолог К. Г. Юнг считал это диалогом сознания и подсознания. Но вряд ли диалог — скорее игра «в одни ворота». Недаром Православная церковь предостерегает от разговоров с бесами, даже если они говорят правильные и справедливые вещи.

Существование не только ангелов, но и бесов признает христианская религия, которая разработала действенные средства защиты от злых тварей. Беда только в том, что мы далеко не всегда следуем правильным рекомендациям.

Продолжение следует.

АЛЕКСЕЙ ЗАКРУЖНЫЙ

Их раны все еще болят

С каждым годом все меньше остается очевидцев и участников тех страшных событий. Все меньше шансов у подрастающего поколения из первых уст услышать о Великой Отечественной войне. В последнее время о ней рассказывают уже те, в чьих детских душах оставила она свой след. Поэтому мы не имеем права пренебречь возможностью познакомить читателя с мнением одного из уже немногих живущих участников той войны.

Алексей Адамович Закружный — ветеран Великой Отечественной войны, воевал на 3-м Белорусском и 1-м Украинском фронтах командиром расчета противотанкового орудия и отделения артразведки. С боями прошел всю Восточную Пруссию, штурмовал Кенигсберг, освобождал Чехословакию, где был ранен. За боевые заслуги награжден орденом Отечественной войны и медалями. После демобилизации в 1956 году окончил БГУ, в 1961 году — аспирантуру Института экономики АН БССР. Кандидат экономических наук, доцент, заведовал кафедрой БГИНХ, редакцией экономики БелСЭ. Внештатный член Ученого Совета редакции газеты «Советская Белоруссия», член Международного общества по исследованию запасов.

При написании этой статьи Алексей Адамович много времени провел в библиотеках и архивах. Но это не просто исследование, за цифрами и цитатами читается взгляд, мнение, оценка изнутри. Есть в статье и воспоминания солдата, и напутствие потомкам. Возможно, кто-то посчитает этот материал наивным, старомодным, неактуальным, но... это исповедь Ветерана, его стремление поделиться с теми, чья жизнь только начинается, пережитым, выстраданным, его пожелание, чтобы внуки и правнуки жили в мире и любви.

От редакции

Накануне войны

Подготовку к войне против Советского Союза гитлеровцы начали сразу после захвата власти в Германии. Они перестроили экономику страны на военный лад, создали вооруженные силы, общая численность которых достигала 8,5 млн. человек.

Непосредственную подготовку к войне с Советским Союзом Германия начала с 1939 года — с дипломатических игр, заключения торгово-кредитных соглашений, договоров о ненападении, дружбе и границах и т. п.

19 августа 1939 года было подписано Торгово-кредитное соглашение между СССР и Германией, которое предусматривало предоставление СССР кредита в 200 млн. марок сроком на 7 лет для закупки германских товаров в течение двух лет. Соглашение также предусматривало поставку товаров из СССР Германии в течение двух лет на 180 млн. марок.

Письмо А. Гитлера И. Сталину

«1. Я искренне приветствую подписание нового германо-советского торгового соглашения как первую ступень в перестройке германо-советских отношений.

2. Заключение пакта о ненападении с Советским Союзом означает для меня определение долгосрочной политики Германии. Поэтому Германия возобновляет политическую линию, которая была выгодна обоим государствам в течение прошлых столетий. В этой ситуации имперское правительство решило действовать в полном соответствии с такими далеко идущими изменениями.

3. Я принимаю проект пакта о ненападении, который передал мне ваш министр иностранных дел господин Молотов, и считаю крайне необходимым как можно более скорое выяснение связанных с этим вопросов.

4. Я убежден, что дополнительный протокол, желаемый Советским правительством, может быть выработан в возможно короткое время, если ответственный государственный деятель Германии сможет лично прибыть в Москву для переговоров. В противном случае имперское правительство не представляет, как дополнительный протокол может быть выработан и согласован в короткое время.

5. Напряженность между Германией и Польшей стала невыносимой. Поведение Польши по отношению к великим державам таково, что кризис может разразиться в любой день. Перед лицом такой вероятности Германия в любом случае намерена защищать интересы государства всеми имеющимися в ее распоряжении средствами.

6. По моему мнению, желательно ввиду намерений обеих стран, не теряя времени, вступить в новую фазу отношений друг с другом. Поэтому я еще раз предлагаю принять моего министра иностранных дел во вторник 22 августа, самое позднее в среду 23 августа. Имперский министр иностранных дел имеет полные полномочия на составление и подписание как пакта о ненападении, так и протокола. Принимая во внимание международную ситуацию, имперский министр иностранных дел не сможет остаться в Москве более чем на один-два дня. Я буду рад получить Ваш скорый ответ.

Адольф Гитлер».

Если из письма А. Гитлера убрать ложь, то от него ничего не останется. Гитлер торопил события... к своей гибели.

И. Сталин ответил Гитлеру официально сухо.

Письмо И. Сталина А. Гитлеру

«Я благодарю Вас за письмо.

Я надеюсь, что германо-советский пакт о ненападении станет решающим поворотным пунктом в улучшении политических отношений между нашими странами.

Народам наших стран нужны мирные отношения друг с другом.

Согласие германского правительства на заключение пакта о ненападении создает фундамент для ликвидации политической напряженности и для установления мира и сотрудничества между нашими странами.

Советское правительство уполномочило меня информировать Вас, оно согласно на прибытие в Москву господина Риббентропа 23 августа.

И. Сталин».

В августе 1939 года Министр иностранных дел Германии И. Риббентроп и Нарком иностранных дел В. Молотов подписали «Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом», а также «Секретный дополнительный про-

токол к Договору о ненападении», согласно которому северная граница Литвы одновременно становилась границей сфер влияния Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению к Виленской области признавались обеими сторонами. Вопрос о независимости Польши, согласно протоколу, мог «быть окончательно выяснен» позже, по согласию сторон. СССР подчеркивал также интерес к Бессарабии, а Германия — незаинтересованность в ней.

На словах здесь все коротко и ясно. На деле, как выяснилось потом, немцы считали этот договор пустой бумажкой. Так же, как и «Договор о дружбе и границе между СССР и Германией» с секретными дополнительными протоколами к нему.

В феврале 1940 года было заключено Хозяйственное соглашение между СССР и Германией о взаимных поставках товаров, в соответствии с которым Советский Союз в течение первых 12 месяцев поставил Германии сырья и материалов на 500 млн. марок, большое количество цветных металлов, леса и других материалов.

И. Сталин пытался во что бы то ни стало оттянуть начало войны, чтобы лучше подготовить армию и страну к отпору агрессору. Для этого он готов был даже откупиться на время зерном, нефтью, рудой, платиной и другими товарами. Поэтому эшелоны со столь необходимыми нам самим стратегическими материалами шли в Германию вплоть до самого начала войны. Выкачивая их из СССР, Германия ослабляла его обороноспособность.

Нападение

Заключая договоры о ненападении и дружбе с СССР, А. Гитлер в это же время готовил план «Барбаросса»... о нападении на Советский Союз.

22 июня 1941 года фашистская Германия, нарушив договор о ненападении, вероломно напала на Советский Союз. В связи с этим в этот же день по радио выступил Народный комиссар иностранных дел В. М. Молотов. А 3 июля 1941 года с речью по радио выступил И. В. Сталин, который призвал Красную Армию и Флот, все силы народа направить на разгром врага.

Великая Отечественная война (1941—1945 гг.) — справедливая, освободительная война советского народа за свободу и независимость Родины против фашистской Германии и ее сателлитов.

Нападение Германии на Советский Союз — несправедливая, захватническая война, имевшая целью захват и порабощение советского народа.

План «Барбаросса» предусматривал полный разгром Советского Союза, физическое уничтожение или выселение коренного населения со всей территории до Урала и замену его немецкими помещиками.

Планировалось: крупными группами армий «Центр», «Север» и «Юг» нанести сокрушительные рассекающие удары в трех направлениях: Москва, Ленинград и Киев; разъединить, окружить и разбить по частям Красную Армию; захватить важнейшие политические и экономические центры, выйти на линию Волга—Архангельск и за полтора-два месяца закончить «блицкриг» (молниеносная война). Но гитлеровские «стратеги» просчитались. Война продолжалась 47 месяцев.

В начале войны в состав германских вооруженных сил входило 214 дивизий. Против СССР было сосредоточено 152 дивизии и 2 бригады численностью 5,5 млн. человек. Кроме немецких у границ Советского Союза было сконцентрировано 29 дивизий и 16 бригад союзников Германии: Румынии, Италии, Венгрии и Финляндии.

В июне 1941 года Советский Союз имел 303 дивизии и 22 бригады общей численностью 5,2 млн. человек. В западных военных округах было 166 дивизий и 9 бригад численностью 2,9 млн. человек.

Соотношение вооруженных сил Особого военного округа и группы армии «Центр» составляло, соответственно, 55 и 47 дивизий, 672 и 820 тыс. личного состава войск, 10 090 и 10 760 орудий и минометов, 2500 и 1180 танков, 1910 и 1420 боевых самолетов. Следовательно, превосходство было у немцев только в численности личного состава и количестве орудий и минометов.

Первоначальные успехи вермахта объясняются временными преимуществами, которые имелись у агрессора. Германия, длительное время готовившаяся к войне, была полностью переведена на военный лад, что позволило гитлеровцам до нападения на СССР оснастить вермахт новейшим вооружением. В ходе военных кампаний на Западе фашистская Германия захватила вооружение оккупированных стран и приобрела военный опыт.

Советское правительство предвидело возможность вооруженного нападения Германии на СССР и усиленно укрепляло обороноспособность страны. С 1939-го по июнь 1941 года вооруженные силы Советского Союза были увеличены почти в три раза, сформировано 125 новых дивизий, войска оснащались новыми видами вооружения, был разработан план обороны государственной границы, шло строительство «Линии Сталина», началась передислокация войск на запад с внутренних районов. Однако закончить перестройку и перевооружение армии не удалось. Началась война.

В первые дни войны на базе западных военных округов были созданы Северный, Северо-Западный, Западный, Юго-Западный и Южный фронты, в которые вошли войска всех западных приграничных округов страны.

Внезапный удар и стремительное наступление моторизованных частей противника нарушили управление Советскими вооруженными силами, и они вынуждены были отступать, неся тяжелые потери в людях и технике. Особенно большие потери понесла авиация. В первый день войны противником уничтожено около 900 самолетов только на аэродромах.

За первые две-три недели противник продвинулся на сотни километров, оккупировал Литву, Латвию, значительную часть Беларуси, Украины и Молдавии.

22 июня Президиум Верховного Совета издал указ о мобилизации военнообязанных 1905—1918 годов рождения и о введении военного положения в ряде республик и областей. До 1 июля было мобилизовано 5,3 млн. человек, к 1 декабря в действующую армию направлены 291 дивизия и 94 бригады.

30 июня 1941 года создан Государственный комитет обороны (ГКО), 4 июля образована Ставка Верховного Командования в составе И. Сталина (председатель), С. Буденного, К. Ворошилова, Г. Жукова, В. Молотова, С. Тимошенко, Б. Шапошникова. 19 июля И. Сталин назначен Главнокомандующим Вооруженных Сил СССР.

С первых дней войны Беларусь стала ареной жестоких боев. Здесь наступала наиболее крупная группировка вражеских армий «Центр». За первый день немецкая авиация и артиллерия уничтожили 738 самолетов и много другой техники и боеприпасов.

Упорно защищали советские войска столицу республики, но 28 июня вынуждены были оставить Минск.

Упорные сражения шли в районе Полоцка, Витебска и Могилева. Под Оршей советские войска впервые применили наводящие ужас на фашистов реактивные «катюши». Константин Симонов завещал развеять его прах на Буйничском поле под Могилевом.

Красная Армия сорвала план «молниеносной» войны, но несмотря на это, к концу августа 1941 года немецко-фашистские войска полностью оккупировали Беларусь.

Внешняя политика СССР в этот период была направлена на создание антифашистской коалиции. 12 июля 1941 года было подписано соглашение СССР и Великобритании о совместных действиях в войне против фашистской Германии, 18 июля — с правительством Чехословакии. В августе налажены контакты с правительством США. К лету 1942 года в антигитлеровской коалиции уже было 28 государств. В мае 1942 года СССР и Великобритания подписали договор

о союзе в войне против фашистской Германии и ее союзников в Европе, о сотрудничестве и взаимопомощи после войны.

В июне 1942 года подписано советско-американское соглашение «О принципах взаимной помощи в ведении войны против агрессии», достигнута договоренность о создании второго фронта в Европе в 1942 году. Однако Англия и США не выполнили обещаний. Это дало возможность Германии держать на восточном фронте большую часть своих вооруженных сил: 237 дивизий летом 1942 года, а осенью — 266 дивизий.

28 июля 1941 года издан приказ Наркома обороны № 227 «Ни шагу назад!». Этот приказ требовал «железной рукой» пресекать разговоры о том, что мы можем якобы отступать и дальше на восток, что от такого отступления не будет вреда. Предлагалось также снимать командующих армиями, командиров корпусов и дивизий, допустивших самовольный отход войск. Те же меры предлагалось применять к командирам и комиссарам полков и батальонов, оставивших без приказа боевые позиции. Этим приказом вводились штрафные роты и батальоны.

16 августа 1941 года Ставка Верховного Главнокомандования издала приказ № 270:

«ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров.

Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава.

2. Попавшим в окружение врага частям и подразделениям самоотверженно сражаться до последней возможности, беречь материальную часть как зеницу ока, пробиваться к своим по тылам вражеских войск, нанося поражение фашистским собакам.

Обязать каждого военнослужащего, независимо от его служебного положения, потребовать от вышестоящего начальника, если часть его находится в окружении, драться до последней возможности, чтобы пробиться к своим, и если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдаться ему в плен — уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи.

3. Обязать командиров и комиссаров дивизий немедля смещать с постов командиров батальонов и полков, прячущихся в щелях во время боя и боящихся руководить ходом боя на поле сражения, снижать их по должности, как самозванцев, переводить в рядовые, а при необходимости расстреливать их на месте, выдвигая на их место смелых и мужественных людей из младшего начсостава или из рядов отличившихся красноармейцев.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах и штабах.

Председатель Государственного
Комитета Обороны — И. Сталин
Зам. Председателя Государственного
Комитета Обороны — В. Молотов
Маршал Советского Союза — С. Буденный
Маршал Советского Союза — К. Ворошилов
Маршал Советского Союза — С. Тимошенко
Маршал Советского Союза — Б. Шапошников
Генерал армии — Г. Жуков».

Эти приказы отражали жестокость военного времени и сыграли большую роль в укреплении дисциплины в Красной Армии и обороноспособности страны.

Военный парад 7 ноября 1941 года

В этот день на Красной площади в Москве, «на глазах у вермахта», состоялся военный парад, который привел Гитлера в ярость. На параде выступил Главнокомандующий И. Сталин, который сказал:

«Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, рабочие и работницы, колхозники и колхозницы, работники интеллигентского труда, братья и сестры в тылу нашего врага, временно попавшие под иго немецких разбойников, наши славные партизаны и партизанки, разрушающие тылы немецких захватчиков!

От имени Советского правительства и нашей большевистской партии приветствую вас, поздравляю с 24-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции.

Товарищи! В тяжелых условиях приходится праздновать сегодня 24-ю годовщину Октябрьской революции. Вероломное нападение немецких разбойников и навязаная нам война создали угрозу для нашей страны. Мы потеряли временно ряд областей, враг очутился у ворот Ленинграда и Москвы. Враг рассчитывал на то, что после первого же удара наша армия будет рассеяна, наша страна будет поставлена на колени. Но враг жестоко просчитался. Несмотря на временные неуспехи, наша армия и наш флот геройски отбивают атаки врага на протяжении всего фронта, нанося ему тяжелый урон, а наша страна организовалась в единый лагерь, чтобы вместе с нашей армией и нашим флотом осуществить разгром немецких захватчиков.

Бывали дни, когда наша страна находилась в более тяжелом положении. Вспомните 1918 год, когда мы праздновали первую годовщину Октябрьской революции. Три четверти нашей страны находилось тогда в руках иностранных интервентов. Украина, Кавказ, Средняя Азия, Урал, Сибирь, Дальний Восток были временно потеряны нами. У нас не было союзников, не было Красной Армии — мы ее только начали создавать, — не хватало хлеба, вооружения, обмундирования. 14 государств наседали тогда на нашу землю. Но мы не унывали, не падали духом. В огне войны организовали Красную Армию и превратили нашу страну в военный лагерь. Дух великого Ленина вдохновлял нас на войну против интервентов. И что же? Мы разбили интервентов, вернули все потерянные территории и добились победы.

Теперь положение нашей страны куда лучше. Наша страна во много раз богаче и промышленностью, и продовольствием, и сырьем, чем 23 года назад. У нас есть теперь союзники, держащие вместе с нами единый фронт против немецких захватчиков. Мы имеем сочувствие и поддержку всех народов Европы, попавших под иго гитлеровской тирании. Мы имеем замечательную армию и замечательный флот, грудью отстаивающие свободу и независимость нашей Родины. У нас нет серьезной нехватки ни в продовольствии, ни в вооружении, ни в обмундировании. Вся наша страна, все народы нашей страны подпирают нашу армию, наш флот, помогая им разбить захватнические орды немецких фашистов. Наши людские резервы неисчерпаемы. Дух великого Ленина и его победоносное знамя вдохновляют нас на Отечественную войну так же, как 23 года назад. Разве можно сомневаться в том, что мы можем и должны победить немецких захватчиков? Враг не так силен, как изображают его некоторые перепуганные интеллигентики. Не так страшен черт, как его малюют. Кто может отрицать, что наша Красная Армия не раз обращала в паническое бегство хваленые немецкие войска? Если судить не по хвастливым заявлениям немецких пропагандистов, а по действительному положению Германии, нетрудно понять, что немецко-фашистские захватчики стоят перед катастрофой. В Германии теперь царят голод и обнищание, за 4 месяца войны Германия потеряла 4 с половиной миллиона солдат, Германия истекает кровью, ее людские резервы иссякают, дух возмущения овладевает не только народами Европы, подпавшими под

иго немецких захватчиков, но и самим германским народом, который не видит конца войны. Немецкие захватчики напрягают последние силы. Нет сомнения, что Германия не может выдержать долго такого напряжения. Еще несколько месяцев, еще полгода, может быть, год — и гитлеровская Германия должна лопнуть под тяжестью своих преступлений.

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, партизаны и партизанки! На вас смотрит весь мир как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят порабощенные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии! Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Димитрия Донского, Кузьмы Минина, Димитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!»[1]

С Красной площади Советские войска уходили прямо на фронт.

Оборона

Брестская крепость была первой на пути немецко-фашистской группы армий «Центр». В крепости находились части двух дивизий и подразделения пограничников. 22 июня 1941 года по тревоге часть личного состава была выведена из крепости. Силы противника превосходили в несколько раз. Немецкое командование планировало захватить крепость с ходу, применяли огнеметы, но защитники крепости сражались мужественно и упорно. В первый день боев крепость была окружена. 29—30 июня гитлеровцы начали штурм крепости. Основной состав штаба крепости погиб, гарнизон понес большие потери. Фронт ушел на восток на сотни километров, а крепость все еще не сдавалась. В начале июля часть защитников крепости вырвалась из окружения и дошла до линии фронта, часть соединилась с партизанами. Многие участники обороны Брестской крепости награждены орденами и медалями. Указом Президиума Верховного Совета ССР от 8 мая 1965 года Брестской крепости присвоено почетное звание «Крепость-герой» с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

28 июня немецко-фашистские войска заняли г. Минск.

Ленинград в плане «Барбаросса» рассматривался как один из первоочередных городов, которым во что бы то ни стало немецкие войска должны овладеть и уничтожить. Гитлер считал, что с разрушением Ленинграда будет уничтожен один из символов большевизма.

С июля 1941 года началась оборона Ленинграда. В сентябре немецко-фашистские войска окружили город. Началась военная блокада Ленинграда, которая продолжалась 900 дней и ночей.

В ноябре к Ленинграду была проложена «Дорога жизни», по которой (летом — по воде, зимой — по льду Ладожского озера), под постоянным обстрелом противника, снабжали осажденный 2,5-миллионный город и окруженные войска продовольствием, боеприпасами, горючим и т. п.

Во время блокады бойцы передовой линии обороны получали 300 г хлеба в сутки, рабочие — 250 г, служащие и дети — 125 г. В городе начались голод и массовая смертность населения.

В январе 1944 года блокада Ленинграда была разорвана.

Московская битва — самая крупная и самая ожесточенная битва, не имеющая (в то время) себе равной в Великой Отечественной и Второй мировой войне.

---

[1] Газета «Правда», 8 ноября 1941 года.

В ней участвовали миллионы человек, десятки тысяч орудий и минометов, тысячи танков и самолетов.

Враг рвался к Москве, невзирая на потери.

Операцию по захвату Москвы немецкое командование назвало «Тайфун» (Ураган). По его расчету он должен был сломать последнее сопротивление и стереть с лица земли столицу СССР.

Советское командование, в свою очередь, решило нанести главный удар по основной группировке войск «Тайфуна». Для этого привлекались войска Западного (командующий генерал армии Г. Жуков), Юго-Западного (генерал армии Н. Ватутин) и Калининского (генерал А. Еременко) фронтов.

В ходе этой битвы советские войска перешли в контрнаступление, «Тайфун» был разгромлен и похоронен миф о непобедимости немецкой армии.

За поражение под Москвой Гитлер отстранил от занимаемых постов 35 высших военных чинов, в том числе командующего сухопутными войсками Германии фельдмаршала Браухича, командующего армией «Центр» фельдмаршала Бока, командующего танковыми войсками генерала Гудериана и др.

17 июля 1944 года 57 тысяч немецких военнопленных все же прошли по улицам Москвы — под конвоем.

На Западе бытует версия, что не Красная Армия, а русская зима нанесла поражение немцам под Москвой и Сталинградом. «Нет, — отвечает Г. К. Жуков, — не дождь и не снег остановили фашистские войска под Москвой. Более чем миллионная группировка отборных гитлеровских войск разбилась о железную стойкость, мужество и героизм советских войск». Зима оказывала одинаковое влияние как на германские, так и на советские войска.

«Стоять насмерть, ни шагу назад!», «Отступать некуда, позади Москва!» — поклялись 28 Героев Советского Союза дивизии генерала И. Панфилова, погибших в битве под Москвой.

Московская битва стала коренным поворотом в ходе Великой Отечественной войны.

В 1942 году на фронтах сложилось опасное положение. Наши войска отступили на 350—450 км, оставили Донбасс. Враг захватил территорию, на которой до войны жило 42 % населения страны, добывалось 63 % угля, выплавлялось 71 % чугуна и 58 % стали. Фашистская Германия сосредоточила на советско-германском фронте самые большие силы и средства за все годы войны — около 6,2 млн. человек, 71 тыс. орудий и минометов, 6,6 тыс. танков и самоходных орудий, 3,5 тыс. самолетов, 194 боевых корабля.

22 августа враг прорвался к Волге, началась Сталинградская битва, сравнимая лишь с Московской. На защиту города, носившего имя Верховного Главнокомандующего, были брошены войска трех фронтов: Юго-Западного (командующий генерал-полковник Н. Ватутин), Сталинградского (генерал-полковник А. Еременко), Донского (генерал-полковник К. Рокоссовский), Воронежского (генерал-лейтенант Ф. Голиков). Координировали действия этих фронтов три представителя Ставки Верховного Главнокомандования генералы армии Г. Жуков, А. Василевский и маршал артиллерии Н. Воронов.

В этом сражении с двух сторон участвовало более 2 млн. человек, 2 тыс. танков, до 26 тыс. орудий и минометов. Оно продолжалось 200 дней и ночей.

19 ноября 1942 года началось контрнаступление советских войск под Сталинградом, в результате которого была окружена и взята в плен 330-тысячная группировка германских войск вместе с командующим, одним из авторов плана «Барбаросса», фельдмаршалом Паулюсом.

Сталинградская битва явилась переломом в ходе Великой Отечественной и Второй мировой войны. После поражения под Сталинградом немецкая «непобедимая» встать уже не могла. У нее была вырвана стратегическая инициатива. Красная Армия отбросила ее назад от Волги на 600—700 км.

В кровопролитных сражениях под Сталинградом враг потерял свыше 800 тыс. человек.

Чтобы вернуть себе стратегическую инициативу, летом 1943 года немецкое командование решило провести крупную наступательную операцию в районе Курского выступа (дуги).

В Курской битве (5 июля — 23 августа 1943 года) участвовали войска шести фронтов: Брянского (командующий — генерал М. Попов), Воронежского (генерал Н. Ватутин), Западного (генерал В. Соколовский), Степного (генерал И. Конев), Центрального (генерал Р. Малиновский).

В этой битве с обеих сторон участвовало более 4 млн. человек, свыше 69 тыс. орудий и минометов, 13 тыс. танков и самоходных орудий, около 12 тыс. самолетов.

В кровопролитных сражениях на Курской дуге из 50 отборных вражеских дивизий 30 были разбиты, в том числе 7 танковых, свыше 500 тыс. солдат и офицеров, 3,5 тыс. танков, более 3,7 тыс. самолетов, 3 тыс. орудий. Восполнить такие потери фашистская Германия уже не могла. Советские войска перешли в контрнаступление на всем советско-германском фронте. Началось повсеместное изгнание оккупантов с территории СССР.

Президент США Ф. Рузвельт в послании главе Советского правительства писал: «Ваши вооруженные силы своим мастерством, своим мужеством, своей самоотверженностью и своим геройством не только остановили давно замышлявшееся германское наступление, но и начали успешное контрнаступление, имеющее далеко идущие последствия».

Премьер-министр Великобритании У. Черчилль дал аналогичную оценку итогам Курской битвы, подчеркнув, что «поражение германской армии на этом фронте является вехой на пути к нашей окончательной победе».

Если битва под Сталинградом предвещала закат немецко-фашистской армии, то битва под Курском поставила ее на грань катастрофы.

28 ноября — 1 декабря 1943 года состоялась Конференция руководителей трех союзных государств — Советского Союза, США и Великобритании — в Тегеране, где была принята Декларация трех держав, в которой, в частности, сказано: «Мы, Президент Соединенных Штатов, Премьер-Министр Великобритании и Премьер Советского Союза... выражаем нашу решимость в том, что наши страны будут работать совместно как во время войны, так и в последующее мирное время...

Взаимопонимание, достигнутое нами здесь, гарантирует нам победу...

Никакая сила в мире не сможет помешать нам уничтожать германские армии на суше, их подводные лодки на море и разрушать их военные заводы с воздуха.

Наше наступление будет беспощадным и нарастающим.

Мы прибыли сюда с надеждой и решимостью. Мы уезжали отсюда действительными друзьями по духу и цели».

Освобождение

В июне 1944 года началась Белорусская освободительная операция «Багратион». Войсками трех фронтов, которые осуществили эту операцию, командовали генералы армии К. Рокоссовский и И. Баграмян, генерал-полковники И. Черняховский и Г. Захаров. Координировали действия фронтов представители Ставки, маршалы Г. Жуков и А. Василевский.

Немецко-фашистские войска в Беларуси насчитывали 63 дивизии и 3 бригады, 1 200 000 человек, более 9500 орудий и минометов, 900 танков и штурмовых орудий, около 1350 самолетов.

Для разгрома группировки противника Ставка выделила превосходящие силы: более 1 430 000 человек, около 31 тыс. орудий и минометов, 5200 танков и около 5 тысяч самолетов.

Летом 1944 была прорвана оборона противника на 500 километров, окружена и уничтожена его группировка в районе Витебска, Могилева, Бобруйска, 3 июля освобожден Минск. В Минском «котле» оказались 105 тысяч немецких солдат и офицеров.

В ходе Белорусской операции была разгромлена группа армий «Центр», освобождена вся территория республики, часть Литовской ССР и Польши, советские войска вышли к границе Восточной Пруссии[1].

На оккупированной территории фашисты создали густую сеть концлагерей: Освенцим, Тростенец, десятки других фабрик уничтожения «лишних» людей неарийской нации.

В Беларуси погибло 2 млн. 230 тыс. человек, или каждый третий.

136 деревень вместе с людьми сгорели дотла на нашей белорусской земле.

Фашистские оккупанты сожгли заживо всех жителей деревни Хатынь. От рук убийц погибло 149 человек, в том числе 76 детей.

Оккупационный режим в Беларуси отличался особой жестокостью. За годы оккупации фашисты нанесли народному хозяйству республики ущерб более чем на 100 млрд. руб.

Особенно жестоко расправлялись фашисты с родителями, женами, детьми партизан.

За годы оккупации фашисты уничтожили в Белоруссии более 2 млн. 200 тыс. мирных жителей и военнопленных; вывезли в Германию на каторжные работы около 380 тыс. человек. Но кровавый оккупационный режим не сломил волю белорусского народа. Он поднялся на всенародную партизанскую борьбу. На оккупированной территории Белоруссии действовало 199 партизанских отрядов. За три года оккупации белорусские партизаны уничтожили свыше полумиллиона оккупантов, взорвали 11 128 воинских эшелонов, 18,7 тыс. автомашин, вывели из строя 1355 танков и бронемашин, 438 орудий, 939 военных складов, 305 самолетов, разгромили 29 железнодорожных станций, 948 штабов и гарнизонов противника. Этим помогли Советской Армии ускорить освобождение от оккупантов и приблизить День Победы.

3 июля 2014 года Беларусь отпраздновала 70-летие освобождения от оккупации немецко-фашистских захватчиков.

За мужество и героизм в борьбе против врага 140 тыс. партизан и подпольщиков награждены орденами и медалями, 88 удостоены звания Героя Советского Союза.

Успешное наступление советских войск в Беларуси создало благоприятные условия для освобождения Прибалтики и Ленинграда.

Разгром немецко-фашистских войск в Беларуси вошел в историю как одна из важнейших битв Великой Отечественной и Второй мировой войны. В боях на территории республики было уничтожено свыше 380 тысяч и взято в плен 158 тысяч гитлеровских солдат, офицеров и генералов.

За освобождение Беларуси 1687 человек были удостоены звания Героя Советского Союза, в том числе 39 белорусов.

В начале 1944 года в немецкой армии было 198 дивизий и 6 бригад, а также 38 дивизий и 18 бригад ее союзников. В действующих войсках Красной Армии было 6,1 млн. человек, 88,9 тыс. орудий и минометов, 2,2 тыс. реактивных установок «катюша», около 4,9 тыс. танков и самоходных орудий, 8,5 тыс. самолетов.

Военно-политическое и стратегическое положение СССР значительно улучшилось, увеличился выпуск военной продукции. В 1944 году оборонная промышленность производила танков и самолетов в 5 раз больше, чем в 1941-м. Положение Германии, наоборот, резко ухудшилось в связи с поражениями на

---

[1] Автор в это время был командиром расчета противотанкового орудия и отделения артразведки, с боями прошел всю Восточную Пруссию, штурмовал Кенигсберг, освобождал Чехословакию.

советско-германском фронте, но враг отчаянно сопротивлялся, нужны были большие усилия, чтобы сломить его сопротивление.

В 1944 году советские войска, преследуя противника, в ряде мест перешли государственную границу СССР, чтобы «добить зверя в собственной берлоге».

Контрнаступление

В результате наступления войск на севере в июне 1944 года были разбиты финские войска. Союзник Германии — Финляндия заключила перемирие.

20 июля на Гитлера было совершено неудачное покушение: фюрер остался жив.

В августе народно-патриотические силы Румынии свергли фашистское правительство Антонеску, румынские войска присоединились к Красной Армии и начали войну против фашистских оккупантов.

В сентябре в Болгарии также произошло вооруженное восстание, и новое правительство объявило войну Германии.

В декабре 1944 года в результате Будапештской операции была окружена 180-тысячная группировка немецких войск. Правительство Венгрии объявило войну фашистской Германии.

В годы войны наши союзники — США и Англия оказывали нам существенную материально-техническую помощь (не безвозмездно) по «ленд-лизу», поставили: 18 300 самолетов, 11 900 танков, 8218 зенитных орудий, 131 600 пулеметов, 427 тыс. автомобилей, около 2 тыс. паровозов, 35,2 тыс. мотоциклов, 36,9 тыс. полевых радиостанций, 659 тыс. тонн муки, 272 тыс. тонн свиной тушенки (наши солдаты в шутку называли ее «вторым фронтом»), 77,4 тыс. тонн сухого молока, 121 тыс. тонн яичного порошка. Союзники обещали еще в 1942 году открыть второй фронт против Германии. Но под разными предлогами откладывали открытие. Только в июне 1944 года, спустя три года после начала войны, когда стало ясно, что СССР сам может разгромить фашистскую Германию, англо-американские войска высадились в Нормандии (север Франции), наконец, был открыт второй фронт в Европе.

Второй фронт, безусловно, имел значение для ускорения окончания Великой Отечественной и Второй мировой войны. Но... дорога помощь... в нужное время.

До конца 1944 года советские вооруженные силы почти полностью освободили СССР от немецко-фашистских захватчиков.

Успехи советских войск содействовали успеху Ялтинской конференции глав правительств СССР, США и Англии (4—11 февраля 1945 года), на которой были согласованы вопросы:

— окончания разгрома Германии;
— оккупации Германии и контроля над ней;
— репарации с Германии;
— конференциии Объединенных Наций;
— декларации об освобожденной Европе;
— о Польше, Югославии и др.

В марте 1945 года советские войска разбили крупную группировку немецких войск в Восточной Пруссии, Польше и вышли к реке Одер. Сжатая с востока, юга и севера Советской Армией, а с запада — войсками союзников, фашистская Германия мобилизовала последние силы, чтобы удержать оборону Берлина, но... безуспешно.

Берлинская операция (16 апреля — 8 мая 1945 года) 1-го Белорусского (Г. Жуков), 2-го Белорусского (К. Рокоссовский) и 1-го Украинского (И. Конев) фронтов является одной из крупнейших операций Великой Отечественной войны.

Для обороны Берлина немецкое командование сконцентрировало две группы армий — «Висла» и «Центр», в которых было 1 млн. человек; 85 дивизий (из них 4 танковых и 10 моторизованных), 37 отдельных полков и 98 батальонов.

Советское командование сосредоточило 19 общевойсковых, 7 танковых и 4 воздушных армии (2,5 млн. человек), 41 600 орудий и минометов, 6250 танков и самоходных артиллерийских установок, 7500 самолетов.

Превосходство над противником составляло в людях 2,5:1, артиллерии 4:1, авиации 2,3:1.

Берлинская операция имела ряд отличительных особенностей:

— войска трех фронтов нанесли одновременно шесть ударов на 300-километровом фронте и успешно осуществили окружение крупных группировок противника. Это явилось новым шагом в развитии военного искусства;

— немцы в любой момент могли прекратить сопротивление англо-американским войскам и открыть им дорогу на Берлин, чтобы не сдать его советским войскам;

— впервые в ночной атаке были применены мощные прожекторы для освещения позиций противника.

Берлинская операция привела к овладению Берлином, выходу советских войск на реку Эльба и встрече с американо-английскими войсками.

В ходе Берлинской операции было взято в плен 480 000 солдат и офицеров противника, захвачено более 1500 танков и самоходных установок, 4300 самолетов, 10 900 орудий и минометов.

Победа

30 апреля 1945 года советские войска штурмом овладели Рейхстагом и водрузили на нем Знамя Победы.

За мужество и героизм около 600 советским воинам присвоено звание Героя Советского Союза. Медалью «За взятие Берлина» награждены 1 082 000 человек. Если в Берлинской операции участвовало 2,5 млн. человек, то ясно, какую цену мы заплатили за Берлин.

Крупная группировка немецких войск в Чехословакии, которая отказалась капитулировать, пыталась уйти и сдаться в плен англо-американским войскам, была окружена и взята в плен нашими войсками.

Великая Отечественная война закончилась безоговорочной капитуляцией Германии и Нюрнбергским процессом над главными военными преступниками.

8 мая 1945 года представители германского командования подписали «Акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил».

Великая Отечественная война победоносно закончена. Советский народ и его Вооруженные силы одержали Победу, отстояли свободу и независимость своей Родины.

9 мая 1945 года с обращением к народу выступил И. В. Сталин.

На войне и параллели пересекались!

Разгромив немецко-фашистских захватчиков в кровопролитных боях в Восточной Пруссии, наша 39-я армия под командованием генерал-лейтенанта И. Людникова в начале мая 1945 года была брошена на освобождение Чехословакии, где большая группировка отборных немецких дивизий не подчинилась приказу о капитуляции, пыталась уйти и сдаться в плен англо-американцам.

Приказ Верховного Главнокомандующего И. Сталина командующему 1-м Украинским фронтом И. Коневу: окружить и взять в плен или уничтожить.

Накануне замполит батареи провел с нами беседу, рассказал, что впереди дружественная нам Чехословакия, надо вести себя достойно, что мы не завоеватели, а освободители народов Европы от фашистской чумы. Нам выдали новое обмундирование. Завтра — в бой!

После ураганной артподготовки оборона противника была прорвана, наши войска стремительно двинулись вперед. Почуяв неминуемую гибель, немцы с чувством обреченных отчаянно сопротивлялись. Нас же, казалось, никакая сила не могла остановить. Мы «на плечах противника» врывались в населенные пункты. Бывали случаи, когда мы находились в одном конце деревни, а немцы — в другом. И уже в окнах домов стояли портреты И. Сталина и Президента Чехословакии Э. Бенеша. Трудно было понять, где чехи их брали.

Население Чехословакии встречало нас тепло и радушно. Люди кричали нам: «Наздар! Наздар!» («Здравствуйте!»)

...Рано утром 5 мая 1945 года разведка доложила: «Противник уходит». Через несколько минут поступил приказ командира дивизии: «Вперед!» Дивизия построилась в колонну и двинулась вперед по шоссе, обсаженному большими тополями. Шли примерно до 7—8 часов утра. Слева от нас на расстоянии 1—1,5 км параллельно в том же направлении также двигалась колонна войск. Вдруг (неизвестно, кто первый выстрелил) между колоннами войск разгорелся жаркий кровопролитный бой из всех видов оружия.

Оказалось, что это была колонна немецких войск. Рвались снаряды и мины, били крупнокалиберные пулеметы, падали бревна тополей, гибли люди, погиб наш командир батареи — участник Сталинградской битвы, ранены десятки человек. Это только за несколько часов, только в одной нашей батарее, а в дивизионе, полку, дивизии — сотни раненых и убитых. По-видимому, и в другой колонне было не меньше жертв, потому что и мы снарядов и патронов не жалели.

...И сейчас помню, как однажды вместе с пехотой отражали контратаку немцев. Ствол орудия нагревался, становился горячим, не дотронуться, пересыхало во рту, хотелось глотка холодной воды. Тяжелораненый охрипшим голосом просит, умоляет бегущих мимо солдат: «Браток, пристрели!» Рядом лежит его винтовка, но разве у кого поднимется рука? Вздрогнешь, на миг мелькнет в голове страшная мысль, что через минуту-две сам, возможно, будешь просить об этом, и бежишь дальше.

Вспоминается и такой эпизод. Идет по полю нам навстречу группа немцев, человек пятнадцать, без оружия. От группы отделяется один человек, рыжий упитанный немец с холеной чисто выбритой физиономией, без фуражки, в солдатской шинели без погон (все это выдавало в нем офицера — полковника или генерала). Подходит к нам — моему расчету противотанкового орудия, хлопает рукой по его стволу и громко говорит: «Гут, гут!» На что мой наводчик ему отвечает: «Ты, фашист, радуешься, потому что знаешь — остался жив, а нам еще надо дойти до Берлина». И мгновенно оттянул затвор автомата. Я машинально успел крикнуть: «Нельзя пленного!» Потом наводчик долго упрекал меня за то, что я не дал ему отправить на тот свет фашиста. А я подумал, ведь, в самом деле, они уже отвоевались, а нам до Берлина еще далеко, и все ли останутся живы...

Через пару дней на обочине дороги я увидел большой щит, на котором крупными буквами было написано: «ДО БЕРЛИНА — 300 КМ» и кто-то внизу мелом дописал: «НИЧЕГО — ДОПРЕМ!»

Так мы с боями дошли почти до Праги. Наконец группировка немецких войск была окружена и взята в плен.

Уже был взят Берлин, подписан акт о безоговорочной капитуляции Германии. 9 мая Родина праздновала ПОБЕДУ. А мы еще воевали до... 12 мая 1945 года.

Цена Победы

Непомерную цену заплатили народы Советского Союза за победу над агрессором. По последним уточненным данным, людские потери составили более 27 млн. человек, из них около 12 млн. — воины Красной Армии и Флота. Разрушено 1710 городов, свыше 70 тыс. сел и деревень, уничтожено 32 тыс. промышленных предприятий, 65 тыс. км железнодорожных путей, затоплено и взорвано 1135

шахт, разграблено 427 музеев и 43 тыс. библиотек. Общий материальный ущерб достиг почти трети национального богатства страны. Это страшные цифры!

Огромные жертвы понесла и Беларусь, потерявшая около 3 миллионов жителей. Немецко-фашистские захватчики и их соучастники разрушили и сожгли 209 городов и городских поселков, 9200 деревень, уничтожили или вывезли в Германию более 10 тыс. промышленных предприятий, разграбили 7 тыс. школ. Материальный ущерб составил 75 млрд. рублей.

США и Великобритания потеряли около 780 тыс. военнослужащих.

Потери вооруженных сил Германии и ее союзников превысили 15 млн. человек.

Итогом победы стран антигитлеровской коалиции стало создание Организации Объединенных Наций (ООН) — международной организации для поддержания мира, безопасности и сотрудничества между всеми странами мира.

Великая Отечественная война была тяжелейшим испытанием и школой мужества для советского народа. Более 7 млн. человек были награждены орденами и медалями СССР, 12,7 тыс. воинов удостоены звания Героя Советского Союза.

На фронтах в Красной Армии сражалось более 1 300 000 белорусов и уроженцев Беларуси. В боях под Москвой отличились Л. М. Доватор, А. И. Лизюков, Г. А. Половченя, П. Ф. Сыченко и другие. Под Ленинградом снайпер Ф. А. Смолячков уничтожил 125 фашистов. В Сталинградской битве прославились А. Я. Ващенко, Ф. Я. Мокавецкий, А. И. Постревич, М. П. Сыдько, И. А. Сержантов и другие. В одном из боев на Курской дуге летчик А. К. Горовец сбил 9 вражеских самолетов. З. М. Туснолобова-Марченко вынесла с поля боя 128 раненых. П. И. Куприянов в бою за освобождение Латвии закрыл своим телом амбразуру дзота, что позволило подразделению выполнить боевую задачу. Наша республика дала и много прославленных военачальников, среди которых В. Е. Ананич, А. И. Антонов, А. И. Гусаковский, Е. В. Добровольский, В. П. Дрозд, С. А. Красовский, В. А. Пеньковский, М. К. Путейко, В. П. Свиридов, В. Д. Соколовский, А. Д. Терешков, И. И. Якубовский и другие. 217 генералов и адмиралов-белорусов во время войны командовали войсковыми соединениями. За героизм и мужество 300 000 воинов-белорусов и уроженцев республики награждены орденами и медалями, 441 человеку присвоено звание Героя Советского Союза, 65 человек — полные кавалеры ордена Славы. Летчику П. Я. Головачеву, командирам танковых соединений И. И. Гусаковскому, С. Ф. Шутову, И. И. Якубовскому звание Героя Советского Союза присвоено дважды.

Беларусь помнит и чтит своих освободителей. 874 воинские части награждены орденами, 747 — удостоены почетных наименований белорусских городов, свыше 100 Героев Советского Союза — звания почетных граждан белорусских городов, а командующий 65-й армией генерал П. И. Батов удостоен этого звания в 7 городах, освобожденных его армией.

Разгром фашистской Германии и ее союзников в Европе и Азии имел всемирно-историческое значение. Он спас народы Советского Союза и Европы от порабощения, привел к изменениям в мире:

— развалу колониальной системы государств;

— образованию системы социалистических стран: Народная Республика Болгария, Венгерская Народная Республика, Германская Демократическая Республика, Монгольская Народная Республика, Польская Народная Республика, Социалистическая Республика Румыния, СССР, Чехословацкая Социалистическая Республика и другие.

Указом Президиума Верховного Совета СССР учреждена медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Парад Победы

24 июня 1945 года в Москве на Красной площади состоялся Парад Победы. В нем участвовали представители войск всех фронтов Великой Отечественной

войны. Командовал Парадом Победы Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский. Принимал Парад Победы Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, который сказал:

«Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, сержанты и старшины, офицеры армии и флота, генералы и адмиралы!

Товарищи рабочие и работницы, колхозники и колхозницы, работники науки, техники и искусства, служащие советских учреждений и предприятий! Боевые друзья!

От имени и по поручению Советского правительства и Всесоюзной Коммунистической партии большевиков приветствую и поздравляю вас с великой победой над германским империализмом.

Сегодня столица нашей Родины Москва от имени Родины чествует доблестных советских воинов, одержавших эту победу. Сегодня воины-победители, питомцы сталинской военной школы, пронесут по улицам Москвы и мимо стен седого Кремля свои боевые знамена, покрытые бессмертной славой многочисленных побед.

Четыре года назад немецко-фашистские полчища по-разбойничьи напали на нашу страну. Советский народ вынужден был оставить мирный труд и взяться за оружие, чтобы отстоять честь, свободу и независимость своего Отечества. Война с фашистской Германией — этим коварным и сильным врагом — явилась для нас тяжелым и грозным испытанием. Дело шло, как указывал товарищ Сталин, о жизни и смерти советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том, быть нашим народам свободными или впасть в порабощение.

Вначале ход войны был неблагоприятным для нас. Мы терпели военные неудачи, у нас были моменты отчаянного положения. Враг подбирался к сердцу нашей Родины — Москве и готовился торжествовать победу. В то время не только враги, но и многие наши друзья за границей считали, что Красная Армия не выдержит мощного натиска немецкой военной машины. Однако наш советский народ, наша Красная Армия не падали духом. Вооруженные гениальным сталинским предвидением, вдохновляемые партией Ленина—Сталина, мы были твердо уверены в победе своего правого дела.

Отстаивая каждую пядь родной земли, проявляя в боях чудеса героизма, советские войска настойчиво учились бить врага наверняка, бить по всем правилам военной науки. И они научились этому. Отразив натиск немецких войск, Красная Армия перенесла войну на территорию Германии, наголову разгромила гитлеровскую армию и водрузила Знамя Победы над Берлином. Так подлые немецкие захватчики разделили участь всех прочих захватчиков, посягавших на нашу священную Землю. Подняв меч против нас, немцы нашли гибель от нашего меча.

Соединенными усилиями великих держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании — фашистская Германия повержена в прах. Ее чудовищная военная машина разрушена. Преступное гитлеровское правительство уничтожено. Очаг немецко-фашистской агрессии в Европе ликвидирован. Человечество избавлено от своего злейшего врага — германского фашизма.

Ныне все признают, что в достижении исторической победы над Германией Советский Союз сыграл главную, решающую роль. На протяжении трех лет Красная Армия один на один сражалась против вооруженных сил Германии и ее сателлитов. В течение всей войны основные силы немецкой армии были прикованы к советско-германскому фронту и здесь же Красной Армией были истреблены или захвачены в плен. На советско-германском фронте был растоптан авторитет германского оружия и предрешен победоносный исход войны в Европе.

Война показала не только богатырскую силу и беспримерный героизм нашей армии, но и полное превосходство нашей стратегии и тактики над стратегией и тактикой врага. В победоносном исходе Отечественной войны мы видим торжество нашей передовой военной науки»[1].

17 июля — 2 августа 1945 года состоялась Потсдамская конференция трех держав, на которой были приняты важные решения и соглашения:

---

[1] «Правда», 25 июня 1945 года.

— об учреждении Совета Министров иностранных дел;

— о политических и экономических принципах, которыми необходимо руководствоваться при обращении с Германией в начальный контрольный период;

— о репарациях с Германии;

— о передаче германского военно-морского и торгового флота;

— о городе Кенигсберге и прилегающем к нему районе;

— о военных преступниках;

— о заключении мирных договоров, допущении в ООН и другим вопросам.

Главные военные преступники XX века Гитлер и Геббельс, совершившие кровавые преступления против человечества, покончили жизнь самоубийством.

Обращение к молодежи

70 лет назад, 8 мая 1945 года, замолчали пушки.

Закончилась кровопролитная Великая Отечественная война, длившаяся 1418 дней и ночей.

Что это была за война?

Это сотни и тысячи разрушенных городов и сел.

Это десятки миллионов убитых и раненых молодых мужчин и женщин, стариков и детей.

Это море крови и слез. Это миллионы сирот без отцов и матерей.

27 миллионов человеческих жизней она отняла у советского народа и каждого третьего — у нас в республике.

Вдумайтесь в эти страшные цифры!

На войну я уходил молодым, а вернулся седым.

Мы, ветераны войны, были патриотами Родины и защищали ее всеми силами.

Мы остаемся ими сегодня и призываем вас, молодежь, следовать нашему примеру. Быть достойными наследниками боевой и трудовой славы своих дедов и бабушек, отцов и матерей, активно участвовать в экономической, политической, общественной и культурной жизни страны.

Постоянно проявлять заботу об укреплении дружбы и сотрудничества братских народов, содействовать развитию социальных и духовных связей между странами Содружества Независимых Государств и мира.

Учитесь и воспитывайте любовь к труду, отечеству, верность гражданскому долгу, настойчиво овладевайте знаниями и осваивайте передовые достижения науки.

Оберегайте честь и достоинство гражданина-патриота и преданно служите своему народу. Вы в большом долгу перед ветеранами. Будьте внимательны и уважительны к ветеранам войны. Это небольшая плата за их подвиг. Многие из них были ранены, пролили кровь, их раны все еще болят.

Дорогие наши внуки, берегите мир, помните, в ядерной войне победителей не будет, а кто останется жив, будет завидовать мертвым.

Ветераны войны выражают уверенность, что им на смену придут молодые патриоты, что они будут достойными преемниками эстафеты старшего поколения. Изучайте историю Великой Отечественной войны.

Пусть никогда и нигде не будет больше войны, пусть всегда будет мир на земле.

Были ли ошибки, просчеты и неудачи в ходе войны? Безусловно. Но не о них должна идти речь в 70-летие Победы.

Говорят, что это была Пиррова Победа, что мы заплатили за нее слишком дорогую цену. Может быть. Но это — наша «Победа — одна на всех».

И мы ее никому и никогда не отдадим. Что касается цены, то... «победителей не судят»!

«Мне важно, что я делаю сегодня»

Имя белорусской оперной певицы Оксаны Волковой на мировом музыкальном небосклоне взошло не так давно. Всего четыре-пять лет назад. И за столь короткое время среди звезд первой величины это имя заблистало ярко, притягательно, достойно.

Карьера молодой талантливой певицы расцвела буквально на наших глазах. Хотя точнее было бы сказать: расцветает. Потому что, по собственному признанию Оксаны, она еще не набрала должной высоты, ее лучшие достижения еще впереди.

Тем не менее, Оксана Волкова, несмотря на свою молодость, многое успела. Она — лучшее меццо-сопрано Белорусского оперного театра, приглашенная солистка Большого театра России и Латвийской национальной оперы. С большим успехом пела на знаменитых сценах Лондона, Мадрида, Вашингтона, Палермо, Ниццы... Но, пожалуй, вершиной ее творческих достижений является выступление во всемирно известном нью-йоркском «Метрополитен-опера». Приглашение в этот театр даже на один спектакль — для любого певца убедительное свидетельство его неординарного таланта и большой перспективы.

Оксана Волкова пела в Мет трижды. И каждый раз избалованная американская публика рукоплескала ей искренне и восторженно. А тамошние критики, обычно скупые на похвалы, не скрывали своего восхищения талантом белорусской певицы: «Оксана Волкова была прекрасна, демонстрируя отличное сочетание грудного голоса и чистого пения», «В течение всего спектакля она излучала энергию... Низкий диапазон ее голоса превосходно засиял в конце арии ее героини». Речь идет о партии Ольги в опере «Евгений Онегин» П. Чайковского.

Всего же на сегодняшний день в репертуаре Оксаны Волковой более двадцати партий в самых известных и популярных операх мира. Такие, как Кармен из одноименной оперы Ж. Бизе, Амнерис («Аида» Дж. Верди), Марина Мнишек («Борис Годунов» М. Мусоргского), Любаша («Царская невеста» Н. Римского-Корсакова), Маддалена («Риголетто» Дж. Верди), Любка («Седая легенда» Д. Смольского) и другие.

В чем же секрет молодой певицы? Этот вопрос я адресовал Михаилу Козинцу, народному артисту Беларуси, художественному руководителю и главному дирижеру Национального академического народного оркестра республики. В свое время он был ректором Белорусской академии музыки, когда там училась Оксана, и ее первые карьерные шаги начинались буквально у него на глазах. Так вот, Михаил Антонович считает, что Волкова обладает тремя важнейшими качествами. Первое — это великолепный голос, которым ее наделила матушка-природа. Второе — прекрасная сценическая внешность и органичная артистичность. И третье — потрясающая коммуникабельность, которая в музыкальном бизнесе важна не менее таланта.

Две мои встречи и продолжительные беседы с Оксаной Волковой как нельзя лучше подтвердили сказанное Маэстро. Но я бы добавил еще одно замечательное

качество Оксаны — ее высочайшую организованность и трудолюбие.

В одном из интервью она призналась: «Вы представляете, что значит спеть оперу? Это несколько часов большой физической, умственной и эмоциональной нагрузки. За спектакль мы худеем на килограмм-другой. Нужно все время быть в тренаже, чтобы голос звучал, а голова работала, как четкий механизм. Вы попробуйте выучить на иностранном языке, грубо говоря, двести страниц нот! А заодно выполнить все задачи режиссера, не ошибиться и не «развалить» партнеров, которые с тобой связаны».

Оксана Волкова не только все это умеет делать, но и делает блестяще. Свидетельством тому — любовь и признание самых искушенных, самых требовательных зрителей здесь, дома, и в странах ближнего и дальнего зарубежья. За выдающиеся творческие достижения, высокое профессиональное мастерство и заслуги в развитии национальной культуры и искусства она награждена медалью Франциска Скорины, ей присвоено почетное звание заслуженной артистки Беларуси.

Выбор пути

— Говорят, у талантливых детей должны быть и талантливые родители. Оксана, расскажите, пожалуйста, о своих родителях.

— Отец — военный, майор внутренней службы. Долгие годы работал в Министерстве внутренних дел. Чем он там занимался, папа со мной особо не делился. Ясно, что не оперативной работой занимался. Сейчас в отставке. Но он человек активный, находит себе массу занятий и дома, и на даче.

Мама — талантливый учитель математики. На пенсии, но до сих пор работает. И очень востребована. Добросовестный, честный учитель, каким и должен быть каждый педагог. Я думаю, ученикам моей мамы очень повезло. Все ее воспитанники не просто получили хорошие знания, но и многого добились в жизни.

Кстати, математика была моим самым любимым предметом в школе. Я в ней неплохо разбиралась и чувствовала себя в этой сфере достаточно свободно. И тем не менее, это был единственный предмет, по которому мне на выпускных экзаменах поставили «четверку». Из-за этого я не получила золотую медаль. Получила серебряную.

Я проплакала целый день. Это было для меня ужасной несправедливостью.

— А в чем причина этой несправедливости?

— Учительница оказалась персонифисткой. Для нее все должно быть идеальным. А у меня никогда не было идеального оформления решения задач, часто допускала какие-то незначительные ляпы. Но в целом я математику понимала, меня даже посылали на различные олимпиады.

— Любовь к математике, понятно, от мамы. А от кого голос, слух, музыкальный талант?

— У меня бабушка со стороны матери пела в хоре. Была солисткой. Я даже в чем-то на нее похожа.

Но и мама с папой обладают музыкальными способностями. Папа хорошо поет. Его любимая песня «У церкви стояла карета...». Поет неплохо поставленным баритоном.

У мамы слух тоже хороший. Но профессия учителя как-то не предполагает в жизни еще чего-либо помимо учительства. Это — тяжкий каждодневный труд. Мама всю жизнь работала на полторы-две ставки, а это значит куча тетрадей, масса рабочих планов. Плюс к этому классное руководство, которое требует различной работы с учениками, с их родителями.

— У вас есть брат, сестра?

— Сестра. Младшая. Марина. Она окончила факультет микробиологии и экологической медицины Сахаровского института. Потом уехала в Германию, окончила там аспирантуру и работает сейчас в научной лаборатории, где производят и тестируют различные лекарства.

— Видитесь, наверное, редко?

— Нет, достаточно часто. Уже в этом году я была у них несколько раз. Марина замужем, муж — белорус. Они растят очаровательную дочурку, мою племянницу, которую я очень люблю.

— Вашим родителям можно позавидовать: обе дочери — талантливы, успешны. Вас воспитывали как-то по-особенному?

— Традиционно, в строгости и любви. Но самое главное: они воспитали такое уважение к себе, что сейчас мы не имеем никаких проблем ни с общением, ни с коммуникацией.

— На ваш взгляд, какие качества вы взяли от родителей?

— Ну, наверное, вот это стремление что-то делать. Идти вперед. И еще, пожалуй, какую-то советскую правильность во всем. У меня никогда не было вопросов по поводу того, что такое хорошо и что такое плохо. Внутри все четко структурировано, и это помогает мне двигаться вперед по прямой, никуда не сворачивая... Я не помню, чтобы переживала какие-то проблемы переходного возраста, чтобы меня крутило, кидало из стороны в сторону. Не было конфликтов с родителями. Ничего подобного не было.

И потом — когда я поступила учиться в консерваторию, у меня был четкий план, что я должна делать, для чего это должна делать, какой дорогой идти. Все как-то было ясно и понятно. И в этом, я считаю, заслуга моих родителей. Хотя они мне никогда ничего не навязывали. Мама в глубине души очень хотела, чтобы я получила «нормальную» профессию. Пение она таковой не считала. Мы с ней объехали все минские институты, посмотрели, куда бы мне пойти учиться, но так конкретно и не определились.

— То есть, оканчивая школу, вы не имели представления, чем будете заниматься?

— Я не помню, чтобы меня кто-то этим вопросом грузил заранее. Требовали только, чтобы я достойно окончила школу. Хотя я с детства любила петь. Особенно песни из репертуара Аллы Пугачевой. И пела везде. Дома, во время семейных праздников, я брала в руки импровизированный микрофон и затягивала про айсберг в океане. В детском саду, перед традиционным тихим часом, я пела своим одногруппникам различные хиты того времени. Но гвоздем программы была песня про миллион алых роз.

Что касается моего оперного голоса, то о его наличии я узнала гораздо позже. А тогда, в детском и подростковом возрасте, я слышала по телевидению арии из опер и старалась им подражать. Соседей такое мое «пение» раздражало, особенно когда я еще подыгрывала себе на фортепиано. Они стучали в стенку, но меня это мало смущало — уж очень хотелось петь.

Наверное, видя этот мой интерес к вокалу, родители и решили отдать меня в школу с музыкальным уклоном. За что я им сегодня очень благодарна, потому что именно в этой школе моя любовь к пению сформировалась окончательно.

Но я понимала, что поступить в консерваторию сразу после школы, без музыкального училища, нереально. Однако после того, как мы с мамой так и не определились с выбором профессии, я решила все же попробовать. В числе трех девочек из нашей школы сходила на консультацию в консерваторию. Нас прослушали, и мне сказали, что я им понравилась.

Вот тут-то у меня и появилась надежда. Я воспряла духом, распрямила плечи. Правда, потом уже, когда пришла на экзамены и посмотрела, сколько оказалось желающих на единственных пять мест, а для моего голоса и того меньше — всего два места, вот тут мне стало немного не по себе.

Я спела экзамен и села в зале слушать соперниц. Все пели настолько прекрасно, что появившаяся было у меня надежда куда-то бесследно исчезла. Я сидела, а слезы тихонько катились по лицу. Думала: ну, все. Зачем я вообще сюда поступала? Надо готовиться в другой институт.

А потом, когда объявили оценки, оказалось, что меня приняли.

— Прослушивали только пение?

— Нет, экзамен на подготовительное отделение включал в себя специальность, то есть пение, и творческое испытание — надо было станцевать, что-то рассказать, выдержать вопросы на эрудицию. Слава Богу, я все это успешно прошла, и моя мечта — учиться петь профессионально — осуществилась.

Ступени роста

— Насколько я знаю, уже на третьем курсе вас пригласили в оперный театр. Кто этому содействовал? Говорят, что сам маэстро Анисимов вас поддержал?

— Никто мне не содействовал. Я сама узнала, что ситуация в театре с меццо-сопрано немножко шаткая — ведущая солистка уехала в Испанию и осталась там жить, а еще одна певица собиралась уходить в декретный отпуск. Я этот момент просчитала — сказалась моя любовь к математике *(смеется),* и своего педагога Лидию Ивановну Галушкину давай теребить: «Пойдемте в театр!» Она: «Какой театр? Ты на третьем курсе. Самое начало. Два года на подготовительном и всего второй год реальной учебы...» — «Лидия Ивановна, давайте сходим. Это же — шанс!» — «Ладно», — махнула она рукой. Позвонила в театр и попросила, чтобы меня прослушали.

В назначенный день я пришла на прослушивание. Кроме меня была еще одна девушка, кажется, из филармонии. Заходит комиссия. Я тогда еще не знала никого в театре. Знала только Анисимова, главного дирижера. Но лично никогда с ним не встречалась, не знакомилась.

И вот заходит комиссия, строгая такая, неулыбчивая, рассаживается по своим местам. Я пою одну арию, другую. Потом просят начать третью. Спела и вышла. В коридоре слышно было, как поет моя конкурентка. У нее был такой красивый, громкий голос, что я расстроилась. Говорю: «Пойдемте, Лидия Ивановна. Все ясно». — «Ничего еще не ясно, — говорит она. — Подождем результата».

Началось обсуждение. Долго мы сидели в коридоре, ждали. Наконец открывается дверь, члены комиссии выходят и начинают поздравлять Лидию Ивановну. А мне говорят: «У вас через месяц спектакль «Евгений Онегин». Немедленно начинайте подготовку».

А что касается Анисимова, то уже потом мне рассказали, что на обсуждении голоса разделились. И вот здесь маэстро сказал: «Я вижу в этой девушке перспективу...» Решение было принято в мою пользу.

Меня тут же ввели в спектакль «Борис Годунов». Я спела партию царевича Федора.

— Мужскую роль?

— Да. Меццо-сопрано поет мальчуковые, подростковые партии. Скажем, партию Керубино в «Свадьбе Фигаро», Зибеля в «Фаусте»...

Так вот, в театре меня как-то сразу взяли в работу. Одна партия за другой. Пусть и не главные, но все же... Я начала набирать форму.

— А как же с учебой?

— Ой, я к тому времени уже зарекомендовала себя хорошей студенткой. Кроме того, я учитывала все возможные нюансы. Если знала, что этот педагог слишком строг, — переводилась к другому, с которым можно было найти какой-то компромисс. Мне кажется, что это тоже нужно уметь — просчитывать ситуацию. Я и консерваторию окончила с красным дипломом не потому, что очень сильно зубрила. Просто грамотно распределяла силы и время, понимала, где, в какой момент надо было здесь, а где — там. Уметь лавировать, в хорошем смысле этого слова.

— Мне тоже кажется, что это вполне разумный подход.

— Я вам расскажу, как сдавала экзамены по итальянскому языку. У нас была суперпреподаватель. По студенческой привычке мы пробовали сачковать. Но у нее это сделать было невозможно. Пока не сдашь вот это, вот это и вот это — какие бы у тебя заслуги ни были, — ничего не помогало. Требовались знания и только знания. Я со скрипом в году натянула на «четверку». И вот выпускной экзамен. Чтобы получить красный диплом, мне нужна была «пятерка». Я села, спокойно, тщательно проанализировала процесс экзамена и поняла, как его необходимо сдавать. Логически выстроила будущие ответы. И преподаватель была удивлена: «Я не ожидала, что ты так хорошо сдашь».

— Оксана, у вас педагогом была Лидия Галушкина. Тоже очень строгий, непростой человек. Как складывались ваши творческие отношения? Правда ли, что, послушав вас, она будто бы заявила: «Голос твой мне не нравится. Бестембровая певица...»?

— Да, поначалу она меня не восприняла. Было очень обидно. Я уже чувствовала себя почти Марией Каллас, а мне тут такое говорят... Но, поразмыслив, поняла, что Лидия Ивановна права. Хочу сказать, что я ее очень любила и всегда поддерживала, потому что она — человек честный, откровенный. Всю правду-матку говорит в лицо. Многие у нас из-за этого не поддерживали с Лидией Ивановной отношения. А я считала ее очень близким человеком.

— И как вы искали свой тембр?

— Мне было тогда семнадцать лет. Конечно, происходили какие-то переходные изменения. Школу-то мы приобретаем, голос выстраиваем, а тембр... Не все так просто: открой рот и пой.

Я опять-таки стала думать: что мне делать? Где искать свой тембр? Искать ту точку, где голос начинает окрашиваться. Она же у меня была, ее только нужно было найти.

Долго ничего не получалось. Помню, однажды мыла посуду и тихонько варьировала голосом, нащупывала эту точку, эту заветную кнопочку. И вдруг — раз! — и кнопочка нашлась, тембр появился! Таким образом, на следующий год я пришла заниматься уже с тембром.

— Вернемся в оперный театр. Ведь вы пришли туда совсем юной. Сколько вам тогда было?

— Двадцать два.

— И уже сразу доверили одну из главных партий в «Евгении Онегине» — партию Ольги. Не вызвало ли это со стороны коллег зависти, недоброжелательства? Творческие коллективы, как правило, сложные коллективы.

— К счастью, ничего подобного я не ощутила. Напротив, коллеги оказывали всяческую помощь, поддержку. А для человека, который делает свои первые шаги на профессиональной сцене, это очень важно. Да и руководство театра — директор, композитор Сергей Кортес, художественный руководитель Маргарита Изворска-Елизарьева, главный дирижер Александр Анисимов — проявили ко мне должное внимание и заботу.

Возможно, поэтому, дебютировав в «Евгении Онегине» Чайковского, в последующие годы я исполнила в театре партию Кармен в одноименной опере Бизе, Амнерис в опере «Аида» Верди, Марфы в опере «Хованщина» Мусоргского, Любаши в опере «Царская невеста» Римского-Корсакова, Марины Мнишек в опере «Борис Годунов» Мусоргского, Полины в опере «Пиковая дама» Чайковского и ряд других.

— И каждая из этих партий приносила вам новый успех, ваше имя обретало популярность, признание. Минский зритель стал ходить в театр на Оксану Волкову. И вдруг неожиданно — во всяком случае, для публики — вы оказываетесь в Москве. Как и почему это произошло?

— Нет, для меня это не было неожиданностью. Понимаете, чтобы профессионально расти, певец не должен вариться в собственном соку. Он обязан постоянно учиться, совершенствовать свое мастерство. Поэтому я всегда стремилась и стремлюсь до сих пор участвовать в различных конкурсах, кастингах, прослушиваниях. Это очень полезное занятие. Оно дает возможность сравнить себя с другими, известными певцами, многому у них поучиться.

Так вот, будучи однажды на конкурсе у Пласидо Доминго, я узнала у своего коллеги, что Большой театр в Москве объявил специальную Молодежную оперную программу для молодых талантливых певцов и приглашает на прослушивание всех желающих из стран СНГ. И дал мне адрес сайта: «Зайди, почитай условия, может, тебе это будет интересно». Я почитала и тут же отправила заявку.

На прослушивание явилось около четырехсот человек. А отобрать необходимо было всего десять. Среди счастливчиков оказалась и я.

— Вас отпустили с миром?

— Да. Во-первых, за эти годы в театре уже сформировалась довольно сильная группа меццо-сопрано, и меня несложно было заменить. И во-вторых, как я уже говорила, в руководстве театра оказались умные люди, которые хорошо понимали, что мне нужно совершенствоваться, обретать международный опыт. Поэтому и благословили на учебу в Москве.

— И в чем заключалась ваша учеба в Большом?

— С нами занимались ведущие дирижеры страны. Лучшие певцы давали мастер-классы. Под руководством замечательного вокального педагога Дмитрия Вдовина мы занимались шлифовкой и корректировкой голоса, поиском своего стиля, повышением актерского мастерства. Кстати, с Вдовиным я поддерживаю отношения и сейчас, и не только профессиональные, но и чисто человеческие. Часто советуюсь с ним по поводу того, как мне поступить в той или иной ситуации.

— После окончания Молодежной программы вас пригласили в Большой театр России?

— Нет, на сцене этого прославленного театра я дебютировала еще во время учебы, в партии Отрока в опере Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии». И после успешного дебюта меня зачисли в штат. Я спела там несколько главных партий, в том числе Кармен, Любаши, Ольги.

— А что же случилось, почему вы ушли из Большого?

— Я ушла только из состава штатных работников, но осталась приглашенной солисткой. Почему ушла? Вы помните, в те годы в Большом сменилось руководство и начались различные неурядицы. Мне не хотелось во всем этом участвовать. А главное — у меня наметились новые перспективы.

— Вы имеете в виду приглашение в «Метрополитен-опера»?

— Да. Возможность петь на сцене этого уникального, знаменитого во всем мире театра означала новый качественный шаг вперед.

Рядом со звездами

— Давайте поговорим об этом подробнее. Вы — первая белорусская певица, которой выпала честь выступить на сцене всемирно известного Мет. И произошло это, если я не ошибаюсь, два года назад.

— Да, в феврале тринадцатого. Я получила тогда контракт на участие в постановке «Риголетто».

— И это был ваш первый приезд в Нью-Йорк?

— Второй. А в первый раз я приезжала сюда немного раньше — подстраховать Кармен. По правде говоря, поначалу от этого приглашения я хотела отказаться. Но мой педагог удивился: «Ты что, с ума сошла? Быстренько собирайся и езжай, потому что в другой раз могут и не пригласить».

Я поехала и не пожалела. Со мной от начала и до конца сделали роль, очень плодотворно поработали педагог по вокалу, коуч — преподаватель французского языка. А самое главное — меня посмотрели в деле: как я пою, как реагирую на замечания, какая в общении. Для меня все это оказалось весьма интересным и полезным. Поэтому, работая в «Риголетто», мне было уже немного проще.

— Оксана, а как вообще состоялось ваше приглашение в Мет? Это было волей случая? Невероятным везением? Или вполне закономерным явлением?

— Насчет закономерности не знаю, но вот то, что это не было случайностью, — факт. Глупо сидеть и надеяться, что тебя случайно кто-то услышит и пригласит в известный театр. Я, как и многие мои коллеги, много езжу на прослушивания. Это давно сложившаяся международная система отбора. Вот на одном из таких прослушиваний меня и заприметил представитель Мет. Потом они присматривались ко мне еще какое-то время. Приезжали специально в Москву на спектакль «Царская невеста», где я пела Любашу. А на следующий день эксперт Мет слушал меня в классе, я спела несколько арий. И только после этого получила контракт.

— Как вам работалось над ролью Маддалены? Вас не шокировало то, что режиссер спектакля Майкл Майер решил перенести место действия «Риголетто» из Мантуи шестнадцатого века в Лас-Вегас шестидесятых годов прошлого столетия?

— Нет, не шокировало. Напротив, концепция спектакля мне очень понравилась. Я вообще сторонница новых прочтений классики. У Майкла получился очень стильный, яркий спектакль, участвовать в котором было одно удовольствие.

— Вашими партнерами на сцене были оперные звезды первой величины: партию Риголетто исполнял серб Желько Лучич, Герцога — поляк Петр Бечала, Спарафучиле — словак Стефан Кочан. А в роли Джильды — прима мировой оперы, немецкая певица Диана Дамрау... Их присутствие рядом вас не смущало?

— Напротив, невероятно вдохновляло. Мне несказанно повезло работать с этими выдающимися певцами и замечательными людьми. Вся постановка спектакля проходила в очень дружественной и приятной атмосфере, с шутками, с перерывами на кофе и общение.

— Спектакль «Риголетто» местная пресса назвала событием в культурной жизни Америки. Его даже транслировали в режиме он-лайн в кинотеатры многих стран. У исполнителей это вызывало дополнительное волнение?

— У меня, например, была некоторая нервозность. Боялась заболеть. Но все обошлось.

— Более того, ваш дебют в «Метрополитен-опера» специалисты назвали весьма успешным. После этого приглашение вас на роль Ольги в опере «Евгений Онегин» было уже делом чисто формальным?

— Я так не думаю. Да, мне повезло, что я попала в эту постановку. Но формальным это не назовешь. Я хорошо потрудилась: летала на прослушивание в Нью-Йорк, потом к Гергиеву, дирижеру этого спектакля, в Питер и Москву. Видеоролик с записью моих спектаклей посылала режиссеру. Так что я прошла достаточно жесткий кастинг.

— Поэму Пушкина «Евгений Онегин» критики по праву называли энциклопедией русской жизни. Очень много русского духа присутствует и в музыке Чайковского. Удалось ли эти национальные особенности воплотить в спектакле американскому постановщику?

— На мой взгляд, режиссер Дебора Уорнер постаралась максимально приблизиться к русской жизни начала девятнадцатого века. Этому содействовало и то, что ведущие партии исполняли певцы из славянских стран — Анна Нетребко, Петр Бечала, Мариуш Квечень, а за дирижерским пультом был, как я уже сказала, маэстро Гергиев.

— **Гергиев вносил какие-либо корректировки в режиссуру спектакля?**

— Нет. Да в этом и не было необходимости. Он лишь после генеральной репетиции провел одну общую встречу с исполнителями и высказал нам небольшие пожелания.

— Ваша Ольга на американской сцене чем-то отличалась от той, которую видела минская и московская публика?

— Принципиально ничем. Разве что более быстрым темпом исполнения. Я буквально носилась по сцене. Наивность, неопытность, легкомыслие, детскость — все эти черты своей героини я постаралась максимально раскрыть. И очень рада, что публике, журналистам мой образ понравился.

— А как вам работалось в дуэте с Анной Нетребко? В приме не чувствовалось звездности?

— О чем вы говорите! Анна — прекрасная женщина: добрая, щедрая, умная. Ни грамма высокомерия, ни намека на звездность. Мы много общались, можно сказать, подружились. У нас обеих маленькие сыновья, и оба были рядом с нами в Нью-Йорке. Анна принесла для моего Арсена кучу различных подарков. А в день премьеры предложила объединить наших детей и уложить спать под присмотром ее няни. Вот такой она человек.

А что касается ее вокальных, артистических данных, то это — высочайший мировой уровень. Нетребко в партии Татьяны была неподражаема. Она очень выразительна, тонко чувствует русскую музыку. Все ее арии — настоящие шедевры. Такого исполнения я никогда не слышала.

— Оксана, вы работали в разных театрах. «Метрополитен-опера» выделяется среди них чем-то особенным, уникальным?

— Мне не хотелось бы сравнивать Мет с другими театрами. В каждой стране свои музыкальные традиции, свои подходы к постановке оперных спектаклей. И я с большим уважением ко всему этому отношусь.

Чем уникален «Метрополитен-опера»? Прежде всего тем, что это — театр звезд, как его называют. В главных ролях вы редко встретите незнакомое имя. А если и встретите, значит, это будущая звезда.

Мет имеет возможность приглашать самых лучших певцов со всего мира. И все мы работаем на равных, ходим одними и теми же коридорами, сидим за чашкой кофе в одном и том же кафе. Атмосфера общения здесь удивительная — доброжелательная, искренняя, душевная.

В «Метрополитен» мне импонирует четкая организация всего процесса, начиная от подбора парика, костюма, времени работы и отдыха. Что касается

отдыха, то между спектаклями здесь, как правило, четыре свободных дня. Для гигиены голоса это прекрасно. Так работают далеко не везде. И когда поешь каждый день, или даже через день, восстановиться очень трудно, не успеваешь.

Что еще? Один и тот же спектакль идет подряд семь-восемь раз. И это тоже очень ценно. Потому что на протяжении определенного времени, как правило, почти месяц, находишься в одном материале и ни на что другое не отвлекаешься.

В этом главное отличие антрепризного, контрактного театра, каким является Мет, от репертуарного. В репертуарном театре бывает, например, что утром нужно репетировать одну оперу, а вечером — другую. В этом есть свои плюсы — певец постоянно занят, у него не болит голова, где он будет петь завтра, послезавтра. Но есть и свои минусы — уверенность в завтрашнем дне нередко размагничивает человека. В контрактном же театре певцы работают над собой, как спортсмены, ежедневно. От каждого выступления зависит твое дальнейшее будущее. Стоит допустить одну ошибку, другую — и третьего шанса уже может не быть.

Розы и шипы

— Оксана, хочу задать вам, возможно, дилетантский вопрос. Вы пели с различными оркестрами под управлением различных дирижеров. Скажите, пожалуйста, вы ощущали разницу? И с каким оркестром вам пелось комфортнее всего?

— На самом деле, вопрос не дилетантский, а весьма важный. Конечно же, разница между оркестрами есть. Скажем, если взять оперный оркестр и оркестр симфонический, то между ними разница существенная. Симфонический оркестр не так часто аккомпанирует оперным певцам. В большинстве своем он работает под какой-нибудь проект. И практически всегда возникает вопрос баланса голоса и оркестра. Это один из сложных моментов, который, к сожалению, не всегда удается разрешить положительно.

Ну и конечно, дирижер — главный руководитель всего этого процесса. Если дирижер талантливый — он хорошо слышит и оркестр, и певца, и соблюдает, а можно сказать, и создает тот баланс, о котором я говорила. От него зависит, насколько оркестр играет музыкально, грамотно.

— В Минске накануне Нового года вы пели под аккомпанемент Национального академического народного оркестра имени Жиновича. Разница есть?

— Ну конечно. Огромная. Если честно, я не люблю петь под оркестры народных инструментов. Оперная программа должна все же исполняться под оркестр симфонический. А вот романсы, песни, одним словом, все, что изначально написано для народного оркестра, то и должно им исполняться. Это мое личное мнение. Все эти переложения я не приветствую. Но в силу различных обстоятельств мы, оперные певцы, должны исполнять и то, и другое.

— Сейчас в современном театре, и оперном в том числе, наметилась отчетливая тенденция — новое прочтение классики. Одним это удается хорошо, другим — не очень. Как вы относитесь к таким экспериментам?

— В целом положительно. Но судить, плохо это или хорошо, нужно в каждом конкретном случае. Вот мы говорили об опере «Риголетто», где режиссер осовременил постановку, перенеся действие во времена более близкие, более знакомые нам. И получилось отлично.

Или возьмем такой пример. «Кармен» — самая, наверное, часто исполняемая опера в мире. Одна из самых популярных. И конечно, режиссеры стараются привнести в постановку что-то новое, что-то свое: меняют эпохи, меняют взаимоотношения, порой меняют все. И для меня лично очень интересно работать именно

в таких постановках, которые отличаются новаторством решений, преодолевают традиционные подходы.

К сожалению, некоторые режиссеры в попытке самовыразиться уходят от оригинала так далеко, что от него уже почти ничего не остается. Все ставится с ног на голову. Такой, с позволения сказать, спектакль невозможно ни смотреть, ни слушать. Поэтому все зависит от чувства меры и эстетического вкуса постановщика. Вообще, на мой взгляд, основным критерием должно являться то, насколько талантливо или бездарно сделан спектакль.

— Насколько оперный певец зависит от воли, диктата режиссера?

— Вы знаете, режиссеры бывают совершенно разные. Один лишь намечает общую канву действий персонажей спектакля, предлагает контурный рисунок образа, не опускаясь до деталей и мелочей, тем самым давая исполнителю простор для творчества, инициативы. Другой, напротив, требует выполнения всех его указаний, вплоть до движения мизинцем, чтобы все было так, как он задумал. Но тогда такой режиссер должен продумать все настолько тщательно и детально, что певцу остается только скрупулезно следовать его установкам и пожеланиям. Такой режиссер, как правило, приходит на репетицию хорошо подготовленным и знает каждую секунду музыки, знает, что делает на сцене тот или иной персонаж. Причем такая подготовка исключает поиск постановочных решений в процессе репетиций, путем проб и ошибок. Тем более, этот поиск не должен зависеть от настроения: вчера, мол, виделось мне все в мрачном свете, а сегодня давайте будем пробовать по-другому, более оптимистично.

Я вообще не люблю по ходу репетиций придумывать что-то с режиссером. Для этого требуется много времени. А когда собирается международная команда (а это все люди востребованные), ни у кого нет лишнего времени. Спектакль необходимо сделать за месяц. И этого времени абсолютно достаточно, если режиссер точно знает, что у него делает хор, что делает солист, какие движения, взаимодействия у остальных персонажей. Когда же режиссер не подготовлен, он начинает много лить воды: что у тебя внутри, что у тебя снаружи, а по ходу дела не может даже географию развести. Всякое бывает...

— Говорят, в зарубежной опере большую роль играет директор театра?

— Да, это правда. Поскольку, как мы говорили, за рубежом нигде нет постоянной труппы, на каждый спектакль исполнители набираются в результате кастинга и на контрактной основе. И конечное решение всегда за директором театра. Он смотрит тех, кого приглашают, решает, сколько певцов могут спеть главную роль, выбирает того, кто ему более симпатичен, кто, по его мнению, способен сделать эту роль. В иных случаях в этом процессе участвуют и режиссер, и дирижер.

Такая система подбора исполнителей достаточно жесткая. Каждому певцу приходится за свою роль бороться, проходить кастинги, прослушивания. Но зато она никому не дает возможности расслабляться. Ни дирижерам, ни режиссерам, ни певцам. Все находятся в таком немножко нервном тонусе. Конкуренция очень большая, и конечно, каждый постоянно и напряженно работает над собой, чтобы быть лучшим, иметь работу.

— Хорошо это или плохо? Я почему спрашиваю. В одном из интервью солист нашего оперного театра (не будем называть его имя) высказал мнение, будто бы у нас из-за отсутствия серьезной конкуренции планка профессионального мастерства занижена.

— Я не понимаю, что значит «планка занижена»? Это он считает, что у нас низкий исполнительский уровень? Нет, я так не считаю. Может быть, я соглашусь лишь с тем, что занижены требования к музыкантам. Такой момент есть. В оркестре действительно особой конкуренции не наблюдается. Но это проблема любого штатного, репертуарного театра. У нас не надо бороться за место под солнцем. Все мы находимся в достаточно комфортных, я бы даже сказала, тепличных условиях. По этой причине иногда начинаем подлениваться. Зачем напрягаться? У нас и так все хорошо.

Другой момент. В стационарном театре есть группа сопрано, меццо-сопрано и так далее. И уже сложилась какая-то иерархия: этот — народный артист, этот — заслуженный, этот — лауреат международных конкурсов. И как-то неудобно сказать народному или заслуженному, что он сегодня плохо спел.

— Вот почему тот же солист считает, что спектакли нужно обязательно коллективно обсуждать. У нас же, мол, такая практика почему-то не принята.

— Не могу с этим согласиться. Мы спектакли обсуждаем. Есть специальный художественный совет, в который входит большое количество людей — профессионалов, специалистов своего дела. И дирижеры, и режиссеры, и певцы. И этот совет всегда обсуждает премьеры, знаковые спектакли.

Но коллективно обсуждать каждый спектакль мне представляется нецелесообразным. Это же сколько понадобится для этого времени? Некогда будет не только работать, но и жить. А ведь у каждого из нас есть свои семьи, свои заботы.

Конечно, обсуждать надо. Вопрос в том, кто это будет делать. Если я не участвую в спектакле, то я не знаю его изнутри. И мое мнение будет не очень профессиональным. Поэтому контроль должен быть прежде всего со стороны руководителя спектакля, дирижера.

— Еще бытует мнение, что минская публика недостаточно требовательная. Причина, мол, в дилетантстве. Людей, которые разбираются в оперном искусстве, горстка, и они не могут сделать погоду в зрительном зале.

— Когда я пою, я этого не чувствую. А когда присутствую в зале, то удивляюсь тому, что публика даже не очень удачный спектакль принимает хорошо. Зрители у нас спокойные, добрые. Наверное, наша внутренняя культура не позволяет слишком эмоционально, открыто выражать свои чувства. Как это делают, например, в Италии. Там каждый раз, когда выходишь на поклон, волнуешься, ибо трудно предугадать реакцию публики: из-за одной неправильно взятой ноты тебя могут освистать.

— В прошлом году вы нашли возможность принять участие в международном фестивале старинной и современной камерной музыки, который проходил в Полоцке. Есть ли разница между столичной и так называемой провинциальной публикой?

— Нет, я не почувствовала разницы. Во-первых, я исполняла музыку барокко. Это совершенно другой пласт музыки, восприятие которой предполагает у слушателей иные эмоции, иные отношения. Когда люди приходят в театр, то им хочется каких-то действий, ярких чувств, и мы на сцене пытаемся это донести. Музыка же барокко немного отстраненная. Это обращение к Богу. И конечно, публика там не будет вести себя, как в театре, она не будет скандировать, топать, тем более свистеть. Во-вторых, на такие концерты собирается публика не случайная, приходят меломаны.

— Кроме Полоцка вы еще в каких-нибудь райцентрах выступали?

— В последнее время — нет. Кроме занятости в театре у меня есть еще ряд зарубежных проектов. Вот, в ближайшее время еду в Индию, затем — в Китай, возможно, снова в Нью-Йорк. Также запланированы гастроли нашего театра в одном из областных центров — будем давать спектакль «Евгений Онегин».

— Оксана, в свое время у вас в Мирском замке состоялась премьера сольного концерта «Опера-модерн». Концерт имел огромный успех. Будет ли продолжение этого проекта?

— Нет, продолжения не будет. Это была моя личная инициатива. В театре в то время проводился капитальный ремонт, и у меня появилось свободное время. Мой муж предложил мне попробовать себя в стиле classical cross over — очень интересном и перспективном направлении музыки в мире. Иными словами, это опера в современной обработке. В отличие от классического варианта, такая музыка привлекает своей понятностью и доступностью.

И мне это очень нравилось. Хотя на самом деле проект отнимал массу времени. Чтобы его продолжать, надо было все бросить и заниматься только этим. Искать авторов, писать аранжировки. Да и без помощи театра нельзя обойтись, потому что нужен живой симфонический оркестр, а это для театра дополнительная головная боль.

— А если такие концерты проводить в самом театре?

— Мы думали об этом. Но опять-таки, режиссуру концерта делать надо? Надо. Музыкальный материал обновлять надо? Надо. Кроме того, не так просто найти свободное окошко в плотном репертуарном графике. Нужно очень много всего вложить, чтобы в конце концов получился концерт. Все это организовывать для меня оказалось весьма сложно. К тому же, образовался острый дефицит времени. Поэтому, к великому моему сожалению, от проекта пришлось отказаться.

Притягательность вершин

— Общеизвестная истина: хорошо поют многие, но в яркие звезды пробиваются единицы. Что для этого, по вашему мнению, нужно?

— Я, например, не считаю, что уже пробилась в звезды, поэтому вряд ли могу раздавать советы. Я сама еще и половины не сделала из того, что могла бы сделать.

— У вас все впереди.

— Сейчас опера очень помолодела. Уже в сорок лет ты должна быть либо звездой, то есть певицей высокого класса, либо ты свое положение уже не изменишь. Поэтому я считаю, что времени у меня осталось немного. Если я за пять лет не сделаю какой-то качественный рывок, то рискую остаться во втором эшелоне.

Конечно, для Беларуси, для мировой оперной тусовки я нахожусь сейчас в хорошем рейтинговом положении. Но мне этого недостаточно. Я хочу большего.

— Чувствуете, что есть еще нереализованный потенциал? Так что же нужно, чтобы его реализовать?

— Нужна огромная работа над собой, чтобы быть готовым к любому неожиданному предложению. Вдруг скажут: ты должна завтра спеть Кармен в «Метрополитен-опера». И нужно быть абсолютно к этому подготовленной, абсолютно уверенной, что у тебя идеальный французский язык, прекрасная физическая форма и ты сможешь вокально и актерски сделать эту роль.

Таким образом, первая составляющая — это профессионализм. Но этого мало. Должна быть команда менеджеров, которая будет тобой заниматься.

Я понимаю, что моя форма сейчас где-то приближается к хорошей. Но в то же время почему-то не получается сделать шаг дальше, вперед. Вот, скажем, у меня сейчас в мировых, топовых театрах выступления есть. Но это не главные роли. Для того чтобы перейти на главные роли, должны быть какие-то условия. Все-таки Беларусь не оперная страна. Мы находимся в достаточно большой изоляции. Даже в России воспитываются единицы певцов высокого класса.

Та же Анна Нетребко — она ведь живет в Австрии. И даже она не сразу проснулась знаменитой. За ее успехом стоит огромнейший труд. Это только кажется, что вот Нетребко вышла на сцену, спела — и уже на обложках глянцевых журналов. Нет, такого не бывает. Она два года занималась в Лос-Анджелесской молодежной программе. Потом были еще многие, многие ступени.

Этот путь очень тяжелый. Твою поступательную карьеру должны просчитывать профессионалы, менеджеры, которые в этой сфере доки. Как у Фроси Бурлаковой, не получается. Другое время. И то, что я спела в «Метрополитен» две новых постановки, что имею две записи на «Дойчеграммофоне», — еще ничего не значит. Я все равно еду на прослушивание. Вот и недавно съездила в Цюрих,

Вену, Милан. И должна была доказывать свой профессионализм. Я ни на миг не могу расслабиться, вынуждена все время держать себя в тонусе. Не могу сказать, что я — молодец, раз спела на престижных сценах, и вправе уже до пенсии этим гордиться. Нет. Уже завтра я должна продумать свой будущий репертуар. Выяснить, почему не все получается с нынешним репертуаром и что необходимо поменять. Постоянно идет напряженная работа над собой.

— По правде говоря, Оксана, я даже не подозревал, что ваша профессия имеет такие сложности. Мне казалось: достаточно попасть в топ-лист, и дальше движение будет идти уже автоматически.

— Но я в топ-лист еще не вошла. В этом листе Хворостовский, Гаранча, Нетребко, Кауфман, Аланья, Бородина... Вот это топ-певцы. И для того чтобы попасть в эту уважаемую компанию, нужна колоссальнейшая работа. Такого нет, что вот какая-то певица понравилась менеджеру и он уже постоянно будет ее двигать. Это — бизнес, и очень жестокий бизнес. Певцам такого качества платят очень большие деньги, и каждый сражается за место под солнцем. Чтобы занять какую-то нишу — кто-то из нее должен уйти, потому что сложилась определенная тусовка. Я приезжаю в Милан — одни и те же фамилии. Приезжаю в Цюрих — они же. Тридцать-сорок-пятьдесят певцов закрывают сезон во всем мире. И потому нужно очень хорошо думать, что и как делать, чтобы туда вклиниться.

С другой стороны, я понимаю, как эти люди работают. Я пела с немкой Дианой Дамрау. Она приехала на репетиции с грудным ребенком, а второй бегал рядом. И она занималась с нами в полную силу. За пять недель сделала роль Травиаты, параллельно пела еще в «Риголетто».

Эти люди работают, как на галерах. Та же Анна Нетребко, видели бы вы, как она пашет! У нее нет времени ни на что. График ее выступлений расписан на пять лет вперед. К ней такое пристальное внимание, что она не имеет права ни на малейшую ошибку, ни на, упаси боже, самую незначительную халтуру.

Я иногда задаю себе вопрос: «А ты согласна так вот жить, в таком постоянном напряжении?» И где-то глубоко в подсознании нахожу ответ, что нет, не согласна. Я хочу работать, когда хочу. И отдыхать тоже, когда хочу. А в Минске появляться как можно чаще.

Но по большому счету так не бывает. Если ты уже сел в этот поезд, который все набирает и набирает скорость, то должен выдержать любые нагрузки. Выдержишь — останешься там, не выдержишь, тебя высадят — и до свидания.

Здесь, в нашем театре, многие даже не представляют, что это такое. Потому что все находятся в расслабленном состоянии. И я в том числе. Знаю, что если заболею, то мне дадут замену. А вот когда у меня была такая же ситуация в Мет, я все равно выходила и пела. Рискуя связками. Конечно, если бы это была большая роль, то я бы ее не вытянула. А если бы и вытянула, то качество пения было бы не то. А зарубежный зритель платит огромные деньги и вправе рассчитывать на безупречное пение. И я не имею права не оправдывать этих ожиданий.

— Скажите, а от чего зависит качество пения? От здоровья, погоды или еще от чего-нибудь?

— Прежде всего — от школы. Потому что мы бываем здоровы только летом и в отпуске. Всегда что-то не в порядке: то носоглотка, то насморк, то горло болит, то перепел. Не перепил, а перепел *(смеется)*. То есть, перетрудил связки.

— Что вы вкладываете в понятие «школа»?

— Постановка голоса. Мы же в консерватории учимся не просто воздух выдувать. Звук должен стоять. Мастерство певца в том и заключается, что если ты даже в болезненном состоянии, все равно прозвучишь.

— Оксана, у вас есть любимая партия?

— Ну, такой, чтоб вот прямо любила до потери сознания, такой одной партии нет. Есть несколько. Это — Кармен, Амнерис, Любаша. Это все роли яркие, содержательные, которые позволяют проживать самые глубокие чувства и различные эмоции. Плюс потрясающая музыка!

Конечно, любой певец любит большие роли. В них можно вложиться от и до, полностью раскрыться. Меццо-сопрано всегда выступают в ярких, экспрессивных ролях. Это некие злодейки, мстительные, ревнивые. И в то же время их отличает гордость, благородство, возвышенные чувства. Прима в театре — сопрано. Меццо-сопрано — антипод. Мы работаем на контрасте.

— Среди певиц у вас есть свой кумир, идеал?

— Конечно, кого-то одного нет. Мне нравятся певицы разные и в разном репертуаре. Например, Ольга Бородина — выдающееся меццо-сопрано. Потрясающая американская певица Джойс ДиДонато. Обожаю латвийскую певицу Эллину Гаранча. У нас с ней где-то похожие голоса. Особенно люблю ее Кармен. А непревзойденная Ирина Архипова, которая вообще эталонная певица. Хочешь поучиться — включи запись с ее пением. Елена Образцова нравилась своей сумасшедшей харизмой. Невероятной энергией она сметала все на своем пути. Это тоже очень важно. Побеждать масштабом личности. Уникальной в своем амплуа была Тамара Синявская. Больше всего она нравилась мне в роли Марфы. К сожалению, она уже давно не поет. Артисты тех лет на сцене долго не задерживались, красиво уходили на заслуженный отдых.

— А феномен Образцовой? Ведь она пела до последних дней...

— Образцова — умная женщина. Она же не пела Кармен. Не пела Амнерис. Она пела одну роль — графиню в «Пиковой даме», которую можно петь до ста лет. Но делала это блестяще — и пела, и играла!

— А вообще — долог ли век оперной певицы?

— Все зависит от того, как относишься к своему голосу. Можно и в сорок пять убить свой голос, иметь различные проблемы. А можно и в пятьдесят быть в прекрасной форме. Вот как Ирина Богачева. Ей пошел уже восьмой десяток, а она поет и сейчас.

— От чего это зависит?

— От многого — от гигиены певца, от его интеллекта, состояния здоровья. Здесь нет абсолютно никаких мелочей. Я, когда говорила, что у меня в запасе пять-семь лет, — имела в виду тот возраст, когда ты должен занять какую-то нишу, получить международное признание. Потом это сделать будет уже поздно.

— А если это сделать, то можно будет петь сколько хочешь?

— Дилетантский вопрос *(смеется).* Я вам говорю не про то, **сколько** можно петь, а про то**, как** петь. Для того, чтобы петь в «Метрополитен», ты должен быть в великолепной форме, а вот в каком возрасте — не столь важно. Это дело десятое. Важен твой профессионализм, насколько ты интересен менеджерам, директорам театров, публике. Никто не спрашивает, сколько лет Хворостовскому, а публика на него валом валит. Его любят и обожают. Думаю, что и через десять лет будет то же самое.

Это в равной степени относится и к Анне Нетребко, и к Ольге Бородиной, и другим выдающимся певцам. Если ты — личность, прекрасный певец, то ты будешь петь столько, сколько посчитаешь нужным. Все зависит от того, как долго ты будешь поддерживать необходимое качество.

— А в каком возрасте голос достигает своего расцвета?

— Все очень индивидуально. Понимаете, голос в карьере — это ничто. Или, точнее сказать, только одна из составляющих. Все заключено в личности певца — в его характере, яркой индивидуальности, в его артистической энергии, здоровых амбициях, в конце концов, в его интеллекте.

Сквозь тернии

— Оксана, вы открыли мне мир оперы с несколько неожиданной стороны. Оказывается — простите меня за эту банальность, — тот блеск и волшебная красота, которые мы видим на сцене, создаются огром-

нейшим и тяжелейшим трудом: многодневной самостоятельной работой и напряженными коллективными репетициями. Как идет подготовка к спектаклю у вас?

— Сначала надо выучить партию целиком, чтобы я могла свободно ориентироваться в тексте, в партитуре. Потом начинаю копаться в деталях.

— Мысленно рисуете образ своей героини?

— Нет, ничего я не рисую. Образ уже заложен в тексте, в музыке, в режиссерском решении. Меня волнует вот что. Если это роль на иностранном языке, который я знаю недостаточно, то мне необходимо поработать с коучем. Лучше, конечно, сначала поставить произношение, а потом учить текст, но так бывает не всегда. Потому что хороший коуч на вес золота. У меня такой, слава Богу, есть.

— Вот почему многие рецензенты отмечают ваш безукоризненный французский.

— Ну, до безукоризненного, пожалуй, далеко, но если что-то есть, то это благодаря моей хорошей помощнице Ксении Клименко. Она работает с Валерием Гергиевым в Мариинском театре.

Расскажу такой случай. На постановке оперы Берлиоза «Осуждение Фауста» в Ницце, где я должна была петь партию Маргариты, мне посоветовали поработать с коучем. Честно признаюсь: я не очень хотела ехать к ней в Петербург. Считала, что справлюсь сама. Но тут вдруг получаю от Ксении письмо такого содержания. «Оксана, — писала она, — я послушала вас в ютубе. Первые два такта внушили какую-то надежду, но следующие три ее разбили вдребезги. Так что берите ноги в руки — и ко мне!»

Я послушалась и поехала. За пять дней мы с ней полностью сделали роль. И потом в Ницце меня хвалили за мой французский. Хотя эта похвала больше относилась к Ксении, потому что я просто как магнитофон передала то, что она говорила, показывала.

Я думала, что мое произношение с этой роли автоматически перенесется на другие роли. Ничего подобного, не перенеслось. Каждый раз надо начинать все сначала. А когда готовила Кармен, то одновременно занималась даже с двумя коучами. И сегодня я уже могу более-менее свободно читать по-французски, говорить на несложные темы. Поэтому сделала для себя вывод: если есть возможность с кем-то дополнительно позаниматься — это никогда не бывает лишним.

— Ну, вот вы выучили партию, поставили произношение, а дальше что — идет вживание в образ?

— По правде говоря, я не совсем понимаю этого вживания. Я вот участвовала в девяти постановках «Кармен». И все они в разных театрах разные. Бывают диалоги музыкальные, а бывают — разговорные. Разные эстетики: где-то классические, где-то цыганские. Где-то Кармен — хулиганка, где-то домашняя, в комбинашке. Поэтому вживаться в один какой-то образ невозможно. Необходимо быть разной.

— Тем не менее, насколько я знаю, трактовку этой героини, которую вам предложили в одном из зарубежных театров, вы не приняли. И режиссер, что удивительно, согласился с вами.

— Вы знаете, я считаю, что роль должна органически ложиться на личность актрисы. В противном случае выйдет фальшь. Поэтому Кармен-злодейка мне далека и непонятна. Куда ближе образ немного отстраненной, холодной, чем разбитной, распущенной женщины. Хотя и этот образ имеет право на жизнь, если это будет исполнять соответствующая певица. К нам, в Минск, на гастроли приезжала испанская солистка. Так она на сцене вела себя как необъезженная кобылица. И это было очень красиво, здорово. Но я знаю, что я не такая, и если начну это копировать, то получится фальшь.

Очень люблю в роли Кармен Элину Гаранча. Она считается холодной певицей. Эдакая латышская снежная королева. Но я от нее просто в восторге. Мне кажется, что Кармен такой и должна быть.

— Вы очень пластичны на сцене. Скажите, это у вас от природы или вы сценическую грацию выработали в результате специальных тренировок, репетиций?

— И то, и другое. Должна быть какая-то природная база, которую можно было бы развивать, совершенствовать. Над пластикой я работаю постоянно. К сожалению, не все и не всегда получается. У меня высокий рост, а у высоких — свои комплексы.

Какое-то время назад мне стукнуло в голову пойти заниматься фламенко. С удовольствием занималась несколько месяцев. И знаете, мне это здорово помогло: теперь я чувствую кисть, плечо. И вообще все движения, как мне кажется, стали изящнее.

А что-то отрабатывается, приобретается в процессе репетиций. То есть, повторюсь, работа идет постоянно. И мне очень нравится, что в нашей профессии присутствует это разнообразие, что мы все время что-то меняем. Надо заниматься пластикой — занимаемся пластикой. Нужна чечетка — ходим на занятия чечеткой. Пару раз я даже посещала балетный класс, делала растяжки и все остальные упражнения. А нужно поучаствовать в разработке костюма — участвую.

— Вот, вот, я как раз хотел вас спросить о костюмах. Вы их придумываете и шьете сами или только участвуете?

— Если это концертный костюм и если я шью его сама, то, конечно, по своим эскизам. Но в последнее время я этим почти не занимаюсь, потому что нашла магазин, где могу покупать красивые платья различных дизайнеров. Это роскошные и доступные по цене костюмы.

— А где вы храните свой гардероб?

— Вот, это извечная проблема! Я вообще не умею и не люблю долго хранить свои костюмы. Я от них избавляюсь — дарю. Поносила — подарила. Отдаю или в театр, или своим подругам. Но и мне иногда дарят тоже. Вот недавно шикарное платье мне подарила Анна Нетребко.

— Вы сказали, что в ближайшие дни улетаете. Если не секрет — куда?

— На прослушивание. В Вену, Милан и Цюрих. Это — генеральное прослушивание. Возможно, меня выберут, а возможно, и нет. Каждый раз — это риск.

— Вас до сих пор прослушивают?!

— В тех театрах, где меня знают, приглашают без прослушивания. А в Милане я не пела ни разу. В Цюрихе — тоже. Хотя в Ла Скала приглашали три раза, но каждый раз что-то не складывалось: то я болела, то у них сроки переносились.

— Петь будете на итальянском?

— Конечно.

— А какой вам язык больше по душе — итальянский, французский?

— Более удобен французский. Но итальянский в опере просто божественен.

— А как у вас с английским?

— Пусці — павалюся *(задорно смеется).* Хотя должна отметить, что с каждой постановкой мой английский становится все лучше. На бытовом уровне я понимаю все, что говорят мне, и могу что-то объяснить другим. Правда, с американцами общаться сложно — у них такой акцент, что они нередко не понимают друг друга.

— А на белорусском языке вам приходилось петь?

— Конечно. «Сивую легенду» Дмитрия Смольского. Мне нравится и музыка этой оперы, и ее постановка. Считаю, что это очень хороший спектакль.

— Хочу спросить еще вот о чем. Многие певцы, известные и не очень, чрезвычайно трогательно заботятся о своих связках: стараются соблюдать строжайшую диету, занимаются специальной гимнастикой, постановкой дыхания и так далее. А как вы бережете свой голос?

— Никак. Да, я знаю, что многие певцы этим занимаются. Но мы с Лидией Ивановной, моим педагогом, никогда подобным не занимались. И она мне всегда

приводила в пример Монтсеррат Кабалье, которая на вопрос, как она дышит, отвечала: «Как живу — так и дышу». И считаю, что великая певица права: если нет проблем, то и не надо заморачиваться. Единственное, чего надо остерегаться, — это сквозняков и банальной инфекции.

— Пианист, чтобы быть в форме, должен играть каждый день. А как оперная певица — должна ли она петь каждый день?

— Конечно, должна. Хотя мы не всегда в абсолютно здоровом состоянии — то насморк, то еще какое-нибудь недомогание. И вот этими распевками начинаешь его преодолевать.

— Здесь есть два подхода. Образцова говорила, что она очень часто пела нездоровой. Другие же певицы советуют: никогда не пойте в больном состоянии — угробите голос.

— Вы знаете, когда в театре есть замена и ты понимаешь, что сегодня никак не можешь выйти, то лучше попросить замену. А если работаешь на контракте и замена — это большая сложность, то, конечно, скрепляешь всю свою волю и выходишь на сцену.

— Это сказывается на качестве пения?

— Иногда бывает наоборот. Куда-то в пазуху попадает голос и вибрирует лучше, чем в нормальном состоянии. Опять же, смотря какая роль, какого она объема. И смотря как ты переносишь свое недомогание. Тут все индивидуально. У каждого свои секреты.

— У вас есть агентство, которое занимается вашим менеджментом?

— Да, есть. У меня с ним эксклюзивный контракт. Агентство упрощает жизнь: об условиях работы договариваешься не ты лично, а твой агент, что повышает уровень договоренностей. А вот пиар-агента нет. Я не люблю пиара, ни в каком виде.

— Ваш лучший пиар — выступления в Мет. Это — признание международного уровня.

— Я бы так не говорила — международное признание. Может быть, начало международной карьеры. А признание — это когда тебя уже признали. Мне это еще надо завоевать. Ну, выступила и выступила. В Мет попасть не так сложно, куда сложнее — задержаться.

Волшебная сила музыки

— Оксана, в свои молодые годы вы уже обладательница многих наград и престижных премий. Пели на сценах всемирно известных театров, рядом с выдающимися певцами современности. От этого легко может закружиться голова. Однако знающие вас люди не отмечают у вас звездной болезни. Что помогает вам твердо стоять на земле?

— А что вы вкладываете в понятие звездность? Ковровые дорожки? Фанфары? Так ничего подобного у меня нет. Я так же, как и все, хожу на рынок, убираю в квартире, готовлю обеды. И зарплата у меня абсолютно такая же, как у любого солиста нашего театра, который поет те же роли, что и я. В чем эта звездность должна выражаться?

— Ну, хотя бы в том, что человек держит себя уже малость свысока?

— Ой, ну что вы! Какая глупость! К кому свысока?

— Даже к коллегам.

— У меня простые, скромные родители, и они всегда воспитывали меня в скромности. Наверное, бывают и такие люди, о которых вы говорите, но это свидетельствует не столько об их звездности, сколько об их глупости.

— Ну что ж, дай Бог, чтобы вы при всех своих успехах и впредь оставались такой же.

— Вы знаете, я очень много общалась с мировыми звездами, и никто из них ничего из себя не строит. Я считаю, что это личные комплексы человека, у кото-

рого какой-то внутренний конфликт, какой-то душеный дискомфорт, и ему приходится надувать щеки: мол, посмотрите на меня, обратите внимание. Но если я самодостаточна, с коллегами у меня совершенно нормальные отношения, меня радует, что меня любят мои дети, моя семья, чего же я буду надуваться?

— Скажите, пожалуйста, а с завистью вам приходилось сталкиваться?

— Может быть, и приходилось. Ведь всегда ходят какие-то разговоры, суды-пересуды. Это есть. В любой среде. Но я не хочу этого слышать, прохожу мимо. Переживать, что кто-то обо мне не то скажет или не так подумает, по-моему, большая глупость.

— У вас теперь другой горизонт...

— У меня есть круг международного общения, который остался после международной программы. Мир вокальный весьма узкий. Мы все встречаемся то на одной постановке, то на другой, то на третьей. Куда бы ни приехала — обязательно встречу кого-то из знакомых. И у меня со всеми хорошие отношения. Если ко мне кто-то с добром, то я к нему дважды.

Но я не позволяю, чтобы ко мне относились пренебрежительно. К сожалению, некоторые организаторы концертов позволяют себе выпады очень некрасивые. В таких случаях я сразу принимаю решение, что с подобными хамами работать не буду, какой бы это ни был уровень мероприятия. Какие бы ни были деньги, если меня не уважают, я принимать участие в концерте отказываюсь. Мне это неинтересно.

Я могу быть жесткой, решительно сказать «нет». Я не боюсь, что меня больше не позовут, потому что мне важно работать в атмосфере любви и комфорта, взаимного интереса. Как только мне начинают показывать место под лавкой — я сразу же ухожу.

— Оксана, а вы бываете недовольны собой?

— Постоянно. Я никогда не бываю довольна. У меня есть много записей моих выступлений, и когда я их прослушиваю, то всегда нахожу недостатки. Всегда можно что-то улучшить. И кажется: дайте мне еще один шанс, и я сделаю лучше. Но бывает, что этот шанс дают, а получается хуже.

— А бывало, чтобы вы спели так, как хотели?

— Да, бывало. Правда, иногда мое внутреннее ощущение обманывало меня: потом, при просмотре записи, я все же находила некоторые изъяны. Поэтому после каждого спектакля тщательно анализирую свое выступление, думаю, как в следующий раз сделать лучше. Нет предела совершенству. А вот у певцов, о которых я говорила, у них не к чему придраться.

— Эти сомнения вам помогают в работе? Нет опасности, что они могут перерасти в самоедство?

— Нет, это не самоедство. Это — трезвая оценка. Иначе как расти?

— Сменим немного ракурс нашей темы. Скажите, пожалуйста, опера и эстрада — вещи совместимые? Вот говорят, например, что Муслим Магомаев эстрадой загубил в себе оперного певца.

— Я думаю, что у Магомаева просто было очень много предложений на эстраде. А вот в опере — значительно меньше. В его время в Большом театре был очень сильный состав солистов. Одних меццо-сопрано несколько. Да каких — Образцова, Архипова, Синявская! Такой же мощной была группа баритонов. И видимо, Магомаев понял, что у него в опере не будет такой карьеры, как на эстраде. Он сделал правильный выбор.

— А нельзя ли петь параллельно?

— Параллельно ничего не бывает. Невозможно одинаково хорошо делать сразу несколько дел. Физические возможности не безграничны.

— Разные требования к пению, разная настройка голоса?

— Конечно. Ты же не будешь петь на эстраде так, как в опере? Эстрадную песню не споешь, как арию Набукко. И вообще, микрофонное пение противопоказано для оперных певцов.

— В последнее время идут жаркие споры вокруг «Евровидения». Одни этот конкурс одобряют, находят в нем много полезного, интересного. Другие его на дух не переносят. А каково ваше отношение к этому шоу?

— У меня отношение прекрасное. Я вообще считаю, что мы должны быть более открытыми ко всему непохожему, непривычному. А то, что это шоу преподносит нам немало сюрпризов, — это факт. Когда побеждает группа «Лорди» — певцы, одетые в маски чудовищ, это просто стеб, и Европа этот стеб оценила. На «Евровидении» никто до последнего момента не знает, как все сложится, кому что понравится. И мне этот конкурс тем и интересен.

— И Кончита вам понравилась?

— Скажу как профессионал. Когда она спела, я сразу определила: вот победитель. В Европе и Америке есть такое понятие — grate performens. Сильное впечатление. Поэтому я не смотрела на бороду, на пол. Оценивала все вместе — пение, образ, личность, содержание песни, смысл. И общение впечатление получилось хорошее.

— Вы считаете, что выступления конкурсантов оценивают объективно? Хотя некоторые говорят, что в этом шоу сильно замешана конъектура, политика.

— Не знаю. Я много лет слежу за «Евровидением», и практически всегда называю победителя. Может потому, что у меня музыкальный вкус немного не советский. Я много езжу, многое вижу, и у меня взгляд на эти вещи более открытый.

Вот вам еще один пример. В свое время мне очень понравилась сербская певица Мария Шерифович. Она выступала одной из первых. Вышла и спела молитву. Пела на сербском языке, но всем было понятно, о чем идет речь. И кстати, никаких подтанцовок, никакого бэк-вокала у нее не было. Но впечатление от ее выступления осталось потрясающее. Потому что это было пение простое и настоящее, проникающее глубоко в душу.

Да, можно надеть невероятно модный, экстравагантный костюм, нацепить сколько угодно страз, привлечь в номер жонглеров, акробатов, устроить фейерверк — и это все пролетит мимо. А тут, казалось бы, обычная молитва, без всяких шумовых эффектов, а делает с тобой что-то невероятное. Вот это и есть истинное искусство.

О времени и о себе

— Несколько личных вопросов. Кто вы по характеру — сильная, слабая?

— Я не знаю. Честно, не знаю. В каких-то моментах — сильная, а в каких-то — слабая. Я — разная. И уж точно я не девушка с веслом. Я — обычная, нормальная женщина, которой порой нужна помощь, моральная поддержка. Но я никогда не иду против себя. И не глотаю молча обиду, когда меня обижают. Не знаю, сила это или слабость. Но я для себя четко поняла: если я проглочу какую-то обиду, то эта обида будет во мне жить, тлеть, и я все время буду думать: почему я так сделала, почему ничего не ответила? Поэтому пытаюсь, учусь реагировать адекватно. Может быть, в этом сила? В то же время, если мне, скажем, нахамят в очереди — я переживаю, плачу...

— Вы — оптимист или пессимист?

— О, я оптимист. Только оптимист!

— Вы — максималистка или минималистка?

— Максималистка, насколько это возможно. Если невозможно, то соглашаюсь и на меньшее (*улыбается*). И объясняю себе, что так и должно быть.

— Интересно, а какие требования содержатся в вашем райдере? Знаю, что некоторые московские певицы, достаточно среднего уровня, приезжая на «Славянский базар», выставляют запредельные условия: чтобы

их обслуживал только лимузин и только белого цвета, чтобы жилье было непременно класса люкс, а желательно даже апартаменты, и так далее, и тому подобное.

— Вот это тоже называется комплексом неполноценности. Человек хоть таким образом хочет поднять свой имидж, повысить самооценку.

Нет, все это не про меня. Я тоже была в прошлом году на «Славянском базаре». Так вот, у меня не только не было никаких апартаментов, но даже не предоставили гримерки. Два часа я просидела на холоде, без элементарных условий. В конце концов, не выдержала — позвонила режиссеру и сказала (вежливо, корректно), что если вы планируете меня взять на репетицию, назначьте конкретное время, и я приду. Сидеть же оперному певцу на улице и неизвестно сколько времени ждать, а потом выходить на сцену и петь вживую — это невозможно. После этого, правда, все подсуетились и тут же взяли меня в работу. Но вот понадобилось людям, казалось бы, близким к искусству, объяснять элементарные вещи.

Мне не нужны какие-то особые условия. Если есть обычная гримерка и нормальное зеркало — уже хорошо. Еще всегда прошу, чтоб был парикмахер, который поможет сделать прическу, и человек, который погладит сценический костюм, — это дело весьма хлопотное. Ну и конечно, вода.

— Есть ли у вас еще какие-либо увлечения кроме музыки? Например, находите ли время на чтение книг?

— Да, нахожу. Сейчас это очень удобно: берешь айпад, загружаешь туда книги и в дороге читаешь. Очень здорово облегчает жизнь Интернет. Я все новости узнаю там.

Какие книги предпочитаю? Люблю романы — чтоб был интересный сюжет, с завязкой и развязкой. Но это для дороги. А дома стараюсь читать литературу познавательную, в частности, на темы здоровья.

— Вы в годы юности много шили, вязали. А как теперь?

— Теперь, к сожалению, на это нет времени. Да и необходимость такая отпала. Все можно купить в магазине.

— А готовите по-прежнему?

— Конечно, готовлю. Это наша давняя семейная традиция вместе проводить время за празднично накрытым столом. А теперь, когда дети подросли, у нас складывается еще одна традиция — каждые выходные мы выбираемся на какое-нибудь спортивное мероприятие. У меня сын играет в большой теннис, и мы всей семьей ходим на корты во Дворец тенниса. Зимой катаемся на лыжах, на коньках. Вчера вот ездили в «Силичи», с удовольствием покатались на велосипедах. Свой досуг мы согласовываем с детьми, чтобы было не только приятно, но и полезно для здоровья.

— В приметы верите?

— Нет. Ни в каких черных кошек, ни в какие пустые ведра.

— А талисман какой-нибудь есть?

— Нет, я совершенно во все это не верю.

— У вас есть друзья, подруги?

— Да, у меня есть подруги. И здесь, в Минске, и за рубежом. Я — человек коммуникабельный. Благодаря сети Фейсбук, мы постоянно общаемся.

— Из школьных подруг кто-нибудь остался?

— Да, это моя лучшая подруга. Она сейчас живет в Швейцарии.

— Общение в основном в сети?

— Не только. Она приезжает в Минск, а я езжу к ней в Швейцарию. Для близких людей расстояние — не преграда.

— А чем, на ваш взгляд, подруга отличается от приятельницы?

— Когда с человеком знаком всю жизнь, съел с ним, как говорится, пуд соли, — это совершенно другого качества общение. С приятельницами же, как правило, профессиональное общение, и это не такое глубокое погружение в личный, интимный мир. У меня такой недостаток, что я всем доверяю и от

этого нередко страдаю. Личное что-то расскажу, а потом начинают это мусолить, суды-пересуды... И все равно я привыкла доверять. Считаю, что людей хороших больше, чем плохих.

— Что для современной женщины должно быть на первом месте — карьера, семья, развлечения? Для вас, в частности?

— Семья, конечно. Но если меня полностью окунуть в семью, забрав все остальное, то я не знаю, кому от этого будет плохо. По-моему, плохо будет всем.

— Человек — раб или хозяин своей судьбы?

— Конечно, хозяин. Это даже не подлежит обсуждению. Вот вы у меня спрашивали о характере — сильный он у меня или слабый. Считаю: сильный человек всегда понимает, что только он ответственен за то, что с ним происходит. Не обстоятельства, не случайности и даже не родители. А только он сам. Легко списывать свои неудачи на кого-то или на что-то: мол, у моего друга все получилось, а мне не повезло.

Неправда! Мы имеем все то, что заслуживаем. Даже если с нами происходят какие-то неприятности. Значит, мы в этом виноваты. Мы это притянули своим нытьем. А с другой стороны, может быть, эти трудности нам для чего ниспосланы? Чтоб наступил какой-то личностный рост, чтобы человек смог подняться на новый уровень. Нужно только не ныть, а действовать.

Я много встречаю людей, которые живут в недовольстве тем, что имеют, и живут в постоянном депрессивном состоянии. И сами себя изводят: вот у соседа дом какой красивый, а у меня даже забора нет. Но для того, чтобы что-то иметь, надо очень много и напряженно работать.

Повторюсь: все зависит от самого человека. Надо научиться быть довольным тем, что имеешь. Вот я недавно болела тяжелой ангиной. Мне было так плохо, что я лежала и думала: Господи, только бы встать и пойти куда-нибудь, и чтоб у меня ничего не болело. Какое это счастье — быть здоровым! А ведь оно, наше счастье, вокруг нас — дом, семья, работа, друзья. И за все это надо быть благодарным, а не смотреть, что у кого-то лучше, что кому-то больше повезло.

Везение — дело наших рук. Если ты не сделал необходимого шага в важном направлении, не постучался в нужную дверь, то у тебя очень мало шансов, что тебе эту дверь кто-то возьмет и просто так откроет. Более того, постучался в одну дверь — не повезло, стучись в другую, в третью. Но если ты ничего не делаешь — само ничего не придет.

— Давайте подытожим: так в чем же все-таки заключается счастье?

— Счастье — это понятие очень хрупкое, непостоянное. Нельзя в счастье пребывать все время. Счастье — это, наверное, когда у тебя в какой-то момент все хорошо, на всех фронтах. И в работе удача, и дома наступило полное понимание, и когда все здоровы. И когда шел по улице и вдруг нашел бриллиант *(смеется)*. Одним словом, это совокупность больших и маленьких радостей.

У меня в последнее время был период довольно депрессивный. Может быть, это был переходный период, когда я серьезно начала думать: почему же у меня не все получается? Почему ситуация складывается не так, как мне хотелось бы?

И тут вдруг — бац! — момент неожиданного счастья. Я была в Германии, гостила у своей сестры. И вот еду однажды на велосипеде мимо цветущего рапсового поля, надо мной ослепительно голубое небо, в ушах прекрасная музыка, и я ловлю себя на мысли: Боже, как хорошо! Вот он, момент счастья!

И я начала такие ощущения запоминать, копить их. Почему? Всегда нас мучают какие-то неприятные мысли. И тогда вспоминаешь вот эти моменты, когда было хорошо, когда было ощущение счастья, — и на душе становится теплее, светлее.

— Ну, раз мы уже завели почти философский разговор, скажите тогда, Оксана, в чем, по-вашему, смысл жизни?

— Не болеть. Не умереть молодым. У меня много знакомых очень рано ушли из жизни. Так вот — чтобы было это нескоро.

А еще смысл жизни, наверное, в том, чтобы жить, наслаждаться счастьем. И жить этим не завтра, не когда-нибудь, а сегодня. Есть момент получить удовольствие — не стесняйся, получай. Есть повод увидеться с друзьями — не откладывай в долгий ящик, собирайся, общайся. Получай радость от возможности съездить на природу, спеть концерт. Да мало ли чего прекрасного есть в нашей жизни!

— Получать удовольствие от жизни — несомненно хорошо. Но мне кажется, этого маловато. Мы приходим в этот мир с какой-то определенной миссией. Она у каждого из нас своя, и надо успеть ее выполнить в течение земного пути. Вот вам Бог дал талант певицы, и вам его предстоит в полной мере реализовать.

— Ну, может быть... Но не могу же я постоянно думать, какая у меня миссия. Я могу только жить и быть счастливой. И если я буду счастливой, то и мои близкие, все, кто меня окружает, будут тоже счастливы. Я хочу сказать, что надо просто хорошо делать свою работу и не думать о каких-то миссиях. О том, какой я след оставлю. Меня этот след мало интересует. Мне важно, что я делаю — здесь и сейчас.

Семейные радости

— Оксана, расскажите немного о своей семье. Ваш муж кто по профессии? Где и как вы с ним познакомились?

— Муж по профессии музыкант. Он тоже оканчивал нашу консерваторию.

— Так вы, наверное, там и познакомились?

— Нет, мы познакомились раньше. Он дружил с моим знакомым. А в тот день я бежала на вступительный экзамен первого потока: послушать, как поют, что поют. Опаздываю, бегу — в маечке, шортиках. И тут вижу: проезжает машина моего знакомого и останавливается. Я всовываю голову в салон: «Максим, подвези, пожалуйста, в консерваторию. Только поскорее!» А на переднем сидении, рядом, сидит мой будущий муж. Он даже немного оторопел от моего напора. Я села, и они меня отвезли. По дороге познакомились. Вася смешил меня, старался зацепить. Но мне было не до этого, боялась опоздать.

Потом встретились уже в консерватории. Я спешила на урок по фехтованию, а найти спортзал никак не могла — бегала по этажам, вверх-вниз. И тут встречаю Васю, нос в нос. «Где спортзал?» — запыхавшись, спрашиваю у него. И он с серьезным лицом посылает меня совершенно в другую сторону. В подвал. А спортзал был на третьем этаже.

Я это запомнила, и когда мы позже снова сталкивались в коридорах, то относилась к нему настороженно, ожидая нового подвоха. И не без оснований, потому что он все время меня подначивал. В консерватории я увлеклась вязанием и вязала очень интересные наряды. Сети такие длинные, с поясами, какие-то плетеные жилетки. А он не преминал случая меня подцепить: что я, мол, хочу сказать своими сетями?

Постепенно мы привыкли друг к другу, вместе стали бегать в кафешку на перекус. Потом еще куда-то. Словом, подружились. Это было на первом курсе.

— И как ваши дружеские отношения переросли в нечто большее?

— Честно говоря, не знаю. Целый год мы виделись, общались, но никакой определенной цели не было. Сблизились лишь к концу учебного года. И на каникулах уже встречались регулярно.

— И вскоре поженились?

— Нет, мы до свадьбы встречались шесть лет. И когда решили завести ребенка, тогда и поженились. Я уже, кстати, окончила консерваторию и не первый год работала в оперном театре.

— У вас двое детишек...

— Да, дочурка Рената и сын Арсен.

— Имя у дочери необычное. С восточным ароматом.

— Ну, во-первых, я хотела назвать дочь неуменьшаемым именем. Не люблю эти уменьшительно-ласкательные имена. И во-вторых, хотелось, чтобы оно было несильно популярное, распространенное. Но чтобы носило интернациональный характер, чтобы его понимали везде. Много Ренат в Италии, в Польше. Это известное католическое имя. Также оно встречается в Татарстане, на Кавказе. И потом — мне нравится само звучание: Ре-на-та-а... Красиво звучит. А главное, что оно ей подходит.

— Дочь в каком классе?

— Заканчивает четвертый. Учится хорошо. Занимается в гимназии с физико-математическим уклоном.

— Дали о себе знать бабушкины гены?

— Во всяком случае, ей пока все нравится. Ну и слава Богу. Знание математики никому не помешает. Даже гуманитариям. Она дисциплинирует ум, развивает логику.

— Идти по стопам родителей не собирается?

— Об этом говорить пока рано. Она у нас барышня разносторонняя, темпераментная. В различных кружках с четырех лет. Одно время увлекалась бальными и современными танцами. Сейчас занимается в музыкальной школе по классу фоно. Уже лауреат двух серьезных музыкальных конкурсов. А еще ходим на курсы английского языка. Берем частные уроки у профессиональной художницы. А вот от театральной студии придется, видимо, отказаться — большая нагрузка. Хотя Рената ни от чего отказываться не хочет.

— А какие увлечения у Арсена?

— Ну, он еще маленький, шесть лет. Ходит в детский сад. Но тоже занимается танцами. К ним в садик приходит преподаватель из известного молодежного коллектива «Ровесник». Арсен с удовольствием осваивает азы большого тенниса. Ходит на дополнительные уроки по английскому языку.

— Да, нагрузка серьезная. И не только на детей, но и на родителей. Как вы со всем этим справляетесь?

— Я считаю, что самая большая нагрузка — это сидеть с детьми дома. Заниматься бытом. Что касается меня, то мне вначале помогала няня. Потом мы от няни отказались. Часть хлопот взяли на себя муж, бабушка и дедушка. Но когда я в Минске, то детей не поручаю никому. Все делаю сама. Встаю рано утром, готовлю завтрак, отвожу Ренату в школу, Арсена в детский сад. Затем по очереди забираю их домой.

— Детей воспитываете тоже в строгости и любви?

— У меня получается больше в любви. Потому что я часто и, бывает, подолгу отсутствую, и мне не хочется лишать их материнской любви. А вот мама моя умеет сочетать и то, и другое. Она каждый день после школы приезжает к нам и занимается с внуками. Я с удовольствием оставляю детей на маму, потому что знаю: с ней праздного проведения времени не будет. Никогда. Во всяком случае, смотреть телевизор и играть в компьютерные игры точно не будут. Только полезные занятия — обучение, чтение, музыка.

— Какие вы все-таки молодцы, что решились на двоих детишек. Обычно в творческих семьях этот вопрос надолго откладывают, считая, что дети — серьезная помеха в карьере. А вы не побоялись. Это заслуживает огромного уважения.

— Ой, что здесь такого? Я считаю, что люди, которые не имеют детей, обделены в чем-то очень важном. Я бы с удовольствием решилась и на третьего, если бы не мои постоянные разъезды. Почему бы и нет?

— А когда вы уходили в декретный, риск не вернуться в театр был?

— Нет. Во-первых, меня не могли уволить по закону. А во-вторых, директором оперного театра тогда была Маргарита Николаевна Изворска-Елизарьева.

Мы с ней — большие друзья. Когда я забеременела вторым ребенком и сказала ей об этом, то она была очень рада за меня. Поэтому никаких проблем не было. Тем более что я не засиживалась дома, через год выходила на работу.

— Как муж относится к вашим успехам? Не ревнует?

— Наоборот! Он меня всегда поддерживал и очень активно поддерживает сейчас.

— Во многих семьях (а в творческих тем более) возникает нешуточная проблема: кто главный? Ведь мужчина по природе своей должен быть добытчиком, обеспечивать материальный достаток. А в вашей семье кто играет первую скрипку?

— Скажу абсолютно искренне: я никогда не была первой скрипкой. Всегда главным был муж. Содержал семью и содержит теперь.

— Муж присутствует на ваших премьерах?

— Всегда. И не только на премьерах, но и на важных концертах. И мне очень приятно, когда на каком-нибудь спектакле я получаю роскошный букет цветов от моего мужа.

— Вы не планируете сменить место жительства? Наверняка уже были заманчивые предложения?

— Я большая патриотка и считаю, что нужно быть ближе к корням. В Беларуси у меня мои самые близкие, самые родные люди. В другой стране я вряд ли смогла бы жить. А здесь мне хорошо. Я чувствую себя комфортно. Что же касается зарубежных гастролей, то я их, конечно же, буду продолжать. Ведь только в движении и бесконечном поиске артист способен расти.

Беседовал Зиновий ПРИГОДИЧ.

Искусство суждения

Лечебные слова женской лирики

Кажется, миновало то оглушенное политическими страстями и социальной неразберихой время, когда людям было не до стихов, а только до проблем личного выживания, своего ближайшего семейного мирка. И теперь наши сограждане, наиболее чувствительные к прекрасному, снова испытывают потребность в искусстве в разных его формах: посещают художественные галереи и театры, музеи и библиотеки. Книга понемногу возвращается на свое законное место — в дамские сумочки и портфели интеллектуалов, на полки над компьютерами и столиками студентов и школьников. Остается надеяться, что вместе с учебниками и развлекательным чтивом там окажутся и сборники стихов.

Но странное дело, стихи сейчас больше читают те, кто их пишет. Из любопытства, из чувства соперничества, из потребности подтвердить самому себе свою значимость и принадлежность к поэтическому цеху: вот, мол, и я пишу не хуже. А поскольку не хуже, то почему бы и не издать свои опусы доступным для семейного бюджета тиражом, благо никаких препятствий в издательствах теперь нет — ни цензуры, ни строгих редакторов, особенно в частных, примут все, грамматические ошибки исправят, красиво оформят, и пожалуйста, — книжка готова.

Но напечатать книжку своих творений — это полдела. Хочется, ох как хочется, чтобы тебя заметили именно те высоколобые ценители, которые сейчас правят бал в литературном мире, чтобы похвалили и печатно назвали поэтом или поэтессой, чтобы этой малой толикой признания можно было потрясти родных и знакомых. Все это так понятно и так простительно. Слаб человек, а пишущий в особенности...

Почему-то в урожае поэтических книг последнего пятилетия женские имена на обложках превалируют. Случайность это или закономерность — судить не берусь. И что еще интересно, — многие из поэтесс принадлежат к возрасту, далеко отошедшему от юности и молодости. Некоторые из них затворнически писали стихи всю жизнь, и только выйдя на пенсию и став бабушками, решились обнародовать плоды своих тайных дум и спрятанных чувств.

Сколько бы ни прожил на земле человек, куда бы ни увели его житейские пути-дороги, он все равно явно или памятью возвращается к земле, на которой впервые увидел свет, к родным истокам. И для меня память родной земли, давшей толчок для полета в сфере творчества, — главная в человеке, пишущем стихи. Неважно — лауреат он или известен лишь в кругу родных, талантлив или не очень, стар или молод. Не может поэт, живущий на гостеприимной белорусской земле, пусть даже если рожден в другом месте, не написать хотя бы пару проникновенных строк об этом благодатном крае, в котором, по словам Владимира Короткевича, Бог живет.

Вот под этим углом зрения попробую я прочитать поэтические сборники Аллы Черной «Зеркало» (2007), Татьяны Дашкевич «Мирянка» (2008), Аллы Лопошич «Река времени» (2011) и Елены Агиной «Издалека» (2011). В этой стоп-

ке книг мне встретились и сборники поэзии молодых авторов Диты Карелиной «Промилле любви. Промилле отчаянья» (2009) и Марины Помоз «Сиреневое солнце» (2012). Некоторые из них лежали в рабочем столе недавнего зав. отделом поэзии журнала «Нёман» Юрия Сапожкова, безвременно ушедшего из жизни прекрасного человека и замечательного литератора, и авторы терпеливо ждали своего часа, когда Юрий Михайлович обратит на их стихи свое благосклонное внимание. Многие из них этого внимания дождались, и авторы этих книг увидели свои стихи на страницах журнала «Нёман».

И все же мне почему-то кажется, что авторы, написавшие эти книги, ждут не только похвал от родных и знакомых, которых они получают в изобилии, услаждая свое авторское самолюбие, но и ждут реакции со стороны профессиональных писателей. Наиболее вдумчивые и честные из авторов хотели бы услышать и прочесть о себе такой же честный и вдумчивый обзор их творения со стороны.

«Земле исповедуются колосья»

Ну что ж, перекрестившись, начнем помаленьку читать. И начнем с книг молодежи, с самой тоненькой книги, как бы разогревшись на ней для долгого и несладкого труда. Это книжка Марины Помоз «Сиреневое солнце», вышедшая в издательстве «Харвест» в серии «Молодая поэзия Беларуси» (2012). Книжка у Марины уже не первая; жаль, что первой мне найти не удалось ни в библиотеке, ни в торговле. И какие-то впечатления о духовном и литературном пути автора за три года, от первой до второй книги, по этой причине составить не представляется возможным.

С давнего времени у меня сложился уже типичный подход к любой поэтической книге. Прежде всего хочется узнать, что из себя представляет автор, не исключая его скупых биографических данных на обложке, но более всего уповая на то, что он сообщил о себе в стихотворной форме. Узнать, где он родился и знает ли корни свои, или забыл в сутолоке наших многохлопотных дней, в погоне за успехом или заурядными средствами существования.

Не поленюсь и перепишу для читателей небольшое биографическое резюме об авторе с обложки книги. Марина Алексеевна Помоз по образованию психолог. Работала в учреждениях образования в Борисове, откуда и родом, там же вела детскую театральную студию. «Пишет песни, занимается книжной иллюстрацией, иконописью. Лауреат ряда белорусских фестивалей авторской песни». Подытожим, стало быть — горожанка, но трудно представить себе современных горожан без деревенской родни, без весковых бабушек и дедушек.

Да и город-то в окружении деревень стоит, не в безвоздушном пространстве, а на «земле отчич и дедич», говоря языком летописей. И в книге есть такой раздел, который позволяет сказать, что Марина Помоз чувствует притяжение родной земли — «Земле исповедуются колосья». Процитируем же стихотворение, давшее название рубрике.

Земле исповедуются колосья.
Высоко плывут облака над полем...
Земле исповедуются колосья,
А в шепоте их нет ни страха, ни боли.

Но тихая-тихая радость лучится,
Как будто открыта им тайна нетленья.
Не грех принуждает к земле клониться,
А спелые зерна святого смиренья.

При более чем слабой рифмовке стихотворение все же производит впечатление: это взгляд христианки на судьбу хлебороба. Ведь не о колосьях тут речь,

а о тех, кто смиренно из года в год обихаживает поле, чтобы накормить и народ, и свои семьи. Стихотворение, как говорится, «цепляет» и легко запоминается. А может быть, оно запоминается именно потому, что так безыскусно. В строках на такую важную тему всякая красивость была бы инородной.

Два стихотворения в книге посвящены маме. Вот самое краткое из них:

За словом слово, дум веретено
Вращается — и засыпает время.
Голубка прилетает на окно
С вестями из забытого Эдема.

И словно прикоснется к образам
Душа — воспрянет обновленный колос.
За всем же этим — мамины глаза,
За всем же этим — мамин дивный голос.

...А провожая, за руку возьмет,
Как в детстве, не убавив попеченья.
И простоит до ночи у ворот,
Прижав к груди дрожащий луч вечерний.

Последние две строки, конечно же, замечательны и создают образ матери, терпеливо ждущей свое редко заглядывающее в родной дом дитя и вместо него прижимающей к груди вечерний солнечный луч. Но не все в этом стихотворении до конца продумано и обосновано. К примеру, «вести из забытого Эдема» не получают в следующих строках никакого развития, и значит, появились здесь ради ложно понимаемой образности. «Обновленный колос» тоже не имеет обоснования. Догадываюсь, что он появился как подручное средство, чтобы зарифмовать четвертую строку «За всем же этим — мамин дивный голос». Не совсем понятно, что стоит за выражением «За всем же этим». За «веретеном дум», за голубкой на окне, за образами в углу комнаты, за «обновленным колосом»? Оно слишком неконкретно.

А вот второе стихотворение, посвященное маме, мне трудно отнести к удаче. Тоже процитирую в сокращении на одну строфу, отчего оно, по моему мнению, станет только крепче.

Уносит паводок снега,
И в вечность уплывают воды,
И птиц небесных хороводы
Плывут в родимые луга.
Живет, поет над нами высь,
Лучами льется на ресницы...
А может быть, все люди — птицы,
Пока еще не родились?

...Ждут нивы хлопотливых рук,
Зерно — слияния с землею...
И птицы, вот уже по двое,
Над полем совершают круг...
А может быть, им дан полет,
Чтоб человек, родившись в плоти,
Имея память о полете,
И жизнь преобразил в полет?

Уносит паводок снега,
И в вечность уплывают воды,
И птиц небесных хороводы
Свои отыщут берега.

Что можно сказать об этом стихотворении? Мечта человека о полете не нова, но здесь она имеет вид риторического вопроса, то есть вопроса чисто ради украшения текста хоть какой-то мыслью. Написано просто, безыскусно, но не совсем понятно для чего.

Отметим в этом стихотворении две строки, позволяющие утверждать, что поэт понимает приоритет труда на земле перед другими видами человеческой деятельности, в том числе и перед стихотворством:

...Ждут нивы хлопотливых рук,
Зерно — слияния с землею...

В целом же книжечка стихов Марины Помоз производит впечатление несколько робкой и ученической. В ее текстах не чувствуется национальной основы, добротного прочтения классиков белорусской поэзии, переклички с ее главными темами. Некоторая легковесность этих строк — может быть, следствие того, что эти тексты нередко не имеют самостоятельного значения, предназначены для исполнении под гитару, а под музыку всякое слово представляется несколько ином свете.

«За мной не Родина, а хлев»

Книга Диты Карелиной, выпущенная в свет издателем А. Н. Вараксиным в 2009 году, имеет два названия, которые вынесены на обложку. С одной стороны читаем «Промилле любви», а с другой «Промилле отчаяния» — так что читателю предоставляется право выбора: с чего начать чтение — с позитива или негатива. «Промилле» с латинского — это тысячная доля какого-либо числа. В данном случае нам, видимо, предлагается тысячная доля от всей гаммы чувств, обозначаемых словами — любовь и отчаяние.

В этом предчувствии убеждает нас и аннотация:

«В новом поэтическом сборнике Дита Карелина остается верна главной теме своего творчества — всепоглощающей человеческой Любви. И Любовь эта соткана из самых разных, порой противоречивых чувств — горя, радости, печали, ненависти, страдания, прощения и Веры».

Ну, с чего начнем, читатель, с надежды или разочарования? Я думаю — с первого, с надежды, ибо разочарований и отчаяния и в нашей собственной жизни хватает.

Ах, любезный мой читатель... То, о чем и как пишет Дита Карелина, никоим образом невозможно назвать «всепоглощающей человеческой любовью». Посуди сам. Выбираю первое попавшееся на глаза стихотворение.

Играйте мазурку, мои дьяволята, —
Я нынче и глубже, и тише, и слаще!
Зачем эта водка пропитана мятой —
Я горечи требую! Больше и чаще!
Я требую, чтобы меня не щадили.
Прощаюсь с надеждой последней сегодня...
Ах, как грациозно к разлуке входили,
Как страстно плясали на дне преисподней!
Какая же скука — ромашка и руки:
Не любит, полюбит, обнимет, изрежет.
Тебя я, наверное, знала от скуки —
И как-то не полностью, мимо, небрежно...
Играйте мазурку, родимые черти!
Последняя капля — и снова в дорогу.
Играйте, любите, да только не верьте:
Не дрожь — это тело немного продрогло.

Поверьте, читатель, я даже не знаю, что и сказать. Стихи грамотные, с хорошими рифмами, с четким ритмом. Видно, что автор не новичок в стихотворстве. Но налицо демонстрация такой духовной безалаберности, такого откровенного демонизма, что за автора этой бесшабашной удали в стихах страшно становится. Да полно, понимает ли она сама, с какой силой она связалась?! Свят-свят-свят! Да неужто целомудренное девичье гадание на ромашке хуже, чем пляска под дьявольскую мазурку?

Но может быть, Дита Александровна и не исповедует того, о чем пишет? Ну чего не сделаешь для экспрессии стиля, для энергии самовыражения, для завлечения читателя?

Уж я теперь задался целью хоть как-то понять, если не оправдать, столь странную позицию автора и стал листать этот двуликий сборник вдоль и поперек. Ага, вот стихотворение начинается со слов «я молилась».

Я — молилась. Я — молилась?
Причащалась — Боже мой...
Та, которая кружилась
В белом танце с сатаной.
Та, которая ночами
Ворожила на крови,
Загорелыми плечами
Все вела не по любви.
Та, что, пальцы пряча в кольца,
Шею — в алые колье,
Прослыла глухим пропойцей,
Танцевавшим на столе.
Та, что карты разбросала
На червова короля,
Только все трефовой дамой
Закрывалась... Разве я?
До глубин души винилась:
Боже мой, прости меня.
Неужели — я — молилась?!
Я молилась за тебя.

Стало быть, сознает Дита Александровна все, что творила ее лирическая героиня, и оценивает это с позиции молитвы и причащения. Если все эти шашни с нечистой силой позади, а причащению предшествовала исповедь с покаянием, то, может быть, автор навсегда отошла от «родимых чертей» и ее последующее творчество будет более спасительным для нее и доставит радость читателям, которые ждут от поэзии чуда сопереживания их собственным мыслям и чувствам.

Журнал «Нёман» дважды публиковал Диту Карелину (№ 4 за 2008 год и № 2 за 2009-й). Разумеется, для публикации были выбраны самые ясные и непредосудительные стихи. Но если в свое время опытный редактор нашел все же что-то приличное в этой обманной, как отражение в зеркале, «поэзии», то, я надеюсь, и мне тоже повезет. С этой целью я перевернул сборник и начал читать его с того конца, где стоит заглавие «Промилле отчаяния».

Не говори со мной — пустое.
Я дым, я бред, я не с тобою.
Я где-то там, где только я.
Я сквозь себя люблю тебя.
Я где-то там, где зеркала,
Где много страсти и вина.
Я где-то там, где боль утрат,
Где из осадков — только град.

Не говори со мной, я блеф —
За мной не Родина, а хлев.
За мной не дом, а старый хлам.
Я душу за строку продам.
Пока еще любить могу.
Я от себя уберегу
Тебя — дороже всех вокруг,
Вот так явившегося вдруг.

Мысль интересная — уберечь любимого человека от своей истеричной и взбалмошной особы. Но все строки, ведущие к этой мысли, — это в сущности саморазоблачение. Плохи дела у лирической героини, если у нее Родина (с большой буквы, значит, понятие священное) на одном ценностном уровне с хлевом, помещением для скота. Даже если это так, то это не причина для странной, вызывающей гордыни.

Читателю таких стихов становится ясно: что-то неладно у бедной лирической героини в этой жизни. Уж не лгут ли зеркала, в которые она глядится? А не живет ли она сама в королевстве кривых зеркал? И как она сама относится к своему «творчеству»?

Буду молча марать бумагу.
Буду гордо глядеть на слабость.
Я сегодня сырую влагу
Пью за хрупкую нашу радость!

Подлинный поэт «марать бумагу» не будет даже своими строчками. У него с бумагой другие отношения:

И пальцы просятся к перу, перо — к бумаге.
Минута — и стихи свободно потекут!

Узнали, чьи строки?...

Собственно, Дита Александровна и не настаивает на том, что она поэт. На своем сайте она называет себя не поэтом, а издателем, и конечно же, лукавит. Если не поэт, то зачем эта книжка, претендующая на внимание читателей? Но боюсь, что я вынужден с ней согласиться: да, не поэт, поскольку ее рядом даже с Ларисой Рубальской не поставишь, не говоря уже о Белле Ахмадулиной, Новелле Матвеевой или Юнне Мориц. Ну уж такое имя, как Марина Цветаева, вообще бы не хотелось трогать, хотя следы подражания ей у «непоэта» Диты Карелиной налицо.

Дита — стихотворец, успевший за девять лет «бумагомарания» (используем ее термин), с 2005 года, довольно-таки набить руку на предосудительных рифмованных текстах, где ложно понимаемая чувственность затеняет весь окружающий ее мир, а секс подан как высшее достижение человечества.

И, однако, никогда нельзя терять надежды в отношении любой поэтической судьбы. Если среди сотен эпатажных строк, на грани святого и безбожного, нравственного и пошлого, появляется хотя бы одна, схожая с раскаянием, — то поэт еще имеет шанс выйти из лабиринта своего бездуховного плутания к людям, чтобы помочь своим творчеством таким же заплутавшим душам выйти на свет любви и добра. А такие строки у Диты Александровны есть. Стоит еще раз их процитировать:

До глубин души винилась:
Боже мой, прости меня.
Неужели — я — молилась?!
Я молилась за тебя.

«Спасибо», «дзякуй» и «рахмат»

Книга Аллы Черной (Аллы Дмитриевны Кирилловой) «Зеркало» издана тем же «Харвестом» под рубрикой «Библиотека Союза писателей Беларуси», что является априори своеобразным знаком высокого качества собранных в ней произведений. Но нам ли не знать, что не всегда это так?

Я старательно перечитал всю книгу, чтобы найти упоминание о крае, в котором сегодня живет автор, родившийся некогда еще в довоенном Ленинграде и, судя по биографическим данным в конце книги, переживший блокаду. Но с 1963 года она — минчанка. Работала в системе Академии наук (физико-технический институт, институты электроники, физики, фотобиологии). Но в конце концов тяга к слову перевесила специальность, и последние одиннадцать лет перед пенсией Алла Дмитриевна работала на национальном телевидении в редакции литературно-драматических программ.

И конечно, более подробно представить незнакомого широкой публике автора невозможно без его самоидентификации в стихах. Есть такое стихотворение и у Аллы Дмитриевны. Называется оно «Вместо биографии».

Над моей судьбою с минарета
Прокричал молитву муэдзин
В час, когда по холоду рассвета
Шли, толкуя о судьбе поэта,
Габдулла Тукай и Насреддин.

Но поверх тиснения Корана,
Что учило древнему — «рахмат»,
Ужасом блокадного тумана
Праздник уразы и рамазана
Отодвинул синий Ленинград.

А судьбе того казалось мало:
Укоряла — медленно плетусь
К встрече, что фатально предстояла
С именами — Колас и Купала —
В таинстве названья — Беларусь...

Соступила здесь с дороги длинной
Вить гнездо и помнить обо всем.
По-татарски дочь зовется Диной,
Сын по-белорусски — Юрасём.

Беларуси дар — теплом приветить,
К людям обратя и жест, и взгляд,
Умоляю отозваться в детях:
«Кали ласка» — их учу ответить
На «спасибо» — «дзякуй» и «рахмат».

Ну что ж, представление состоялось. Духовные и географические ориентиры обозначены, исходя из которых, можно наполнить высоким жизненным смыслом всю книгу.

Что касается ленинградского детства, то оно просвечивает в ряде стихов, но я с трудом нашел в сборнике стихи о второй родине, в которой автор прожила две трети своей долгой жизни. Второй раздел книги называется «Дом». Где, как не здесь, быть стихам о Беларуси? Ага, вот оно — на 36-й странице!

Идут дожди над Белой Русью
Холодной осенью в ночи.

А днем летели клином гуси,
Как окрыленные лучи.

Прохладно-синим было небо,
Пустынны — берега озер.
И думалось упрямо — где бы
Разжечь мечтательный костер.

И было так необходимо,
Отбросив будние дела,
Содружество огня и дыма
Представить праздником тепла.

Признаюсь вам, читатель, прочитав это стихотворение, я минут пять сидел в недоумении, даже не зная, что тут в первое время сказать. Настроенный на высокое разрешение темы Беларуси прекрасным первым четверостишием, я недоуменно остановился на второй строфе и пожал плечами, прочитав третью. Кому это думалось — «разжечь мечтательный костер»? Уж не гусям ли? Ведь больше в стихотворении никто не обозначен, кроме гусей! Ну, это если размышлять логически.

И только в третьей строфе догадываешься, что этого костра жаждал некий, быть может, задавленный нелюбимой работой человек, мечтающий, где бы отдохнуть на лоне природы с костерком и песнями под гитару. Но выражено это так не по-русски и не по-белорусски, так иносказательно... «Необходимо... содружество огня и дыма представить праздником тепла». Что его представлять-то? Да и дым-то к чему? Те мастера, что умеют разводить костры, все-таки стараются, чтобы костер не дымил, чтобы около него приятно было сидеть...

Ищу дальше в этой книге приметы Беларуси. Ага, кажется, нашел! «Рассвет на Нарочи».

Изнанка серебристого листа.
И ветер северный, и дерево рябое.
Мы здесь одни. И все же нас не двое:
Над озером ни мира, ни покоя —
Здесь ветра шум и неба высота.

И красотой, продуманною за ночь,
Где притаилась летняя гроза,
Язычески сверкнула в небо Нарочь
И притушила синие глаза.
По памяти скользнули тени-нелюди,
По глади вод поплыли белы лебеди
И потекла рассвета полоса...

Под розовым холодным небосводом
Теплом Вселенной были я и ты.
Дул ветер северный и осыпал на воду
С изнанкой серебристые листы.

Больше ничего в стихотворении нет. Стихотворение умело закольцовано «изнанкой серебристого листа», но нет в нем никакого развития темы.

Помню, когда я увидел озеро Нарочь впервые и услышал легенду о Нарочи, меня как раз поразило это ощущение покоя от зеркала озера и его побережья, эта сверкающая умиротворенная безмерная водная гладь. Под солнцем она сияла ярче неба. Видел я Нарочь и в непогоду, когда волны несутся к берегу лохматыми конскими гривами. Стихотворение навеяло мне памятные картинки. И за то спасибо.

Но впечатление, что меня снова обманули, никуда не делось. Мне заявили, что «мы здесь одни и все же нас не двое». Я полагал, что к концу мне объяснят этот парадокс.

Ничего подобного. Остается только гадать. Так кто или что имелось в виду еще? Шум ветра, неба высота или красота, где притаилась летняя гроза? Для меня это осталось загадкой.

Не только небосвод холодный, но в целом довольно холодное стихотворение, умозрительное, которое не спасает даже упоминание тепла Вселенной. Вот, собственно, все, что мне удалось прочесть о Беларуси...

Но обращусь к стихам о любви. Уж тут-то женщине-поэту и карты в руки! Их тоже в книге так немного, особенно таких, где чувство прорывается наружу сквозь неистребимую литературность автора.

Выбираю линию — тебя,
Линию лица, руки, плеча.
Выбираю жадно, сгоряча.
Трепетно, любя и не любя.

Линия в изгиба красоте
По земле, по воздуху, воде...
Линия сплошная, без конца.
Не пойму — петли или кольца.

Мысль довольно любопытная, но оглядка на литературный авторитет, на тривиальный шаблон, некогда бывший открытием, помешала развить тему интересно. Как-то все на минор, на всякие страсти и страхи сворачивают наши бедные авторы, отваживаясь писать о любви. Все больше пишут, находясь не в любви, а уже вне ее, когда она оборачивается горьким сожалением. Вот тут они мастера раскровить то, что уже подернуто дымкой забвения или пленкой заживления, или припечатать забойным мстительным словом то, что некогда было трепетно и дорого.

Первая строфа в этом стихотворении, надо отдать должное, хороша, а вторая могла бы быть лучше. Я имею в виду инверсию, которую даже мой компьютер подчеркнул, — «в изгиба красоте».

Еще одно стихотворение из книги Аллы Черной попросилось мне в цитату, и тоже по первой многообещающей строфе.

Никогда родным я не отвечу
И тебе, любимый, не скажу,
Чем в пути, нелегком и невечном,
Более, чем жизнью, дорожу.

Потому что и сама умею,
На чужую боль облокотясь,
Осмеять, как глупую затею,
Над моей любовью чью-то власть.

Прочитав эту сентенцию, начинаешь размышлять: что же это такое, чем лирическая героиня дорожит больше, чем жизнью. Разве что любовью, ибо нет субстанции более равновеликой жизни, чем любовь. Разве что смерть. Но я не угадал. Автор имеет в виду нечто другое, а именно, во всяком случае, так получается, — некую способность осмеивать чью-либо власть над своей любовью. А если задуматься глубже, то сама эта способность героини претенциозна и не свидетельствует о любви. Любящий человек и не замечает над собой власти любимого человека, он охотно отдает всего себя этой власти. Стало быть, в этом стихотворении речь идет не о любви, а о соревновании самолюбий и гордынь. Может быть, это и есть главная тема о стихотворения, но тогда чем же тут похва-

ляться и чему может научить стихотворение доверчивого читателя? Мы и без поэзии отлично умеем: выставить иголки самолюбия навстречу любви.

Вот эта тема взаимонепонимания и колючести навстречу друг другу пронизывает многие стихи Аллы Черной, так или иначе затрагивающие нежные чувства. Стихов о любви нет, а есть — о расставании, отчуждении, откровенной вражде и гордом одиночестве. Вот строфы из разных произведений:

Мы враги, поверь мне. Мы враги.
Где уж там: «Мы старые друзья».
Взглядом отчужденья огради
От предчувствия небытия...

Пропал из ощущения соседства,
Родства, необходимости, любви.
И никуда от этого не деться,
И против не найти иного средства,
Чем выдохнуть: «Опомнись! Назови!»

Улетай, уезжай, уходи,
Уноси свои книги и платье,
Проклиная слова и объятья,
Не вникая, что ждет впереди!

Но, может быть, я излишне придираюсь к стихам многоуважаемой поэтессы, члена двух творческих писательских союзов, за плечами которой долгая и плодотворная жизнь в науке и на телевидении? Бог весть...

«Золотая моя, золотая!»

Сборник стихов Татьяны Дашкевич «Мирянка» («Издатель Д. В. Харченко», 2008) одушевляют три признания в любви — к родной Беларуси, к Москве и к мужу, известному русскому поэту Николаю Шипилову. И это замечательно передает и типично женскую сущность ее поэзии, и силу ее чувства, не побоявшегося обнародовать себя даже перед возможностью читательского скепсиса.

Почитаем в сборнике «Мирянка» стихи о первой любви.

Сюжет для прозы: полдень, поезд,
Чужого города перрон...
Вот мчится поезд! Длится повесть,
И вечереет небосклон.

Ребята, вески, жницы, жнивы, —
В вечернем мареве ловлю
И понимаю, как ревниво,
До слез я родину люблю.

Мелькнет *рабіна*, обжигая,
Рачулка ласково плеснет,
Сцяжынка, к хатам убегая,
Как будто бритвой полоснет...

Души земная половина
Нечеловечески болит,
Когда дорога-пуповина
Вернуть забытое велит.

Как просится родная беларуская мова в это стихотворение, как она сверкает бриллиантами среди русских слов, и можно только сожалеть, что автор

прибегнул к ней только в качестве доказательства своей любви к родине. Возможно, и поэтому признание в любви к Беларуси остается у Татьяны Дашкевич на уровне декларации, не очень убедительной и точно выраженной. Я, например, не понимаю смысла последних двух строк. Нехорошее впечатление оставляет и сцяжынка, которая «как будто бритвой полоснет». Кого или что полоснет? Если лирическую героиню — то это: бр-р! Слишком криминально.

Еще в одном стихотворении появляется слово «родина» как обозначение объекта любви.

Родина, монастырь ты мой,
В теплом дождичке проливном,
В снежном мареве рассыпном,
В росных заводях, в небе льняном,
В нищете моей дорогой,
Что дарит ожерельем слез.
Не хочу я тебя другой,
Для тебя изойду, как воск.

Что тут можно сказать? Интересный образ — и только, к сожалению, не раскрытый содержанием ни этого стихотворения, ни других, хотя стихов христианского, православного наполнения в сборнике немало.

Вторая любовь Татьяны Дашкевич — это столица России.

Что за ветры здесь злые — доводят до слез!
Вот уж снег загремел по железной листве.
Я в таганский рассвет ухожу, как в завет.
А зовут меня так: белоруска в Москве.

...Мой киот — мой ковчег. А вокруг снегопад,
Обрывает на хате все ставенки ветр.
На Таганке я слышу, как ставни скрипят,
Как родные шипшины летят по Москве.

Я у их ароматного греюсь огня,
Я от жара спасаюсь в прохладной листве.
И я верю: родня похоронит меня
В белорусской траве головою к Москве.

Татьяна училась в Литературном институте им. Горького, и Москва не только образовала ее, но и определила все миросозерцание и образ мыслей, и по окончании учебы вернулась в Минск уже полностью русская поэтесса (не знаю, писала ли она до учебы по-белорусски). Поэтому все ее переживания — уже за Русь в ее историческом значении и сегодняшнем бытии.

Когда народ теряет силу,
То Богородица встает:
«Россию, Господи, помилуй,
Сей град Москва да не прейдет!»

Да не прейдет сей град священный,
Народ сиротский не прейдет!
Москва — брильянт земли бесценный
В корону Господа войдет!

(«Брильянт»)

А вот стихотворение о страшном по бесчеловечности переломном моменте в истории России, да и всех других стран, разбежавшимся из Советского Союза по национальным квартирам, так и озаглавленное — «1993».

Снега покрыли Русскую равнину.
Как боязно, как стыдно славянину,
Как бедно он и плохонько одет...
В который раз народная дубина
Осмеяна и высечены спины,
Язык отрезан, размозжен хребет.

Стоит Россия черная, немая,
Стоит, к лицу ладони прижимая:
На мертвом мертвый — некуда ступить!
Опять цветут кровавые погоны,
Из преисподней пляшут легионы,
Зовут остатним головы рубить.

...Спокойный храп доносит ветер с Дона.
Слезоточит Державная икона...
О летаргия, русская чума!
Языческие огнища пылают,
Отравный дым отчизну выстилает,
Вновь наступает долгая зима.

Сильное эмоциональное стихотворение, написанное именно с позиции русского человека. Тут одна фраза точно рисует состояние людей, бывших недавно советскими, — «летаргия, русская чума». Вспоминаю свои ощущения в то время. Действительно состояние унынья, парализующее ум и волю, когда не можешь найти свое место в мире, теряющем прочные ориентиры, и все катится в тартарары: и государство, и идеалы, и социальные гарантии. Так переживали мы распад Советского Союза и в России, и в Беларуси.

Не устраивают меня образы, которыми Татьяна Дашкевич нагоняет страх на читателя: «на мертвом мертвый», «остатним головы рубить». Все-таки гражданской войны, да еще с «рубкой голов», в девяностые годы Россия избежала. Не совсем понятно, что означает «спокойный храп... с Дона». Это что — равнодушие донского казачества к судьбе России? По-моему, там в то отчаянное время, как и в лихие двадцатые годы, покоя в народе не было. Достаточно вспомнить «Тихий Дон» М. А. Шолохова.

Единственный плюс такого недодуманного стихотворения — это непосредственный отклик поэта на народную беду. Но жаль, что в нем не появилось местоимения «я».

Только свидетельство через «я» делает стихи убедительными. Цитирую две строфы из стихотворения «Виденье».

Я увидела дальние села
И деревни пустые в снегу.
Их доверчивый смысл невеселый
На словах объяснить не могу.

И тянулись они, как слепые.
И толпились, как пришлый народ.
Так и вижу глаза голубые
Неприкаянных русских сирот.

На помощь русскому мироощущению поэзии Татьяны Дашкевич приходит и русское народное творчество, стилизация под фольклор, что само по себе и не плохо, и не хорошо, смотря чему служит. А православное вероисповедание автора добавляет к этой речевой стихии и типично церковные слова и обороты. Прибавьте к этой смеси типично женскую сентиментальность — и вы получите тот стиль, который является преобладающим в поэзии Татьяны Дашкевич. Это хорошо, когда неназойливо и в меру. И невыносимо, когда сплошь да рядом.

Теперь о третьей любви поэтессы. О любви к мужу и поэту Николаю Шипилову.

Там воздух бледен и жесток.
И слово тихое «больница»
Кладет свою печать на лица,
На жизни код, на крови ток.

Чисты и честны доктора.
Он в их плену, а я — вне плена.
Не отрешенье, не измена,
Без жизни тусклая пора.

Храни, Господь, тот бедный дом,
Недугом всех запечатленных
И всех коленопреклоненных,
Со мной молящихся о том.

Но я особенно молю
О том, кто мне всего дороже:
Храни особенно, мой Боже,
Того, которого люблю.

Это открытое исповедальное «люблю» так редко в стихах современных поэтов и тем более ценно. Можно догадаться, что встреча с этим поэтом-странником преобразила начинающую поэтессу, показала ей истинную цену и силу слова, за которым стоит сама неприбранная и жестокая жизнь, вызвала в ней и нежность, и жалость к человеку неспокойного и сложного характера, и все это обернулось любовью и судьбой.

Признаюсь, читатель, так и подмывает меня процитировать ответные строки Николая Шипилова своей избраннице. Уступлю же этому побуждению!

Словно старую книгу листая,
Вижу строки и знаю — о ком:
«...Не вернется вчерашняя стая
За подбитым своим вожаком...»
Не вернется вчерашняя стая,
Чтобы в прошлое нас унести...
Золотая моя, золотая,
Потерпи, потерпи — не грусти!

...Исповедуюсь с именем Бога
Тихим пажитям, теням Москвы.
Каюсь — слов произнесено много,
Но мертвы они — каюсь! — мертвы!
И, осенние дни коротая,
Мы с тобой, как былинки, сплелись.
Золотая моя, золотая,
Помолись же за нас, помолись!

И, огладив сухою ладонью
Гриф гитары, шепчу я с трудом:

Мы — великой России одонья,
Промотавшие Бога и дом.
И, пожарищ огнем налитая,
Ты на шею мне кинешься: — Ах! —
Золотая моя, золотая,
Видно, наши давно в небесах!..

Слово «одонья», наверное, стоит читателю объяснить. Вот как трактует его словарь В. И. Даля. Одонье, одонки, поденки, подонки, оденки, оденье, — это остатки или осадки гущи на дне. Слово «подонки» ныне значит совсем иное, чем во времена Даля. А второй смысл этого такой. «Одонье (новгородское, саратовское, тамбовское, тульское)... круглая кладь хлеба в снопах и сена с острой обвершкой в 25—40 копен». Но думается, поэт применил это слово в самом прямом смысле. А рифма получилась первостатейная: «ладонью — одонья».

Свои стихи Николай Шипилов пел под гитару. Как пишется на одном из сайтов, где опубликованы его стихи, он — автор свыше 200 песен, вошедших в золотой фонд русской песенной культуры. А супружеский и творческий союз Николая Шипилова и Татьяны Дашкевич был плодотворен не только для них одних. В деревне Валерьяново под Минском, где поэт провел последнее десятилетие своей жизни, они активно участвовали в возведении храма святителя Николая, куда вложили немало собственных средств, а сам поэт пел в церковном хоре.

Лет пять поэта уже нет в живых, но его верная спутница продолжает пропагандировать творчество Николая Шипилова, ездит по городам и весям нашей республики с гитарой. Побывала она в прошлом году с концертом и в Волковыске. Честно говоря, многие жители райцентра впервые слышали эти имена — Николай Шипилов и Татьяна Дашкевич, но их поэзия и песни вызвали всеобщий интерес, который, возможно, многих подтолкнул к более глубокому знакомству с их творчеством. Что касается меня лично, то это именно так.

В целом же поэзия Татьяны Дашкевич тянется к свету православия, воспевает начала и признаки праведности, по отношению к близким людям выступает в роли сестры во Христе. В этом смысле характерны даже заголовки стихов: «Забытая молитва», «Монастырь в Молдавии», «В неделю ваий», «Новомученики», «Искушение», «Богородица», цикл стихов «Святки». Но не все эти стихи дотягивают до высокой художественности, чаще развитие темы ограничивается только называнием атрибутов и реалий христианской жизни и оборачивается возвышенной велеречивостью.

И только когда поэтесса слушает свое сердце или уходит мыслью в память рода, рождаются стихи, которые хочется перечитать, чтобы до конца понять их смысл и насладиться музыкой речи. Таковы стихи «Сказка об острове» и «Золото», в которых средствами поэзии нам поведана история бабушки нашей поэтессы — Анастасии Сергеевны, раскулаченной в 1930 году и сосланной на Зейские золотые прииски в юном возрасте.

«Клин журавлиный доли человечьей»

Хорошее название придумала своему сборнику стихов Елена Агина — «Издалека» (Минск, «Кнігазбор», 2012). Что и говорить, прекрасно оформленная самим поэтом книга с отеческим предисловием Анатолия Аврутина производит впечатление даже еще до знакомства со стихами. Четыре раздела в книге: «Апокриф», «Путь», «Тебе», «Издалека». Не будем торопиться и познакомимся со стихами в том порядке, в каком предлагает сама автор. Возьмем по стихотворению из каждого раздела. Поскольку имею склонность к немногословию в поэзии, то я предпочту прочитать стихи покороче.

С собой на север увезу ковыль,
Ковыль сухой из пыльной степи,
Пучок травы, как седина и пепел.

Мне в книжечку стихов нужна закладка.
Он там, вдали, разгонит дрему сладкую,
Стряхнет покоя и уюта пыль.

И позовет меня седая быль.
Погонит прочь из городов постылых
Вслед за конями дикого Батыя.
С собой на север я возьму ковыль.

Слово «постылых» у меня опять компьютер подчеркнул, но я и без того споткнулся на нем, настолько оно инородно в этом стихотворении и ставит подножку самому автору. Коль города такие уж «постылые», то есть вызывающие к себе неприязнь, отвращение, надоевшие, нелюбимые, как объясняет академический словарь русского языка, то стоит ли к ним возвращаться из ковылей да еще печатать в них свои книги и рассчитывать на читающих горожан?

Правда, это попутное замечание не отменяет достоинств стихотворения: точности изложения мысли, крепких рифм, кроме, конечно, «постылых — Батыя». Чувствуется, что автор любит свою ковыльную родину, которой он посвятил и следующие одиннадцать стихов, объединив их названием «Апокриф». Апокрифом, как вы знаете, называется древнее произведение библейского содержания, не включенное в основной свод Евангелия по причине отступлений от главного христианского вероучения. Стало быть, и стихи этого раздела стоит понимать как нечто второстепенное для главной христианской вести, но как нечто очень дорогое для автора. Родная донская земля не отпускает сердце своей питомицы и в Гомеле.

Так бы брести от деревни к деревне
В сумную стылость полей,
На ненадежный, болезный и древний
Свет человечьих огней.

Так бы брести, окоем зажимая
Житною коркой в горсти,
Каплю тепла у ненастного края,
Как подаянья, просить.

Выплакать душу на тихом погосте
Под безымянным крестом
И постучаться непрошеным гостем
В крайней избе на постой...

Не знаю, намеренно или нет, Елена Александровна в стихах о родине употребила слово, весьма далекое от донского речевого обихода, типично белорусское — сумная, в значении грустная, тоскливая. Так родное, материнское переплелось в ее языке со вновь нажитым, приобретенным в семье народов, каким был когда-то Советский Союз.

К сожалению, непонятно, в каком году написаны эти стихи, в которых описывается нищета России, заброшенность ее полей и деревень, разруха в народной жизни. Если к началу девяностых, то, может быть, так оно и было. Как-то не верится, что до сих пор на плодородных донских землях не совершились благодатные перемены. Ну уж и совсем странны для человека, вроде бы любящего родину, такие кощунственные обвинения:

России

Как последняя тварь подколодная,
Ты своих пожирала детей
Неразменная совесть распродана
За разменную мелочь идей.

Словоблудью все сроки просрочены,
Поплясав по умам и дворам,
Ты стоишь, заголясь, у обочины —
Разоренный, загаженный храм.

...Сам себе уже в тягость на родине,
Под юродство призывов «вперед!»,
Доживает в сивушной блевотине
Твой теперь уже бывший народ.

И за что ты, Россия, подкидыша
Польши, ливов, татарских кровей,
Обрекла меня жизнь мою выдышать
Над проклятой судьбою твоей?..

М-да, лихо! Не знаешь, что тут и сказать спервоначала. Это я еще сократил на три строфы. А то бы впечатление было еще непроглядней. Я не ставлю под сомнение право любого человека судить неправедную власть, конкретных виновников тяжелой народной судьбы, опустивших страну до разорения и поголовного пьянства.

Но судить так безапелляционно саму пострадавшую от козней и произвола политиков родину... Пожирала людей не Россия, а безбожная прокоммунистически — советская власть. А о храмах в таком контексте, как это сделала Елена, ей бы лучше всего вообще не писать. Не о девке распутной ведь речь. Храмы сами себя не раздевали. А кто их «раздевал», прикрываясь словами о помощи голодающим Поволжья, мне кажется, сегодня даже школьники знают.

А как это можно «выдышать собственную жизнь» — над этим глубоко задумался вместе со мной и компьютер. «Выдышать» — это глагол однократного действия. Выдышал жизнь, значит, вслед за этим помер, что ли?

Следующий раздел книги — «Путь». Понятие «пути» очень емкое. Тут можно ожидать и философию, и автобиографию, и откровение, и размышление.

Ты в жизнь мою вошла, моя любовь,
Когда уж осень золотила кроны,
И светом радости, лазурным и зеленым,
Дни увяданья озарила вновь.

Так бунт озимых в глубине холста,
Ликующий мазок средь тусклого пейзажа
Порой тревожит душу больше даже,
Чем вид в полях бредущего Христа.

Да, возможно, это так и есть для человека, настолько одержимого своей страстью живописца, рисующего с натуры пейзаж, что для него собственные бунтующие и ликующие мазки кистью заслоняют все на свете, в том числе и бредущего в полях Бога. Признание, может быть, и честное, но делает ли оно честь автору? Неужели же есть на земле что-то более ценное, более значимое для своей души, чем встреча с Христом, да еще бредущим в полях, то есть настолько живым и всамделишным, что просто оторопь берет от самой возможности этой встречи?! Неужели твоя кисть, краски и все твое ремесло важней?!

Причем автора интересует даже не сам Христос, а его вид. То есть вместо потрясения от встречи он испытывает к Богу чисто художническое любопытство — во что облачен, какой походкой идет и т. д.

Этот образ бредущего в русских полях Христа впервые ввел в поэзию, насколько я знаю, Ф. И. Тютчев:

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.

Но насколько это разные, диаметрально противоположные воплощения Господа, я надеюсь, читателям доказывать не надо. Федор Иванович сказал про внешность Христа только одно — в рабском виде. А о его отношении к России тоже сказано немного — «исходил, благословляя». Благословляя, а не проклиная во все тяжкие, как это делают некоторые поэтессы. И такой по сути скупой характеристики Христа оказалось достаточно, чтобы проникнуться этими строками как высшим откровением о России.

И первая строфа того выше приведенного с обращением к своей любви стихотворения Елены Агиной неплохая. Вот бы и развивала эту тему во второй строфе, и не было бы этой тяжбы со мной о Христе. Поневоле возникает мысль: ну неужели нет в сборнике стихотворения, которое бы было без выпадов, менее велеречивое и более натуральное? Да, есть.

Прости меня, мой тихий друг, прости.
Прости, что жизнь — немереные версты.
И за любовь — у нищенки в горсти
Зажатый подаянья ломоть черствый.

Прости меня за прошлую беду —
В одном узле итоги и начала.
Твоей судьбы обочиной бреду —
Прости — не я твоих детей качала.

Прости за боль отчаянных звонков,
Прости за то, что молча смотришь мимо.
Прости меня, прости меня и вновь
Прости меня — не я тобой любима.

Правда, несколько назойливо звучит здесь слово «прости» (девять раз), но, может быть, это тот случай, когда оно уместно? По крайне мере, этому стихотворению веришь от начала и до конца.

Меня более впечатлил последний раздел сборника, названный «Издалека». Здесь подкупает какая-то человечная усталая и всепрощающая интонация. Хороши стихи с посвящениями И. Бисеву, В. Володину, памяти Антона Аношко, с эпиграфами из Кирилла Туровского и Анатолия Жигулина. Это как бы письма друзьям, и душевная теплота их гарантирована уже самим жанром.

И здесь встречаются стихи такой сердечной глубины, что не побоюсь назвать их совершенными.

Уходит время, и в душе моей
Стихают отголоски прежних споров.
Все реже встречи, и в кругу друзей
Все меньше тем для общих разговоров.

Уже не хочется пустых ненужных слов
И праздного досужего общенья.
Все глубже паузы и явственнее зов
Прозрачной тишины лесов осенних.

Все дальше сожаленья и печаль,
И бремя памяти уже не давит плечи,

Лишь стелется дымком над пожней вдаль
Клин журавлиный доли человечьей.

Порою мысль вдогонку журавлю
Еще спешит, но жизни, мчащей мимо,
Едва хватает, чтоб сказать «люблю»
Друзьям, себе, судьбе, тебе, любимый...

Самые загадочные здесь и самые проникновенные строки, конечно же, эти — «Лишь стелется дымком над пожней вдаль клин журавлиный доли человечьей». Это тот уровень художественности, к которому должно стремиться каждому, кто ступил на поэтическую стезю.

«Дарю лечебные слова»

Свою восьмую с 1992 года книгу стихов «Река времени» («Смэлток». Минск) Алла Лопошич подарила редактору отдела поэзии журнала «Нёман» Ю. М. Сапожкову 25 октября 2012 года с проникновенной надписью. И конечно, Юрий Михайлович по своей врожденной честности прочитал ее основательно, с карандашом в руках, как говорится, от корки до корки, чем облегчил несказанно мою задачу: обратить внимание на лучшие стихи. Спасибо, друже! При жизни я твоему вкусу бесконечно доверял, а теперь и тем более.

Сплошняком сто стихотворений, без разделов, по одному-по два на странице, благо, что они коротки. Одному не так просто разобраться. Выручают Юрины «галочки» простым карандашом. Вот первая пометка.

Забытый сад

И взгляд шелковистых травинок,
И голос небесный стрижа,
И ветер бездомный лавиной, —
Впитала живая душа.

Волшебная нить через дюны
Уходит из детства в рассвет.
А в ней — промелькнувшая юность
И зрелости узенький след.

Тропинки легки и пологи,
Как память, уводят назад.
А там, за изгибом дороги,
Разросшийся старенький сад,

Где въедливый запах жасмина
Напился тумана в тиши,
Нелепо торчит паутина
Над зыбью полынной глуши.

Без матери сад этот летний—
Отрада далекого дня.
И так же, как я, он — наследник
И чем-то похож на меня.

Ну что тут скажешь? Незатейливо и мило. Ни одного лишнего слова, каждое — в строку, как кирпичик в стену памяти. Эти стихи всем понятны, и я ду-

маю, даже тем, кто ничего, кроме сказок Пушкина в детстве, не читал. Никаких претензий на философию и оригинальность. Никаких забот о том, чтобы принарядиться перед читателем в загадочность и женское жеманство.

Но, может быть, эта удача случайная в книге? Ведь бывает так у иных поэтов, что и дышат, и пишут очень неровно. Со взлетами и провалами. Еще почитаем Аллу Васильевну.

Завет отца и матери: «Любите
Свою деревню с тихою рекой,
Зеленые деревья не рубите
Бессмысленно бездумною рукой!»

Читается последняя страница
Из книги жизни, взятой наугад...
Пока еще летит живая птица
На уходящий медленно закат.

Да, в книге жизни, которую дочитывает Алла Васильевна, каждая страница может стать последней, хотя я ей искренне желаю, сам моложе ее только на год, долгой и счастливой жизни. Только люди, много испытавшие и видевшие, могут понять и принять годы серебряной мудрости и быть счастливыми. Только это счастье иное, чем в молодости. Оно, в частности, и в том, чтобы находить радость в простом течении жизни, в общении с природой и людьми, не деля их на родных и чужих. Радость видеть, что «еще летит живая птица на уходящий медленно закат». Здесь не простой закат, а перекличка с закатом человеческой жизни, умный читатель это поймет.

А вот о любви.

И тайна встреч, и боль разлук
Ложатся бременем на плечи.
Сердец я слышу перестук
И глубину прощальной речи.

Нелепо требовать любви,
Хотя обманываться рада.
Ладони чувствовать твои —
Других мне почестей не надо.

Просто и душевно. И опять — ни прибавить, ни убавить. Это уже не просто мастерство. Это высшая математика поэзии, это уровень той точности, когда перечитываешь поразившие тебя строки в недоумении, не зная, какие слова подобрать, чтобы описать и свое удивление, и свой восторг, и преклонение перед автором, который сумел выразить то, что ты и сам чувствовал, да только слов не сумел подобрать.

Перелистываешь книгу, выборочно читаешь то или иное стихотворение, и охватывает тебя чувство какой-то высветленной до душевной ясности жизни: все в стихах честно, правильно, с позиций добра и любви к людям, полно благодарности к Богу, предкам и ныне живущим людям. Да неужели же никогда ничего темного, безрадостного и недоброго не знала эта безгрешная душа? Ведь не в раю же она жила?

Созрела первая черника,
Пошли расти грибы в бору.
Встречаясь вновь с природой дикой,
Учусь у ней служить добру.

Для всех: и правых, и неправых.
Отмерив много раз сперва,
Я, как лекарственные травы,
Дарю лечебные слова.

И не только лечебные слова дарила и дарит поэт Алла Лопошич людям. По основной своей профессии она — невролог высшей квалификации, всю сознательную жизнь отдала здоровью людей, приходивших к ней с различными недугами. И своим коллегам, призывая их на помощь несчастным людям, она написала всего лишь четыре строчки, которые можно считать девизом:

Вы служите делу святому.
И чтобы спасти и помочь, —
Забыв об уюте, к больному
Спешите в пугливую ночь!..

Есть в книге еще несколько стихов, посвященных людям в белых халатах, — «Волшебникам завода медпрепаратов», стихи, посвященные юбилею завода БАТЭ, ансамбля «Шматгалоссе», друзьям. Алла Лопошич не боится сойти с поэтических вершин в трудовые будни и послужить своими строками конкретным людям в их памятные даты, тем самым возвращая поэзии ее истинное назначение — служебное. Ведь когда-то служила поэзия у алтарей, да вот оторвалась, воспарила в горние выси без Божьего дозволения.

Но справедливости ради стоит сказать, что с точки зрения ремесла не все уж так безупречно в стихах Аллы Лопошич. При правильном ориентире на добро и веру в Бога некоторые стихи страдают упрощенностью сложных явлений жизни, отсутствием глубины. Примеры приводить не хочется, чтобы не развеять у читателей хорошее впечатление.

«Изорванных крыльев кусочки»

Стихи Елены Крикливец («На грани света», издатель И. П. Логвинов, Минск, 2008) отличает какая-то щемящая нота непокоя, душевной неустроенности, которой созвучны метели и дожди во внешней реальности. Ее лирическая героиня ищет точку приложения своей любви к жизни, часто обманываясь в героях своих романов и горько переживая одиночество.

Если горько до боли и некуда деться,
если губы трясутся и щеки горят,
буду плакать свободно,
как плакала в детстве,
не слезами, а мелкими буквами в ряд.

Пусть огнем обжигают такие минуты —
все равно никогда не пекусь о цене.
И размеренный быт представляется трудно.
Боль пройдет. Ну а что же останется мне?

Никого, с кем была бы я связана кровно.
Ничего, что могло бы нарушить покой.
Только черствое сердце, стучащее ровно.
Только черная пропасть
под сонной звездой.

Да, состояние хуже некуда. Автору и его лирической героине не позавидуешь. Это полное фиаско. Не ведаю, как и где так можно жить, чтобы не было

никого рядом, с кем связан кровно. Разве что в доме престарелых. Но судя по чувствительным стихам Елены Владимировны, ее героиня пока в том возрасте, когда хочется любить и быть любимой. Не наговаривает ли она на себя, называя свое сердце черствым, а свое ощущение бытия черной пропастью? Не поза ли это? Не минута ли слабости, за которую потом стыдно перед самой собой?

Отпусти меня, отпусти,
обещай по ночам не сниться.
Ты — мечта на моем пути,
а мечте суждено разбиться.

Отпусти меня, отпусти,
дай согреться в чужих ладонях.
Ты — зима на моем пути,
а холодные зимы помнят.

Отпусти меня, отпусти,
утоли во мне эту жажду.
Я — звезда на твоем пути,
что не смела упасть однажды.

Отпусти меня, отпусти,
счастлив ты — и с меня довольно.
Я — любовь на твоем пути...
Позови, если станет больно.

Такие стихи с рефреном какой-либо строки и повелительной просьбой к объекту любви в девятнадцатом веке назывались «заклинанием». Это стихотворение поражает силой чувства, сумевшего преодолеть окончательный разрыв с любимым человеком. Будь счастлив — и с меня довольно. Интересно, что вместо союза «и» здесь мог бы стоять союз «а». И тогда было бы: будь счастлив, а с меня довольно. В этом «а» был бы полный разрыв, в смысле: будь счастлив, а с меня хватит. Но союз «и» оставляет какую-то ниточку связи, примирения и прощения: если ты счастлив и доволен, то и я буду счастлива и довольна. Я ушла. Но если тебе будет больно, я приду на помощь.

Нет, с черствым сердцем такого стихотворения не напишешь! Или вот еще такое же сильное стихотворение:

Докури.
Допиши.
Доживи.
В нашей повести нет эпилога.
Я твоей беспокойной любви
никогда не молила у Бога.

Были до, будут после меня.
Позабудь.
Постарайся.
Попробуй.
Знай: судьба посмеялась, маня
нас обоих обманной дорогой.

Не смогу я пройти этот путь:
я тебя и себя искалечу.
Постарайся.
Попробуй.
Забудь.
Это больно, но это не вечер.

Докури.
Допиши.
Доживи.
В нашей повести нет эпилога.
У твоей беспокойной любви
будет лучшая эта дорога.

В этих строках может что-то и не нравиться, но в искренности им не откажешь. И в целом сборник стихов «На грани света» читается как волнующий лирический дневник, в котором автор делится с читателем самым сокровенным, рассчитывая на его сочувствие и моральную поддержку. Более того, этот дневник точно следует вполне определенной сюжетной линии, по нему можно проследить все перипетии любовного романа лирической героини от завязки (пробуждения чувства) до развязки (расставания влюбленных). В книге нет разделов, но в ее внутренней логике ощущаются авторские мысль и воля, так же как в архитектонике каждого стихотворения, как правило, состоящего из четырех строф. И каждое стихотворение — это размышление над лично пережитым или прочувствованным и заканчивается логическим выводом, скрепляющей текст мыслью. Приятно читать столь внутренне логичные и организованные стихи.

Да, любовь, поиски ответа на свое чувство, дающее смысл существованию, — основная тема этой книги. И автор подчеркивает высокие внутренние достоинства своей героини, задает высокие параметры ее требований к своему избраннику. Ни в коем случае это не интрижка или очередной романчик от скуки. Прежде всего это взлет от обыденности, от бездуховной повседневности в высоту окрыленности могучим и свободным чувством. Вот именно — свободным.

Наконец, улеглись метели,
слишком долго зима была,
только руки твои согрели
два замерзших мои крыла.

И забытые дали снова
открываются впереди.
Я расправить крыло готова
и теперь прошу — отойди!

Знаю, нам нелегко обоим,
но пойми меня, чтобы впредь
оставаться во всем собою,
я должна сейчас улететь.

Ты за мной не следи без толку,
ты крыла моего не тронь.
Полетаю совсем недолго
и спущусь на твою ладонь.

Тема взлета от земли и быта и полета силою любви пронизывает большинство стихов этой удивительно цельной книги.

Перекрести меня взмахом крыла,
если согреть не смог.
Видно, и я возвратить не смогла
нежность на твой порог.

(«Перекрести меня взмахом крыла»)

Я боюсь, что однажды не выдержат крылья,
безнадежно вдали замигает звезда,
и, упав, захлебнусь я дорожною пылью...
Страшно мне... а на небо смотрю иногда.

(«Сколько раз в темноте разбивалась о камни»)

Я изорванных крыльев кусочки
собираю с земли впопыхах.
Я мечту собираю по строчкам
и ее воскрешаю в стихах.

(«Я к полету вчера привыкала»)

Зарубцуется все. Заживет.
А душа повторить не посмеет
и нелепый «свободный полет»,
и другие пустые затеи.

(«Слишком трудно: рванулась — до слез»)

Использование этого поэтического образа окрыленности чувством можно было бы назвать штампом. Но за ним стоит большая литературная традиция. И сам по себе образ не бывает ни хорош, ни плох. Важен контекст, в котором он применяется, важны те новые смыслы, которыми он обогащается. В связи с этим я процитирую одну из сильнейших русских поэтесс последнего времени Инну Лиснянскую.

У меня на плечах по туче.
Мне ль мечтать о крыле,
Если время бьется в падучей
На разъятой земле.

(«У меня на плечах по туче»)

Поэт отвергает даже саму возможность обладания этим атрибутом окрыленности. Какие могут быть крылья, когда тучи гнетут к земле? У Инны Лиснянской есть трехчастное стихотворение, которое так и называется — «Крыло». Приведу только первую часть.

Я, посторонняя всем сборищам людским,
Всем неугодная за праздничным столом,
Я проживу под именем твоим
Бесстрашно, как под ангельским крылом.

Не плачет музыка, душа не дребезжит,
Хоть вдута мастером не в глину, а в стекло.
Но время всеми тучами летит
И прогибает ангела крыло.

Утверждая свою причастность земному времени, которое бьется в падучей, поэт не утверждает свою бескрылость. Ей достаточно быть осененной даже не ангельским крылом, а именем дорогого сердцу человека. И даже крылья ангела не в состоянии вынести то страшное падучее время, которое выпало на долю поэта, — война, сталинизм, давящая все живое атмосфера идейного диктата и невозможности говорить правду, в которых жила русская творче-

ская интеллигенция все семьдесят лет советского и коммунистического строя. Неслучайно во второй части стихотворения «Крыло» появляется образ крыла, окропленного кровью.

Только жаль, что тебе на крыло
Столько красной воды натекло.
Ты оставь меня, ангел, оставь,
Ты крыла своего не кровавь!

Ну конечно, в поэзии Елены Крикливец нет и намека на столь страшные времена нашего недавнего прошлого. Другое время — и другие песни. Да и не время, в которое ей выпало жить, предмет ее интереса, а собственная жизнь, насыщенность своего отрезка времени чувствами, встречами, событиями, размышлениями. Ее интересует развитие собственного чувства. Таков уж характер ее дарования. Если время и входит в ее стихи, то только как воспоминание.

Станут горести донимать —
вспомню старенькую соседку:
под платочком седая прядь
и морщинок лучистая сетка.

Вспомню руки, что все снуют...
Вот управится вмиг с делами
и присядет «на пять минут»
посудачить о чем-то с нами,

и расскажет, как в страшный год
отправлялся родной в солдаты,
и откроет большой комод,
и достанет конверт измятый...

Утерев рукавом лицо,
вдруг спохватится: «Там же тесто!»
После спустится на крыльцо
и негромко затянет песню.

Меня это стихотворение остановило тем, что выходит за рамки главной темы сборника. Это стихи уже не о себе, родной, а о тех, кто незаметно живет рядом. Они показывают, что автору есть куда развиваться, есть выход из круга привычной рефлексии в широкий мир, где живут, радуются и страдают другие люди, не менее интересные для изображения, чем она сама.

Ну а есть ли какие-то недостатки в этом довольно целостном сборнике стихов — исповедей перед читателем? Хотелось бы большей плотности слов, их обеспеченности высоким содержанием. Чтобы меньше было необязательных слов для заполнения ритма и проходных строк вот такого типа:

Капризы переменчивой погоды:
закон природы — он и есть закон...
И через душу трещина проходит
от резких перепадов за окном.

Не склеиваю — треснула и ладно,
иных хватает неотложных дел.
И сохраню для случаев парадных
осколок, где рисунок уцелел.

Здесь вторые строки — явно не лучшие, придуманы наскоро для связки первых строк с третьими. И в целом эти две строфы — неточное многоговорение. Сказано много, но все около, а главное ускользает. О каких перепадах речь, не сказано. Очевидно, о перепадах температуры. Ну уж прямо-таки и трещина от них на душе? Слишком малая причина для повреждения души. Так что в целом эти две строфы неубедительны.

Такие примеры неточности, к сожалению, не единичны. Хотя, повторю, книга Елены Крикливец «На грани света» в целом интересна и дает пищу как уму, так и сердцу читателя.

Итак, книги авторов-женщин прошли перед нашим взором, читатель. Книги разные, в чем-то безусловно интересные, но не все одинаково ценные с точки зрения духовности и нравственности.

Все эти книги написаны на русском языке, что, конечно же, облегчило мою задачу рецензента, пишущего тоже по-русски, но тем не менее, накладывает на их авторов особую многослойную ответственность: писать на языке Пушкина, Тютчева, Есенина — это дерзость, да еще какая! Этот ряд блистательных имен в русской поэзии можно продолжить вплоть до Николая Рубцова и Анатолия Жигулина, ушедшего всего лишь пару лет назад. Избрав в качестве языка самовыражения русский, они волей-неволей вызывают на соревнование тени великих и просто замечательных русских поэтов. Можно ли это соревнование выиграть или хотя бы с достоинством проиграть? Пусть на этот вопрос ответят не только поэты, но и Вы, Читатель!

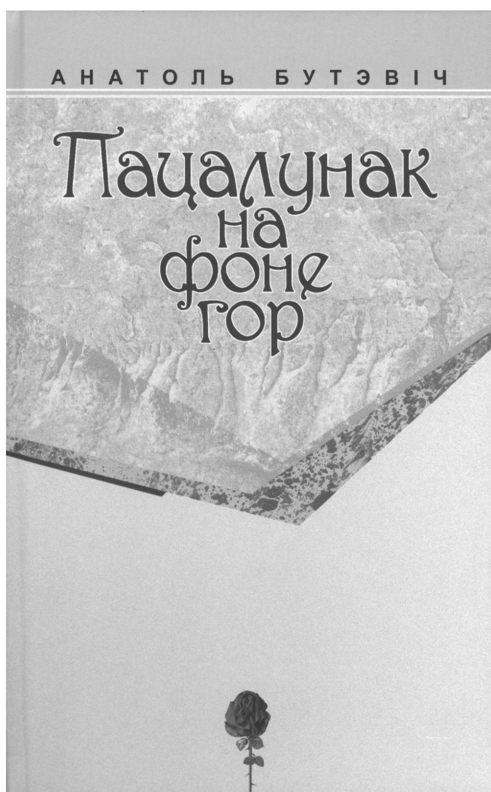
Георгий КИСЕЛЕВ

С точки зрения рецензента

Услышь меня...

Из всех критиков самый великий, самый гениальный, самый непогрешимый — время.
В. Г. Белинский

Плохо ли, хорошо ли, стыдно или радостно смахнуть набежавшую внезапно и скатившуюся по щеке слезинку, когда читаешь новую книгу? Кто-то свысока ухмыльнется, презрительно назовет это сентиментальностью, кто-то скажет, что сердце человека чувствительно, расположено к любви и состраданию. Кто-то... Всем не угодишь, потому что душа каждого настроена на добро и зло по-разному. Да простит меня читатель за признание: не раз и не два, смущенно оглядываясь на пассажиров метро или троллейбуса, вытирала я мокрые глаза, когда читала рассказы Анатолия Бутевича из книги «Пацалунак на фоне гор» («Мастацкая літаратура», Минск, 2014). Двадцать три небольших рассказа.

Неожиданностью для меня стало произведение «Бяскрылы анёл, або Непачутая скарга ненароджанага дзіцяці». Тут же запульсировала мысль: «В школу! С такими рассказами надо к детям — и к девочкам, и к мальчикам, — чья душа тоже в минуты разлада, непонимания близкими людьми, отчуждения в семье может почти так же горько воскликнуть: *«Пачуй жа ты мяне, матулечка мая родная. Не аддавай на згубу крывіначку сваю. Хіба ж не твая кроў пульсуе ўва мне? Тваім дыханнем дыхаю я. Тваімі вачыма пазіраю на свет....»*

Будущим родителям (дай Бог, чтобы детей рожденных!), еще светло и охотно впитывающим добро (пока сами — дети), необходимо и гораздо важнее читать такие рассказы, как «Бескрылый ангел, или Неуслышанная жалоба нерожденного ребенка», чем выучить сто первую сложную формулу. Я не против энциклопедических знаний, я за то, чтобы они не закрывали собой главное предназначение каждого — быть Человеком. Чтобы ни мужчина, ни женщина не совершали греха убийства собственного ребенка: *«Маці забівала маё жыццё нікацінам, пасля алкаголем. Пазней, відаць, тая, іншая істота, якая мела дачыненне*

да майго запачаткавання, нешта падказала ёй. Маці пачала ўводзіць сабе нейкую невядомую атруту. Яна курчыла мяне, круціла. Ледзь не выварочвала маё нутро...»

Параллельно с книгой Анатолия Бутевича я просматривала христианскую газету «Вечный зов», и по удивительному совпадению рассказ в ней — «Чужая воля» Льва Болеславского — был на ту же тему, и его герои, приговоренные к смерти нерожденные дети, неслышно разговаривали между собой, пока их мамы стояли в очереди в абортарий. «Я уже издали почувствовал и услышал это место. Оказалось, что туда — очередь! Я услышал голоса других детей, которых тоже должны были лишить жизни. Нас было много. Девочек больше... — Они убивают не только нас, — задумчиво сказал мальчик. — Они убивают и все те поколения, которые последовали бы за нами. Сколько же это жизней... — А они любят нас? — опять спросил мальчик. — Будут ли они помнить о нас? — О плохом разве помнят? — невесело усмехнулась старшая... — Выходит, мы такие плохие? — спросил он. — Наверное, — еще успела ответить она, когда ее уносили от нас...»

Человек действительно стремится забыть плохое, но убийство детей будет преследовать его всю жизнь: невезением, болезнями, бесплодием, трагедиями и — мучениями совести, особенно в том возрасте, когда уже надо подводить итоги. Мудрый священник о. Василий Лесняк, почитавшийся в Ленинграде как старец, когда-то поделился с духовными чадами, среди которых и я имела счастье быть, исповедническим опытом: всякая немолодая женщина, приходящая покаяться в грехах, может не помнить многого из своей жизни, но об убийстве нерожденных детей помнит и страшно мучается душевно, со слезами вымаливает у Бога прощения. Однако ребенка не оживишь. Ничего уже не исправишь. А неисповеданный этот грех может лечь проклятием на тех детей, которые были оставлены жить.

Страшно... *«Няўжо і наступным разам усё паўторыцца наноў»,* — вопрошает Анатолий Бутевич, заканчивая рассказ-жалобу.

В других его произведениях героини искренне любят и не только не лишают жизни своих детей, но рожают их в условиях тяжелых, не рассчитывая на милость судьбы и окружающих. В первом же рассказе «Пацалунак на фоне гор» белоруска Зося, полюбившая адыгейца Аслана в эвакуации во время Великой Отечественной войны, вернувшись на родину, не избавилась от ребенка, а поднимала его одна, ничего не требуя от любимого. Он же по трагедии обстоятельств, не дождавшись от Зоси письма (может, затерялось?), женился, развелся, желая броситься к любимой и сыну Ванечке в Беларусь, да так и не собрался... Зося как будто замуж вышла, а он в отчаянии снова женился, народил семеро детей. Но до старости забыть любимую не смог: «*А да Зосі часам хочацца, — прамовіў нечакана Аслан і пачаў збіраць свае нераспрададзеныя арэхі».*

В светлом рассказе «Шкадаўлівая» писатель снова обращается к теме любви, но не безумной страсти, а любви-жалости. Время в произведении то переносится в годы войны, то возвращается в настоящее. А в прошлом — Мария, влюбленная в солдата, остановившегося на постой в их хате, *«не дазваляла сабе нічога большага за размовы і жарты. Адно шкадавала Івана. За гэты час залатала ўсе прабоіны і прапаліны на ягоным шынялі, вымыла гімнасцёрку, зацыравала дзірачкі, нават кальсоны перамыла, за што надоўга трапіла на вострыя языкі вяскоўцаў...»* И так радостно, уже даже с удивлением обнаруживаешь, что Так было, и что писатель пишет об Этом одобрительно, несмотря на разгул ныне свободной, нерегистрированной и невенчанной любви, которую вольно и невольно пропагандирует, к сожалению, и литература.

Хотя в жизни не так все просто. И когда читаешь о том, что *«Ішоў час, ды не аціхалі размовы пра пекушаўцаў. У некаторых сельскіх жанок пачалі раптам акругляцца жываты. Нібыта яны на тых караткачасовых салдацкіх харчах распаўнелі. Марыя пазірала на іх, і яе даймалі дзіўныя пачуцці. А мо дарэмна яна... каму патрэбна*

такая зацятасць? Так можна і звекаваць у дзеўках. Дзе ты цяперашняй парой набярэшся жаніхоў. А вайна ўсё спіша», — то язык не поворачивается осудить ни Марию за ее грешные мысли, ни тех беременных женщин, которые родят, а не убьют своих деток. Малышей кормить-то будет нечем и одеть-обуть не во что, но все они останутся — жить. А Мария в награду за целомудренность и любовь-жалость обретет супругом полюбившегося солдата Ивана да золотую свадьбу с ним справит.

Что ни рассказ у Анатолия Бутевича, то сложная психологическая драма, о которой можно говорить и говорить, продолжая развивать все ту же тему — любви. И не только. Например «Злачыннае каханне» («Преступная любовь»).

Писатель снова из дня сегодняшнего переносит нас в дни Великой Отечественной войны, в Германию, где рабочую силу из оккупированных районов Советского Союза паны *«выбіралі як скаціну. Шчупалі, круцілі, аглядалі, нават у зубы зазіралі. Мая маці з трыма дочкамі і некалькімі такімі ж гаротнымі сем’ямі аднавяскоўцаў трапіла да ўдавы колішняга баўэра. Пасялілі ў хляве. Старэйшым дасталося месца на самімі збітых нарах унізе, а маладым, бо лягчэй залазіць, выпала гарышча. Нават у склеп загналі дармавую рабочую сілу. Кожнаму на левым баку курткі напісалі нумар. Нават дзецям. У мяне быў — 000333, у малодшых іншыя. Справа прышылі сіні кавалак матэрыі з літарамі OST...»*

Для меня, читателя, оказался ошеломляющим открытием факт, что пленным рабочим запрещалось... любить! *«Найбольш палохала, а каго і смяшыла забарона кахацца. Сур’ёзна і строга загадалі: не цалавацца, не абдымацца, не дапускаць ніякіх іншых вольнасцяў. Асабліва суровая кара чакала таго, хто насмеліцца на палавыя стасункі...»* Но не только пленных касался этот запрет, немцам также под страхом смерти запрещалось просто разговаривать, ласково смотреть, танцевать, тем более любить «рабочую силу». Дочитав рассказ до конца, я никак не хотела поверить, что шестнадцатилетнего немца Альберта, влюбившегося в ровесницу-рабыню Леониду (Леню), фашисты отправили в лагерь Равенсбрук и... повесили. Казнили за любовь! Случилось это на глазах его возлюбленной, которая находилась в другой половине лагеря, предназначенной для русских и прочих пленных. *«Альберту не завязалі вачэй, у ката не было белых пальчатак і маскі...»* Измученная девушка проплакала всю ночь и искренно жалела, что ее любовь не завершилась новой жизнью в ней. В концлагере! В плену! Одна-одинешенька! Она жалела, что не родит его ребенка...

Через долгие-долгие годы старая Леонида твердо отказалась от немецких марок-компенсации за рабский труд и унижения: *«Не збяднеем больш, чым ёсць. Коўдру залатаю, ты сяннік свежай саломай напхаеш. З мяне хопіць, — сказала* /сыну/, *і рашучая складка легла на лоб».*

Фашизм с его бесчеловечными повадками не изменился со времен Великой Отечественной войны.

Почему, как так могло случиться, что изменились многие из нас? Разделить кусок хлеба уже не желаем с собственым ребенком, предпочитая уничтожить его, кровиночку, сразу, не мучаясь особенно размышлениями об антигуманности и бесовской эгоистичности своего решения. Комфорт, отдых на чужбине, машина и ароматный кусок мяса с бокалом алкоголя и дымящейся сигаретой подменили нам счастье детского смеха, первых шагов и слов наших малышей. Почему?! Как же мы, люди, называющие себя людьми добрыми, не заметили, допустили нравственное, духовное извращение?! Вот на какие вопросы заставляет искать ответы писатель Анатолий Бутевич книгой «Пацалунак на фоне гор». Для сравнения он предлагает читателю рассказы о материнстве, любви, верности у животных и птиц.

Произведение «Вацікаў выбрык» о происшествии, потрясшем всю деревню. Допившийся почти до «белой горячки» Ватик бросил вдали от дома только что оценившуюся собаку: *«Ах,*

ты так, не захацела дома разрадзіцца, у госці выправілася. Ну то і гасцюй сабе тут...» Грушка всю ночь переносила по одному всех своих новорожденных деток на родной двор. *«Пятнаццаць кіламетраў! Пяцёра шчанят! За адну ноч! З чужога мястэчка — у сваю, абжытую будку... Але настолькі змагася, што апошняга ледзь дацягнула. Паклала побач з іншымі каля сваёй — іхняй! — будкі і сама легла. Павалілася, каб ніколі больш не ўстаць...»*

В рассказе «Самотны бусел» («Печальный аист») автор повествует об аистиной семье, в которой погибла аистиха, зацепившись за электрические провода. *«Горка і няўцешна плакаў, проста галасіў над сваёй спадарожніцай бусел, прысядаў, на зямлю клаўся, нея нязвыкла таптаўся вакол. Без падману — плакаў. А разам з ім і тыя вяскоўцы, што гэтую трагедыю на свае вочы бачылі».* Весной люди с беспокойством ждали возвращения птиц.

«Прыляцеў адзін. Без песняў, без клекатання на гняздо сваё апусціўся. І ўсё лета не пакідаў яго. А найчасцей па зямлі пад дубам хадзіў, галаву набок схіляючы. Як бы шукаў некага і не знаходзіў. Тады гэты самотны бусел нешта трывожнае крычаў і ў сядзібу іхнюю агульную падымаўся. Пуста там, ціха. Не па буслінай завядзёнцы, калі бацькі сумесна з дзеткамі жыццю радуюцца...»

Короткие, словно рубленые, предложения, передают общее напряжение и трагичность ситуации. Не до длинных многословных фраз, когда душат слезы отчаяния, безысходности, когда надежда бессильно складывает крылья. Так и аист, не вынесший горя, взлетел и бросился на те же электрические провода, которые погубили его радость, любовь, счастье — жизнь...

Подобно смерти воспринимается человеком разлад в семье: измена, пьянство, развод. Но горьче горького эта беда мучает детей. Как в рассказе А. Бутевича «Татка, прыязджай...». Маленький Димка гостить у бабушки с дедушкой стал часто, потому что мама в последнее время долго не бывает дома, а когда возвращается, то пахнет от нее неприятно. Папа ходит хмурый, злой, задумчивый. Сам готовит сыну кушать, сам ему сказки читает, только не до сказок отцу стало — взбунтовался, вслед за мамой пропал... Димке с сестрой у бабушки с дедом, конечно, хорошо, только детям как воздух нужны родители. Вот почему мальчик, отыскав старый нерабочий телефон, понажимал на кнопки и, прижав трубку к уху, стал уговаривать отца приехать скорее за ним, забрать его домой, где и папа, и мама должны быть: *«Татка, пачуй мяне. Гэта я, твой Дзімка. Я люблю цябе. І маму люблю. Прыязджай, татка...»* Молчит трубка.

Во время чтения книги я не раз отмечала, что к теме национального горя — пьянства А. Бутевич не равнодушен. Трагичность тех людских судеб, где хозяйничает алкоголь, глубоко волнует его. В рассказе «Татка, прыязджай...» он показал детское горе, первопричиной которого стало пьянство, а вместе с ним разгульная жизнь не мужчины, а женщины — матери! Хотелось бы обратить внимание читателя на то, что такой факт воспринимается в обществе уже не сенсацией, а обычным, повседневным поведением, проявлением личности. Да, слабой, неодухотворенной, в смысле — живой, но в то же время словно бездушной, пустой, погибающей, однако личности нашей современницы — чьей-то матери, дочери, внучки. И опять вопрос: что же мы снова и снова в жизни упускаем, недорабатываем, недооцениваем?!

Образ предвестника беды, трагедии, несчастья в рассказах писателя часто олицетворяет воронье. В «Стасевай ялінке» перед получением из военкомата извещения о гибели сына, Стася, любуясь елочкой, посаженной когда-то в честь рождения первенца, была встревожена вороньим карканьем. *«Яе працяжнае «ка-а-ар-р-р!» не толькі прымусіла сцепануцца, але, здаецца, прыцьміла ўсю прасветленую дабрынёй і шчырасцю палянку. — А каб на цябе ліха! — махнула яна рукой. — Разгаўкалася тут. — Яна і не заўважыла, што насварылася як на сабаку, а не на варону. А тая, быццам і сама спалохаўшыся свайго адважнага крыку, аціхла і, нешта мармычучы сабе пад нос,*

паляцела ў гушчар. І ўжо наастатак, знікаючы ў верхавінах бяроз — як бы помсціла за нешта ці проста нагадвала пра сябе, — зноў моцна каркнула».

Но особенно выразительно, с оттенком мистичности, образ воронья в рассказе «Колічак». *«Не шанцавала Колічку ў жыцці. Як павялося з маладых гадоў, так дагэтуль і цягнецца».* А вместе с невезением, словно его тень или призрак, преследовали Коленьку, выросшего без отца, вороны. Во младенчестве чуть не заклевали, забравшись под укрытие от солнца к нему, спящему на пожне, пока мать работала в поле. И хоть не мог крошка-ребенок помнить тот случай, но воронье страшно невзлюбил. *«Проста агіду выклікаюць яны. Сваім знарочыстым нахабствам, бязмежнай прагавітасцю і ганарыстай бязбояззю. Як ні крычы на іх, як ні пляскай у далоні, а не згоніш з градаў, калі буракі там пасееш альбо каліва жыта — не адагнацца, хоць лопні...»* Несчастный не переносил вороньего крика, начинала болеть голова, и он удирал в хату, чтобы не слышать. Но птицы преследовали его, кружили и кружили над крышей. Даже когда Коля решил жениться и уехал в город к Яне, то там тоже стаи воронья будили его с утра невероятным криком. Он попробовал расстрелять горлопанящую тучу, однако и здесь ждала его неудача: вороны, кружась над стрелком, заплехали его своими птичьими лепешками. Собрав вещи, Коленька вернулся в деревню. *«Не мог змірыцца з такой абразай... Варонам не мог даравацъ. Што дасталі яго і тут, што напаскудзілі, што ў душу нагадзілі...»*

Пока читала рассказ, почему-то не оставляло ощущение, что не о воронах думал писатель, создавая произведение. Уж очень эти хитрые, зловредные птицы ассоциируются с такими же людьми. Их наглый пир на чужом поле — банкетный шабаш, где злорадно перемалываются чужие косточки, а вороний крик да лепешки — лживая молва...

Но какой бы тучей ни поднималось воронье в небо, ему не затмить ни небес, ни солнца, ни звезд. Не заставить замолчать ни иволгу, ни жаворонка, ни соловушку. И не перестанут светлые люди любоваться доверчивым голубем, веселой синичкой, ярким добродушным снегирем, преданным аистом, однолюбом лебедем… Их больше, намного больше, чем горластого, безжалостного воронья. Так же, как много удивительно чистых, сердечно-открытых героев в книге Анатолия Бутевича «Пацалунак на фоне гор».

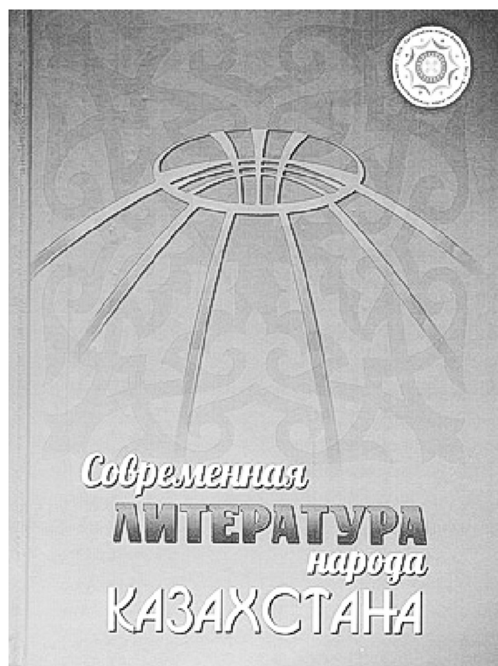
Нет-нет да и слышатся иногда сетования по поводу того, что бедна наша современная литература настоящими произведениями, что не родились новые Чеховы, Быковы, Шолоховы, Купалы, что отсутствует литературная критика, которая критикует. Так ли это на самом деле? Осмелюсь не согласиться.

Мне кажется, что, обладая сильной дальнозоркостью, мы пытаемся разглядеть алмазы вблизи. Но изображение расплывается, его контуры нечетки, переливы граней туманны. Горько вздохнув, мы резюмируем: подделка, бижутерия, — драгоценного камня все нет и нет. Пройдет время, и вдруг окажется, что мы читали прекрасные книги, бок о бок жили с талантливейшими писателями. Но чтобы наши глаза разглядели алмаз, оказалось необходимым отойти на большее расстояние-время.

Наталья СОВЕТНАЯ

С точки зрения рецензента

Камертон толерантности

Независимый Казахстан демонстрирует всей планете жизнь в условиях глубокого взаимопонимания и взаимоуважения этносов. Президент страны Нурсултан Назарбаев особо акцентирует внимание «на развитии национальной культуры и традиций во всем их многообразии и величии», собирании по крупицам культурного достояния страны. А для Казахстана это означает, что наряду с казахской культурой, казахской литературой развиваются национальные литературы на русском, украинском, немецком, корейском, узбекском, уйгурском и других языках. Им и посвящена коллективная монография «Современная литература народа Казахстана» (коллективная монография. Под ред. С. В. Ананьевой. — Алматы: Evo Prezz, 2014. — 488 с.), подготовленная в Институте литературы и искусства имени М. О. Ауэзова. Редакционная коллегия издания — Серик Кирабаев, Уалихан Калижанов, Светлана Ананьева (ответственный редактор), Бейбут Мамраев, Айнур Машакова (ответственная за выпуск). Назовем и рецензентов: Шериаздан Елеукенов, доктор филологических наук, профессор; Кадиша Нургали, доктор филологических наук, профессор; Альмира Калиева, кандидат филологических наук. Имена, личности в казахстанском литературоведении известные, авторитетные. А под одной обложкой собраны следующие главы-разделы: «Современность и национальные культуры» (автор — У. Калижанов), «Казахстан в творчестве и судьбе» (Б. Мамраев, С. Ананьева), «Русская литература» (С. Ананьева, В. Савельева), «Уйгурская литература» (А. Хамраев), «Немецкая литература» (С. Ананьева), «Белорусская литература» (С. Ананьева), «Татарская литература» (А. Машакова), «Корейская литература» (С. Ананьева), «Курдская литература» (К. Мирзоев, А. Калиаскарова), «Узбекская литература» (А. Машакова, А. Пратов), «Русскоязычная литература Казахстана» (С. Ананьева).

У эстетико-культурного и художественного феномена, каковым является многонациональная литература народа Казахстана, есть своеобразная предтеча. «В XX веке, — размышляет У. Калижанов, — развитие казахской, русской, уйгурской, немецкой, корейской, белорусской, татарской, курд-

ской, узбекской и других литератур Казахстана в стадиальном отношении происходило в едином направлении. В условиях усиливающейся интеграции и углубления инновационных процессов на новом теоретическом уровне продолжается переосмысление всего пути, пройденного национальными литературами республики. Определяются его основные вехи, этапы, периоды, раскрываются тенденции и особенности развития, самобытность и динамика каждой литературы».

Писатели Казахстана, как и герои создаваемых ими художественных произведений, находятся на перекрестке культур, в едином духовном пространстве этнического и культурного взаимодействия. Этим и интересна литература Казахстана. Читаем в разделе «Казахстан в творчестве и судьбе»: «Весомым и особо значимым является евразийство. Евразийские идеи в национальных литературах Казахстана играют консолидирующую роль, выявляя их творческое взаимодействие и взаимообогащение общими концептами, темами, идеями. Этноперекрестки и трансграничье, контакты и взаимодействие имеют особый смысл в картинах мира Евразии. Волею судеб находившийся в центре огромной евразийской равнины, по которой когда-то прошли десятки, сотни племен и народов, М. Симашко в острой, интеллектуально насыщенной художественной публицистике «Дорога на Святую Землю», которая вышла из-под его пера в результате поездок с Н. А. Назарбаевым, в очерке «Прообраз Евразии и искушения Президента» пишет о том, что наиболее полно открытую миру Евразию выражает Первый Президент Казахстана: «Родившись в многонациональном селе, где как раз и жили все сто народов, населяющих ныне Казахстан, он с истинно казахской ментальностью учился понимать мир как единую общность. Это особенная философия степи, впитываемая с первых дней жизни». Великим предтечей евразийства назвал М. Симашко Абая.

Рассматривая разные национальные литературы Казахстана, авторы исследований складывают широкое, многоплановое, мозаичное полотно литературного процесса в последние два с небольшим десятилетия. С. Ананьева и В. Савельева посвятили свою работу русской литературе республики. Авторы напоминают, что именно из русской литературы Казахстана пришли к широкому читателю И. Шухов, П. Васильев, Ю. Домбровский, Ю. Герт, Р. Тамарина, М. Симашко и др. Увидели свет в современном Казахстане «Избранное. Горькая линия. Пресновские страницы» И. Шухова, «Избранное в трех томах», «Дорога на Святую землю» и «Четвертый Рим» М. Симашко, двухтомник П. Васильева, «Титов Н. Строки, летящие сквозь время», «Добровольцы», «1918», «Возвращение» Н. Раевского, десятитомник Г. Бельгера, пятитомник В. Владимирова, «Хроника великого джута» В. Михайлова, книги прозы А. Арцишевского, двухтомник избранных произведений В. Семерьянова, книги очерков Ю. Поминова, А. Таракова, О. Григорьевой, поэтические сборники Л. Гирша, В. Михайлова, В. Гундарева, Н. Черновой, А. Матвеева, Р. Артемьевой, И. Синельникова, В. Савельевой, О. Шиленко, Н. Валуйской, книги прозы Н. Веревочкина, М. Земского, И. Одегова, К. Серебрянского и многих других.

О том, что русская литература Казахстана — целый мир, убедительно свидетельствуют многочисленные литературно-критические, литературоведческие книги на эту тему, авторские коллективы которых анализируют современную литературу республики как часть мировой. Назовем только некоторые из них: коллективные монографии «Художественный мир литературы Казахстана» (под редакцией С. Абишевой), «Национальный космос в контексте современной литературы Казахстана» и «Проза и поэзия Казахстана 1970—2000-х годов в контексте литературы Центральной Азии» (под редакцией У. Абишевой), «Постмодернистская литература Казахстана» (руководитель проекта Л. Сафронова). Особо значимым именам литературного процесса посвящены книги

«Протяни мне, Родина, ладони свои… П. Васильев» Л. Кашиной, «Эпическая проза И. П. Шухова», «Русская литература Казахстана» Б. Джолдасбековой, «Грани судьбы и творчества Г. Д. Гребенщикова» С. Царегородцевой, «Дм. Снегин. Его Любовь, Память и Слово» В. Владимирова, «Авторский дискурс прозы Ю. Домбровского в контексте современной казахстанской прозы о художнике» Б. Джолдасбековой и Н. Сарсекеевой, «Категория хронотопа и темпорального ритма в литературе» А. Темирболат, «Лирическая поэма рубежа второго-третьего тысячелетия» Ж. Толысбаевой, «Н. Ровенский: критик, литературовед» С. Ананьевой, К. Нургали, А. Бейсенбаевой, «Язык и стиль П. Васильева» С. Шаймерденовой, «Постмодернистская литература и современное литературоведение Казахстана» Л. Сафроновой, «Морис Симашко» и «Русская проза Казахстана» С. Ананьевой, «Русская литература Казахстана» Н. Исиной и др. О современном литературном процессе — сборники статей и книги В. Бадикова, В. Савельевой, А. Жаксылыкова и т. д.

Художественный евразийский мир Казахстана сформировал такое яркое явление, как творчество Валерия Михайлова. Главный редактор журнала «Простор», лауреат международной премии «Алаш» Союза писателей Казахстана является автором стихотворных сборников «Прямая речь», «Весть», «Немерцающий свет», «Ограда», «Молитвенный дым», «Колыбельная из-под небес», «Золотая дремота», «Молчун-трава», «Пыльца», «Годовая свеча», «Паслен». Валерий Михайлов — автор книг о М. Лермонтове и Е. Баратынском для «молодогвардейской» серии «Жизнь замечательных людей».

Не менее богаты на открытия страницы исследований, посвященных уйгурской, немецкой, татарской, корейской и другим национальным литературам Казахстана. Об уйгурской литературе на современном этапе рассказывает А. Хамраев. «В период государственной независимости Казахстана уйгурская литература, — пишет исследователь, — начала новый этап своего развития, что всесторонне и глубоко отразилось не только в содержании, но и на форме литературного творчества. Экстенсивная эволюция уйгурской словесности привела к постепенному расширению и углублению художественной и культурно-эстетической позиции художников… Развитие уйгурской литературы Казахстана на рубеже XX—XXI веков, толерантной и гетероморфной, обусловлено политическими факторами. Межлитературное пространство в Казахстане способствовало укреплению личной дружбы поэтов, расширило поэтическую конъюгацию для уйгурских и казахских творческих деятелей». В конце минувшего — начале нынешнего века в уйгурской литературе Казахстана появились такие интересные произведения, как «Желание и судьба» З. Самади, «Билал Назим» Ш. Шаваева, «Идикут» А. Ашири, «Кульджинский тракт» Х. Хамраева, «Ипархан» И. Жалилова, «Кашгарский гладиатор», «Взгляд волка», «Каган уходит последним» А. Садыкова, «Бренный мир», «Гильотина», «Узник» А. Бавдинова и др. Идет становление нового литературного течения «тутук». Продолжает усиливаться историзация поэтического сознания как уйгурских писателей, так и уйгурских читателей.

Активно развивается и художественный перевод. Изданы переводы на уйгурский стихов Абая, Шакарима и других классиков казахской поэзии. Наиболее ярким среди уйгуров представляется творчество романиста Т. Тохтамова, который «продолжал и развивал реалистическую традицию современной уйгурской литературы, популярную на рубеже XX—XXI веков. Он оставил огромное творческое наследие, тепло воспринятое читателями. Казахстанские критики высоко оценивали прозу Т. Тохтамова. О нем писали С. Иманасов, В. Бондаренко, Б. Мукай, А. Иванов, В. Шугаев, А. Ким. Критик Н. Ровенский находил в произведениях уйгурского писателя типологическое сходство с В. Быковым. Ф. Кузнецов сравнивал его творческие принципы с художественной концепцией Ф. Абрамова, Ч. Айтматова, М. Алек-

сеева, В. Распутина и других. Об этом пишет М. Абдурахманов, раскрывая вклад Т. Тохтамова в разработку темы Великой Отечественной войны, в описание подвига народа».

Корейская, немецкая, курдская, татарская, узбекская литературы обогатились произведениями Г. Бельгера, А. Шмидта, Е. Зейферт, Г. Хаджисулейменa, Б. Бала, Н. Надирова, Л. Сона, Ст. Ли, А. Кана, Г. Хайруллина, М. Ерзина, Н. Усмановой, Р. Гузаирова, Ф. Байгельдинова, А. Пратова, М. Мирхолдарова, Т. Каримова, Ф. Тамендарова, Г. Кан, Р. Ахтямовой, Р. Бикмухамедовой, Д. Булатовой, Н. Абдулвалиевой и многих других, в которых постоянно присутствуют казахские мотивы, любовь к стране, где раскрылся их талант. Представлены поэзия, проза, публицистика, путевые очерки, драматургия. Если в современной корейской литературе главным является глубинное осмысление пути народа, его предназначения на земле, то курдская литература, как и казахская, отражает общие черты национального характера — независимость и свободолюбие, стойкость и мужество, щедрость и доброту, верность слову и делу. В татарской литературе отражены лирические и философские раздумья о настоящем и будущем народа, продолжается разработка автобиографического дискурса, переосмысление эстетических идеалов и нравственных ценностей. В разговоре об узбекской литературе подчеркнуты «интерес к существенным социальным проблемам и внимание к духовной жизни современника, высокая гражданственность и гуманизм, широта общественного кругозора, умение оценивать явления действительности в исторической перспективе».

Яркая составляющая литературного процесса республики — творчество поэтов и писателей, пишущих на русском языке. Это О. Сулейменов, М. Ауэзов, Б. Джилкибаев, Р. Сейсенбаев, С. Санбаев, А. Жаксылыков, Б. Б. Момышулы, Б. Канапьянов, Д. Накипов, А. Ахетов, Д. Амантай, Б. Каирбеков, К. Бакбергенов, А. Кодар, О. Жанайдаров, С.-Г. Байменов, У. Тажикенова, Р. Буркитбаева-Нукенова, М. Исенов и др. Представителями мировой культуры в своей и своей — в мировой называет своих собратьев по перу О. Сулейменов. О своеобразиии поэтики О. Сулейменова говорит поэт Б. Канапьянов: «Он может буквально одной строфой обозначить свою сыновью причастность к казахскому фольклору, казахскому эпосу, и вновь, следуя принципу «от частного к общему», предстать сыном человечества, представителем мировой культуры:

По клавишам и — закричат!
На выручку, быстрее Листа,
Из эпоса джигиты мчат
Опаздывая лет на триста.

Русскоязычная казахская литература в жанровом отношении характеризуется разнообразием и отчетливо выраженным авторским стилем писателей.

В монографию «Современная литература народа Казахстана» вошла и обстоятельная статья «Белорусская литература». Ее появление в данном издании совсем не случайно. Конечно же, белорусское присутствие в общем литературном процессе Казахстана ни в коей мере не сравнимо с корейским или уйгурским. С. Ананьева — литературовед, которого, кстати, хорошо знают и в Беларуси как участника и даже организатора многих проектов в области белорусско-казахских литературных связей. Светлана Викторовна — автор журнала «Нёман», газеты «Літаратура і мастацтва». Казахстанский литературовед в статье «Белорусская литература» обращает внимание на белорусскую тему в творчестве Адия Шарипова. Бывший министр просвещения, директор Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова, А. Шарипов в феврале 1940 года был призван в армию и служил в 7-й танковой дивизии, в Белостокской области Беларуси. 22 июня 1941 года — первый бой. В июле часть попадает в окружение. Адий Шарипов становится партизаном. Был поначалу командиром отряда, затем — комиссаром партизанской бригады. Военные годы, борьба народных мстителей с фашистами на белорусских просторах стали одной из основных тем в творче-

стве казахского прозаика Адия Шарипова. Об этом — его повести «История одного полушубка», «Дочь партизана», «Возмездие», «Звезды в темнице».

По его сценарию была снята кинокартина «Лесная баллада». Да, Адий Шарипов — из другого поколения. Но и его творческое наследие самым тесным образом связано с современностью. Повести казаха — белорусского партизана являются своеобразным творческим мостом от традиции к современности. Тем более что произведения А. Шарипова переиздаются и сейчас. Вторую часть статьи «Белорусская литература» составляет рассказ о творчестве поэтессы Любови Шашковой, которая родилась на Гомельщине, в Беларуси. Первые стихотворения поэтесса опубликовала в 1972 году в казахстанском Темиртау. Творческая судьба Л. Шашковой, которая сейчас работает редактором отдела в журнале «Простор», состоялась в Казахстане. О произведениях талантливой поэтессы много пишет казахская литературная критика. Высоко оценил их литературовед и критик В. Бадиков: «У Л. Шашковой язык творчества (безукоризненно русский) все равно получил и предметно-словарную, и внутреннюю духовную прививку исторической «бацькаўшчыны». И это только украсило и обогатило как ее русский язык, так и ее художественный мир. Посмотрите, с какой любовью, ностальгией и органичностью живут в ее лирике белорусские топонимы: Васильевка, Хатынь, Брест, Буг, как обыгрывается образ Буселааиста…»

Л. Шашкова — автор поэтических и прозаических книг «Пора подсолнухов», «Ты есть я», «Диалоги с надеждой», «Из трех книг. Избранное», «Луг золотой», «Два вольных крыла», «Песни жаворонков», «Хранители огня», «Предполагаем жить…», «Расскажи мне о себе» и др. Особое место в ее творчестве занимают поэмы. «На Кутью» (из Янки Купалы), «Рогнеда» навеяны мотивами белорусской литературы, славянского фольклора.

Авторы «Современной литературы народа Казахстана» проделали огромную работу по созданию коллективного портрета деятельности писателей, хорошо понимая, что национальные литературы играют важную роль в сохранении межнационального согласия в стране. Ценность данной монографии, несомненно, с годами будет возрастать. Уже сегодня монография является хорошим примером для подобного рода исследований и в других постсоветских государствах.

Алесь КАРЛЮКЕВИЧ

С точки зрения рецензента

Всепобеждающая сила любви

Так с полным на то правом можно сказать о содержании книги Анатолия Денисейко, что увидела свет в брестском издательстве «Альтернатива» в этом году.

Анатолий Иванович Денисейко живет в Иваново, член Союза писателей Беларуси, в прошлом работник юстиции, занимавший ответственные должности, а ныне пенсионер. Правда, пенсионером назвать его можно с большой натяжкой, так как его активности может позавидовать иной молодой человек. Он автор девяти книг — это в основном публицистика и краеведение, но известен Денисейко и как автор детективного жанра. Детективные истории созданы на основе его опыта как следователя-криминалиста. В последние годы одна за другой выходят книги писателя краеведческого характера «Огдемер. Свет полесских звезд», «Достоево. Истоки. От Ф. М. Достоевского до наших дней», «История родного края в зеркале одной деревушки» и другие.

И вот перед нами новая книга Анатолия Денисейко «Любовь в огне войны». Здесь собраны очерки, документальные зарисовки и рассказы о людях края, кто в страшные годы войны и междоусобиц минувшего века не потерял не только мужество и стойкость, но, в первую очередь, — любовь, милосердие, доброту. Причем писатель не разделяет наш народ по национальным и иным признакам. Так, в очерке «Полесские Ромео и Джульетта, или Любовь нельзя убить» Анатолий Денисейко рассказывает о трагической любви еврейских юноши и девушки в чудовищных условиях фашистского гетто, а затем и в последние минуты их жизни перед расстрелом. Думаю, было бы нелишним обсудить эту историю на уроке внеклассного чтения для старшеклассников, учащихся колледжей и вузов. Глядишь, уберегли бы не одну наивную душу от пустых метаний «неразделенной любви», что для некоторых нынче заканчивается наркотической «прививкой»...

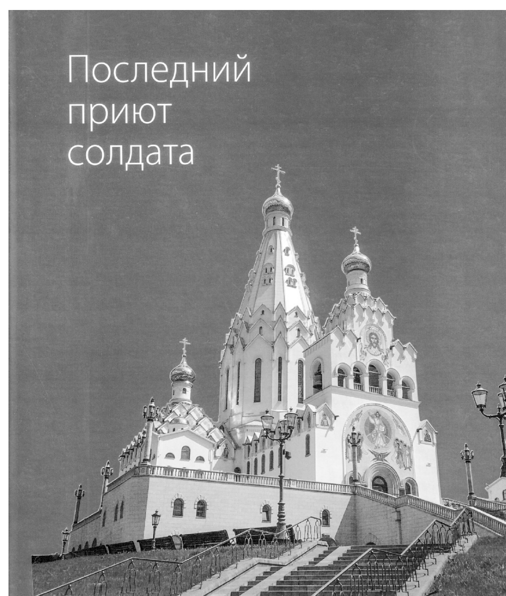
Интересны и другие истории, воссозданные писателем и собранные в книгу «Любовь в огне войны». К примеру, «Подвиг матери свят», «Краше

пары не было в селе», «Застружская трагедия», «Вася, помни место наших встреч...», «Полесская декабристка», «Фотография», «Не все немцы фашисты» и многие другие. Среди героев книги А. Денисейко не только полешуки, но и немцы, венгры, словаки, грузины... Люди разных национальностей и социальных слоев, но все они так или иначе были связаны с полесским краем, многие здесь совершили подвиг — гражданский и человеческий. Так и стали памятны жителям Полесья, так и стали героями книги «Любовь в огне войны».

Валерий ГРИШКОВЕЦ

С точки зрения рецензента

Дань уважения и памяти

В прошлом году человечество отметило столетие с начала Первой мировой войны — одного из самых кровопролитных и масштабных вооруженных конфликтов за всю историю цивилизации. К годовщине столь важного события были приурочены различные мероприятия (в первую очередь, мемориального и культурного характера) во многих странах мира. Естественно, не стала исключением и Беларусь, через которую проходил Восточный фронт Первой мировой. К сожалению, та война была далеко не единственным драматическим эпизодом истории XX ст.: последующие события (и особенно Вторая мировая — несравненно большая по масштабам) привели к тому, что история 1914—1918 гг. была отодвинута на дальний план, а местами и вовсе подзабыта. Поэтому столетний юбилей начала Первой мировой стал скорбным, но при этом очень нужным поводом обратить более пристальное внимание на трагические события вековой давности.

К числу вышеупомянутых мемориальных и культурных мероприятий, посвященных юбилею столь значимого исторического события, следует отнести и выпуск тематических книг. Одной из них является «Последний приют солдата», выпущенная «Издательским домом «Звязда». Данная книга представляет собой особую ценность, поскольку содержит наиболее полную на

сегодняшний день информацию о захоронениях на территории Беларуси участников боевых действий Первой мировой войны.

В издании указаны месторасположения захоронений, их описание, фотографии, а также информация относительно их сохранности в настоящее время. Данные о некоторых могилах и кладбищах дополняются историческими сведениями. Для удобства читателей вся основная информация в кратком виде дублируется в таблице, основанной на современном административно-территориальном делении Республики Беларусь. Таким образом, книга «Последний приют солдата» является не только данью уважения воинам Первой мировой войны, которые покоятся на территории нашей республики, но и может быть полезна любителям истории и потомкам погибших, так как является своеобразным путеводителем, что указано в самом издании *(«...для потомков солдат и офицеров армий всех государств-участников Первой мировой войны станет путеводителем по местам последнего пристанища их предков»*).

Текст книги написан на русском языке и продублирован на немецком.

Александр ЕФИМОВ

Из почты журнала

Живые и мертвые здесь говорят

В победный 1945 год дорогой и горячо любимый нами отец не вернулся с фронта. Проходили годы. Мы, мать и ее трое детей, все это время находились в неведении о месте и обстоятельствах его гибели. Нам посоветовали обратиться в Центральный ордена Красной Звезды архив в г. Подольске Московской области. И вот, наконец, на наш запрос пришел долгожданный ответ, что Бородин Михаил Киреевич умер в немецком плену 30.01.1942 г. (шталаг 312) в польском городе Торунь. После этого сообщения мы с сестрой, которая живет в Санкт-Петербурге, решили посетить место захоронения отца. И вот в марте 1997 года мы отправились поездом в Польшу.

Наступила ночь, но мы так и не сомкнули глаз. Одолевали тревожные мысли, как мы, не зная польского языка, будем общаться с поляками. А тут еще в нашем купе попутчица предупредила, что поляки, не все, правда, недолюбливают русских. Однако все наши опасения, как потом оказалось, были напрасными. Утром мы прибыли в Варшаву, а к вечеру добрались до старинного города Торунь, в шести километрах от которого и находился лагерь смерти военнопленных.

Мы заселились в гостиницу и сразу же занялись поисками места, где когда-то находился лагерь военнопленных. Поляки, к которым приходилось обращаться, отнеслись к нам с большим пониманием и дружелюбием. Через случайного человека мы вышли на общественного деятеля города Бенедикта Лещинского, который отвез нас к бывшему лагерю. По дороге к кладбищу поляк рассказывал: «Посмотрите налево, на этом поле был лагерь узников, мы в то время были подростками. Не раз пытались проникнуть сюда со взрослыми, чтобы передать несчастным какую-то еду, но немцы нас разгоняли и даже стреляли... А вот и лес. Через него возили умерших пленных на кладбище и хоронили в этом же лесу. Условия в лагере были ужасные. Пленные солдаты жили в сырых холодных землянках, в палатках. Люди голодали, умирали. Хоронили их в траншеях валетом, чтобы больше вместилось.

Пленные строили землянки, шалаши, бараки, здание для администрации и хозяйственные постройки, помещения для охранников, депо, товарную станцию и другие объекты. Вся территория лагеря площадью в 92 гектара была ограждена двойной колючей проволокой. Через шталаг 312 прошло много советских военнопленных».

Многое о лагере мы узнали от нашего проводника. Но на следующий день обратились еще и в архив информационного отдела в ратуше города. Оказалось, шталаг 312 под Глинками являлся лишь филиалом головного шталага XXA и существовал с 14 августа 1941-го по 27 января 1945 года. Через него прошло около 60—80 тысяч человек, из которых погибло около 30—40 тысяч. Количество умерших в шталаге XXA — 14 263, в том числе советских военнопленных — 14 219.

В лагере были военнопленные разных национальностей: англичане, американцы, французы и т. д. Но больше

всего — советских (21 181), так как именно шталаг 312 предназначался для уничтожения «русских».

С тревогой в сердце подходили к памятнику, установленному у входа на кладбище. Перед глазами скачут буквы надписи на нем: «В честь героев Советской Армии». Склоняем перед погибшими головы, не в силах сдержать слезы. Медленно, тяжело передвигая ноги, направляемся по широкой дорожке, усыпанной камешками, к белым камням-тумбам, установленным полукругом в центре. На них надпись: «Павшим жертвам фашизма». Здесь мы возложили цветы и посыпали это место белорусской землей. Прочитали молитву...

Поляки бережно относятся к местам захоронения военнопленных. В 1969 году перед кладбищем был установлен памятник замученным военнопленным — два приподнятых тела. Сюда приходят жители Торуня, горит Вечный огонь. На поляне, не месте бывших траншей с захоронениями, много белых обелисков со звездочками. Спасибо этим чутким людям, что долгие годы хранят и чтут память о наших погибших.

Нина СОКОЛОВА

ЛИПСКИЙ Владимир Степанович. Родился в 1940 г. в д. Шелковичи Речицкого района Гомельской области. Окончил Минский техникум пищевой промышленности, факультет журналистики Белорусского государственного университета. Поэт, прозаик, главный редактор журнала «Вясёлка», инициатор и организатор Всебелорусских фестивалей народного юмора в д. Автюки Калинковичского района. Автор многих книг, лауреат Государственной премии Беларуси, литературных премий им. Я. Мавра и В. Витки, председатель правления Белорусского детского фонда. Живет в Минске.

ПОЗДНЯКОВ Михаил Павлович. Родился в 1951 г. в д. Забродье Быховского района Могилевской области. Окончил Белорусский государственный университет. Поэт, переводчик, прозаик, языковед. Автор многих книг для юных и взрослых читателей. Председатель Минского городского отделения СПБ. Лауреат ряда литературных премий. Живет в Минске.

ЖДАН (Пушкин) Олег Алексеевич. Родился в 1938 г. в Смоленске (Россия). Окончил историко-географический факультет Могилевского педагогического института и Литературный институт им. М. Горького. Прозаик, драматург, переводчик. Автор многих книг прозы. Живет в Минске.

СКОРИНКИН Андрей Владимирович. Родился в 1962 г. в Минске. Окончил Белорусский государственный университет и Высшие литературные курсы при Литературном институте имени М. Горького (Москва). Автор множества поэтических книг и музыкальных альбомов. Член-корреспондент Международной Кирилло-Мефодиевской Академии славянского просвещения. Живет в Минске.

ТУМАНОВ Дмитрий Юрьевич. Родился в 1976 г. в Минске. Окончил Минский технологический техникум, Международный институт трудовых и социальных отношений. Прозаик. В «Нёмане» публикуется впервые. Живет в Минске.

КРЮКОВ Сергей Александрович. Родился в 1993 г. в г. Жодино. Окончил среднюю школу, сейчас заочно учится на машиностроительном факультете Белорусского национального технического университета. Прозаик. В «Нёмане» публикуется впервые. Живет в Жодино.

ВОРОБЕЙ Марина Макаровна. Родилась в 1964 г. в г. Комсомольске-на-Амуре (Россия). Окончила Комсомольский-на-Амуре государственный педагогический институт. Печаталась в газетах «Пинский вестник» и «Полесская правда». Автор сборника стихов и рассказов «Живите просто, чисто, без прикрас...». В «Нёмане» публикуется впервые. Живет в д. Берёзовичи Пинского района Брестской области.

ГОРБАЧЕВА Наталья Серафимовна. Родилась в 1964 г. в г. Североморск Мурманской области (Россия). Окончила Минский радиотехнический институт, Белорусский государственный университет культуры и искусств. Поэтесса. В «Нёмане» публикуется впервые. Живет в Минске.

СИМЕНОН Жорж. Родился в 1903 г. в Льеже (Бельгия). Получил католическое воспитание и образование (Иезуитский колледж). Посвятив себя коммерческой беллетристике и отличаясь феноменальной продуктивностью, под 16 псевдонимами напечатал около 200 романов. Автор серии детективно-психологических романов о полицейском комиссаре Мегрэ, социально-психологических романов «Братья Рико», «И все-таки орешник зеленеет», автобиографической книги «Я диктую» в 22-х томах. Умер в Лозанне (Швейцария) в 1989 г.